

К Л А С С И К А З Е М Л И К У З Н Е Ц К О Й

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КУЗБАССА

ТОМ III
Книга первая
Поэзия

К Е М Е Р О В О
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 47

Руководитель проекта Б. В. Бурмистров

Редколлегия:

Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова (общая редакция),
А. А. Королев, Д. В. Мурзин, А. В. Правда, Т. А. Горохова, В. А. Галактионов,
С. Л. Старовойтова, Е. И. Тюшина, И. А. Фролова

Составители:

Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова

Авторы литературно-критических статей и биографий:

И. В. Ащеулова, И. Л. Волгин, В. А. Галактионов, Д. А. Каткова, Т. Н. Киреева,
О. В. Козлова, С. Д. Кузнечихин, С. Ю. Куняев, В. Д. Лютый, В. И. Михеев,
Н. В. Налегач, Н. В. Переяслов, А. С. Сазыкин, В. Б. Соколов, В. В. Сорокин,
С. Л. Старовойтова, Е. И. Тюшина, Н. А. Ягодинцева

Иллюстрации О. Г. Чибисовой

Классика земли Кузнецкой: в 3 томах. Т. 3. Современная литература Кузбасса,
К 47 кн. 1 / [руководитель проекта: Б. В. Бурмистров ; редколлегия: С. Л. Донбай,
Д. В. Мурзин, А. В. Правда и др. ; составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай,
Г. И. Карпова]. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2022. –
594 с. : ил. – ISBN 978-5-6048105-7-6. – Текст : непосредственный.

В первой книге третьего тома 3-томного собрания поэзии и прозы кузбасских авторов представлены лучшие образцы современной поэзии. Книга предлагает читателю не только интересные и знаковые поэтические произведения 47 авторов кузбасской поэтической школы, но и биографии самых известных и маститых кузбасских поэтов, развёрнутые статьи об их творчестве. Издание предназначено как для широкого круга читателей, так и для историков и литературоведов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ISBN 978-5-6045440-4-4
ISBN 978-5-6048105-7-6 (Т. 3, кн. 1) © ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Земля Кузнецкая – это кладёзь земных богатств, это кладовая народной культуры, народной истории, событий, которые дошли до нас, нынешнего поколения кузбассовцев, и это во многом благодаря писателям и поэтам, проживавшим и живущим на этой земле.

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь считал, сколько хороших стихотворений написано на нашей Кузнецкой земле? Я думаю, тысячи... Недавно вышел первый том «Золотой запас поэзии Кузбасса», в нём были собраны лучшие стихи поколения 1940–1970-х годов, поколения фронтовиков и послевоенных поэтов. Русский мир поэзии, начиная с XIX века и до нынешних времен, от А. Пушкина, А. Блока, С. Есенина, Ю. Кузнецова и целого ряда русских поэтов нынешнего времени, не укладывается только в одну жизнь одного поэта и даже в одно поколение русских поэтов. Потому что каждое поколение несет в себе память ушедших лет, столетий...

Заметьте, во многих современных произведениях живет эта Память на всех уровнях человеческого сознания – на генетическом, духовном, ощущая свое пребывание в этом мире на каком-то невидимом, молекулярном уровне. Русский мир – это мир и добро на земле.

Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил –
Русский мир, как космос, навсегда.

Тем, кому выпало творить в 1980–1990-х и 2000-х годах, досталась эпоха перемен, эпоха сдвига человеческого сознания в сторону вседозволенности, духовного беспредела, эпоха других, чуждых русской душе ценностей. Но мы выстояли, и пример этому – поэтическая антология, в которую вошли стихи ныне живущих поэтов.

Одна из главных задач Союза писателей России – преемственность поколений. Необходимо сохранить и приумножить литературное наследие, сохранить традиционную русскую поэтическую школу. В Кузбассе есть наша Кемеровская школа, о которой тепло отзывались классики русской литературы Ярослав Смеляков, Виктор Астафьев, Юрий Кузнецов.

Сегодняшний день поэзии и светлый, и пасмурный. Ведь литература – это сама жизнь. Не надо ничего накручивать, придумывать, все, что есть жизнь – есть поэзия. Ведь настоящая поэзия – это поэзия души, это времени связующая нить. Поэзия – это постоянные поиски смысла жизни.

В одной из статей центральной прессы однажды прочел достаточно точный анализ состояния культуры нашей страны: «Именно регионы сегодня являются источником создания уникальной культуры... Именно регионы питают культуру государства и дают богатый материал для формирования культурного облика страны, именно регионы формируют запросы на сложнейшие вызовы времени, и именно регионы дают на них ответы, привнося свой уникальный опыт в общее национальное богатство».

Вот и наша антология – уникальный культурный вклад в общее национальное богатство России. Мы сохраняем и передаем дальше традиционные духовные ценности русской культуры, литературы.

Композиция первой книги третьего тома двухчастна. Это обусловлено разным объемом представленных материалов об отдельных поэтах Кузбасса. В первой части объемные стихотворные подборки дополнены научно-критическими статьями о творческом пути известных кузбасских поэтов, лауреатов всероссийских и областных литературных премий; после подробной автобиографии следует библиографическое описание авторских книг. Во второй части стихотворные подборки менее объемны, они сопровождаются биографической справкой о профессиональном поэте, члене Союза писателей России.

В создании исследовательских материалов о творчестве талантливых кузбасских поэтов приняли участие учёные-филологи из Кеме-

рова и Новокузнецка: кандидат филологических наук, доцент Ирина Владимировна Ащеулова (*А. Катков*); доктор филологических наук, профессор Наталья Валерьевна Налегач (*А. Правда*), кандидат педагогических наук Анатолий Семёнович Сазыкин (*А. Раевский, Т. Тудегешева*); учитель-краевед Светлана Леонтьевна Старовойтова (*О. Максимов*). Свой взгляд на творчество собратьев по перу представили кемеровские писатели, члены Союза писателей России: Екатерина Ивановна Тюшина (*И. Куралов, П. Майский*); Владимир Боевич Соколов (*С. Донбай*), а также кузбасские писатели и журналисты, члены Союза журналистов России: Владимир Иванович Михеев (*В. Иванов*); Ольга Владимировна Козлова (*Т. Николаева*). Большую помощь в составлении обновлённых и уточнённых биографий оказали ближайшие родственники и друзья поэтов: Дарья Александровна Каткова (*А. Катков*); Василий Александрович Галактионов (*П. Майский*); библиотечарь-краевед Татьяна Николаевна Киреева (*Т. Николаева*).

Высоко оценили поэзию современных писателей Кузбасса известные российские писатели и критики: Станислав Юрьевич Куняев (*Б. Бурмистров, С. Донбай*), Валентин Васильевич Сорокин (*Б. Бурмистров*), Игорь Леонидович Волгин (*Д. Мурзин*), Николай Владимирович Переяслов (*Т. Тудегешева*), Вячеслав Дмитриевич Лютый (*С. Донбай*), Сергей Данилович Кузнечихин (*В. Коврижных*), Нина Александровна Ягодинцева (*Д. Мурзин*).

В отборе стихотворений приняли участие как сами авторы, так и члены редакционной коллегии. Особо хочется отметить профессиональную работу по отбору материалов и подготовке текстов для первой книги третьего тома «Классики земли Кузнецкой» Ирины Александровны Фроловой, члена Союза писателей России, заслуженного учителя России из г. Кемерово; литературного критика-краеведа Татьяны Александровны Гороховой из г. Топки; редактора альманаха «Кузнецкая крепость» Василия Александровича Галактионова из г. Новокузнецка. Главными экспертами в отборе материалов для книги «Современная поэзия Кузбасса» стали составители: Борис Васильевич Бурмистров, председатель Союза писателей Кузбасса; Сергей

Лаврентьевич Донбай, главный редактор журнала «Огни Кузбасса»; Галина Ивановна Карпова, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, исследователь региональной литературы.

В поэтической антологии представлен большой жанровый спектр: пейзажная, любовная, философская лирика, гражданские, иронические стихи, написанные чистым русским языком. Надеемся, что современная поэзия Кузбасса будет востребована широким кругом читателей нашего уникального края.

*Борис Бурмистров,
поэт, лауреат Большой литературной премии России*

ЧАСТЬ I

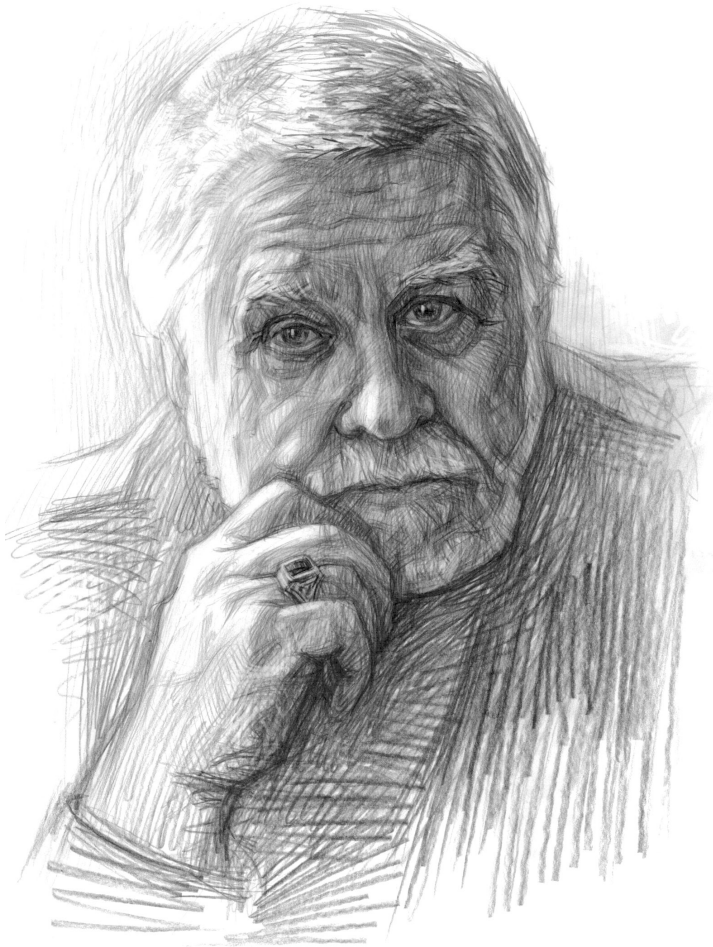
**ИЗ КНИГИ
«ПОКЛОНИСЬ ЗЕМЛЕ РУССКОЙ»**

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...

Это всё мне с начала
И до смертного дня.
И кусты краснотала,
И речушка Иня...

Тихий шёпот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далёкий, былинный
Голос предков моих.

Три женщины любимых, три печали,
У трёх дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня,
От злых напастей берегли меня.
Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь –
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

Борис Васильевич Бурмистров

8 августа 1946 г., Кемерово

Поэт. Член Союза писателей России с 1992 года

Лауреат Большой литературной премии России (2011)

ИЗ КНИГИ «ЖИВУ! И РАДУЮСЬ, И ПЛАЧУ...»

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть –
Морозно дымилась солома,
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов, может, семь, может, восемь
Я шёл по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя
И целился взглядом тугим.

Что в мир подлунный мы несём,
Любовь ли к ближним, Божью ль милость?
Такая временность во всём,
И одуванчиков пугливость –

Стыдливость осени. Всё здесь,
Всё до последнего предела.

И здесь впервые «Даждь нам днесь»
Душа счастливая пропела.

Здесь лёгкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает.
И всё таинственно пока,
Пока душа того желает.

Шагну и выйду за порог –
Там, где простор всё шире, шире –
Земля рассветная и... Бог!
И всё сначала в этом мире.

РУССКИЙ МОТИВ

Белая, белая дымка,
Воздух морозный горчит,
Утром – туманно и зыбко,
Грустная песня звучит.

С веток дымящийся иней
Медленно падает вниз,
В этой печальной картине
Русская видится жизнь.

Нету на свете чудесней
Спящих под пологом нив –
В тихой, задумчивой песне
Слышится русский мотив.

Тащит лошадка понуро
Скрип одиноких саней –

Грустно. Но это с натуры
Родины милой моей.

Зимняя стынет дорога,
Ниточки – две колёи.
Вера дана нам от Бога,
Верность – от русской земли!

ОСЕННЕЕ

Потоки слов размытых объявлений,
Кусочки слов оборванных афиш,
С утра до ночи нудный дождь осенний
Стучит, стучит по колокольням крыш.

Не разобрать, о чем трезвонят капли,
Летающие с небесной высоты,
Но, говорят, что капли точат камни
И подмывают дамбы и мосты.

Осенний дождь стучится в перепонки,
Как будто пушки ядрами палят.
Плывут дома, киоски, остановки,
И летние автобусы стоят.

Размыто время: ни тепла, ни стужи.
Всяк норовит свой обиходить кров...
Лишь воробей, нахохлившись у лужи,
Следит за тенью серых облаков.

Вечереет, гляжу на закат
И для грусти не вижу причины,

Тихо-тихо волнуется сад,
Утро дремлет на ветках рябины.

В сонных листьях колышется свет.
Будто вечность, мгновение длится,
Через сотни и тысячи лет
Этот свет будет также струиться.

Будет также звенеть листопад
И тропинка шуршать под ногами...
Догорает осенний закат –
День и ночь, свет и тьма между нами.

Через много, много лет
Ты узнаешь ненароком,
Что меня на свете нет,
Что я в плаванье далёком...

Там, за далью лет и зим,
После долгого скитанья,
Мы уже не различим
Силуэтов очертанья.

Но в безмолвной тишине,
Звукам музыки внимая,
Вдруг прильнёт душа к душе –
Вот и встретились, родная...

... Со мною будет все иначе:
Разлуку смертную кляня,

Одна лишь женщина заплачет,
Одна – любимая моя.
Платок накинёт деревенский,
На холод выйдет за порог...
И будет плач её вселенский,
И будет крик её высок.
И будет эхо долго, долго
Лететь, цепляясь за кресты...
И до ближайшего околка,
И до светящейся звезды.

ИЗ КНИГИ «О ЧЁМ НЕ СКАЗАНО ЕЩЁ...»

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В этот день я с вами, вы со мной –
Двери потаённые открыты,
Здесь какой-то шёпот неземной
И цвета закатные разлиты.

Здесь любовь, как синева, чиста,
И разлуки ничего не значат.
Здесь, по эту сторону креста
И по ту, бесслётно, тихо плачут.

В этот день встречаемся мы вновь,
Память наша, наша боль и радость.
Неземная, вечная любовь
Нам от Бога каждому досталась.

Как больно рождается Слово,
В нём сила бунтует и страсть.

Слезой это слово готово
На лист белоснежный упасть.

Как больно рождается Слово,
Минуя безмолвья запрет.
Как больно... но снова и снова
Словам появляться на свет.

Из донных глубин мироздания,
Из памяти вечной живой –
Слова любованья, страдания
И грусти обычной людской.

На лист белоснежной бумаги
Ложатся средь линий косых
Земные печали и страхи,
И радость от чувств неземных...

Под сенью небесного крова,
В предутренней, летней тиши
Рождается новое слово
Загадочной русской души.

ИЗ КНИГИ «СКВОЗЬ СУМЕРКИ ВРЕМЁН»

БАЛАХОНКА

Испаряется солнце в горячем ведре,
От жары никуда тут не деться,
Я поставил свой дом на змеиной горе –
И живу, не пугаясь соседства.

И живу, не пугаясь шуршания стен,
И люблюсь клубящимся садом.
Всё по милости Божьей – цветенье и тлен,
Миг и Вечность соседствуют рядом.

Я поставил свой дом между светом и тьмой –
В смутном облаке лица, забытые мной...

МЕТАМОРФОЗА

Он меня совсем не узнаёт,
А твердит, что знает, – явно врёт.
Говорит, что помнит, ей-ей-ей...
А глаза всё уже, глазки злей.
Не обманет этот лживый взгляд,
Что ни слово, что ни буква – яд.
Развалился надвое язык.
Жало вижу и змеиный лик.
Ухожу, душа мне так велит,
Он мне вслед уже без слов шипит...

ПАМЯТИ Ю. КУЗНЕЦОВА

И хорошо, и одиноко,
И по-осеннему легко.
Всё, что до срока, – то от Бога!
И всё, что в срок, – то от Него.

Светлеют призрачные дали,
Густеет воздух, как стекло.
Мы в жизни многое познали –
И не познали ничего.

Поэт уходит. Вслед ни слова –
Молчит любимая страна.
Когда ещё родит такого
В России русская жена?

Когда в тиши земного сада
Плоды покаты по ветвям?
Страна моя, тебе бы надо
Знать цену лучшим сыновьям!

Гудит натруженно дорога,
Над ней – вселенская тропа.
И хорошо, и одиноко,
И Богу вверена судьба.

То зной, то снег, то слякоть,
Дней скучных череда.
Мы разучились плакать,
И в этом вся беда.

Мы разучились нежить
И от любви дрожать,
И потому всё реже
Волнуется душа.

Мы разучились плакать,
А надо бы уметь
Среди житейских тягот –
Страдать, любить, жалеть.

ИЗ КНИГИ «РУССКОЙ НАПЕТО СУДЬБОЙ»

Так испокон веков ведётся,
Освобождаясь от вериг,
Душа с душой не расстаётся
Ни на минуту, ни на миг.

Ржавеет время, рвутся цепи,
В прах рассыпаются года.
Но двух влюблённых нежный лепет
Не оборвётся никогда.

Из капли капелька прольётся
И толщу льда пробьёт родник –
Душа с душой не расстаётся
Ни на минуту, ни на миг.

ИЗ КНИГИ «ИСИХАСТСКОЕ МОЛЕНИЕ»

Не сжигайте в прошлое мосты –
Повечерять позже будет не с кем...
Поливала женщина цветы,
На окне раздвинув занавески.

Отмывала пыльное окно,
Чтобы солнце в комнату светило.
Как же это было всё давно,
Боже мой, когда всё это было?!

Сколько вод по рекам утекло,
Снегом, пылью замело дорожки,

Но осталось в памяти тепло
От цветов приветливых в окошке.

На рассвете улицы пусты,
Я иду, пытаюсь вновь представить, –
Поливает женщина цветы...
И сквозь время прозревает память.

ПАСХА

Сколько нежности в русском народе,
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и в природе,
И разъяснилось небо вдали...

Боже! Милость какая нисходит
На тебя, на меня с высоты:
В одночасье в душе распогодит,
И любовью наполнишься ты.

И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли –
В эти дни просят святые
Над безоблачным ликом Земли.

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Полустанки мимо, мимо,
Липкий снег летит в окно.
Всё ль с душой соизмеримо,
Всё ль с душою заодно?

Всё ли мне понятно, ясно
В этом мире бледных грёз?
Для кого-то жизнь прекрасна,
Для кого-то – море слёз.

Полустанки мимо, мимо –
Ночь за ночью, день за днём.
Всё, похоже, повторимо
В этом скопище людском.

В ожидании тревожном
Я лечу на край земли.
Только снег в окне морозном,
Только свет слепой вдали.

Спасибо, Господи! За всё –
За эти дали голубые,
За дни спасибо и ещё
За ночи светлые, земные.

«Спасибо» редко говорим –
Всё больше просим мы у Бога.
Дорожки лёгкие одним,
Другим – нелёгкая дорога.

Спасибо, Господи, Тебе
За путь, начертанный Тобою,
За всё, что в нынешней судьбе,
За то, что будет впредь со мною.

Спасибо, Господи! За всё, –
Я послужу Тебе ещё.

ИЗ КНИГИ «ДАЛЬНИЙ СВЕТ»

Дороги, долгие дороги –
У каждого своя стезя,
Разлуки, горести, тревоги –
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью
Да эхо гулкое в ночи...
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснущей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И Свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как Божий дар, придёт Любовь.

ПОМИНАЛЬНОЕ...

Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали её, не просили.
Сел в эту лодку отец наш – Василий,
Дочка Светлана, сынок - Василёчек,
Бабушка Дуня и сын её – летчик,
Брат Анатолий и друг его странник –

Лодка отчалила, скрылась в тумане.
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».

В доме нашем чужие живут.
Водку пьют и чего-то жуют.
Повалилась ограда в проулке,
В палисаде цветы незабудки
Не по-нашему как-то цветут –
В доме нашем чужие живут.

В огороде полынь да осока,
И сарай завалился до срока,
И из бани не вьётся дымок,
И травой затянуло порог.
Здесь гостей уже точно не ждут –
В доме нашем чужие живут.

По ночам лишь ветра завывают,
Да собаки соседские лают.
Среди шума, разгула хмельного
Ничего не осталось родного.
Поразрушен семейный уют –
В доме нашем чужие живут.

Под окошком калина в печали,
А когда-то здесь песни звучали ...

Е. М.

Вы говорите, что стихи грустны,
Они теперь не могут быть иными.

Ну, что поделать, если даже в сны
Приходят все трагедии земные.

Такое время нынче на дворе,
Всё злее зреет мировая ссора.
Горит уже не шапка на воре,
А целый мир сгорает от позора.

Всё оттого, что тает доброта,
Как снег весенний, вглубь земли уходит,
И жизни безоглядной суeta
Нас друг за другом строем гонит, гонит.

Чем ближе к краю, тем прозрачней даль
И тем яснее перепуток дальний.
Мои стихи печальны, но печаль
Струит по миру свет исповедальный.

ОТВЕТ РУСОФОБАМ

Где тот забытый причал,
Даль далека и близка –
Русская наша печаль,
Русская наша тоска.

Сотни и тысячи лет,
Не изменить ничего:
Только словесный бред,
И поцелуй в стекло,

Только щенячья дрожь,
Призрачный свет вдали ...

Только бесстыдная ложь
В адрес моей земли.

Где тот затерянный мир –
Земли, моря, города?
Я выхожу в эфир –
Слушайте, господа,

Русскую нашу печаль,
Русскую нашу грусть.
Только не надо кричать,
Что безответна Русь.

Встанем ещё не раз
В полный, как водится, рост –
С русским прищуром глаз,
С вечною правдою звёзд.

Перешагну через трещину
И... в полынью.
Как я любил эту женщину,
Как я люблю.

Кротость свою и робость
Прочь отгоню.
Перемахну через пропасть
И... в полынью.

Лютото ветра затрещину
Вновь получу.
Как я любил эту женщину,
Вспомнить хочу...

Снова пустые новости
Ухают вслед.
Перемахну через пропасти
Прожитых лет.

Времени талую трещину
Льдом застеклю.
Как я люблю эту женщину,
Как я люблю...

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза,
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелёгких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени ракитника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие –
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнажённой души.

Это и есть то мгновение земное,
Где у незримой черты –
Небо палящее и ледяное,
И никакой суеты.

Валентин СОРОКИН

СОВЕСТЬ СИБИРЯКА

Отец мой, потомственный лесник, следопыт, иногда упрекал меня:
– Ты, сынок, не агитируй меня за друзей. Я посмотрю в лицо человеку – всё тебе расскажу о нём. Друзья твои – люди хорошие! – и я умолкал, приводя по десять и по двадцать поэтов погостить за обедом в нашем дому...

А теперь я гляну в лицо Борису Бурмистрову – ясно: добрый, честный, сильный и верный поэт у России. А много ли мы о нём пишем?

Вот и роща поредела,
Просветлела даль и высь –
Время сжато до предела,
До предела сжата жизнь.

Ясно. Ничего не пропустит, горького и трагичного, из жизни родного края, родной страны этот поэт. Чтобы выплеснуть из сердца такие слова и такие строки – надо запастись пережитым, а пережитое не бывает только грустным или весёлым, только разящим или покорным. Пережитое – космос, где загораются и потухают звезды, рождаются и умирают светила: пережитое – твой отец и мать, ты сам, дети и внуки твои. Пережитое – русский дом твой, то поднимающий ликующие глаза над миром, то опускающий их долу...

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк,
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернись, подожди,
Куплю только в булочной хлеба...

Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падёт дождевая.

Я читал это стихотворение жене, зная, что у Бориса Бурмистрова дочь выкрали «мигранты востока», надругались над её молодостью и зверски её убили, выбросив на сибирский мороз из автомобиля. Поэту, сибиряку, как вынести такое? Он ведь – сибиряк. У неё ведь – мать есть. Он ведь – поэт и воин. Он ведь – защитник семьи и России. У них ведь – Дом, русский дом, глазастый и приветливый!..

В дни гонений,
вражды
и мытарства
Был вне времени я, вне пространства,
И летел, не касаясь земли.

Над тем стихотворением плакали мы с женою, а над этим – летели, хотя оно и с поволокой тоски. Но – утверждающее право на свободу и счастье!

Тяжело, тяжело. Не поднять головы,
Чуть поднимешь, накинута гады.
И живи так – не выше болотной травы,
Ниже можешь... могильной ограды.

Мы с женою потеряли старшего сына. Погиб. Очень внезапна гибель. И, читая стихи из книги «Тёплое дыхание зимы» Бориса Бур-

мистрова, изданной Леонидом Ханбековым, сибиряком московским, мы утирали слёзы. Тяжело и одиноко... Но кто же, кто творит на Земле исчадие, кто?

Разрушение православных соборов золочёных – лицо Льва Бронштейна. А расстрел Дома Советов – лицо Ельцина. Окровавленный Ирак – физиономия Буша. Взорванные дома палестинцев, а сегодня – взорванные дома евреев – лицо Шарона. Лица – физиономии. Лица – бандитские. Заселяют. Выселяют. Переселяют. Ликвидируют. Вчера Шарон штыком закалывал грудных палестинских детишек. Сегодня Шарон вышвыривает еврейских детишек из люлек и квартир. Шароны – без виноватостей. Шароны – без покаяний. За партзадницей Ельцина Евтушенко ехал на танке в кровь... Кто он, поэт?

Но поэт – Христос, а не Иуда. Приникнем к стихам Бориса Бурмистрова. Как же не стыдно и как же не страшно посягать на святые волнения?

Послушай, как почки на веточках дышат...
Хочу тебя видеть, хочу тебя слышать!
Весеннего леса призывные трубы...
Хочу целовать земляничные губы!

Но Владимир Фомичёв – не Иосиф Бродский. А Борис Бурмистров – не Евгений Рейн. У них есть, а у нас же нету опекающего нас Владимира Бондаренко. А тот, что есть, путает Рейна с Кузнецовым, а Есенина с Высоцким. Одумается – набрасывается на русского поэта Валерия Хатюшина, злится: мол, Хатюшин – русский поэт, а я кто? Потому, наверное, много печали в тихих стихах сибирского поэта Бориса Бурмистрова.

Кто-то бредёт по ночным переулкам,
Видно, с бессонницей дружит давно...
В этом пространстве, морозном и гулком,
Слышно – снежинки стучатся в окно.

Валерий Ходулин, туляк, Владимир Фомичёв, смолянин, Михаил Шаповалов, волгоградец, Иван Савельев, смолянин, Борис Бурмистров, кемеровчанин, ну, и к каждому прислонить по Владимиру Бондаренко? Дудки им... И вообще – зачем русскому народу столько русских поэтов? Есть же гы-гыкающий на сцене Петросян. Талантливейший комик перестроенной эпохи!.. А Борис Бурмистров унынием занят:

Спит спокойно гордый внук славян,
Родину отдав на поруганье.

Борис, друг мой, Петросян же есть, Петрося-я-ан-н! Ну, чиво ты? Вон сколько русских за пределами России мыкается?

Молчи, брат, молчи...

< ... >

Москва, 2005 год.

Станислав КУНЯЕВ

«НО МЫ ЛЮБОВЬЮ ЖИЛИ...»

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири – с Любой Николовой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крёковым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала «Наш Современник». К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги...

Когда я прочитал его рукопись, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих русских пословиц: «Жизнь прожить – не поле перейти». И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошёл бы, если бы не нащупал кровные связи с вечными обликами и явлениями

жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

В моём лице – морщинки прапрадеда,
В моём лице – улыбки праправнука,
В моём лице – крупинки прапрасвета,
В моём лице – полоски прапразвука.

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским повелением: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой» ...

Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом.
Нёс я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не «соглядатай праздный», не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий «бремя страстей человеческих».

Жил. И не просто, ведь, жил –
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл

И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.

Самым сильным, чтобы «в поте лица своего» одолевать поле жизни, – нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

Распутица. Ташу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины –
Храп лошадей и взмыленных людей.

Как это все знакомо нам, русским людям, из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии, понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении «Нищета», написанном рукой, до сих пор дрожащей «от тяжёлой колымской работы».

Пойдём, подруга нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного раззора?

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны. Если наши семьи, родные, «родова» для какого-нибудь умного немца всего лишь приметы «дурной бесконечности», то для нашего русского поэта – передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы,

из очей в очи. Это тепло связует обрывки времён, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного древа.

Это дерево вечно растёт.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течёт
Кровь язычества и христианства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

В эту кровную связь, в её пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины, и вздохи родной природы.

И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мы с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,
Тихий шёпот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далёкий былинный
Голос предков моих.

Это не «публицистическое разгильдяйство» (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная «скрытая теплота патриотизма», о которой вспоминал Лев Толстой в «Войне и мире». Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали её, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок – Василёчек,
Бабушка Дуня и сын её – лётчик,
Брат Анатолий и друг его странник –
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И оглянувшись, сказал: «До свиданья».

Стихотворение так и называется «Поминальное». Сразу вспоминается «перевозчик-водогребщик» Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах «для Бога мёртвых нет». Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об ушедших похожи на глубокие вдохи и выдохи.

В этот день я с вами, вы со мной –
Двери потаённые открыты.
Здесь какой-то шёпот неземной
И цвета закатные разлиты.

Отцовство, материнство, братство – вот чувства, которые помогают нам не впадать в отчаянье «перейти поле» жизни. А если ещё на свет пробился новый росточек взамен сломанных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зёрнышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.

От ветров тебя укрою,
Стебелёк мой маковый.

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи –
вены, артерии, сухожилия:

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь –
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое, и волшебное
воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нём зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звёздным окном.

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993
года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

Родина-женщина русоволосая,
Милая, милая – нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груды камней.

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек об-
ретаёт в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам приро-
дой для «перехода через поле», то у каждого из нас остаётся золотой
запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского,
«якорь надежды» – символ. Вера, надежда, любовь – последние сред-
ства от смертного греха, который называется «отчаянием».

Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.

«Бог есть любовь» – писал Лев Николаевич Толстой. И любовь,
как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бур-
мистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемо-
го временем нашего внутреннего и внешнего мира. Любовь к жизни,
любовь к родине, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к по-
эзии. Я знаю, что одним из самых любимых поэтов Бориса Бурмисто-
ва является Николай Рубцов, знаменитые слова которого мне хочется
вспомнить в заключение:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

У Бориса Бурмистрова – это связь поэта с прошлым, настоящим и
будущим родной земли, это его родова с корнями, ветвями и листьями,
это бесконечная любовь ко всему сущему.

Москва, 2010 год.

Борис Бурмистров

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 8 августа 1946 года в г. Кемерово. Так обычно начинаются все биографии: детство, юность, зрелость – и в каждом времени события – радостные и грустные, обиды и беды, познание происходящего в твоей жизни, накопление опыта и знаний и, конечно же, сбережение Памяти, которая, к сожалению, не все сохраняет на протяжении большой жизни. Но вспоминать надо, потому как моя судьба тесно связана с судьбами многих и многих: родных и близких, знакомых и незнакомых, да в общем с судьбой целого поколения русского народа, к которому я принадлежу. Давайте попробую повспоминать.

Детство. Первый послевоенный год, Кировский район, Рабочая Слобода, одноэтажные дощатые засыпные дома с завалинками; три крупных военных завода, эвакуированных с западных областей России и с Украины, и ТЭЦ уже вовсю дымит. Мои воспоминания начинаются, наверное, лет с четырёх, а может, чуть раньше. Кировский район, летний сад, деревянный забор на кирпичных столбиках, за этой оградой (снаружи) был одноэтажный домик – детсад, куда нас водили с братом Толиком. Он на два года старше меня (значит, ему было пять-шесть лет).

Гляжу на старое фото (единственное такого рода): мы у ограды летнего сада – весь выводок детсадовский. Мы с братом в бескозырках, пацаны, с которыми в будущем и дружили и учились в школе № 48. Помню воспитателей. Помню ещё какой-то Новый год с ёлкой и подарками. Потом воспоминания этих лет переходят к дому – жили в бараке на улице Рабочей. Бараки были выстроены в два ряда – шесть или восемь бараков – стайки, сеновалы, мусорные ящики, туалеты общие, белёные известью. Возле нашего подъезда (он был с торца барака) была водокачка, вокруг которой зимой образовывался лёд, на котором мы на снегурочках и «обрубывах» гоняли палками разные предметы: куски льда, консервные банки. Делали ещё самокаты. Наказывали нас

за то, что на коньках цеплялись за машины, которых было очень мало, больше ещё ездили на санях с лошадками.

Помню, ещё где-то в 1951 году заболел корью, и меня, закутав в тулуп, везла мама на лошади в больницу (было жарко, душно). Больница была в Берёзовой роще – двухэтажная, деревянная. Помню даже, что я что-то там натворил, то ли тумбочку у кровати уронил. Это всё ещё до школы. Ещё мои воспоминания до школы – о бабушке Дуне, о дяде Саше, о соседке Валентине Зубакине (художнике). В коридоре и его квартире всегда пахло красками и каким-то составом масляным для пропитки полотен. Жили они вдвоем с матерью. Помню, как ели у них кашу из толокна. Помню, как он защищал меня от обидчиков. В то время много было детей, которые росли без отцов, и они иногда выплескивали на нас обиду. Конечно же, все мы, послевоенные дети, рано становились самостоятельными, всё было: и хулиганили, за что и получали от родителей. Да и соседи не проходили мимо – коллективно участвовали в нашем воспитании. Был ведь и блатной мир вокруг нас («морячки», «капитанчики»), и всё же, несмотря на трудности, мы были по большому счёту окружены любовью.

Представьте себе, как жили. Барак, общий коридор, квартира: одна комната и кухня. Нас пять человек, а с 1950 года (родилась сестра Тамара) – уже шесть. Баба Дуня, отец, мама, я, Толик, Тамара... Как жили, где спали, представить трудно, но от воспоминаний тепло, как от печки, стоящей на кухне. Бабушка работала штукатуром-маляром на ТЭЦ, отец шоферил, мама занималась хозяйством. У нас в начале 1950-х годов появилась корова, с нами и с ней хлопот было достаточно. Гляжу на фото тех лет – никакой роскоши. Одеты в сшитые мамой рубашки, курточки. Отчего же радость в сердце о том времени? Потому что радовались простым вещам: доброму слову, школьной обновке, карамели «Дунькина радость» в газетном кулёчке. И ещё несколько лет с нами жил брат мамин дядя Саша. Он учился в техникуме, но о нём особый рассказ. Впоследствии он стал военным летчиком, служил в одном полку с космонавтом Титовым. И сам чуть не попал в отряд космонавтов, но... обстоятельства. Он ушёл рано из жизни – в 42 года.

Отец, Василий Петрович Бурмистров – фронтовик. Военная судьба его забросила в Сибирь, в тыловой госпиталь (в г. Кемерово на лечение после тяжёлого ранения). Всю жизнь отец проработал водителем. В 1940-х годах – в органах МВД, затем в Кировской автобазе, на заводе. Не стало отца в 2001 году, в год моего 55-летия. У отца было тяжёлое ранение – осколками от мины была практически раздроблена левая рука, и ещё долго после войны у него вынимали эти осколки. Из-за глубокого ранения эта рука у него была несколько короче правой. И поэтому держал он руку как-то по-особенному, по-своему, ладонью вовнутрь, с чуть согнутыми пальцами. И вот что удивительно: с недавнего времени я стал замечать, что у меня левая рука стала делать такие же движения, как у отца. Откуда это появилось у меня – генетическая память? Память тела? Но ведь это было у отца не врождённое, а приобретённое... Удивительно, но факт!

Мама, Надежда Макаровна (девичья фамилия Краснощёкова), была домохозяйка, образование семь классов (в то время этого было немало). Это мама приучила меня и брата с сестрой к чтению. Когда мы уже жили в своём доме по улице Каменной, тогда зимними холодными вечерами мама усаживала нас на панцирную кровать у «грубки» и читала нам приключенческие книги, сказки, Арк. Гайдара, Купера и др.

Бабушка Дуня была вдова. С дедом Макаром развелась перед войной, а он с войны и не вернулся. Горько, но я не видел и не узнал ни одного деда. Одна отцовская родня жила под Питером, другая – в Тверской губернии. Дед Петя умер ещё до войны в 1930-х годах. Так что из самых близких предков-родичей бабушка Дуня была для меня самым дорогим человеком. Она очень любила нас и всю жизнь посвятила нам – внукам. Бабушка была верующей, соблюдала церковные праздники. Это она, в тайне от соседей, окрестила меня в Никольском храме. Это она, защищая меня, всегда говорила «мал золотник да дорог», то ли это касалось моего роста, или моего желания познавать новое: много читал, слушал русские песни, звучащие в бараке из «тарелки» (радио на стене), мелодии и слова этих песен помню до сих пор и иногда напеваю их.

Характером я был мягок, жалостлив, хорошо ли, плохо это – не мне судить. Но получал за это и получаю теперь. И обманывали, и предавали, но «ломать» себя не стал, не озлобился, несу свой крест, и всё это сказалось на моем творчестве. Большая часть биографии в моих стихах, не придуманных, а прожитых...

Улочки моего детства – с каждой связано очень много. Так хочется пройти по автобусным остановкам Кировского района, с каждой из них связана тоже своя история... Биография – это не только даты, события, а это ещё переживания, горечи, радости, душевная и физическая боль. Без этого не проходит человеческая жизнь.

Родился я на окраине города, оттого, наверное, переселяюсь с места на место, выбираю жильё с видом на лес, поле... Мой отчий дом стоит на правом берегу Томи. Там живут до сих пор наши детские голоса, запахи бабушкиных пирогов, шорохи и звуки шагов, оставленных нами в те давние, давние годы. Там живет память о тех, кого уже нет со мной. Родные, родимые, родненькие – корни мои и веточки... Родова моя. Вы питаете меня любовью. Я живу этой любовью и неизбежной памятью обо всём и обо всех... и об этом мои думы, мои тревоги, моя боль, мои стихи.

А стихи – они писались всегда: в школе, в техникуме, в распадах Колымы, в заводских цехах. Непостижимое, порой непонятное чувство обретения гармонии в словах волновало всегда. 1971 год – первая публикация на Колыме в газете «Северная заря», затем в Кемерове – семинары, совещания. Десятки книг, антологий, публикаций в «толстых» журналах Москвы и Питера, Урала и Сибири, в родном Кемерове.

Какие короткие, но прекрасные моменты юности постоянно тревожат память? Тревоги, волнения тех лет до сих пор остаются со мной. Радует, что больше добрых воспоминаний, радует, что не подличал, не предавал... Огорчает то, что не исправить тех ошибок, которые всё же случались в жизни. Я стараюсь стихами покаяться и вымолить прощение у тех, кого невзначай обидел. Трудно, наверное, обозначить какую-то грань между детством и юностью. У каждого она своя, и дело здесь не в возрасте, а в ощущении себя в этой жизни. Нам с детства

прививали чувство самостоятельности, прививали обычные, бытовые, но так необходимые навыки человеческого общения.

Мы с братом часто выполняли мужскую работу, помогая родителям содержать хозяйство: строить дом, заниматься огородом, пасти скот и т. д. В 14 лет (1960 г.) я пошел учиться в техникум. И это дело было уже не мальчика, но мужа. Другие отношения с товарищами, педагогами. Мы быстро выросли. В техникуме кроме учебы всерьёз занимался спортом: волейбол, штанга, хоккей, бокс, парашютный спорт. В 17 лет вся наша группа пошла в аэроклуб. Во многих видах были спортивные разряды.

В это же время – первые пробы пера, стихи для стенгазеты. Первая влюблённость, переживания и, конечно же, стихи:

Ах, какие у Вас глаза,
И лукавство в них, и серьёзность.
Отражаются в них небеса
И озёр голубая холодность.

Много читаю любимых поэтов: Ф. Тютчев, А. Блок, С. Есенин (поэму «Анна Снегина» знал в то время наизусть).

В 1964 году окончил техникум и был направлен как молодой специалист в г. Прокопьевск на завод резинотехнических изделий. Работал слесарем, механиком. Завод готовил продукцию для шахт. Два года в Прокопьевске – это ещё и личные события: любовь, женитьба, рождение первенца – сына Сергея в 1966 году. Не всё сложилось ладно в семье, но остался сын, который радует меня по сей день, радуют внуки Илья и Иван. Сын Сергей стал хорошим врачом, заведует нынче стоматологической клиникой в г. Самаре. В 1966 году переезжаем с семьей в родной г. Кемерово, где я работаю до 1969 года механиком на оборонном заводе «Коммунар». Запускаем новый цех по изготовлению твердого топлива для ракет. Работаю ещё секретарём комсомольской «первички». Всё вроде обустраивается, но в 1969 году друзья уговаривают поехать на Север, на Колыму, и помыться золотом в горах. Срываюсь и еду («за туманом и

за запахом тайги»). Весна в Сибири, а на Севере в Оймяконском районе (полюс холода) ещё минус 20 градусов.

Колыма – это особый период моей жизни. Тяжелейший труд в старательской артели по 12–14 часов в сутки. Морозы зимой доходили до минус 60 градусов. Колыма – это крепкая мужская дружба, это испытание на прочность. Это и предательства, и измены. Чтобы ощутить себя мужчиной, наверное, хватило бы двух лет, но я отработал на приисках «Победа», «Ольчан» шесть лет. Были, конечно, случаи, связанные с риском, опасностью. Однажды прорвало дамбу в распадке, сумел вовремя сориентироваться и не сорваться на бульдозере в глубокий «зумпф». А в 1970-м году возвращался из учебного центра на прииск (дорога в 100 километров), сломался автобус, в котором были и женщины, и дети. Мужчин было несколько человек. Мороз минус 50 градусов, до прииска 12 километров. Мы втроём, обмотавшись шарфами, перебежками добрались до прииска. Дежурившая при котельной «водовозка» отбуксировала автобус на прииск.

Биографию я не делал так, как было раньше модно среди некоторых литераторов. Поехал поэт на лесоповал, на путину, или ещё куда-нибудь на сезон, и потом везде пишет – какой он геройский мужик, не боится ни работы, ни трудностей. Моя биография без прицела на то, что скажут обо мне потом. Я просто делал дело – работал слесарем, бульдозеристом, механиком и т. д., и всё время чувствовал в себе призвание писать стихи. С годами это окрепло во мне. Вернувшись с Севера, три года (1975–1979) отработал в г. Березовском гл. механиком, зам. начальника стройуправления.

С 1979 года снова город Кемерово, завод «Коммунар», старший механик цеха, а с 1981 года по 1984 год – зам. директора завода. Ну и главное событие в моей жизни – Любовь, неожиданная, настоящая. Все произошло, возможно, случайно, но я верю – за этим судьба. Еду с работы на «Жигулях», обгоняю директорскую «Волгу» и вижу на обочине женщину, резко затормозил, что не понравилось директору, а мне понравилось, довёз до общежития – Веру. И вот уже 40 лет длится эта встреча, горе и радости, потери и обретения связывают нас. Сегод-

ня сыну Глебу уже за тридцать, а внуку Марку шесть лет. Сын и внук – это мои «зацепочки» на земле. У сына Евгения тоже двое внуков. Ради детей и внуков живём и творим...

В 1984 году перешёл работать в Союз писателей директором бюро пропаганды художественной литературы. С 1993 года – председатель правления Союза писателей Кузбасса. С 2003 года по 2016 год ещё и директор Дома литераторов Кузбасса. До 2016 года, того года, когда безумная оптимизация объединила всё, что не объединяется. Сломали систему литературной деятельности в регионе. Об этом я говорил и говорю, пишу статьи, надеясь быть услышанным...

До 2022 года работал заведующим редакционно-издательским отделом Кузбасского центра искусств, совмещая это с должностью председателя Кемеровского областного отделения Союза писателей России. С 2022 года продолжаю трудиться в должности председателя. В России с таким стажем работы – 30 лет в должности председателя Союза писателей – до некоторых пор было двое, в Кузбассе и Белгороде. Сегодня я один. Литература стала главным делом моей жизни... Более 15 книг, публикации в журналах в Москве, Санкт-Петербурге, Урале и всея Сибири.

Душа и слово – понятия неразделимые. Душа наполняет слово глубинным смыслом бытия, а поэтическое слово несёт миру Добро и Любовь. Настоящая поэзия – это поэзия Души. Любовь – всесильное и великое чувство, противостоящее злу. Жизнь продолжается. Я несу читателю свои обретения, мои нелёгкие, но счастливые мгновения жизни. Обрести – значит найти и не растерять по дороге жизни то самое главное, самое ценное, что должно быть у человека, – любовь к миру, любовь к Богу. Обретение этой Любви – высший смысл человеческой жизни.

Книги Бориса Васильевича Бурмистрова:

Не разлюби... : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1989. – 70 с.

Душа : стихи. – Кемерово : Сибирский родник, 1991. – 77 с.

Поклонись земле русской : стихотворения. – Кемерово : Кузнецкая крепость, 1992. – 64 с.

Лирика : стихотворения. – Кемерово : Сибирский родник, 1995. – 123 с.

Песочные часы : стихи. – Москва : Рекламная библиотека поэзии, 1995. – 7 с.

Лирика : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 1997. – 123 с.

Живу! И радуюсь, и плачу.. : Стихотворения. – Кемерово : Сибирский писатель, 1999. – 167 с.

День зимнего солнцестояния : Стихи разных лет. – Кемерово : Сибирский писатель, 2001. – 199 с.

Скажи люблю... : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 2005. – 48 с.

Тёплое дыхание зимы : стихотворения. – Москва : Московский Парнас, 2005. – 123 с.

Как жить на свете не любя : романтическая пьеса для двоих / Б. Бурмистров, Т. Колач. – Кемерово : ИНТ, 2007. – 115 с.

О чём не сказано ещё : новые стихи. – Кемерово : Практика, 2009. – 91 с.

Сквозь сумерки времён : стихотворения. – Санкт-Петербург : Маматов, 2011. – 365 с.

Русской напето судьбой : стихи. – Кемерово : Дом литераторов Кузбасса, 2012. – 68 с.

Исихастское моление : стихотворения / послесл.: В. Есенин ; В. Плющев. – Кемерово : Азия-Принт, 2016. – 100 с.

Мой род – небесный и земной : стихотворения / вступ. ст. Валентина Сорокина. – Кемерово : Фабрика современной печати, 2018. – 81 с.

Как жить на свете не любя : романтическая пьеса для двоих / Б. Бурмистров, Т. Колач. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. – 148 с.

Дальний свет : стихи. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2021. – 328 с.

Обретение (молитвенные строки) : стихи. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2022. – 92 с.

Расчехлённое перо : публицистика. – Кемерово : Вектор-Принт, 2022. – 244 с.

ИЗ КНИГИ «УТРЕННЯЯ ДОРОГА»

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Город побелили –
Выпал снег.
Парикмахер лилии
Рисует на лице клиента!
Груда белья ломкого
В комнате морем запахла –
Застыли колени и локти
Плоских рубаш, штанов.
Падает верхний, верхний и
Снова падает снег!
В улицах длинных сверстники
Мои молодые седеют...
Колокол сердца! Колокол! –
Ровный, спокойный обычно –
Так запыхался около
Левой моей руки!..
А где-то в лесу родился
Поздний шарик смородины;
Жук проползавший ему удивился,
Но никому не сказал.

* * *

Читаю книгу о войне:
Я выхожу из окружения,
И все орудия по мне
Палят, к лафетам отпружинивая.
В стволах четыре пули замерло!
Сторон четыре –
Белый свет!
За мной следят четыре снайпера,

Сергей Лаврентьевич Донбай

22 сентября 1942 г., Кемерово
Поэт. Член Союза писателей России с 1992 года

Тая оптическую смерть...
 Но я счастливо просыпаюсь.
 Щекой на книге,
 За столом.
 Я просыпаюсь, как спасаюсь,
 И, дай-то Бог, не в руку сон!
 А ночь, как девочка босая,
 В раскосых звездах вся она,
 Проходит в комнату такая,
 Что ни при чем совсем война.
 Но я читаю о войне...
 Уже давным-давно за полночь.
 Ракета падает к земле –
 Я землю тороплюсь запомнить.

ИЗ КНИГИ «ПРЕЛЕСТЬ СМЫСЛА»

* * *

И когда у врагов не останется злости,
 И когда свою нежность друзья истребят,
 Я пойму, что во мне отражаются звёзды
 И что птицы на мне, не пугаясь, сидят...

ДЕРЕВЬЯ

Без листьев, без криков, без перьев,
 Под взглядами нашими сквозь
 Рентгеновский снимок деревьев –
 Гнезда охладевшая горсть.

Безжизненны и недвижимы.
 Уже отлетел листопад.
 И кажется, с каждой вершины
 И души вот-вот отлетят...

Деревьям не больно на свете.
 Но, тронув рукою лицо,
 Как будто почую на срезе –
 Ещё годовое кольцо...

* * *

Мне весело живётся!
 А почему бы нет?
 Скажу – и улыбнётся
 Мне женщина в ответ!

Забуду все печали –
 От слов, как от вина,
 Глазами и плечами
 Хохочет вся она!

А там, совсем вначале,
 У детского окна,
 Меня с утра встречали
 И тополь, и сосна.

И потому случилось,
 Что в жизни мне везло:
 И женщина смеялась!
 И дерево росло!

ИЗ КНИГИ «ДЕНЬ»

УТРЕННИЙ СНЕГОПАД

Тихий-тихий, удивительный
 Этим утром снегопад.
 Не проснувшихся родителей
 Малыши ведут в детсад.

Всё как будто нарисовано.
Ты и сам шагнул в этюд.
Тонны снега невесомого
Рядом в воздухе живут.

За домами белобровыми
Звуки спрятались совсем.
Тишина лежит сугробами,
Как верблюды возле стен.

Понимаю: звук не видно ведь...
Снегопад – не услышать...
Только странно слово вымолвить,
Чтоб себя не испугать.

1978 год

ВЕЧЕР

Николаю Колмогорову

Поле оглохло – кузнечик
Выключил травы. Тайга
Прячет за пазухой певчих.
Мглой задохнулись стога,

Кладбище, речка, дорога...
Воздух в овраге продрог.
Спутанный грядкой гороха,
Оцепенел ветерок.

Водит вслепую по сенцам
Темень – толкаясь, звеня.

Печки чугунная дверца
Чудится в рамке огня.

Угомонилось как будто:
Стихли, уснули, ушли...
Чу! Заиграла побудка
В нас побуждений души!

1978 год

* * *

Речь моя, речкой побудь.
Спутав законы акустики,
Бродит в ней детство по груди,
Вытянув удочек прутики.

Речь моя, тихой побудь.
Лодка плавни колыбельная,
Чтобы уставшим уснуть
На быстрине сновидения.

Речь моя, ночью побудь –
Ночкой влюблённого вздора!
Лишь бы подольше подуть
На уголёк разговора.

Речь моя, птицей побудь.
Утро, а может, призвание
В дудку крылатую дуть
Сказочки и привирания.

Вспомнит и выдохнет грудь,
Что – и не знаю заранее...

Речь моя, песней побудь
На ветерочке дыхания.

1981 год

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

А нас обернуло порознь
И вместе уже не раз:
Глядит сквозь военную прорезь –
Как целится – детство в нас.

И все эти годы мирные
В глубоких тылах страны,
Мы всё ещё эвакуированные
Сиротственники войны.

Отчётливо в детство, в отрочество
Вошла – до сих пор видна –
Как общее наше отчество,
Отечественная война.

1979 год

ВОЛЯ

Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отчества был.

И входили в свободном потоке стихии
Навсегда: возраст воздуха в тельце моё,

Молодая, морозная сила Сибири –
И снега, и таежные жабры её.

Мама помнит, на сносях картошку копала...
Я не помню, когда у меня неприязнь
Появилась к той части людей, что считала,
Что спесиво считала: земля – это грязь.

Приходилось и поле копать, и могилу,
Череп в руки я брал, отряхнув чернозём...
Верю в землю родную, как в чистую силу!
Жизнь не брезгает смертью – смелее во всём!

Я тонул, но река меня не утопила...
И в награду за этот мальчишеский страх
Мне ловить пескарей, без числа, разрешила
И всё лето качала на тёплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду:
Если в чайнике снег разогреть на костре,
То как будто стихии даруешь свободу –
Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
И до самой травы снег просел под костром.
Кружка с чаем дымится в ладонях... и можно
Быть счастливым в тайге с этим малым теплом! –

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
Чью-то новую жизнь соберёт и согреет
Воля воздуха, влаги, земли и огня.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Пионерского горна бодрящий родник –
Выбегаем, от холода съёжив лопатки!
Вон и я в синей майке навыворот возник...
Начинается день – под баян – с физзарядки!

Начинается лето, лагерь, первый сезон.
Нас вчера завезли, укачав на трехтонке,
На ухабах подпрыгивал горизонт,
И визжали всё время от страха девчонки!

Я еще не решил до конца, как мне быть:
В тот иль в этот кружок записаться мне надо!
И кого я таинственно буду любить –
Верку или с косой из шестого отряда?

Мы дерёмся, растём, нарушаем режим....
Я тогда и не думал совсем, что когда-то
Станет всё это детством счастливым моим
Возвращаться на крылышках зябких лопаток.

1979 год

Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шалёнкой маминой.

Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.

Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит –
Это я же – с одеяльцем в клеточку.

1980 год

СОЦГОРОД

Во мне давно уже несвязно,
Но всё уверенней живёт
Сознание энтузиазма –
Вот только приоткрою рот:
«Соцгород, слышишь, наших бьют!» –
И полстраны меня поймут,
Послевоенных полстраны –
Играют в зоску пацаны.

Живут у Конного базара
Галям, Пискун и Воробей
И смотрят серии «Тарзана»
До замиранья кровей,
Всей кожей, погружаясь в джунгли...
Но жизнь встречает лаем Жучки,
Сараями, а к ним забор
И погреба – к бугру бугор.

Там ископаемый, как ящер,
Оскалил навесной замок
Наш каменноугольный ящик,
А в нем чумазый мой щенок.
Мы с ним мечтой живем отчаянной,
Что станет он потом овчаркой!
И я его, пойдя на риск,
Зову высокопарно: «Рекс!»

Цветёт под окнами картофель.
 Легко от нищей красоты!
 И девочка стоит напротив –
 Я ей картошкины цветы
 Срываю – кавалер трёхлетний!..
 Она из комнаты соседней,
 Из оккупации они,
 Поэтому вроде родни.

И двухэтажные бараки
 Кишат, как джунгли, ребятнёй;
 И руки чешутся – для драки –
 У ребятни полублатной.
 Блатной – не то чтоб хулиган –
 За кулаком не лез в карман;
 Как Бог, хранил его изъян, –
 Что у него «сидел» братан...

В нас голодуха пальцем тычет,
 А то и финкою пырнёт..
 Но только жизнь всё больше «личит»,
 Что значило – к лицу идёт;
 И носит взрослую фуфайку,
 Надев на худенькую майку,
 Обнявшись длинным рукавом
 В самоспасенье роковом...

И фэзэушников в бушлатах
 Считаем тоже за своих.
 Они такие же – в заплатах.
 Отец Галяма учит их,
 Поэтому они нас любят.
 Но почему-то вдруг отлупят...

Необъяснимо ФЗО,
 Как нынешние НЛО!

И жить нам нравится постольку,
 Поскольку просто – можно жить!
 Между бараками помойку
 Легко в каток преобразить:
 И вот – скользят, не зная скуки,
 Стальные «дутьши», «снегурки»,
 К пимам прикручены чулком.
 Слабо микробам подо льдом!

Замёрз... Сижую спиной к духовке,
 Как у блаженства на краю!
 И книжку языком неловким
 Читаю – первую мою;
 И букву «фе» никак запомнить
 Я не могу, чтобы заполнить
 Слова. И лезут со страниц;
 То фюрер, то фашист, то фриц...

От криков за стеной проснулся..
 Там милиционер живёт –
 Он пьяный только что вернулся
 И: «Застрелю!», – жене орёт.
 Я знаю – он не хулиган.
 И всё же – у него наган..
 Возьмёт и выстрелит сейчас!
 А стены тонкие у нас.

Соцгород, помнишь: кочегарка
 И сад ранеточный при ней
 (Как будто мёртвому припарка –

Чем непонятней, тем верней!..)
Нас сторожиха проклинала,
Зато природа понимала –
И садик, не жалея сил,
Плодоносил, плодоносил...

Не пересчитаны подранки,
Ещё совсем не отлегло,
И в каждой праздничной гулянке
Победы чистое тепло.
И кто-нибудь вприсядку пляшет!
И кто-то каждый праздник плачет...
И взрослые навеселе –
Со знаком дружбы на челе...

Спасай славян, хмельная дрёма.
Рас-пра-тудыкин белый свет!..
На улице, на службе, дома
За всеми наблюдал портрет.
Его до смерти обожали,
Под руководством – побеждали,
Но стоило ему не стать –
Не перестали побеждать...

Те годы долго, как минута
Молчания, – идут, идут...
Те годы дальние кому-то
Небытия отсчёт ведут.
Те годы... кончилась война,
Но молоды еще сполна
Отец, и мама, и страна,
И сладки детства времена.

1982 год

ЖДАЛ АВТОБУСА НАРОД

Моросило целый день.
Грязь блестела за сараем.
И собакам было лень
Провожать прохожих лаем.

Ждал автобуса народ.
Каждый почитал за благо
Потоптаться в свой черёд
У печи в избе сельмага.

И, вполсилы разозлясь,
Продавщица нас гоняла:
Натаскаете, мол, грязь,
Мой полы за кем попало!

Чтоб она была добрей,
Покупали карамели,
Выручку поправить ей
Помогали, как умели.

И пока про молоко,
Хлеб и мясо говорили,
Те, кто жил недалеко,
На обед домой сходили.

Ждал молоденький шахтёр,
В город вздумал после смены,
И глаза устало тёр,
Словно угольные тени.

Две девчонки для него
Хохотали всё неловко!

Это только и всего,
Что их грело под ветровкой.

На раздумия влекло:
Осуждали и курили.
Те, кто жил недалеко,
Подойти коров сходили.

В сапожищах из кирзы
На дорогу вышел старец:
То ль погоде погрозил,
То ль ещё кому-то палец?

Ждал автобуса народ,
Как работой занят трудной,
До сих пор, наверно, ждёт...
Я уехал на попутной.

1985 год

ИЗ КНИГИ «СМУТА»

В. Бородкину

В глубоком зените колодца
Плетёт паутину куржак.
Мы – дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несём, словно платим налог,
Мороза терновый венок...

Приходят, как белые, ночи,
Цветут – ленинградских короче,
Ломают соломинку льда

Черёмуховые холода.
И лето почуявший школьник,
Как в галстукe красном шиповник!

Ребёнок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

1986 год

Облака последние крылами
Птицы по-хозяйски подмели.
Шевеля глубокими корнями,
Трудится дыхание земли.

Безразмерны дни. И, как спортсмены,
Догоняя целый день траву,
Веток зеленеющие вены
Тянут, аж с присвистом, синеву.

Только дни не тянутся – несутся!
И пойдёт сибирская колба
В дудку – не успеешь оглянуться,
Не успеешь пот стереть со лба.

И, раздев молоденьких попутчиц,
Летний день воздушным, наяву,
Поцелуем бабочек-капустниц
Улетает с губ: «Июнь – ау!»

1990 год

ВИДЕНИЕ В МУЗЕЕ

Заглянул в глубину нашу,
Заскучавшую о нас.
Там, как будто неся ношу,
Полустёртый глядел Спас.
Глубоко потемнел лак...
Наклонясь, посмотрел в лик
И увидел в его глазу
Я лицо своё, как слезу...

Не поверил своим глазам –
Отраженье моё, что ли?
Не поверил своим ушам:
«Проходите, чего встали!»

1987 год

ИЗ КНИГИ «СТИХОТВОРЕНИЯ»

Валерию Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

1993 год

ИЗ КНИГИ «СЛЕЗА»

ХРАМ

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озарённый весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невпопад прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

И отныне в любом уголке позаброшенном
Осеньется наша с тобой нищета –
Боже мой, Боже мой, наравне, как положено,
Золотым троеперстьем большого креста!

1998 год

ИЗ КНИГИ «СИЛИЦА»

РУССКАЯ ДОРОГА

Дело было в бурю,
И мужик с лошадкой
Потеряли сбрую,
Ум, телегу с шапкой.

А потом, а после
В лавке притрактовой
Он коньки отбросил,
А она – подковы.

Кости, холм могильный ли –
Не нашла хозяйка.
Канули, как сгинули,
Лишь в народе байка.

Русская дорога,
То мороз, то жарко.
Мужиков-то много...
А лошадку жалко.

2001 год

ВТОРОЙ ФРОНТ

Когда мы под самой Москвой
За землю свою умирали,
Тогда вы нам тем, что второй
Откроете фронт, помогали...

Мы сами в Европу вошли.
Мы смерть за неё принимали.
Вы всё ещё были вдали.
Вы всё ещё нам обещали.

Когда же мы кровью своей
Досыта войну напоили,
Вы фронт свой открыли скорей –
Как будто на праздник спешили!

Тепло ли вам было вдали,
Когда на правах чемпионства
Вы сразу два солнца зажгли
В Стране восходящего солнца?

Раздвинул расчёт горизонт:
Вы в звёздах окопы отрыли...
Когда-то открыли вы фронт –
Закрыть до сих пор позабыли.

ИЗ КНИГИ «МАЛАЯ ТОЛИКА»

ПРОЗА ПАРИЖА

Сфотографировался у Лувра.
И, наконец, погулял по Монмартру –
Мечта из юности не обманула.
Но не восполнить её утрату...

Пил кофе на башне конструктора Эйфеля.
Да, верхотура так уж верхотура.
Но мост царя Александра Третьего –
Роскошный, русский, сказалась натура!

Париж уже от каштанов рыжий.
Хожу и влюбляюсь в Париж понемножку.
Смешно, но вспомнил: вернусь из Парижа
И надо будет копать картошку.

2007 год

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств: «Быть может...»
И до надежды страстной: «Может быть!»

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил:

«Скажи поклоны князю и княгине», –
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык – и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: «Не в силе Бог, а в правде», –
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»,
«Пусть... будет пухом...», – он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и – затесь,
Он оберег наш и – сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык – наш промысел живой.

2008 год

ИЗ КНИГИ «ВО СНЕ СНЕГОВ»

БАЛЛАДА О ТОПОРЕ

Защищали с ним Державу
И ходили напролом.
Церкви рублены – во славу! –
Русским, метким топором.

Приходили крестоносцы
С новой верой заодно –
В Чудском озере тевтонцы
Топором пошли на дно...

В грозном веке жили-были,
Как написано пером,
Смуте головы рубили
Русским, верным топором.

Хоть не быстро, по Сибири
Продвигался стукоток.
Царским топором рубили
За острогом – городок.

Не обидно за Державу,
Если, не кичась рублём,
Терем рублен был на славу
Русским, ловким топором.

Или так, крестьянским сходом
Помочь поднимала дом –
Всей деревней, всем народом –
Русским, дружным топором.

Не отвагою кинжала
Дом не выстынет к утру,
Если печь тепло держала
В благодарность топору.

Передых даёт Держава.
И уснув, но чутким сном,
Вот он, спрятав кончик жала,
Воздух держит над бревном.

2015 год

Мама стряпает вареники,
Лист присыпала мукой,
Я еще совсем манененький,
Да почти что никакой.

А она так ловко лепит их –
Сами пальчики летят.
На листе, как гуси-лебеди,
Тихо крылышки лежат.

Приздумалась, болезная,
Кем я буду, Боже мой?
Перед ней, как будто тесто я,
Перепачканный мукой.

2014 год

Забирает город в оборот,
Жмут его колеса и пружины,
Надоело тут тянуть резину...
Всю неделю тянет в огород.

Ах, как мало там других забот!
Помогать земле растить посадки,
И следить, как луч играет в прятки...
Ну когда же выходной придёт?

Обо мне скучает куст малины.
Город снова в пробке что-то ждет...
Всю неделю тянет в огород,
Тянет, как на родину с чужбины.

2014 год

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Это море работает без утомленья,
Чтоб поддерживать в нас вещество удивленья.

Доставать из своей непроглядной пучины
Человеческой памяти нам витамины.

И рождать из своей ненаглядной волны
Песнь прибоя, в которую мы влюблены.

Это море содержит в себе механизмы –
Берега превращать в человечьи отчизны.

То не скалы, то – окаменели шторма!
Человеческой мудрости в них закрома.

Это – взгляд египтянина, ставший примером.
Это – грек, навсегда упоенный Гомером.

Это – немца свинец, англосакса слеза.
Это – взгляда славянского даль-бирюза.

Хоть мольбой возвеличь, хоть умом умали,
Это море – недаром середина земли.

2018 год

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

Здесь живём и ходим по просторам,
Дав Европе волю разговорам.

Человеку не окинуть взглядом
Сей простор, где вечность с жизнью рядом.

Здесь на мерзлоту имеем виды,
И умыли нефтью Ледовитый.

Меньше прочих этот океан
Близок пролетариям всех стран.

Бороздить его в пространстве голом
Лодьям в след мы стали леодолом.

Здесь прошли мы – точно не в коляске –
Пёхом от Европы до Аляски.
Сей простор к России прирастил
Мыслью из поморов Михаил.

Эту мысль до подвига напряг
Мышцей из донских краёв Ермак.

...Кажется,
Жизнь дышит здесь на ладан.
Европейцу кажется.
И ладно.

2020 год

Станислав Куняев

ОТ МИРА СЕГО

В 70-х годах прошлого века на Кемеровской земле выросла целая плеяда молодых поэтов, с одним из которых – Николаем Колмогоровым – у меня вскоре завязалась переписка. Из неё я понял, что Колмогоров и его друзья – люди преданные поэзии, талантливые, ищущие новые слова «о времени и о себе» и, что особенно было трогательным, – открытые друг другу, радующиеся удачам каждого из своей «общаги».

Обо всех новых поэтических именах, выросших на просторах Западной Сибири, я узнавал из Колмогоровских писем: «Посылаю Вам две книжки товарищей моих А. Ибрагимова и С. Донбая», «Предлагаю Вам книжку товарища моего Виталия Крёкова... Эта книжка, на мой взгляд, явление души, редко с такой чистотой проявляющейся у современных поэтов».

«Ребята у нас талантливые, все держатся друг за друга, и это главное», «Спасибо, что не забываете обо мне. А я в свою очередь не забуду помочь другим».

С тех пор прошла целая жизнь. Умер Коля Колмогоров, выросли, заматерели, стали известными поэтами не только Кемеровской земли, но и всей Сибири – Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Александр Ибрагимов, Виталий Крёков, Сергей Донбай. Каждый из них нащупал свою тропу, освоил свой поэтический мир, сказал своё слово. Бурмистров – печально-лирическое, Ибрагимов – молитвенно-христианское, Виталий – народно-лукавое, ёрническое, а Серёжа Донбай стал из «колмогоровской плеяды» поэтом, наиболее близким к времени, к социальной жизни, к изображению и осмыслению личной судьбы на фоне аскетической, суровой уличной, но по-своему бескорыстной и поэтической эпохи...

Помнится мне, что в 60-е годы прошлого века я с наслаждением сочинял свою «Калужскую хронику». В ней не было в чистом виде жизни души, независимой от времени, – в чём заключается обаяние

поэзии Николая Рубцова, – в ней так же не было надвременной мифологичности Юрия Кузнецова, но в ней была близкая и дорогая мне событийность личной судьбы, её движение и развитие с разногласиями любимых чувств, сомнений, противоречий...

И, читая стихотворенье Сергея Донбая «Соцгород», я иногда аж радостно вздрагивал, ощущая в нём приметы своего молодого жизнелюбия:

И двухэтажные бараки
Кишат, как джунгли, ребятнёй;
И руки чешутся – для драки –
У ребятни полублатной.

У меня было всё похоже, разве что посентиментальней, помягче:

Весёлый быт, беспечный мир,
живучий и полуголодный,
где свой у каждого кумир
спортивный или уголовный.

Итоговая книга Сергея Донбая окончательно определила границы его поэтического мира, это – книга судьбы, в которой всё время что-то происходит, книга, отражающая телесно-временную сущность бытия, столь милую сердцу поэта.

Небосвод облаками намок.
Птицы ходят у талой воды.
Мокрый голубь вспорхнул из-под ног,
На асфальте оставил следы...

Облепиха, шиповник, сирень?
Из-под снега оттаяли вновь
Все потери: и радостный день,
И скамейка, и мяч, и любовь!

Безжалостный, но увлекательный бег времени, пёстрые картины жизни, быстротекущие радости и печали – как всё это близко и дорого каждому из нас – и поэту, и читателю, и обычному человеку, погружённому в эту стихию с первого до последнего дня земной жизни:

Нету больше радости и лада,
Чем отметить день рожденья свой
На виду у собственного сада,
Окружённым собственной родней.

Значит, на планете всё в порядке:
По меже в трусах идёт отец,
Вовремя дожди полили грядки,
Греется в теплице огурец.

Поистине Сергей Донбай – поэт «от мира сего». Отец, мать, сёстры, дети – вот судьбоносные узлы жизни, властно притягивающие поэта к себе, именно в этой чувственной тяге, в естественной смене поколений видит он сердцевину человеческого бытия.

Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощён, любим, люблю.
Что укрыт шалёнкой маминой.

Не зря же его стихи напоминают мне стихи детёныша войны, детдомовца Игоря Шкляревского, с такой же, как у старшего собрата, предметностью, хищной внимательностью к деталям, к эпохальным картинам послевоенного быта, неразрывно сросшегося с бытием великого народа и великой страны:

Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напомни-ка
Неповторимый момент...

Вот они! Видели! Видели!
В звёздочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...

И на плече у родимой,
Старый – не по годам,
Плачет непобедимый,
Мальчик во весь экран!..

И мальчик этот – может быть, в последний раз прошагавший в День победы в ветеранской колонне по Красной площади, уже разменял девятый десяток, и поэту, запечатлевшему облик этого мальчика, уже за шестьдесят, – всё состарилось в этом мире, кроме чувства, живущего в стихах.

Вокзалы 60-х годов прошлого века, общежития, высоковольтные трассы, фэзэушный народ, простонародная жизнь принадлежащих всем и каждому общественных дворов, жизнь, не знающая высоченных заборов, толстомордой охраны, видеокамер слежения, – вот стихия Сергея Донбая, подёрнутая дымкой печали и радости.

«Утром дым над химкомбинатом встаёт», «Наш двор на лавочке сидит», «Грохочет железнодорожная ветвь» – как всё это близко и понятно мне!

Мы вслушались с детства в протяжный мотив
Народного хора буранов и выюг...

Жизнь простонародья, жизнь соцгорода, жизнь всей великой страны... И от имени этой общинной русско-советской жизни, как вызов, брошенный в лицо сегодняшнему распаду, сегодняшнему мировому порядку, сегодняшним владыкам жизни, пытающимся разделять

и властвовать, звучит мужественное и трагическое стихотворение Сергея Донбая, через много лет оправдавшего молодые надежды его друга Николая Колмогорова, стихотворение, которое называется так по-донбаевски: «Прощаюсь с друзьями отца»:

Вы жили во сне наяву,
В загробное время не веря,
Одно лишь советское время
Вам было сперва-наперву!..

Прощаюсь с друзьями отца,
Невольно его подменяя,
И очередь эта немая
Истает вот-вот до конца...

Оркестра гуляет мотив
От здания вашего к зданию,
А он вас встречает, я знаю,
Прощенье прося и простив.
Прощаюсь во сне наяву,
Прощаюсь – и снова потеря,
Прощаюсь... В советское время
Одною ногою живу.

Медленно исчезают в книге Сергея Донбая очертания соцгорода – «любимый город в синей дымке тает», – растворяется в вечности.

Москва, 2011 год.

Вячеслав Лютый

«МЫ СПУТНИКИ ИЗ ДЕТСТВА, ИЗ ПРИРОДЫ...»

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая – феномен, рождённый временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь – литературой. И вот здесь совершенно точно возникает ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик – шуточный, пустяковый, очевидно житейский, но только не серьёзный, не пророческий, не зачётно-доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного судейства, он не годится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенской чаши и изрекающего оценки. Поэт одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность. В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать приподнятые движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утоляется жажда
Ртом и лицом под дождём!

Песенка, веточка, птица!
Сжат добела кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой – зрачок...

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в «молодых» стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы – подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени – помогает нам обнаружить присутствие автора везде, но «перемещается» он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное. Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции – как правило, более радостные, чем печальные – и это потому, что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, луга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосредственного контакта с ним на некоторую дистанцию, как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чём он почти случайно проговаривается:

Косогор дождя грибного
С шумом в небель перейдёт,
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причём принципиально живое. Донбай создаёт только из про-

стого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупнённо и чуть-чуть отстранённо, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть – и вот уже смотрит на мир его глазами

Природное и детское живут в Донбае не споря и помогая друг другу. И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нём почти всё:

Мы путники из детства, из природы.
Она нас – не случайно, в свой черёд, –
Сквозь тяжкие сибирские сугробы,
Как первенец-подснежник продохнёт.

Донбай – поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем речь Пушкина в переводе из Катюлла или в «Маленьких трагедиях» более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий литературный пример подталкивает Донбая к несвойственным ему, но общепринятым в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении «О Пушкине»:

Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения.

Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаянья сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы, и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар: «И стала ночь помощницей огня // Она его, как дерево, растила».

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прячется, переходит в подводное течение и насыщает живительной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и поразительную форму.

Воронеж, 2017 год.

Владимир Соколов

СЛОВО О ПОЭТЕ ДОНБАЕ

У него, моего товарища, тихая, размеренная походка, такая же, как его стихи. Для беглого, поверхностного взгляда, приземленные, уютные (и это хорошо!), но подумать – космические, под пробку наполненные особым взрывчатым веществом. Вот он идет на работу (в Союз писателей, где редактирует журнал «Огни Кузбасса») ... С работы ... Все у него будто расписано. Может, так и есть? Говорит редко, но метко. Поворачивая тему на неожиданный ракурс. Любит острое, нет, скорее – точное и оригинальное словцо. Лучше, если оно окрашено полутонами смыслов, юмором. Что подтверждается и стихами:

А тот, кто все лето
Дружил с гамаком,
Как будто был пойман
Лесным пауком.

А вот его «Кармен»:
И губы красные «бубей»!
И «пики» черные бровей!

Согласитесь, такой мы ее и представляли, роковую цыганку! Листаю дальше сборник «Слеза»:

Подробно на каждую алую гроздь
Положена снега высокая горсть.

А я ведь только что глаз не мог оторвать от утренней рябины (было это в 2001-м): она именно такая, как у него. И я удивляюсь с виду неуместному, но так крепко вписанному в картину непоэтичному слову «подробно» и выражению «высокая горсть». Обыденное взрывается. Еще и потому, что эта горсть кем-то положена. Богом? Умеет он, как никто, вставлять всевозможные «запалы» и «капсюли». Невыразимая красота становится вдруг понятной, родной...

Однажды он сделал мне замечание: «Не мельчи, никому не рассказывай о себе, помни завет Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои». Тогда и стихи пойдут». И я понял, что из всех друзей-приятелей такой нужный и добрый совет мог дать только он, Сергей Донбай.

Уже давно от первого сборника до недавнего «Силицы», появившегося в 2006 году, влюбленно слежу за его творчеством. Одну из его книжек пришлось выпускать, будучи редактором областного издательства. Он ее странно назвал – «Другие». Затем название изменили, так вышла «Смута». Тому времени, концу восьмидесятых – началу девяностых, может быть, и соответствовало. Но что-то потерялось. Сейчас думаю – что?... Это не они, о ком он писал, а, скорее, он сам – другой. Ни на кого не похожий.

Всегда начинаю чтение его новых стихов с трепетом, зная, что вот сейчас что-то обязательно произойдет. И ожидание не обманывает.

С таким же чувством, наверное, археологи находят в земле нуклеусы – маленькие пластинки камня, сбитые древним человеком при изготовлении скребков, ножей и других орудий труда. Приходят в восторг от выверенной точности, с которой наносились удары по бальзатовой заготовке. А если попадется сам предмет поиска!.. Тут уж восхищению нет предела.

Русский язык, его образные возможности – уж, конечно, не менее сложный материал. А о том, что эти возможности безграничны, говорить хочется с надеждой и оптимизмом, открывая новые книги любимых авторов, друзей. В том числе Сергея Донбая. Уж он умеет радовать новизной. Без которой вообще не бывает стихов. Не случайно же у покойного Николая Колмогорова появились строчки, как нельзя лучше сочетающиеся с высказанными выше мыслями: «Ослепительный скол новизны спит в банальности самой избитой...» Моление о новизне в литературе – всеобщее. Всегдашнее. Блок: «тащитесь траурные клячи, актеры правьте ремесло, чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло». О том же и Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Потому что новизна и есть тот самый капсюль. И где только мастер ее не находит?

При этом нуклеусы, часто самой изощренной формы, остаются в черновиках, зато изделие блещет задуманной безупречностью. Вот стихотворение, где меня больше всего почему-то подкупают, ласкают уменьшительные суффиксы. За этим мне видится поразительная простота и зрелость. А в итоге – «прелесть смысла» (так и назывался, кстати, один из первых сборников Донбая, увидевший свет еще в семидесятые). Добавлю – смысла высокого, поэтического.

Небо ночное подковано
Месяцем словно словечком.
Тоже ль горюет о ком оно
На языке своем вечном?
Кто-то когда-то, наверное,

Чтоб подарить человечку,
Звездное, с виду смиренное,
Небо привел за уздечку.

Он не из тех творцов, которым подражают. Он чужд какой-либо позы, не витийствует, не подавляет читателя. Зато у него можно и хочется учиться. Вот уж что безусловно. Свет его добрый, чуть рассеянный. Но приглядеться – там, в его небе, столько звезд. И они напоминают о существовании незыблемых принципов, о домашнем очаге, о порядочности в отношениях между людьми, о верности, о любви... Таков он, Сергей Донбай, всегда другой в своем постоянстве. Зрелый мастер, замечательный поэт.

Сергей ДОНБАЙ

АВТОБИОГРАФИЯ

Мой отец Лаврентий Иванович Донбай – известный кузбасский архитектор, проектировал кемеровский городской стадион «Химик», пятиэтажный жилой дом с аптекой на улице Орджоникидзе (площадь Пушкина) и др. В 1932 году после окончания архитектурного факультета Харьковского строительного института приехал в г. Ленинск-Кузнецкий. С 1935 года член Союза архитекторов России жил и работал в Кемерове. В 1936 году Лаврентий Иванович (родом из греческой деревни на реке Кальмиус под Мариуполем) женился на сибирячке из Юрги Марии Васильевне Поздняковой. В семье родилось двое детей, в 1937 году – дочь Лариса и в 1942-м – сын Сергей.

У меня за письменным столом на стене портрет седовласой женщины, отдаленно похожей на Анну Андреевну Ахматову. Это моя бабушка Варвара Гавриловна. Она впервые рассказала мне о Боге. А дальше висят акварели отца, картины знакомых художников. Батя был архитектором старой выучки и поэтому любил рисовать. И поэзию

любил. В нашем доме все много читали, это считалось в порядке вещей, я только годы спустя оценил уникальность библиотеки (особенно поэтической части), собранной отцом.

Оторвусь от хорошей страницы
Или только глазами бегу,
Но уже что-то тайно рождается
В разогнавшемся будто мозгу...

Учился в Кемерове в 41-й школе. Поучился в Новосибирске, в инженерно-строительном институте Сибстрин. Студентом посещал литературную студию, которой руководил поэт Илья Олегович Фоняков, член Союза писателей СССР. После четвертого курса ушёл. Пока это решение принимал – маялся, а ушёл – ни разу не пожалел. Наверное, Бог помог. Вернулся в Кемерово, работал архитектором в «Кемерово-гражданпроекте». Но я всегда знал, что поэзия мне дороже и роднее. Поработал архитектором, испытал батину радость. И ушёл в «Огни Кузбасса».

По берегу Томи ограда
Бежит (её мне рисовать
В проекте довелось когда-то).

В Кемерове посещал литературную студию «Притомье», которой руководил профессиональный поэт и журналист Валентин Васильевич Махалов. Позднее сам стал руководителем литстудии «Притомье».

Как попадаешь в поэзию? В неё, наверное, вырастаешь. И не замечаешь как. От любви, конечно. И, несомненно, с детства. Помню, долго писал только строчки. Не стихи, строчки, и мне этого хватало. Образ в них намечался, рифмочка проглядывала. Ямба от хорея не отличал. Мне уже тогда казалось, что какие-то созвучия только я могу услышать, сделать, записать. Ну, и, конечно, влюбленность. Первая – в Мая-

ковского. Читал только его. Потом так же сильно Маяковского отверг.

И было, как столпотворенье, –
Я, речью пушкинской дыша,
Вдруг написал стихотворенье,
Как будто бы поел с ножа!

В поэзии, как мне кажется, что-то удалось, хотя бы потому, что это доставляло мне радость. Иначе бы я не писал стихи и в журнале не работал. И если бы начать всё сначала, мало что хотел бы изменить. Или изменить всё совершенно. До сих пор помню, какую радость испытывал, когда студентом на геодезической практике работал лодочником, перевозчиком через неширокую лесную речку Издревую. Мне казалось, лучше работы не бывает. Может быть, там я бы тоже пригодился кому-то.

Сильно надеюсь, говоря о радости, что она передаётся через стихи, через страницы журнала, в котором давно работаю.

Всегда любил и люблю Тютчева. Для меня он – пример поэта, учитель. В его стихотворениях всё волнуется, страдает, мается, радуется, возмущается. Тютчев – это глубина и мощь души и космоса. Его язык – изящная словесность.

И над промыслом живого
Высь безмолвно глубока,
Словно ищущая Бога –
Дума, музыка, строка.

В 1992 году стал членом Союза писателей России. С 2004 года – главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Лауреат всероссийских и кузбасских литературных премий имени Василия Федорова (2005), св. князя Александра Невского (2005), «Белуха» им. Георгия Гребенщикова (2009), имени Николая Клюева (2014), имени святителя Павла Тобольского (2014), имени Виктора Баянова (2020). Секре-

тарь Правления и член Приёмной коллегии Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Почётная грамота Министерства культуры Российской Федерации (2002). Кавалер Ордена Почёта Кузбасса (2 декабря 2015). Областные медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «За веру и добро» (2004), «За особый вклад в развитие Кузбасса» II степени (2007), «За служение Кузбассу» (2007). Награждён почётными нагрудными знаками Золотой знак «Кузбасс» (2012), Бронзовый знак «За заслуги перед городом Кемерово» (2012). Медаль «За служение Русской Православной Церкви в Кузбассе» (2012).

Книги Сергея Лаврентьевича Донбая:

- Утренняя дорога : стихи.* – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1970. – 28 с.
Прелесть смысла : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1977. – 76 с.
День : стихотворения. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1986. – 86 с.
Смута : стихотворения. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1991. – 95 с.
Проснись у меня на плече! : стихотворения. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1992. – 62 с.
Стихотворения. – Кемерово : Сибирский родник, 1996. – 289 с.
Слеза : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 2001. – 69 с.
Лесное лето : стихи для детей / художник А. Н. Моржина. – Кемерово : Кузбасс, 2005. – 24 с.: ил.
Силица : стихотворения. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 83 с.
Мы нарисуем город словом : стихи. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. – 55 с.
Посредине России : стихотворения. – Москва : Российский писатель, 2011. – 288 с.
Малая толика : стихотворения. – Москва : Российский писатель, 2015. – 224 с.
Во сне снегов : стихотворения. – Красноярск : Литера-принт, 2019. – 124 с.
Четверть века : стихотворения. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2021. – 110 с.

ИЗ КНИГИ «БЕСЕДУЮ С ТОБОЙ»

Владимир Васильевич Иванов

21 января 1948 г., д. Макаровка, Чекмагушевский р-н,
Башкирская АССР

Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР с 1983 года

В дни, когда ручей вовсю лопочет,
Каждый час отмечен новизной, –
Как волнует горький воздух почек,
Шум берёз, дымок над головой!..

Но вдвойне дороже мне всё это
Оттого, что домик наш – Земля,
Может быть, всего одна планета,
Где витают запахи жилья.

Час вечерний. Тают тихо тени,
И поёт в подойник молоко.
Веет первой свежестью весенней,
И видать далёко-далеко.

Вот и месяц огибает крышу,
Мягким светом высвечен порог,
Вся земля теплом подлунным дышит,
И шуршит пробившийся росток.

Родина. Вечерняя прохлада,
Говор сада да ночная тишь...
Для чего все это сердцу надо –
И не скажешь, и не объяснишь!

Как долго ждет природа обновления!
Вот, наконец, и обозначен крен –
И на земле, как в первый день творенья,
Настало время бурных перемен.

Вот этой луже завтра плавать в небе,
и жухлый снег кипит, журчит давно.
А в почве, там, откуда выйдет стебель,
уже лежит и теплится зерно.

И что вчера казалось хмурой высью,
Сегодня синевою обдаёт...
И сердце радо, что течение мысли
Сливается с течением талых вод!

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я еду верхом на коне,
К отцу снарядили с едой,
И деда пилотка на мне
С остроконечной звездой.

Вот солнце уходит с небес.
Въезжая в Разбойничий лес,
Я крепче прижал узелок –
Весь выцветший мамин платок.

У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле. А вот и луна.
А вот и сушилка видна.

Отец на току сторожит,
С ним рядом я, греясь, прилёг.
А сверху с улыбкой глядит
Всевидающий бабушкин Бог.

КОЛОКОЛЬЧИК

В небе стаи курлычут прощально,
и листва облетает окрест.
В эту пору не знаю печальней
наших топких болотистых мест.

И когда я бродил по раздолью,
тем себя лишь порадовать смог,
что заметил на краешке поля
не по-здешнему синий цветок.

Тучи с севера зиму пророчат,
но про это ему невдомёк...
Что ж так поздно расцвёл, колокольчик, –
безрассудный ты мой погромек?!

ИЗ КНИГИ «ЗЕМНОЙ ПАРУС»

С утра осыпает порошей
стога и лога на лугах.
Навстречу мне – в яблоках лошадь
с ромашкой сухой на губах.

Бежит по волнистой дороге,
спешит, запыхавшись в снегу,
и резвые тонкие ноги
разбрасывает на бегу.

Какая свобода в осанке,
какой безоглядный разгон!
Сейчас бы на лёгоньких санках
пуститься за нею вдогон.

Туда, где нежнее был сердцем,
туда бы умчаться за ней,
где мир босоногого детства
и мир ветроногих коней!

Взмахи веток и солнце с утра,
Вздохи ветра и ливня потёки,
Хрупкий голос кивающих трав...
Вот они, этой жизни истоки!

Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует!

ИЗ КНИГИ «ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ДНЮ»

На родину еду, на родину еду.
Змеится дорога, купаясь в пыли.
Поляны и рощи то тянутся следом,
то вновь выплывают из дальней дали.

И всё, что ни вспомню, овеянный грустью,
под мерные скрипы тележных колёс:
порою подступит – мелькнёт и отпустит,
порою подступит – доводит до слёз.

По тайному зову, по давнему следу
сквозь редкий околок вдоль хлебных полей
на родину еду... На родину еду.
Поездки всё реже, и путь всё длинней.

И все, что ни встречу дорогой в селенье –
печаль об ушедшем глуши–не глуши –
всё снова приводит в глухое волнение
и мимо проходит в вечерней тиши.

И вновь это царство покоя и грусти
в мерцающей дымке родимых берёз
порою подступит – мелькнёт и отпустит,
порою подступит – доводит до слёз.

Как тянется время в разлуке!
Вот здесь ты секунду была,
Где, свесив зелёные руки,
В саду замирает ветла.

Ты в роще незримо витаешь.
Тебя я хочу остеречь:
Опасно порой залетаешь
На пламя берёзовых свеч.

Всю рощу шатает от гуда!
Сегодня со мной тебя нет,
Но вижу: мерцаешь ты всюду,
Куда простирается свет.

СТАРИК

Старик на пригорке сидит.
Исполнивши предназначенье
на этой земле, он следит
вечернего неба свечение.

Он сам не поймет, почему
от дел и забот его тянет
забыться, вечернею ранью
уставясь в грядущую тьму.

Его просветлили черты,
а свет между тем убывает.
Он чует гонца с высоты,
и звон бубенцов нарастает.

Сквозь шум недалекого леса,
сквозь дальние отзвуки гроз
ему все доступнее эхо
вселенского оклика звезд.

ИЗ КНИГИ «ХЛЕБОЗОРЫ»

Утончилась душа, истончилась –
Нипочем ей запоры дверей –
И в пространстве навек растворилась,
Стала духом лесов и полей.

Растворилась в добре изначально,
Прикоснулась к всевышним мирам.
И отныне её, как вначале,
Никакой не заманит мираж.

Слёз не вызвать житейским плевелам,
Хоть они засоряют глаза.
Мне открылось на свете на белом,
Без чего в этой жизни нельзя.

Сокровенная скромная лира,
Зазвучав потаённо в тиши,
Воспаряя над бренностью мира,
Служит мне во спасенье души.

1989 год

ИЗ КНИГИ «НА РОДИНУ ЕДУ...»

Сверкает куст, сверкают горы
И у земли белы бока.
И воздух пуст. Вдыхаешь холод,
А выдыхаешь облака.

Вдали туман парит над речкой.
Кругом так чисто и светло!
Уже зима. И каждый встречный
Идёт, застёгнутый в тепло.

Листва наперечёт
нацелена на Млечность.
Я слышу, как течёт
в прожилках человечность.

И гулкий небосвод
в эпоху ветровую
то жизнь мою качнёт,
то былку полевую...

За часы просветления в мире
утаить ли мне тайну одну:

я глазами насытился ширью
и душою тянусь в глубину...

В глубине, где живого основа,
мне из вечности видишься ты, –
скоротечного лика земного
сохраняя родные черты.

ИЗ КНИГИ «ХЛЕБОЗОРЫ»

ЯБЛОНЯ

Снегопадом опять всё вокруг затянуло,
И красуется сад, как в весеннем цвету.
И невольно душой в белый сад потянуло,
К стройной яблоне в нашем саду.
Чтобы добрым и нежным остаться как прежде,
Чтоб на яблоне мёдом дышал лепесток, –
И себя я хранил в чистоте и надежде,
И её как невесту берёг.

В безоглядных и светлых мальчишеских грёзах,
В самых первых земных и небесных мечтах
Цветом яблони вешней настоян был воздух,
Путь по жизни весь в белых цветах.
Но цветы нам под ноги в свой срок опадают,
Чтобы к осени вызрел янтарный налив...
О, моя неподкупная вера святая,
Мой былой беспредельный наив!

И ничьей нет вины, что всё так обернулось,
Всё родное вокруг не в весеннем цвету.
Отцвела-отошла невозвратная юность,

Дремлет яблоня в зимнем саду.
Спит в сугробах она, новых сил набирает
Для медовых цветов и для летних трудов.
Отдыхает душа и наш сад отдыхает
После горьких и сладких плодов.

Чудится: дорога, тихий август,
с мукомолья одинокий воз.
Ветер освежительную влагу
на хлеба дозревшие занёс.

Перед взором – ночь и мирозданье,
под спиною – тёплая мука.
И такие вызвездило дали,
И такие в небе облака!

Вот луна за тучу забежала –
Проступает ярче Млечный Путь.
Наш Гнедой своим упругим шагом
Сокращает свой привычный путь.

Всё вокруг таинственно и ясно,
И себя я чувствую во всём.
Мир прекрасен. И земля прекрасна –
Вертится неспешно колесом.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Всё желанней, как подходит зрелость,
Вера в беспредельность бытия.
Если есть нездешние пределы,
Вечно там пребудем ты и я.

Все придём туда без опоздания,
Реже в срок свой, чаще в срок иной.
Но пока я не готов к свиданью
С этой красотой неземной.

Я воздал положенное ближним,
Сад садил и обустроил кров,
Но ответ держать перед Всевышним
По большому счёту не готов.

Не успел ещё я просветлиться,
И не стал я полностью собой.
Надо мне сполна осуществиться,
Выявиться сердцем и душой.

Если есть неведомая сила –
Оберег в бездумье и гульбе,
То она меня превосходила.
Я за то признателен судьбе.

Тихо-тихо наполняют счастьем
Полог леса, синий небосвод...
Научусь довольствоваться частью
Самой малой от земных щедрот.

Я простился с возрастом зелёным.
Пусть уводит дальше нить судьбы
Благодарно класть земле поклоны,
Отправляясь утром по грибы.

Мне милей с годами жизнь простая
С домиком бревенчатым в бору,
Где к руке доверчиво сбегает
Дымчатая белка поутру.

2020 год

Владимир Михеев

СТИХИ И ПРОЗА – ДВА КРЫЛА (о Владимире Васильевиче Иванове)

Автор одиннадцати книг поэзии и прозы. Лауреат Международного конкурса «Не жалею свое сердце, поэт». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы», других конкурсов и премий. Заслуженный работник культуры РФ (2006). Автор поэтической книги «Все любимо с детских лет», рекомендованной для школ и вошедшей в электронную библиотеку «Золотой фонд детской литературы Сибири». Это всё кемеровчанин Владимир Иванов. Оба мы окончили Уральский госуниверситет, Володя в 1972 году, я немного раньше, оба трудились в журналистике. А он еще с 1983 года член Союза писателей СССР (теперь – Союза писателей России). Можно оглянуться на прожитое и на творческий путь.

Владимир Иванов – тонкий лирик. А лирика – не для эстрадных площадей, для уединенного чтения, потому не особо популярна. Приведу цитаты коллег и критиков о его поэзии. «Поздравляю с первой столичной книжкой. С интересом прочитал. По-моему, книга получилась. В ней уже заметно проглядывает лицо поэта, что в первых книгах случается не очень-то часто», – писал молодому автору из Москвы поэт Василий Федоров. «Владимир Иванов радует неизбитостью, образностью, остротой поэтического мышления», – отмечала московская поэтесса Людмила Щипахина. Кемеровский поэт Игорь Киселев: «Поэтический голос Иванова своеобразен, его не спутаешь с другими, я сказал бы, что у него – природная постановка поэтического слуха... Нередко поэт пытается оживить неживые предметы, вдохнуть в них душу, и это придает его стихам особую эмоциональную окрашенность. Так, у него «избушки тихого селенья к восходу ставнями гребут», а в другом стихотворении «...поет в подойник молоко». Замени здесь слово «поет», казалось бы, более точным по смыслу словом «звенит» – и мгновенно исчезнет очарование этой строки. Это – один из маленьких секретов большой поэзии».

Творчество Владимира Иванова начиналось со стихов о природе. Первоначально поэт представлял свое видение мира в живописных картинах природы:

Но холст зимы на клочья рвется,
В округе проталь, птичий гам,
И ручеек беспечно вьётся
Верёвочкой к моим ногам.

«Призывая быть ближе к природе, тоньше чувствовать её, потому что никто так не выразил её сути, красоты и естественности, как сама природа, поэт находит как всегда простые и поэтичные слова.

Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует.

Как превосходно обыгрывается здесь слово «толковать», вот будто лежало оно нетронутым сотни, может, лет, пока поэт не набрёл на него и счастливо не соединил это слово «толковать» с «толковым словарём», со словом «толковый», слова эти встретились в одной строке и волшебным образом помешали друг другу...

Владимир Иванов жёстко отказывается от всякого рода экспериментов, всяческой внешней искусственной экспрессии стиха, оставаясь верным нелёгкому, выработанному и утверждённому прежними достижениями ивановскому стилю, своему ивановскому почерку». Таково мнение замечательного поэта Виктора Баянова. А от себя замечу: иметь свой почерк, свой стиль – это дорогого стоит.

В стихах стало проглядываться второе дно, второй смысл. Если раньше было:

Зрачком бездонной синевы
Росинка в чашечке живет,
И чей-то голос из травы
К себе прислушаться зовет.

То теперь есть и другое. Возьмем близкое по тематике стихотворение «Голос травы»:

Не коси меня, коса.
Пусть меня живит роса.
Погоди ещё денёчки,
Если сроки и близки.
Ведь не все мои цветочки
Распустили лепестки.
И не все ещё шмели
Цвет на лапки намели.
Не коси меня, коса!..

На первый взгляд – простая просьба травы продлить ей жизнь в пору сенокоса. Юный читатель такой смысл и увидит. И будет прав. Но что ещё может в этих стихах открыться человеку зрелых, преклонных лет? «Не коси меня, коса ...». Смерть с косой, не приходи пока ко мне! Помедли. Я ещё не все успел в жизни!

В этой неоднозначности смысла усматривается новая ступень поэтического развития. Нельзя не согласиться с тем, что написал при публикации стихов Иванова в журнале «Москва» кандидат филологических наук Вадим Дементьев: «Не спеша, философски осмысливает действительность Владимир Иванов, больше ориентируясь на познание природы, воспевая радость слияния с ней. Строки его трепетны и многозначны, вокруг них образуется как бы аура недоговорённости, но это не признак слабого мастерства автора, а неоднозначность смысла, который и нам нужно понять и прочувствовать».

О радости слияния с природой уместно привести строки:

И что вчера казалось хмурой высью,
Сегодня синевой обдаёт.
И сердце радо, что теченье мысли
Сливается с теченьем талых вод!

Но в последующем поэт явил неоднозначность ещё иного рода. Вектор его поэзии из обыденного круга направился во внутреннюю

глубину и в вышние сферы. Вот что писал об этом Владимир Есенин: «Главная и парадоксальная особенность в миропонимании и творчестве Владимира Иванова в том, что его внутренний взор органично соединяет два противоположных начала: макро- и микрокосм. Поэзия его стоит как раз в месте соединения миров, где происходят самые тонкие эфирные процессы, загадочные и непонятные, как сны. Сила поэзии автора как раз и заключается в двойственной природе, спавленной любовью в монолит стихотворного слова».

Звёздное небо над головой стало смыкаться, сливаться с внутренним миром:

Вселенная не признаёт
Ни вечности, ни расстоянья.
И только время выдаёт
Земное наше пребыванье.

Утончилась душа, истончилась –
Нипочём ей запоры дверей –
И в пространстве навек растворилась,
Стала духом лесов и полей.

В лирике Владимира Иванова человек явно или незримо присутствует в звёздном пространстве. Внутренний мир человека соотносится с мирозданием. Масштаб мироощущения расширился. Не удивлюсь, если такая линия развития современной поэзии окажется одной из ведущих.

Владимир Иванов много лет одновременно пишет и поэзию, и прозу. На мой вопрос, насколько разнится подход к стихам и прозе, чем отличается, писатель ответил:

«Проза делает предметом искусства подробности бытия. Прозаику важно запоминать предметы во всех деталях, описывать события со множеством характерных подробностей. Вот почему ему лучше вести записи. А поэт наоборот – из всех подробностей выявляет самое глав-

ное. Сидит дед во сто шуб одет, кто его раздевает – слёзы проливает. Это словно о поэтах сказано. Снимая сто шуб, – отыскать сердцевину, поэтическое зерно. Но чаще за словесной шелухой у стихотворцев сердцевинки-то и нет. Вот в чём казус-то: нет сердцевинки в луковице – и все тут! Хоть плачь! Строчки есть, а поэзии нет.

Для наглядности приведу свои строки:

Уже зима. И каждый встречный
Идет, застёгнутый в тепло.

В поэзии главное – выявить суть, отбросив сто шуб. Не в том суть, что человек одет в шубу, тулуп, пальто или куртку. А в том суть, что он застегнут в тепло. Для прозы – наоборот: во что он одет, какого одежа фасона, покроя, цвета, из какой материи. То есть, описанием одежды писатель дает читателю представление о персонаже, из какой он, скажем, среды. Вспомните Гоголя, как он смакует детали, как все подробно описывает!

Повторюсь. Поэзия и проза творят искусство разными методами, разными способами, разными приёмами. Проза идёт к этому через подробности бытия, а поэзия – наоборот, отсекая все подробности, всё лишнее, выявляя главное. Я бы сказал, прозаики и поэты работают в противоположных направлениях. Сочетающих прозу с поэзией – единицы. Я не говорю о тех, кто вообще пишет, а о тех, кто создал настоящее, подлинно художественное и в прозе, и в поэзии. Пушкин, Лермонтов, Бунин, например».

У прозаика Владимира Иванова четыре повести. Все они сюжетно законченные. Во всех четырёх – одни и те же основные персонажи. Действие разворачивается в армии, в городе, в селе. Повести написаны традиционно. Но выстроены они таким образом, что видится пропущенное между повестями. В результате – два плюс два равняется не четырём, а составляет нечто большее. Более того! Четыре повести сюжетно составляют единое целое. Первоосновой автобиографичной повести о селе был рассказ «Сенокос». Он широко печатался в жур-

налах «Наш современник», «Родная Волга», «Земля сибирская, дальневосточная», «Чаша круговая», «Дальний Восток» и других. Я вот думаю: чем он приглянулся? Вроде бы бесхитростное повествование о двух днях пребывания детей у своих стареющих родителей. Да и в повести осталась эта же сюжетная канва. Что же тут особенного? Лиричность, все еще длящееся эхо войны, боль от потери связей поколений – вот что подкупает! Многие читатели усмотрят здесь и собственную судьбу. Это знаковая проза, обобщенная судьба послевоенного поколения.

Считаю знаковым рассказ «На угольях», который напечатал журнал «Наш современник». Там речь о разведанных залежах угля. Их планируют добывать открытым способом, убирая верхний слой земли, а затем горную породу. Угольные пласты залегают под частью посёлка. Здесь, у кромки тайги, ещё до революции обосновались предки главного героя. Он хотел бы, чтобы и дети его продолжали свой род здесь. Уже строится сруб для дома дочери с зятем. Но узнав, что эта часть посёлка, скорее всего, будет снесена, герой теперь в смятении. Теряется смысл дальнейшего обустройства на родной земле. В обобщенном плане – это ведь про Кузбасс. Часть посёлка, подлежащая сносу, – это часть Кузбасса, где добывается уголь. Кто живет по соседству с «лунными пейзажами» после угледобычи открытым способом, – тот поймет всю трагичность житейской правды. Рассказ был написан давно, а сегодня ситуация обостряется. Растут объёмы добычи угля, ухудшается экология, растёт нагрузка на природу. Тема становится все актуальней. Рассказ оказался не только знаковым, но и символичным.

Рассказ «Две судьбы – одна война» тоже был напечатан в «Нашем современнике». Рассказ этот об отце и сыне. Действие происходит на фронте и в тылу. Сын воюет, а отец на трудовом фронте – председатель колхоза. Сына-разведчика ранило в живот. До того, как его подобрали и увезли в лазарет, прошло много времени. Более шести часов. А сын ещё при первом ранении в полевом госпитале мельком слышал разговор бывалых солдат про негласный циркуляр: если после ранения в живот прошло более шести часов, – бойца не оперировать, крайне

низок процент выживающих. Припомнив разговор, юный боец сказал хирургу, что его ранило недавно. Его прооперировали, и он выжил. Но военная часть рассказа не только об этом. Обстоятельно выписаны обстановка перед нашим наступлением, наблюдательный пункт разведчика, его мысли, чувства. Услышанная от отца-фронтовика окопная правда тоже легла в строку. Возьмем, к примеру, такой момент. Разведчик ведет наблюдение за вражескими укреплениями в стереотрубу. А это вам не бинокль, стереотруба – вещь штучная и дорогая. Кто же позволит рядовому бойцу ею пользоваться! Пользуются командующие фронтами и крупными соединениями. Врешь ты, парень, пороха не нюхал! Понятия не имеешь, о чём пишешь! Раз мы о писательстве, – так вполне мог бы сказать бывалый фронтовик и замечательный писатель Виктор Петрович Астафьев. И был бы прав! Но стереотруба в рассказе не обычная, а трофейная. Это значит, что добыли её у врага в бою или при выполнении разведздания. О данном трофее командирам выше не доложили, оставили себе для выполнения своих задач. Разведчики – бойцы отважные, рискованные. Главное – под трибунал за такое не загреметь.

Коснёмся колхозного быта в войну – второй части рассказа. Общее впечатление от литературы на эту тему – народ работал для фронта на патриотизме-энтузиазме, понимая и принимая все трудности военного времени. Это, конечно, так. А вот какова была реальная жизнь сельчан, – немало узнал из рассказа. Колхозников обирали как липку, по выражению председателя колхоза из рассказа. Они три года не получали за трудодни. Но налоги платили: за каждую живность, картошку, лук, капусту... Как только взойшло – приезжают, обмерят посевы, выпишывают налог, а будет урожай, не будет – это их не касается. Кроме денежного был ещё и натуральный налог, к примеру, за живность – мясом. В складчину покупали бычка и сдавали мясо за двоих-троих. А если задолжал, – могли и корову забрать. Голодным колхозникам председатель, рискуя, выделял под картошку участки на поле, где делянки замаскированы под сплошной колхозный массив. Описаны и другие моменты тяжкого колхозного быта. А наряд-задания по военному зай-

му! Отдельно – на весь колхоз, а ещё, по другому списку, – отдельно для каждого колхозника. Если можешь – уплатишь, нет денег, как чаще и бывало, – должником остаешься. Об этой беспросветной стороне жизни селян в пору военного лихолетья я нигде не читал. Стало больше понимания, какой ценой, какими лишениями и в тылу давалась Победа.

Проза у Иванова разная – и по темам, и по композиции. Возьмём краткие цитаты из статьи московского критика Русланы Ляшевой в журнале «Литературный меридиан»: «Давно заметила, что хорошая книга подталкивает к размышлениям... Из числа таких изданий оказался сборник прозы Владимира Иванова «Что душу волнует – тем память живёт» В повести-ностальгии «Перевозчик, помедли» продолжается традиция деревенской прозы. В рассказе-фантазии «Эмоция» умелое использование в сюжете фантастики. «Динозавр», рассказ-случай, повествует о широте души и помыслов русского человека, которого волнует – не вымрет ли человечество, как цивилизация, наподобие динозавров... И такие книги, как проза Владимира Иванова, укрепляют наш моральный дух. Это настоящая народная литература».

Обычно, когда автор творит разнообразно, о нём штампованно пишут: мол, автор ещё в поиске, не нашел своей темы, не нашел себя. Но у Владимира Иванова это не вразброс и враздробь. Всё объединяет одно – это проза поэта. В рассказах, небольших, емких, – воздух поэзии.

Владимир Иванов

АВТОБИОГРАФИЯ

Как становятся сибиряками? По-разному. Как и многие, моя родова переселилась из европейской части России. В старину как было? Женившимся сыновьям выделяли землю из отцовского надела, а младший оставался в родительском доме. Земли со временем каждому доставалось всё меньше и меньше. Наступал предел, когда делить землю не было смысла. Как быть следующим поколениям? Искать землю на прокорм и обустройство на стороне. Такая причина почему-то мало

где упоминается, но я считаю это важным мотивом переселения. Так наши родственники ещё в Столыпинскую реформу оказались в Сибири, в нынешнем Кузбассе. С ними связь не прерывалась. И если беда случалась, новой волной переселялись в Сибирь. Я мальцом был и видел, как полыхала почти вся улица. Крыши в основном были соломенные. Как заново строиться? До леса, где можно готовить и откуда вывозить строевые брёвна, далеко. Решили податься в Сибирь. И хотя пожар не коснулся нашего дома, но заодно в пятидесятые годы прошлого столетия переехала и наша семья.

Отец мой Василий Николаевич Иванов – участник двух войн: финской и Великой Отечественной. Мать Анисья Александровна Иванова (урождённая Алёшина) во время войны трудилась в колхозе – летом на разных работах, осенью на комбайне, зимой на конном дворе. Потом родители всю жизнь проработали в колхозе и совхозе.

По словам мамы, я в детстве списывал целыми страницами заголовки газеты. Просто срисовывал его в тетрадь, потому что не только писать, но и читать ещё не умел. Чем это объяснить? И потом, в школе, выявилось пристрастие к книгам, к литературе. Помню, в нашей четырёхлетке в коридоре стоял шкаф, набитый книгами. Он заменял библиотеку и стоял поперек коридора как перегородка. Учительница выдавала оттуда книги. А я просил каждый день да через день. Она сказала: будешь читать не больше одной в неделю, много читать вредно, да и на успеваемости отразится. А я что делал? Тайком отжимал заднюю фанерную стенку шкафа и втихаря таскал книги домой. Прочитал – и обратно на место.

Дома была большая тетрадь в чёрном коленкоре, исписанная стихами. Помню эту тетрадь с поблекшими строчками, ещё маленьким держал в руках. Мама рассказывала, что та тетрадь была её брата Николая Александровича Алёшина. Он погиб на Ленинградском фронте. Там были стихи Пушкина, Лермонтова и моего дяди, он тоже писал стихи. Мама берегла тетрадь как память о брате. И мне она стала дорога как семейная реликвия. И стихи, и мама, и та тетрадь были в одном ряду в моей детской жизни. Потом, когда научился читать, стихи влекли ка-

кой-то необъяснимой тайной. Вроде бы простые слова, а вызывают особое состояние, особую музыку в душе. Этого не даёт никакой прозаический текст. Поэзии не может быть в обыденном нашем окружении, где куры разгребают навоз, свиньи валяются в луже, безрадостно дождей осенний сеет. Нет, думал я, поэзия – это волшебство, нечто сказочное, необычное, нездешнее, что живет далеко-далеко за морями, за долами, подобно сказочной Жар-Птице.

Детство и юность прошли в селе Банново Кемеровской области. Истоки многих моих стихотворений – в деревенской жизни, в той природе, которая меня окружала. Луга, перелески, за огородами серебристая речка Банновка, за Томью на горизонте – покрытые тайгой предгорья Кузнецкого Алатау. Окрест села – озёрки и озёра, хлебные поля со светлыми березняками, дальше клюквенные и журавлиные болота. Для детского взгляда – сказочный и необъятный мир. Всё будило фантазию, будоражило воображение. А какая радость увидеть зайца или рябчика, когда отец брал с собою в лес! Сколько подарков, чудес и приволья вокруг деревенским детям! Кулёчек первой земляники, привезённой отцом с покоса, кружка парного молока от мамы с краюхой хлеба... Выбежать на ближайший лужок, распластаться на траве. А в травах новое удивительное царство. Много всякой живности шнётся, копошится, не обращая внимания и даже не ведая обо мне. Взглянешь наверх и тонешь в голубом мареве. Как чудно на белом свете! Кто и зачем всё так устроил? В такие мгновения будто и нет тебя – растворился в окружающем пространстве или пространство стало тобой.

Был мир детства, параллельный реальному, – и населён сказочными существами. Я знал, что в болоте живет Кикимора, а в омуте – Водяной. О них мне поведала бабушка, чтобы я опасался и, не приведя Господь, не попался им в руки. Ослушаешься взрослых, уйдешь один – они вмиг заберут к себе! А на небе жил Бог. И хотя он добрый, но все видит и воздаст за проказы. Да ещё как воздаст! Я Бога почитал, видел, как его любила бабушка. В этом мире пребывала во мне и поэзия:

Отец на току сторожит,
С ним рядом я, греясь, прилег.
А сверху с улыбкой глядит
Всевидающий бабушкин Бог.

Всё это с малолетства жило во мне, было привычным, как воздух, которым дышишь, его не замечая. Теперь, по прошествии многих лет, с приятным удивлением замечая: с возрастом всё отраднее любоваться извечным обновлением природы, всё милее с ней свидания. Особо в межсезонье, когда одно время года перетекает в другое.

Впервые рифмуя строки, не ведал, что стихи для меня – не мимолетное юношеское увлечение, потребность высказаться стихами сохранится на годы. Первые стихи, на которые обратили внимание, были как раз о том, что меня окружало и что я не считал предметом поэзии. Та деревенская природа, те виды, что для меня были обычными и привычными. Мои стихи о сельской природе стали печатать в районной газете. Трудней всего переплавить в поэзию повседневное окружение. Я добываю красоту из жизни некрасивой в общем, сказал поэт. В точку сказал!

Я со школьных лет был активным парнем. В Банновской восьмилетке – председатель совета дружины, возглавлял исторический кружок, фотокружок. В Крапивинской средней школе участвовал в художественной самодеятельности и других общественных делах. В этой школе было производственное обучение, мы учились на механизаторов. Помню, по осени директор совхоза «Банновский» отпросил нас у директора школы. И мы, трое десятиклассников, весь сентябрь на родных полях убрали на комбайне хлеб, поскольку механизаторов не хватало. А ещё раньше мы мальчишками возили копны на заготовке сена, пасли совхозных телят, кроме того, я помогал отцу на конном дворе. Так что сельские заботы мне знакомы с детства. Думал, жизнь моя будет связана с селом. Окончив среднюю школу, работал в совхозе «Банновский» – на покосе, на уборке хлеба, а осенью на тракторе «Беларусь» стогометом скирдовал солому на полях. Поступил заочно

в университет. Когда приехал в город, стал работать в газетах. Редактировал многотиражные газеты на угольных предприятиях, на военном заводе, на железной дороге, на стройке, в технической инвентаризации. Тяга к слову меня и притягивала к редакциям.

Журналистику люблю не только за то, что это словесная профессия. Она знакомит со многими сферами жизни, с людьми разных специальностей. Начинал и десять лет проработал в городской газете, был литературным сотрудником, заведующим отделом промышленности, строительства и транспорта. Освещал производственную жизнь города. Интересная, напряжённая была работа. Одновременно четыре года являлся членом горкома комсомола, председателем городского штаба «Комсомольский прожектор». Проводил рейды на стройках, в шахтах по безопасности труда, по использованию подземного оборудования. Не один, конечно, а совместно с горными специалистами. В разные шахты города спускался раз тридцать. Как-то случайно задел рычаг гидростойки, и крепь стала медленно оседать, все ниже и ниже, кровля затрещала. Страх нешуточный, нутром испытал опасность горняцкой профессии. Хорошо, горный инженер, мой гид, исправил ситуацию... Добыча угля открытым способом мне тоже знакома, несколько лет редактировал газету, заведовал отделом информации компании «Кузбассразрезуголь».

В 1983 году меня приняли в Союз писателей СССР. Думал: наконец-то могу заняться только писательством! Зимой работал за письменным столом. Но гонорары – событие довольно редкое и нерегулярное, поэтому летом подрабатывал на стройках. Например, на ремонте и наружной отделке Тайгинской макаронной фабрики. Штукатурил высоченный мукоприемник Юргинского хлебозавода, участвовал также в побелке и покраске его внутренних цехов. Красили и белили без остановки печей. Жара невыносимая, пот льет ручьями, а ты – знай води малярной кистью или валиком... В Белове ремонтировал жильё работникам хлебозавода. Вёл кровельные работы на хлебозаводе Новокузнецка. Работал также в системе мелиорации. А в армии служил в Забайкальском военном округе. Этот жизненный опыт стал осно-

вой моей прозы. Если бы не резкие изменения в связи с перестройкой, удалось бы воплотить многие творческие задумки. А не топтаться, как сейчас, на кладбище замыслов. Но всё-таки я успел десяток лет побыть человеком свободного труда, свободным художником. Жалею, что профессионально поработать в литературе удалось немного. После перестройки это стало невозможно, писателям перестали платить журналы, издательства, не стало гонораров, я снова начал работать в газетах. Хемингуэй говорил: газета раздробляет ум, писатель должен уйти из неё, пока этого не случилось. В чём-то он прав. Но для меня журналистика была благим делом. Во-первых, это всегда надёжный кусок хлеба на близкой мне по духу словесной ниве. А сколько было встреч с интересными людьми!

Мне не раз делали заманчивые предложения, но судьбу я выверял писательской меркой, считая, что это моё главное дело, а всё остальное – побочное. Однажды вызвали в управление КГБ. Я – крестьянский сын, учусь в университете, член горкома комсомола. Моя кандидатура вполне подходит для направления меня в школу КГБ. Есть вероятность попасть в разведшколу. Я сознался, что иностранный у меня хромает. Это даже хорошо, сказали мне. Там заставят забыть, чему учили, и будут переучивать заново. На размышление дали неделю. Я прокручивал в голове возможные варианты. согласишься – уже полдневольный человек, уже другие будут управлять твоей судьбой, а не сам. Отказался. На меня такие взгляды! Парень, ты хоть понимаешь, от чего отказываешься?! Это же совсем иная жизнь, другого уровня! Редко кому предлагают такое! Но я остался при своём решении. Предлагали также пост главного редактора газеты «Железнодорожник Кузбасса», она выходила на две области – Томскую и Кемеровскую. Я был замом редактора. Тоже отказался. Меня только-только приняли в Союз писателей, никакая другая работа тогда не привлекала.

Заманчивое предложение сделали и в армии. Я был автоматчиком, башенным пулеметчиком на бронетранспортёре с крупнокалиберным пулеметом Владимирова. Активно писал материалы в дивизионную и

окружную газеты. Потом меня перевели в дивизионную газету корреспондентом.

Кадровые военные корреспонденты – все питомцы Львовского высшего военно-политического училища. Все друг друга знают. И когда приезжал из Читы военкор окружной газеты «На боевом посту» лейтенант Володин, меня вызывал к себе редактор нашей дивизионки «На страже Родины» капитан Лаврук. Мы, говорил он мне как-то не по-военному, а дружески, с Колей устроим мальчишник, вспомним о былом. Ты же постарайся выполнить, что тебе Коля скажет. Лейтенант протягивал список с заданием. Он в нашу дивизию командировался неоднократно. Выполняя его задания, я побывал в мотострелковых частях, в танковом полку, в автобате, разведбате, в батальоне связистов, химроте, в полку артиллеристов. Я освобождался от своих прямых обязанностей и писал материалы для Володина. На День печати был награжден Благодарственным письмом окружной газеты. Статей, заметок, репортажей, зарисовок выходило много, и все их публиковать под одной моей фамилией для редакции было неудобно. Володин с моего согласия подписывал большинство моих творений фамилиями моих сослуживцев. В нашей типографии было шестеро солдат: один – водитель, остальные – наборщики. И надо было видеть, как я их строем веду на почту получать мой гонорар! У меня, военкора, был пропуск на свободное хождение по гарнизону. Мы закупали в армейском магазине всякой всячины и много дней потом не ходили в нашу отдаленную солдатскую столовую на обед.

По окончании службы, после офицерских курсов мне предложили остаться военным корреспондентом окружной газеты «На боевом посту». Перспективы тоже заманчивые. Веский аргумент – на пенсию уйдешь намного раньше, чем на гражданке, да еще в чине подполковника. Но военный человек – лицо подневольное, куда прикажут – туда пойдешь-поедешь. Тоже отказался. У Глеба Горбовского есть строки: «Война мальчишке обострила зренье. / Не променял на золото погон / Серебряной строки стихотворенья / И в общий сел, прокуренный, вагон». От таких отказов, может, немало упустил. Но я-то свою судьбу

знал и оберегал её от давления извне. Так что фортуна, удача, счастливый случай стучали не в ту дверь. Зато я жил, как хотел, стал, кем хотел, сам правил своей судьбой, а не внешние обстоятельства коржили жизненный путь и выворачивали душу. Согласись я на соблазнительные, выгодные в материальном плане предложения, то прожил бы чужую, а не свою жизнь. При принятии решений всегда побеждала та самая, вынесенная из детства, мечта о поэзии, о писательстве. Она была и остаётся оберегом самого главного в душе. Служение слову, следование своему призванию выстроили мою судьбу такой, какая она и сложилась.

Я привел факты биографии. Но на стихи биография почти не влияет. Где и кем трудился – для поэта не столь важно. Рабочая анкета больше скажет о прозаике, а в поэтической судьбе она мало что значит и мало что поясняет, разве что – насколько обстоятельства препятствовали или способствовали творчеству.

Поэзия – такой неуловимый предмет! Можно взять отпуск и сесть за стол писать стихи, весь месяц просидеть и не написать ни одной стоящей строки. У Бориса Примерова есть стихи: «Быть может, совсем не случайно, / Кого-то рукой отстраня, / И мне повстречается тайна, / Которая ищет меня». Поэт держит себя в тонусе, в особом настрое для встречи с этой тайной. Поэзия осеняет неожиданно, временами. Но ты должен быть готовым к этому постоянно, – чтобы дух не дремал, чтобы миру был открыт. Радость встречи с поэтической тайной порой озаряла мою жизнь ни с чем несравнимым чувством.

Если исходить из того, что искусство, помимо прочего, заключается ещё и в том, чтобы на меньшем пространстве, объеме выразить как можно больше, то рассказ для этой задачи самый подходящий жанр. К тому же в наше вечно спешащее время, рассказ – самый подходящий формат. Писать его трудно, текст не спасёшь плетением словес. Всё должно быть выверено, должно стоять на своём месте. Рассказ имеет нечто общее со стихами. По ёмкости смысла, по сжатости выражения, по ассоциативным связям. Вообще лучшие рассказы по содержанию потянут на повесть, а то и на роман. Вот на столе складной зонтик.

Занимает мало места. Как и рассказ. А раскроешь его, развернёшь... Сравним, сколько он места занимал сначала и сколько пространства охватил теперь! Так и настоящий рассказ: в малом формате – огромное содержание. Это достигается... Как достигается? А кто его знает! Если механически паковать события, как зонтик, – ничего не получится. Выйдет нарочитое смещение событий, времени, эпатаж, пустышка. А как же тогда научиться писать? Да никто никогда никого ни при какой погоде писать не научит! Только сам! Пытаться понять, как в текстах лучших писателей это сделано, как это написано. Научиться опускать лишнее, научиться читать между строк. Это трудно. Писатель же про это не писал, а почему я это знаю? А потому знаешь, что писатель достиг такого мастерства, что тебе это между строк, умолчанием сказал! Учиться писать – это ещё и научиться читать. Общеизвестно: скульптор отсекает от мрамора лишнее – и выходит прекрасная Венера Милосская. Как удивительно в паузах воздух поёт за него, сказал поэт про соловья. В паузах – это между строк, фигурой умолчания. Я не просто так привел строки поэта про воздух. Чрезмерная плотность рассказу может и навредить. Не будет места для воздуха, для читательского воображения. Нужно чувство меры. А этому тоже никто не научит. Скорее, это врождённое чувство. До тебя создано столько прекрасных творений! Что ты ещё можешь добавить? В идеале – написать о том, о чём ещё не писали. Или написать так, как до тебя не писали. Новизна подачи, новизна темы должны присутствовать хотя бы отчасти. А что касается композиции... Когда всё пережито, пропущено через душу и сердце, осмыслено, о чём хочешь поведать, – рассказ сам подскажет, в какой форме его изложить.

Книги Владимира Васильевича Иванова:

Беседую с тобой : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1979. – 79 с.

Земной парус : стихи. – Москва : Современник, 1982. – 47 с.

Величальная дню : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1988. – 144 с.

Тропа земная : стихи. – Москва : Современный писатель, 1993. – 42 с.

Глубинка : стихи. – Кемерово : Сибирский родник, 1993. – 64 с.

Вот такая история : проза. – Кемерово : Сибирский родник, 1996. – 240 с.

Под знаком Водолея : стихи. – Кемерово : Земля и воля, 1997. – 74 с.

На родину еду... : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 1998. – 207 с.

Всё любимо с детских лет : стихи. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2005. – 120 с.

Хлебозоры : стихи. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2009. – 144 с.

Что душу волнует – тем память живёт : проза. – Кемерово : Азия-Принт, 2014. – 240 с.

ИЗ КНИГИ «СИНИЕ СТАВНИ»

БЕРЕГИНЯ

*Ярославна с утра плачет
в Путивле на стене, причитая...
Слово о полку Игореве*

Когда княжна Ярославна
Рыдала по нём – не по мне,
Я пал вместе с ним, но прославил
Женщину на стене,

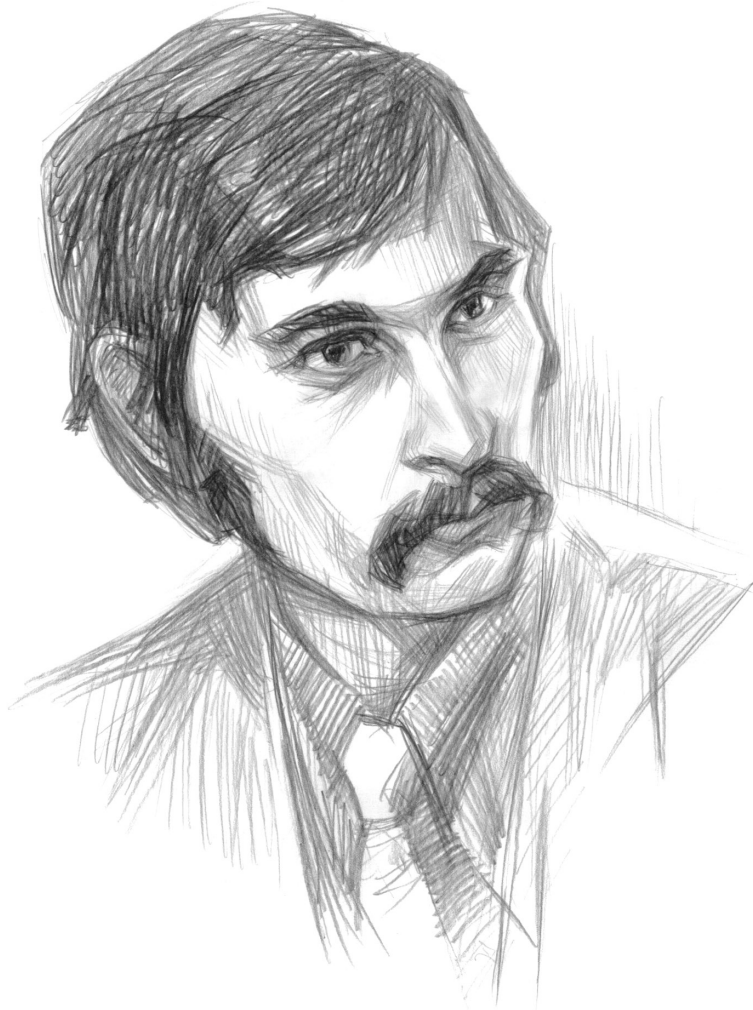
Рыдавшую, мир отринув,
Руки свои заломив.
Она была Берегиней,
А что для неё был мир?

А позже, когда уж мало
Останется дней, пойму –
Родина есть и мама,
И я не уйду во тьму.

А женщина, что Богиней
Меня в свой дом привела?
Весталкою, Берегиней
Недолго, да побыла.

Что бы там ни было – ладно!
Пока есть родная речь,
Я с этой бедою слажу –
Было б кому беречь.

Я не из тех, кто бранили,
Смешав и хулу и лесть.
Россия,
 моя Берёгиня,
Спасибо за то, что ты есть.

Александр Иванович Катков

27 июня 1950 г., хутор Зайцево, Курский район, Ставропольский край –

8 февраля 2021 г., Кемерово

Поэт, переводчик. Член Союза писателей России с 1992 года

ХОДИКИ

*Памяти бабки моей
Феодосьи Федоровны*

Говорила: «Ну что вы всё ходите
Мимо окон, проезжий чужак?».
А в простенке перечили ходики:
«Может – он? Может – твой? Может – так?».

А потом они так отмеряли,
Феодосья, свиданья твои,
Что и сами собой замирали
В ночи, полные бабьей любви.

Как же время жестоко бежало
Под размеренную тишину!
Ты готовила, шила, рожала,
Провожала его на войну.

В ожиданье грядущей печали
Заржавел голубой циферблат.
В сорок пятом всё лето стояли –
Это он не вернулся назад.

И казалось, истошному крику
Всю себя до конца отдала.
Но потом ты подправила гирьку,
Стрелки правильно подвела.

Поднимала себя и сына,
И на внуков хватило сил,
У которых теперь над камином
Электрические часы.

Нет тебя. Только крест над холмиком
На погосте, среди тополей.
Но не крест – я поставил бы ходики,
Словно памятник жизни твоей.

Это родина – синие ставни,
Это родина – ивы внаклон,
Над которыми сирыми стаями
Птицы тянутся в небосклон.

Было вдоволь и песен, и хлеба,
Жизнь вздохлёб и беда по плечу.
Но под этим единственным небом
Я от родины мало хочу.

Я хочу, чтоб земля не скудела,
От которой и песня, и хлеб,
Чтобы, делая нужное дело,
Не оглох я и не ослеп.

Я хочу, чтоб река не мелела,
Чтоб пьянил и дурманил чабрец,
Чтобы мама моя не болела
И чтоб сильным остался отец.

СУДЬБА

Потом это станет судьбой:
Прощанье с отчизною милой,
Ослепшее небо над миром,
Как мамин платок голубой.
И поезд на запад от Бреста,

Сначала вокзалы, потом,
 Оставшись на стройках и фресках,
 Вся Русь пропадёт за холмом.
 И юность начнётся сначала,
 Вернее, – продолжится вновь,
 Но с необъяснимой печалью
 Повенчана станет любовь
 К вечерним готическим шпилям,
 К домам, как к древнейшим томам,
 В которых изысканным штилем
 Смущали всеведущих дам,
 И Гёте, сдружившийся с чёртом,
 И Лютер, швырнувший в него
 Чернильницу с явным расчетом
 Себя запродать самого,
 Но главное – утренний Лейпциг,
 Как праздник душе и уму,
 Когда ты, свободный от лекций,
 Спешишь на свиданье к нему,
 Точнее, в бессонную кирху,
 Где пробует Мастер орган,
 Который рыданий и криков
 Пока ещё не исторгал.
 Ты знаешь: здесь рядом, в неволе
 Спит Мастер. О нет, он не спит!
 Как будто на минное поле,
 Ступая на чопорность плит,
 Тыходишь с волнением и страхом,
 Оставив чуть-чуть в стороне
 Могилу могучего Баха,
 Не дремлющего в глубине.
 Ты знаешь: вот чудо начнется
 И двери сорвутся с петель,

И сердце твоё разобьется
 В предчувствии страшных потерь,
 Когда это время растает,
 Едва прозвенев над тобой,
 Когда эта музыка станет
 Провиденьем, жизнью, судьбой.

ПУТЬ НА ИТАКУ

Пусть обнажится жизни горчайшая суть.
 Но чтобы в бессилье от этой беды не заплакать,
 Я вспоминаю тогда, что есть непотерянный путь
 По сломанной жизни, по памяти – путь на Итаку.

На чёрный мой день я его для себя приберег,
 На чёрный мой день для грядущей однажды печали.
 И сколько обманных пройти не придётся дорог,
 Мой путь на Итаку кончается в раннем начале...

Я жизнь полюбил не за праздник премьерных кулис
 И не разлюблю за случайность и краткость явления.
 Я суетно жил, и пусть сбиты до крови колени,
 Но путь на Итаку всегда выбирает Улисс.

Тот путь к тополям на осенний багряный пожар,
 По листьям сгоревшим – в распахнутость гулко́го дома,
 К тропинке средь трав, по которой мальчонкой бежал
 К смеющейся маме, в её молодые ладони.

И небо моё никогда не померкнет окрест,
 Не сгинет душа в безысходности боли и мрака,
 Пока я живу на земле, и пока на ней есть
 Мой путь на Итаку, спасительный путь на Итаку.

ИЗ КНИГИ «ВЕТЕР СЛАВЯНСТВА»

В бесплацкартном, а проще – в безместном,
Днём и ночью – куда захочу,
Это я – молодым и безвестным
По дорогам России лечу.

Вот лечу девятнадцатилетним,
Так, что сразу теряется след,
Синяков ещё нет и отметин,
Искры божьей – и той еще нет.

Я лечу по дорогам отчизны,
А ещё и нерусские ждут.
И российские вёты из жизни
Не на год, не на два пропадут.

Я не верю ни в чёрта, ни в Бога
Верю в праздничность бытия.
Но каким неожиданным боком
Повернется планида моя!

Ах, как горько и непрестанно
Вспоминаться будет потом
Промелькнувшая на полустанке
Чья-то девушка с жёлтым флажком.

Но вернусь, наглотавшись пространства
И оглохнув от стука колёс.
Дым отечества, ветер славянства
Мои щёки осушат от слёз.

Двух разгневанных рек слиянье,
Лютой ненависти и любви.
Где татары и где славяне?
Своих мать и отца назови.

И припомни века такие,
Когда срезав верёвкой стон,
Анастасью и Евдокию
Забирали с собой вполон.

Вот и вдумайся, чьи доселе
Были острые скулы твои
И на чём проросло твоё семя –
На крови или на любви?

Да, в том времени, как в постромки,
Всё сцепилось и всё слилось.
Да, мы русичи, мы – потомки
Конских ржаний,
пожаров
и слёз.

Но потомки Андрея Рублёва,
Не распятых вовек русаков,
Для того, чтобы снова и снова
Рвать сердца из постылых оков.

Да, действительно, рек слиянье,
Да, Настасья с искусанным ртом.
Я за вас, родные славяне,
Встану с правдой и со щитом.

Я эту мысль додумаю потом.
Теперь бы мне с собою разобраться,
поставить точку, с памятью расстаться,
и пусть она летит за окоём.

Повадилась бессонница ко мне
ходить и ждать над самым изголовьем,
когда прощусь с единственной любовью,
лишь мутный свет появится в окне.

Но засыпаю, сны мои легки,
я чутко сплю, и мне под утро снится
та женщина, как чистая страница,
где нет ещё нечаянной строки,

нет той строки, которая насквозь
малиновою нитью жизнь прострочит
и всё до мелочей мне напроорочит,
до бездны, до бессонницы, до слёз.

Я признаю, что виноват во всём,
но не будите птицы, не будите.
Есть мысль одна, страшнее, чем открытье.
Но эту мысль додумаю потом.

Вот и выпали снега.
Вот и выпали.
Над планетой день стоит снеговой.
Мы до доньшка октябрь вместе выпили,
до сих пор хожу с хмельной головой.

Всё проходит на земле,
всё кончается.
Эту истину поймешь ты сама.
А пока высокий тополь качается,
от октябрьских небес без ума.

И пока живу,
надеюсь и верую,
что окончатся мои холода.
Ты была моей последней, как первую...
Я тебя не разлюблю никогда.

ИЗ КНИГИ «ЧАША»

Ад крошечный, и всё же – Россия.
Безнадега уже, беспредел.
Словно целый народ обессилев,
К Богу руки в надежде воздел.

Дверь откроешь – пророки, кликуши,
Медный звон пятаков, пятаков...
И не слышат оглохшие уши
Плач вселенский её стариков.

Всё разрушено, пропито, продано,
Ничего не осталось в душе.
Даже родина, малая родина,
Без присмотра осталась уже.

Где же слезы любви и прощенья?
Впрочем, лучше опять и опять
В ожидании причащенья
В винной очереди отстоять.

Чем прогневали Бога? Не знаем.
Впрочем, знаем и глухо молчим.
Потому и не с нами, не с нами
Пропадает Россия в ночи.

Сколько ж можно, Всевышний, доколе?
То ли к сердцу приставить обреза,
То ли выйти в продутое поле
И прощенья просить у небес.

Значит, надо пройти через это
Одиночество длинных ночей,
Чтоб высокое звание поэта
Подтвердить всей судьбою своей.

И в свой срок за каким-то поэтом
Уходя за глухую межу,
Я, быть может, когда-нибудь где-то,
Оглянувшись у входа, скажу:

«Подтверждаю: я звался любимым
Самой гордой на этой земле.
Потому и ревели турбины
На моём реактивном крыле.
Я не пасынок этого века –
Из глашатаев я и певцов.
Я родился и стал человеком,
Что важнее, в конце-то концов.

И пока я дышу и надеюсь,
Жизнь ночами безбожно кляня, –
Никуда я от жизни не денусь,
Если жизнь не оставит меня».

ИЗ КНИГИ «ПУТЬ НА ИТАКУ»

Как стыдно мимо нищих проходить,
Когда ты сам уже почти что нищий,
И пустота вселенская в груди,
И тишина, как будто на кладбище.

Как стыдно за тебя, моя страна,
Когда тебя раздели до бесстыдства,
И ты, как девка падшая, срамна,
На снежных простынях забыто стынешь.

Но стыд пред Богом – он уже не стыд.
И верую, в надежде на прощенье,
Что праздничною скатертью накрыт
Наш стол для праздника и воскрешенья.

Были бы живы мать и отец.
Всё остальное потом образуется,
Где-нибудь, как-нибудь
да образумится –

Женщина,
жизнь,
строка, наконец!

Сердце моё, всё в неясном «потом»
Мы с тобой вынесем,
вытерпим,

выдюжим,
Лишь бы нам знать, что не брошен,
не выстужен
Солнцем прогретый родительский дом.

ИЗ ЦИКЛА «ДЕТСТВО ДАШИ»

На улице Красной погода красна,
Рябины алеют, и дочка смеётся.
Всё реже и реже уже удаётся
Испить свою радость до самого дна.

Затем, что вокруг неуютное время
И хочешь не хочешь, но сходишь с ума.
И ночью становишься следом за теми,
Кому суждена и тюрьма, и сума.

Но хочется верить, что жизнь не напрасна,
Она, как и прежде, горька и права,
Пока в этом мире на улице Красной
Рябины алеют и дочка жива.

1992 год

Люди должны оставаться людьми.
Пусть из седла тебя подлостью выбило,
Что бы там ни было, как бы там ни было –
Люди должны оставаться людьми.

Не забронируешь место в раю,
Счастье на детских слезах не построишь
Тем, что ты яму заветную роешь
Под несвободу злую свою.

Будем, как дети, чисты и добры.
Разве не мы ими только что были?
Были, да сплыли, о том позабыли,
Непробиваемы и мудры.

Люди должны оставаться людьми.
В женских объятьях, в убийственном споре,
Утром и ночью, в веселье и в горе
Люди должны оставаться людьми.

ИЗ КНИГИ «РОССИЯ, МОЯ БЕРЕГИНЯ»

Я тебя заклинаю в девятом кругу,
что уже без печали твоей не могу.

Я тебе говорю среди белого дня:
«Не суди, если можешь, огульно меня!»

Я во многом виновен, но только не в том,
что стояли, обнявшись, в году ветровом.

Ты казни или милуй, и снова казни,
только сердце моё с этой плахи возьми!

Я не зря повторяю у смертной черты,
что была иногда справедливою ты,

что, скорбя, ненавидя, но всё же любя,
я уже никогда не забуду тебя.

Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.
Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.
Я до сих пор кричу до немоты:

«Ужель была неправедною ты?
Ужели ты, пропавшая страна,
Была так непригожа и срамна?
Ну почему тебя не заслони,
Да с чем я жил, да где я раньше был?».
Я просыпаюсь, до утра курю,
В сырую тьму печально говорю:
«Любимая моя, подай же весть!»
И мне с небес доносится:
«Я здесь...».

Ирина Ащеулова

МОЙ ПУТЬ НА ИТАКУ (ПОЭЗИЯ АЛЕКСАНДРА КАТКОВА)

Внимательный читатель, знакомясь с подборкой стихотворений Александра Ивановича Каткова, заметит три существенные, значимые темы. Во-первых, тема России, понимание национальной идентичности, себя как русского человека. Стихотворения «Берегиня», «Это родина – синие ставни...», «В бесплацкартном, а проще – в безместном...», «Двух разгневанных рек слиянье...», «Ад крошечный, и всё же – Россия...», «Как стыдно мимо нищих проходить...». Во-вторых, связанная с темой родины, тема «родовых», родни, корней, родовой памяти, для самосознания Каткова размышления о родне чрезвычайно важны, это стихотворения «Ходики», «Вот и выпали снега...», «Были бы живы мать и отец...», «Памяти мамы». В-третьих, философские стихи о судьбе, о собственном предназначении, о поэтическом творчестве. Стихотворения «Судьба», «Путь на Итаку», «Я эту мысль додумаю потом...», «А в этом доме пахнет отчим домом...», «Люди должны оставаться людьми...», «Значит, надо пройти через это...».

Тема России, её судьбы значима для поэта, прежде всего, с точки зрения осмысления исторических корней, понимания и проникновения в прошлое страны. Поэтому история неразрывно связана с культурой и литературой, так как смыслы раскрываются и через текст об

историческом событии. Например, в стихотворении «Берегиня» Ярославна из «Слова о полку Игореве», рыдая о князе Игоре, рыдает и о лирическом герое, его судьбе. Ярославна плачем сберегает жизнь Игоря, но Ярославной выступает и мать, и любимая женщина, сберегающая любовь и жизнь своего мужчины. Берегиней оказывается и Россия в целом, так как бережёт и оплакивает своих сынов и дочерей, сберегает родную историю и родную речь. В понимании языка как основы национальной идентичности А. И. Катков переключается с позиции А. А. Ахматовой, её знаменитое «Не страшно под пулями мёртвыми лечь, // Не горько остаться без крова, // И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово» отзывается в строчках стихотворения «Берегиня». «Что бы там ни было – ладно! // Пока есть родная речь, // Я с этой бедою слажу – // Было б кому беречь». Из сбережения языка, речи, культуры «прорастает» тема свободы народа, страны, безусловно, поэт отмечает процессы слияний, ассимиляции русских с другими народами, но национальная, личная свобода остается важной ценностью, несмотря ни на что:

Да, в том времени, как в постромки,
Всё сцепилось и всё слилось.
Да, мы русичи, мы – потомки
Конских ржаний,
пожаров
и слёз.

Но потомки Андрея Рублёва,
Не распяты вовек русаков,
Для того, чтобы снова и снова
Рвать сердца из постылых оков
(«Двух разгневанных рек слиянье...»).

Сильные, яростные строки, отражающие состояние лирического героя, гордящегося своими отчизной и предками. Тем очевиднее надлом современного человека-поэта, оказавшегося в 1990-е в другой

стране, ставшего свидетелем формирования иной системы ценностей. Читая стихотворения, написанные в «лихие 90-е» («Ад крошечный, и всё же – Россия...», «Как стыдно мимо нищих проходить...», «Разрушилась страна, а я остался цел...»), понимаешь, насколько тяжело даётся поэту «переходный» период в культуре, истории, общественной жизни России. Уже первые строки стихотворений выражают смятение, разочарование, боль поэта от происходящих в стране перемен, в «ад крошечный» превратилось пространство родины, а это означает отсутствие надежды, спасения, расплата за грехи. Может быть, это уже не имеет отношения к стихам, скорее это рифмованная публицистика, и сам поэт признаётся: «не поэт я уже, не поэт», но настолько честен и справедлив в стихах Катков, что, безусловно, создается ощущение продолжения традиции Маяковского, Евтушенко, Вознесенского, лирики социальных эмоций.

Но современная Россия – не только нищие старики, распад, спивающийся народ, и поэт фиксирует иные состояния, личные, индивидуальные и социальные. Во-первых, это стихотворения, воплощающие память лирического субъекта-поэта, память о родителях и прародителях («Были бы живы мать и отец...», «Памяти мамы», «Ходики»), память об отчем доме («Это родина – синие ставни...», «А в этом доме пахнет отчим домом...»), понимание и сожаление о стремительно и невозвратно уходящем времени жизни. В этом ряду пронзительно стихотворение «Ходики» – о судьбе бабушки, воплотившей своей жизнью образ многомиллионной армии русских женщин, вынесших на своих плечах тяжести и катастрофы любого исторического периода и поднявших, вырастивших не одно поколение детей, будущее страны.

Как же время жестоко бежало
Под размеренную тишину!
Ты готовила, шила, рожала,
Провожала его на войну.

В ожиданье грядущей печали
Заржавел голубой циферблат.
В сорок пятом всё лето стояли –
Это он не вернулся назад.

И, казалось, истошному крику
Всю себя до конца отдала.
Но потом ты подправила гирьку,
Стрелки правильно подвела.

Поднимала себя и сына,
И на внуков хватило сил,
У которых теперь над камином
Электрические часы.

Во-вторых, стихи о себе, о своём месте в реальности, такой меняющейся и тяжёлой. Можно утверждать, что это, во многом, медитативная лирика, размышляющая, философствующая о месте поэта, неравнодушного индивида в мире («Судьба», «Путь на Итаку», «Значит, надо пройти через это...»). В этом контексте сильную позицию (финал всей подборки) занимает стихотворение «Значит, надо пройти через это...», оно о жизни, о судьбе поэта, о его роли в реальности и в литературе. С точки зрения А. И. Каткова, суть поэта проявляется и в одиночестве, в одиночном пути к слову, но, в то же время, это и общая «межа» литературы, когда перед тобой слова и судьбы других поэтов. И, конечно, поэт – слепок, проявление жизни, все его мысли и слова – от неё:

И пока я дышу и надеюсь,
Жизнь ночами безбожно кляня, –
Никуда я от жизни не денусь,
Если жизнь не оставит меня.

Отрадно, что в подборку вошло мое любимое стихотворение «Путь на Итаку». Я считаю это стихотворение одним из лучших у Каткова, одним из лучших в кузбасской поэзии. Оно вызывает у меня ощущение неизъяснимой грусти от невозможности возвращения в прошлое, в своё детство, к живым родителям. Но, в то же время, где-то внутри нас всегда живет память о доме, хотя бы в памяти мы находим свой путь на Итаку. Стихотворение вписывается в мифопоэти-

ческий контекст русской поэзии – упоминается сюжет о путешествии Одиссея, царя Итаки, участника Троянской войны, известного своей изворотливостью и хитростью (К. Батюшков «Судьба Одиссея», О. Мандельштам «Золотистого мёда струя из бутылки текла...», И. Бродский «Одиссей Телемаку»). После окончания войны и падения Трои Одиссей 10 лет добирался до родного дома, испытав гнев богов и превратности судьбы. Достигнуть Итаки – значит, преодолеть трудности и жестокость судьбы, остаться собой, не утратить веру в себя, близких. Итака становится не географическим объектом в данном контексте, но символом дома, родной пристани, покоя. Поэтому для любого читателя путь на Итаку свой. Каждый может быть Одиссеем, у каждого есть своя судьба, свои невзгоды, трудности, но при приближении родного дома, при воспоминании о матери и отце – неприятности уходят на второй план, остается только дорога домой, родные тополя, крыльцо, мамины слова, мамины руки. В любых жизненных ситуациях заклинание «мой путь на Итаку, спасительный путь на Итаку» может действительно спасти, мобилизовать, заставить всё преодолеть и оказаться дома, причем не в физическом пространстве, а в ментальном, духовном. В пространстве любви и памяти. Поэтому стихотворение и запоминается, оно универсально по смыслу, значимо для внутренней работы души. Читая его, понимаешь, что не властен над судьбой, что «времена не выбирают», что «жизнь прожить, не поле перейти», но в этом понимании важна не слабость, а сила человека, моя сила, которая питается уверенностью, что Итака вечна и незыблема.

Путь А. И. Каткова «на Итаку», в кузбасскую, русскую литературу значим и ярок, это путь современника века и времени, их исканий и судеб.

Дарья Каткова

БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА КАТКОВА

Александр Иванович Катков родился 27 июня 1950 года в казачьем хуторе Зайцево Курского района Ставропольского края. Имя будущему поэту было дано в честь старшего брата отца, который совсем юным по-

гиб на фронте в самом начале Великой Отечественной войны. С самого детства маленький Саша тянулся к книгам. Интерес поощряли родители – мама Зинаида Петровна Каткова, которая почти всю жизнь проработала учительницей младших классов и библиотекарем, и отец Иван Иванович Катков – его профессии были связаны с физическим трудом, но, несмотря на это, он любил читать и писал стихи. На столе в комнате Саши всегда были книги по литературе, истории, астрономии.

Александр был старшим сыном в семье. Его брат Виктор – на три года младше. Небольшая разница в возрасте позволила мальчикам с детства быть не только братьями, но и настоящими друзьями. Крепкую связь они сохранили на долгие годы. В своих воспоминаниях Виктор Иванович Катков отмечает огромную тягу брата к знаниям. «Бывало, Саша прочтет что-то интересное, а потом мы вместе проверяем эту информацию на практике – так мы строили самолёты, фотографировали звёздное небо на фотоаппарате с большой выдержкой. Конечно, Саша был инициатором всех этих экспериментов, а я присоединялся к ним на правах брата. Однажды на каком-то празднике директор нашей школы пригласила Александра на сцену и ласково, почти по-товарищески, назвала его «нашей ходячей энциклопедией».

Первые стихи Александр написал в юности. В то время вместе со своим школьным другом они «выпустили» первую книгу стихотворений – отпечатали 20 экземпляров на пишущей машинке, сшили листы и разместили в «сборнике» свои фотографии. «Самиздат» – так шутливо вспоминал об этой «книге» поэт. Уже тогда в ней он «опубликовал» десять своих стихов.

Окончив среднюю школу, Александр Катков поступил в Пятигорский институт иностранных языков. Поступление далось ему легко, а способности студента преподаватели распознали почти сразу. После окончания трех курсов ему представилась возможность продолжить учебу в Германии (ГДР) – Университете имени Карла Маркса в Лейпциге. От всего факультета выбрали только его. За победой стояла огромная работа, иногда даже вопреки желаниям молодого студента. Здесь на помощь приходила преподавательница немецкого языка, которая верила в способности будущего поэта, – чтобы у Александра

не было других искушений, на которые так свойственно отвлекаться студентам, она запирала его в аудитории учить очередную тему или оттачивать произношение, а через несколько часов открывала кабинет и проверяла знания.

В Лейпциге Александр защитил дипломную работу на факультете германистики, а в свободное от учебы время работал экскурсоводом – проводил экскурсии по немецкому концлагерю. Позже поэт вспоминал, что это была очень мощная экспозиция, которая никого не оставляла равнодушным – камеры пыток, домашняя утварь и детские игрушки, брошенные узниками; место, где время как будто остановилось. За три года, которые Александр прожил в Лейпциге, он отточил свое произношение немецкого максимально близко к произношению носителей языка, в этом помогала и работа – иногда его собеседники очень удивлялись, узнав, что он русский.

Вернувшись из Германии, Александр практически сразу отправился служить в Советскую Армию. По распределению он попал в ракетные войска в Прибалтике (г. Таураге). Будущий поэт не забывал про немецкий язык, занимаясь переводами с немецкого на русский. Узнав о способностях рядового-переводчика, получающие высшее образование офицеры обращались к нему с просьбой о выполнении домашнего задания – а после благодарили за качественные переводы, хотя и признавали с улыбкой, что в технических моментах работы ракетных установок он понимал мало.

Осенью 1974 года после службы в армии Александр Катков переехал в Кемерово, где преподавал немецкий язык в кемеровских вузах (КемТИПП, КГИК) и городских школах. Постепенно он сконцентрировал свое внимание на литературе, а точнее, на поэзии, хотя в середине 1990-х несколько раз ещё возил экскурсионные группы в Германию. Примерно в это же время он перевел один из самых популярных романов Яна Флеминга о Джеймсе Бонде на русский язык.

Первый поэтический сборник «Синие ставни» издан в 1985 году, а в 1992-м Александр Катков стал членом Союза писателей России. С 1998 года являлся членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса». В последние годы работал специалистом по связям с общественностью в Доме литераторов Кузбасса.

С 1986 года А. И. Катков постоянно приезжал на Ижморскую землю, с 1994-го 2014 год был постоянным членом жюри районного литературного конкурса «Поэт года» в Доме детского творчества, был редактором поэтических книг воспитанников детского районного клуба «Ижморские искорки». Способствовал вступлению в Союз писателей России Зои Козловой, детского поэта, редактировал книги «Ижморской Агнии Барто».

За литературное творчество поэт Александр Катков был удостоен нескольких литературных премий. Лауреат премии «Молодость Кузбасса» (1988); областной литературной премии «Образ» (2007); лауреат муниципальной премии им. И. М. Киселёва (2009); литературной премии им. В. М. Баянова (2014).

На стихотворения Александра Каткова («Приду над Томью постоять...», «Значит, надо пройти через это...», «Вот и выпали снега...» и др.) кемеровские барды Виктор Егоров, Владимир Коньков написали ряд песен, пользующихся неизменным успехом у слушателей. Александр Иванович Катков умер 8 февраля 2021 года в г. Кемерово, похоронен на Центральном городском кладбище № 5 (квартал 126, место 36).

Книги Александра Ивановича Каткова:

Синие ставни : стихотворения / вступ. ст. В. Ф. Матвеева. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1985. – 64 с.

Ветер славянства : стихотворения. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1990. – 95 с.: ил.

Чаша : стихотворения. – Кемерово : Кузнецкая крепость, 1992. – 64 с.

Путь на Итаку : стихотворения. – Кемерово : Союз писателей Кузбасса, 1998. – 171 с.

Сирень : стихотворения о любви. – Кемерово : Сибирский писатель, 2005. – 71 с.

Россия, моя Бергиня... : стихотворения. – Кемерово : Ректаймс, 2010. – 197 с.

Вина : стихотворения. – Кемерово : Офсет, 2016. – 211 с.

ИЗ КНИГИ «ЗЕЛЕНАЯ ДУДКА»

Овраги за оградой и тальник.
Затем бугор за школою и – воля!
Рассыпан петушиный звонкий крик
цветами перепёлкиного поля.

Затем холмом возвышенный лесок,
наполненный мечтами и полётом.
Там дудочки зелёной голосок
томится за берёзовым заплотом.

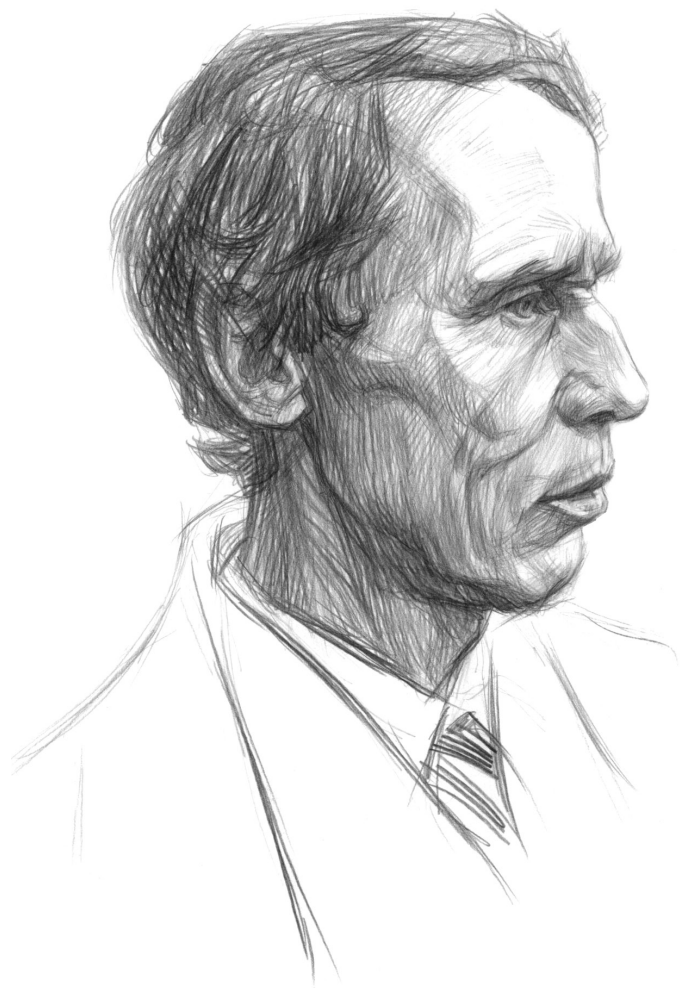
Затем ручей, впадающий в Иню,
за ними – лес застыл раскатом грома.
– А дальше?
А дальше чёрт пугает ребятню,
чтоб далеко не бегала от дома.

«АВЕ МАРИЯ»

В этом доме когда-то я в детстве бывал.
Там картина над спинкой дивана,
в тёмных плюшевых шторах изысканный зал,
в зале – книги и фортепиано.

Там сирень ароматом дышала в окно.
Был тот мир мне совсем незнакомым.
Мне казалось, там люди пришли из кино
вместе с садом, сиренью и домом.

Там вечерней порой пили чай при свечах
под нерусские песни с пластинки.
Говорили о Шуберте и флюгерах,
о строительстве и Метерлинке.

Виктор Анатольевич Коврижных

5 ноября 1952 г., с. Старобачаты, Беловский район, Кемеровская область –

30 августа 2022 г., там же

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1999 года

Там красивая женщина – как её звать,
я не помню... Лишь помню, как мило
улыбаясь, давала мне книги читать
и со мною на «Вы» говорила.

И на фортепиано играла она!
Кольхались на клавишах руки,
рассыпалась на тысячи звёзд тишина,
звёздам плакались нежные звуки.

Мне казалось, я сплю и летаю во сне,
сердце сладкой сводило истомой.
«Это – «Аве Мария», – ответили мне
благородные жители дома...

В этот дом я когда-то, как в храм, приходил,
за дверьми оставляя ботинки.
И я женщину эту наивно любил
вместе с Шубертом и Метерлинком.

Эти свечи и звуки, мерцанье огней
в моём сердце так странно плескались.
И что было высокого в жизни моей
с этой музыкой соприкасалось.

...Они вскоре уехали строить мосты
на Восток. В дом вселились другие.
И я долго пытался в них видеть черты
от неведомой «Аве Марии»...

ПРЕДЗИМЬЕ

А в деревне опять молодая зима
правит будничной жизнью и волей.
Нынче колют свиней, и встречает с холма
терпкий запах дымов и подворий.

Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов, –
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов,

...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.

Дым палёной щетины синее в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах
озарённых языческим солнцем.

Гулко цепи звенят и скрипят ворота;
чует мясо собака утробой:
дрожь истомы – волной от ушей до хвоста,
и язык, словно пламя озноба!

Ритуально хозяин сдирает нагар –
точность рук и наследственный опыт.
Из распахнутой туши – клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.

Шёпот жёлтых страниц – у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свињи голова
сквозь глаза деревянного Чура.

Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой,
и янтарная желчь над крылечком.

Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак,
и гремят нетерпеньем стаканы!

За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски споют,
утирая украдкой слёзы...

1990 год

СЕЛЬСКИЙ ЛИРИК

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моём!.. Трубы водонапорной
побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звёзды на погоны
и звание соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь в селе гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,
мне видно, что растёт на огороде,
и виден лес встречающий грозу.
Я над селом, как будто в карауле.
Кричат внизу: «Слезай, Витёк, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..»

И высотой горней окрылённый,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
И даже зоотехник на правление
отметил: повышаю настроенье,
а значит, и надой молока.

Мой дом почти как штаб при сельсовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей, –
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой –
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы
учётчика и Дуську-продащицу –
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастёт...

ИЗ КНИГИ «ИЗБРАННОЕ ВРЕМЯ»

СКАЗАНИЕ О НАРОДНОМ СЧАСТЬЕ

1

Рубит новую баньку Савельев Андрей.
Рубит в «лапу» углы, как по нитке!
Так подгонит венцы – ни горбов, ни щелей
и, мерцая, лежат словно слитки!

Он ошкурит бревно, и смолистый настой
зном вызвонит связь поколений:
берендеевый полдень и свет золотой
деревянных столиц и селений.

Исполняет Завет топора да пилы!
Не работает будто – играет!
И топор его ловко разносит углы,
и впритирку пазы выбирает.

Ляжет комель к вершине, вершина к комлю,
свяжет плотно «замком» и шкантами.
Я, пожалуй, себе тоже баньку срублю,
полно душу морочить стихами!..

Выйдет Люба, жена, томно к срубам прильнёт
и подаст мужу квасу бидончик.
В каждом слове то лебедь, то солнце живёт,
то цветок полевой колокольчик.

И жене улыбнётся Савельев Андрей,
пот с лица рукавом утирая.
До чего же любовь возвышает людей,
быть красивыми повелевает!..

Он щепу соберёт и стаскает во двор –
будет печке растопка и пища!
И в холодную воду опустит топор,
чтоб остыл и окреп топорием.

Неприметное счастье житейских основ:
сходит Люба с ведром за водою.
Приготовит на ужин сметаны, блинов
и корову Рябинку подоит...

2

Я однажды всплакнул, когда тихий покой
был пропитан сиреневым хмелем.
Показалось, что имя моё над рекой
голосами вечерними спели.

В синих сумерках тополь листвою отливал
полусвет, будто слово молитвы.
И поставленный сруб за окошком сиял,
словно маслом лампадным облитый.

И пришло ко мне счастье – любовью к земле,
где сирень в палисадах, скворечни,
деревянный мосток, роща в ласковой мгле
и смиренные избы вдоль речки.

Да столетний ранет над отцовским крыльцом,
да просторы небесного света!..
Ненаглядное, нежное с юным лицом
в лёгком платье зелёного лета.
То ли юность моя, то ли утро строки,
что меня вознесёт до бессмертья! –
Лёгкий ветер и свет просквозят вдоль реки
и затихнут вдали, и померкнут...

Улыбнётся земля и наступит рассвет.
 для народного счастья пригодный.
 Снова счастьем чужим, будто солнцем согрет,
 и дышать так легко и свободно.

ПЕРВЫЙ РЕЙС

В этот день я пришёл самым первым в гараж.
 Всю машину протёр и прочел инструктаж.
 Расписался механик в путёвке моей.
 И я выехал в мир из гаражных дверей.
 Еду сам! Наконец-то, ура! Еду сам!
 Из груди сердце птицей рвалось к небесам!
 Всех подряд обгонял я на улицах дня,
 все девчонки, казалось, глядят на меня!
 И машина моя величава-вольна,
 производственным счастьем сияла она.
 На ходу доставал и курил «Беломор»,
 на погрузку въезжал, как заправский шофёр,
 И, как все шофера, я боялся, что вдруг
 остановит ГАИ и права отберут...
 Был ухаб не помеха и мчаться – не лень.
 Всю Россию объехать хотелось в тот день!
 А вернувшись в гараж, я свой лист путевой
 нёс, чтоб видели все: я – шофёр с грузовой!

НА КРАНЕ

Высоко сажу.
 Далеко гляжу:
 переезд метут составители;
 бригадир пьёт чай –
 перерыв сейчас –
 я на мир смотрю удивительный.
 Солнце льёт волной
 золотистый зной,
 за рекой мелькнёт платье белое.
 «Стропаля» – в тени.
 (Отдохнуть бы им, –
 столько дел с утра переделали ...)
 Голосистый птах
 расшвыстелся так,
 словно правят им дни высокие!..
 Над моей стрелой,
 над моей судьбой
 небеса стоят синеокие.
 Высоко сажу,
 далеко гляжу,
 заводской гудок взмыл над кронами.
 Бригадир встаёт,
 мне сигнал даёт,
 время вновь вперёд с места тронулось ...

ИЗ КНИГИ «СКАЗАНИЕ О НАРОДНОМ СЧАСТЬЕ»

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прояснились небесные глаза,
 раскинулась дуга над водоёмом.
 Брела на север медленно гроза,
 окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
ржой изошли стремя и подковы.

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Глухо меха проворчат, и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

ИЗ КНИГИ «ЧЕРЁМУХОВЫЙ СПАС»

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Притихнет зной, как пчёлы в ульях.
Покой задумчивый настанет.
Вновь в тишину вечерних улиц
выносят свет ладони ставен.

На всплеск ведра во мгле колодца
собачий лай взлетит ответно,
цепочкой длинною прольётся
от крайних изб до сельсовета.

Блеснёт звезда росой небесной,
примолкнет речка в дымке белой.
Стволы берёз с холмов окрестных
струируют свой свет во все пределы...

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
 Живы хлебом и небом разлук.
 Деревянными буквами пишут письмо
 В министерство почётных наук:
 Как построить за баней Егора сельмаг,
 Институт благородных колёс,
 Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
 Чтоб земную помазали ось.
 Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
 Отстаёт от метро и ракет, –
 Длится день двадцать семь с половиной часов,
 Ночь? – единого мнения нет.
 Непонятного свойства часы и труды.
 То ль ночуют кудесники тут? –
 На неделе семь пятниц, четыре среды,
 Дни другие – в сарае живут.
 Из дремучих подворий, бурьянов глухих
 Беспольный айфон голосит.
 И колхозное знамя побед трудовых
 Над избой комбайнёра висит...

Там, за Лысой горой, – царство вечных болот,
 Где по воле небесных огней
 Истребительских войск утонул самолёт
 И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет как счастье высок,
 В синеве соловейки полёт.
 Берендеевым солнцем пронизан лесок,
 И душа пасторали поёт!
 Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец

И вглядится в сияющий зной.
 Так глядит далеко, словно видит дворец,
 Где Господь проживает с семьёй.
 В остальном, как и всюду: изба, огород
 И следы заплутавших колёс.
 На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
 Спросит вежливо: – Рыбу принёс?
 Голосистый петух известит в лопухах
 Об итогах хозяйских забот.
 Электронное время придёт в сапогах,
 Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши, бродит хмелем трава,
 Облака серебрятся вдали.
 Там для песни полезной сыскали слова,
 только музыку к ним не нашли.
 Там закатных коней стерегут до сих пор
 На зелёном в ромашках лугу...
 Я б срубил там избу или даже собор,
 Да топор подобрать не могу...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Я со многими в жизни простился.
 Всё родное осталось в былом.
 Но опять этой ночью приснился
 Над рекою родительский дом.
 И хоть близких давно уже нету,
 Сон обратно приносит к родным:
 Дом пронизан пронзительным светом,
 Словно ангелы кружат над ним!
 Мать с отцом у калитки садовой,

Братья белят извёсткой забор.
И все молоды, живы-здоровы,
О житейском ведут разговор.
Белый голубь воркует на крыше.
Я кричу, я машу им рукой...
Но не видят меня и не слышат,
Словно я невидимка какой.
Лишь обломок далёкого грома
Проворчит незлобиво в ответ.
Свет погаснет и – нет уже дома,
И родных тоже нет...
Пробуждаюсь с душою ненастной.
Хлещёт в комнату свет из окна.
И такой день пронзительно ясный,
Словно он продолжение сна.
Льётся зной из распахнутых весей,
Лишь подсолнух, как скорбный пиит,
Через изгородь голову свесил
И задумчиво в землю глядит...

2020 год

НАЧАЛО ЛЕТА

Да простит меня церковная родня.
Пусть у ней вначале Слово иль Число,
но вначале было Лето у меня,
и оно с собою Слово принесло.

Одичавшие ранеты вдоль реки,
со скворечником ветла на берегу.
Словно песни пионерские, жарки
расплескались на кольчугинском лугу.

Обронули птицы в травы бубенцы,
скоро грянут сенокосные труды,
разрезвились в тихой заводи ельцы,
рассекая плавниками гладь воды.

Будто детство распахнули надо мной,
благодатью опоили небеса.
Так звенит в траве кузнечиковый зной,
что с деревьев опадают голоса.

Я себе сварганю дудку из ольхи,
буду дуть в дуду у лета на краю,
чтоб читали дети светлые стихи
под весёлую мелодию мою.

2020 год

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ...

Подберу перо для строгой
песни русских храбрецов.
«Эх, моей пошёл дорогой!», –
скажет Юрий Кузнецов.

Подберу перо попроще
и отправлюсь в край родной,
где висит над светлой рощей
колокольчиками зной.

Перелески да ложбинки
от Майорова мыска.
Ремешок моей тропинки
сцеплен пряжкой мостка.

От Чухтинского болота,
от деревни Токовой
птицы чудного полёта
закружат над головой.

Расплескалась звонким светом
даль на отчем рубеже.
Впрочем, что кричать об этом –
вдоволь сказано уже.

Радость с пафосом мешая,
повторю банальность я:
так вот Родина большая
начинается моя.

Не в столицах, не во власти, –
только здесь я жить хочу,
где придуманное счастье
по судьбе и по плечу.

2020 год

Сергей Кузнечихин

СЛОВО О ПОЭТЕ ВИКТОРЕ КОВРИЖНЫХ

Дорога, по которой идёт Виктор Коврижных, находится далеко в стороне от так называемого мейстрима современной поэзии и не сулит громкой славы, но выбрана она осознанно, и выбрана сердцем, а не рассудком. Так что же удерживает поэта на этой дороге? Мне кажется, любовь к родным местам и совесть. Он пишет о своих земляках. А кто же, если не он, правдиво напишет о них?

Русская провинция – это в основном рабочий люд, ему и доверяет поэт Виктор Коврижных место главного героя. В своё время стихи на «рабочую тематику» охотно (в строгих идеологических рамках) печатали наши издатели. Случалось, что они открывали интересного автора. Например, шахтёр Николай Анциферов – «Я работаю, как вельможа, / я работаю только лежа...». Но эти находки заглушались барабанными строками типа: «Сто сорок, токари, даёшь?/ Даёшь! – сказала молодёжь...». Подобная трескотня быстро отводила читателя от такой поэзии. Но, если вдуматься, работа занимает самое важное (пусть и не всегда приятное) место в жизни человека, и не где-нибудь, а в работе проявляются все лучшие (и худшие) наши качества.

Это очень выпукло показано в ёмком психологическом стихотворении Коврижного «Жестокость». В короткое стихотворение, которое иной автор раздул бы до поэмы, влезло и четко прорисованный процесс работы, и сшибка характеров. Один – против бригады, бригада – против одного. Картина живая и достоверная. Точность – главное и важнейшее качество его производственной лирики. Именно лирики, я не оговорился, потому что стихи эти, прежде всего, – потребность его души. Он знает, о чём пишет, знает, как скрипят болты при протяжке гаек на железнодорожных путях и как греет эти гайки тугая резьба. А знает потому, что сам крутил эти гайки. Сам разогревал капризный дизель в тридцатиградусный мороз. Кстати, детально прописанное «укрощение» дизеля несколько не утомляет. Автору хватает литературного чутья наполнить длинное стихотворение самоиронией. Богатый жизненный опыт спасает его от главного врага литературы – близительности.

Не менее важна для Коврижных и тема родного села Старобачаты.

Щука с Емелей и Черт с Водяным
Мирно живут за окошком моим...
Тешьтесь вы – Господи! – в нашем раю!...
Только не трожьте деревню мою.
Белая лебедь томится во мгле.
Трудно не петь мне на этой земле...

Деревня с её старыми легендами и новыми, а точнее, непроходящими бедами:

РОЖДЕСТВО В СОВХОЗНОМ КОРОВНИКЕ

Силосом пропахшие загоны,
залит пол цементный молоком.
Скотники за литр самогона
продали казённый комбикорм.

Зябкий сумрак низменного вкуса.
И бурёнки из своих оград
скорбными глазами Иисуса
на происходящее глядят.

И сквозит за влажной поволокой
бездна со вселенскою тоской,
где себя узнаешь одиноким
у сугробов горести людской...

Пьяный гул застольный замирает.
И горит в окне за слоем льда
то ль фонарь над крышею сарая,
то ли Вифлеемская звезда...

Подозреваю, что эстетствующий интеллеktуал, открыв книги Виктора Коврижных, брезгливо отодвинет их на втором стихотворении. Но это нисколько не унижит ни поэта, ни его стихи. Виктор Коврижных знает, для кого он пишет.

ГЛАГОЛ ОГЛОБЕЛЬНЫЙ

Зачислен рядовым в мой лексикон.
В моём полку всему найдётся место.
Ему устав забористый – закон.
И лошадь феньки лагерной – невеста.

Его колхозный конюх окрылил
Отвагою и небом огородным.
И утренний архангел Гавриил
Благословил на промысел народный.

Высокую культуру не сулит.
Но знаю: супротив варяга злого
С достоинством и честью постоит
За Родину и праведное слово.

Вы только вслушайтесь в звучание слова «ОГЛОБЛЯ». Мне кажется, оно звучит прекрасно. И очень по-русски.

Виктор Коврижных

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Виктор Анатольевич Коврижных, родился 5 ноября 1952 года в с. Старобочаты Кемеровской области, где и проживаю по сей день. Мне повезло, что я родился именно в этом селе, где были все условия для самореализации: сама окружающая природа с речкой Бачаткой, хвойными лесами и берёзовыми рощами, наполненными мечтами и свистом птиц. Не захочешь да станешь поэтом.

С раннего детства пристрастился к чтению. Читал всё подряд. Наверное, чтение и близость к природе предопределили моё литератур-

ное будущее. Самые яркие впечатления из детства по сей день живут в моём сердце, и уже ничем их не вытравить и не заслонить. Они как узор на пальцах – неистребимы. Своего рода иммунитет, ограждающий от негативного влияния извне.

До службы в армии успел поработать электромонтёром и трактористом. После демобилизации устроился на Предзаводскую автобазу автослесарем и попутно учился на водителя. Получив права, работал на грузовиках в Кемерове и на Бачатском угольном разрезе. Затем пришлось трудиться монтёром путей, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов, пожарным-спасателем в системе МЧС.

Не знаю, как другим, но мне довелось испытать минуты счастья и гордости в процессе работы. Когда впервые пахал землю на тракторе, то почувствовал, оглянувшись на вспаханное поле, некую причастность к судьбе трудового народа и был по-настоящему горд, что впоследствии отразилось в цикле стихов «Вспашка зяби» и в стихотворении «Возвращение с работы». В них – сублимация тех радостных чувств своей причастности к всеобщему ритму жизни страны, вылившихся в подобие национальной идеи, как бы это пафосно ни звучало.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ

Как солнечно! Бодрит настой полыни,
Листва дерев купается в лучах.
Иду домой дорогой самой длинной
С приятною усталостью в плечах;
С особенною, гордою, и вроде
Значительней гляжусь в глазах людей.
И кажется, что к лучшему в Природе
Причастен был работою своей.

Второй раз подобное случилось, когда, получив права водителя, впервые отправился в самостоятельный рейс. До сих пор помню это ликование в душе, поскольку в детстве мечтал стать шофёром.

Всё остальное, включая жизненную стезю, творческий поиск и в целом мировоззрение сформировалось и продолжает формироваться и сейчас. Об этом нет необходимости подробно рассказывать, ибо оно отражено в моих книгах, стихах и прозе.

Автор восьми книг. Стихи и проза публиковались в центральных и региональных изданиях, в коллективных сборниках, альманахах, антологиях и хрестоматиях. Трилогия «Язычник» переведена на болгарский язык и опубликована в Софии в журнале «Литературный свет».

Лауреат литературных премий: «Образ», «Иная среда», «Энергия творчества», премии имени В. Д. Фёдорова, журналов «Огни Кузбасса» и «Сибирские огни».

Книги Виктора Анатольевича Коврижных:

Я, наверно, родился не зря : стихи / вступ. ст. В. Махалова. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1990. – 64 с.

Непонятно, куда мы спешим? : стихи. – Кемерово : Сибирский родник, 1995. – 57 с.

Зеленая дудка : стихи. – Кемерово : Сибирский родник, 1997. – 87 с.

По Токовинской дороге... : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 2004. – 112 с.

Избранное время : стихи. – Кемерово : Сибирский писатель, 2011. – 216 с.

Сказание о народном счастье : стихи. – Омск : Фонд Олега Чертова, 2018. – 56 с.

Черёмуховый спас: стихотворения / предисл. С. Д. Кузнечихина. – Красноярск : Литера-принт, 2019. – 176 с.

Иосиф Абдурахманович Куралов

19 апреля 1953 г., г. Прокопьевск, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 1991 года

ИЗ КНИГИ «ПЛАСТ»

ВОСПОМИНАНИЕ О КЛАУДИИ КАРДИНАЛЕ

Когда я был сентиментальный,
А в армию меня не звали,
Приколотил я к стенке спальни
Портретик Клавы Кардинале*.

Она изящно улыбалась,
А я был юн и независим.
И сердце дрожью отзывалось,
Но мой поступок был бессмыслен.

Она меня совсем не знала,
А я ее почти не знал.
Она другого обнимала.
И я другую обнимал.

Была такая чувств облава
При попустительстве погоды,
Что несомненно: я и Клава
Друг друга стоили в те годы.

АЛЯУЛЛЮ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЕ О СЕМНАДЦАТИЛЕТИИ

Аляуллаю! – свищу в два пальца.
Звенит в ответ твоё окно.
Скорей по лестнице спускайся!
Пойдем, пожалуйста, в кино!

*Клаудиа Кардинале – итальянская актриса.

Прокопьевск высвистан апрелем!
И с крыш – когда, куда хотят, –
От ветерочка озверели,
Аляуллойчики летят!

Театр, витрины, магазины,
Копры, балконы, терриконы...
И ты – со мной, и я – с тобой –
Просвистан трелью голубой!

Звени-играй, сквозная скрипка!
Хватай всю душу в оборот!
Пускай цветёт моя улыбка
Пошире заводских ворот!

Аляулю! – ручки стремятся.
Аляулю! – скучай, тоска.
Давайте, люди, обниматься!
Покрутят пальцем у виска...

Ну да! Ну да! Совсем с приветом!
С хорошей девочкой при этом!
Идём вперёд! На красный свет!
Апрель! Капель! Семнадцать лет!

ИЗ КНИГИ «ТРИДЕСЯТОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Забыть любимых имена!
Как будто не было на свете!..
Тоска по самой первой Свете
Теперь не очень-то нужна.

Неплодотворная тоска
И в памяти не шевелится...
И сверху наслоились лица,
Дороги, города, века...

Нарос такой культурный слой,
Что хочется считать золой!
И разгребать его лопатой,
И скрыться в нем спиной горбатой

И там, во мраке юных лет,
Найти нетленный, постоянный –
Первоисточник, слово, свет,
Древней, чем уголь,
Безымянный.

ИЗ КНИГИ «ТЫСЯЧА ТВОИХ ЛИЦ»

Была мечта. Осталось сожаленье
О том, что всё распалось поколение.

Мечтали мир строкой перевернуть.
Пришлось улечься мирно и заснуть.

По разным адресам, по всем сугробам,
По всем благоустроенным берлогам.

Мы спим надёжно, то есть безнадёжно.
Нас пробудить от спячки невозможно!

Хотя будильник есть. И он звенит!
Но мы во тьме проспали свой зенит.
Гори и догорай, моя лучина!
Прости меня, бескрайняя Отчизна!

За то, что я надёжный твой медведь
И на судьбу свою могу реветь.

ИЗ КНИГИ «Я ШЕЛ ПО ВОЗДУХУ СКВОЗЬ ВОЗДУХ»

ПРОЩАНИЕ С СССР

Когда стоит эпоха-дура,
Народ молчит и пьёт дотла.
Моя страна – карикатура
На ту, которая была.

На ту, которая стояла –
И будет в памяти стоять.
На ту, которая сияла –
И будет в памяти сиять.

Народ, не потеряй лицо
В борьбе за рублик и за бублик.
Прощай,
Союз Советских Социалистических республик!

Я не сумел с народом спиться.
Антинародный я – поэт.
Теперь мне вечно будет сниться
Страна, которой больше нет.

1993 год

ИОСИФ, ИЛИ ТРАМВАЙНЫЙ НАРОД

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГЕДИЯ

Пела песню женщина в трамвае
Голосом Вахтанга Кикабидзе:
– Па аырадрому, па аырадрому
Лайныр прабэжал, как па судьбэ...

Милая, нетрезвая, родная.
Коренная наша сибирячка.
Продавщица? Штукатур? Доярка?
Из души и сердца состояла.
Запахом духов шибала шибко.
Бижутерией сверкала ярко.

Как она, бедняжка, надсаждалась,
Чтоб изобразить акцент грузинский,
Бархатный душевный баритон
Славного красивого Вахтанга!

Я не выдержал! Я ей ответил!
Я ответил голосом Кобзона.
«Артиллеристы, Сталин дал приказ!»
Спел державным голосом всю песню.
Громко спел. И тихо замолчал.

Замерли в трамвае пассажиры.
Стало слышно, как летают мухи
Сквозь пространство тихого трамвая
И штурмуют стекла понапрасну.

Тут моя явилась остановка.
Распахнулись двери на свободу.
Я спокойно вышел из трамвая
И пошел туда, куда мне надо,
И в пространстве мира растворился.
А народ трамвая вдруг взорвался
Криком небывало громким, страстным:
– О, вернись, любимый наш Иосиф!
Наш Иосиф дорогой, бессмертный!

На кого ты бедных нас покинул?!
Наш великий, мудрый, гениальный,
Дальновидный, скромный и родной!

Я, конечно, слышал эти крики
Но решил на них не откликаться
Потому что я предполагал
Что народ трамвая страстно, громко
Из пространства мира вызывает
Не меня. Иосифа другого.
(Звать в трамвай меня или Кобзона
У народа не было резона).

А трамвай поехал по маршруту.
Бесконечно долго – круг за кругом.
Бесконечно долго – год за годом.
И все время в нем звучала песня.
Пела песню женщина в трамвае
Голосом Вахтанга Кикабидзе.

Ей никто уже не отвечал.
И народ трамвая не взрывался
Криком небывало громким, страстным
Весь народ трамвая тихо-тихо
Ехал-ехал и молчал-молчал.
Я в трамвай тот больше не садился.
Я пешком ходить предпочитаю.
А красивый белоснежный лайнер
В небесах летит, неся во чреве
Не трамвайный, а другой народ.

ВОСХВАЛЕНИЕ «ХВАНЧКАРЫ», ИЛИ ДАВАЙ ВДВОЕМ ПРОЙДЕМ ПО СЕНТЯБРЮ

Давай вдвоем пройдем по сентябрю –
Я о любви с тобой поговорю.

На ушки накрошу цветной лапши
Не просто так, а ото всей души.

И будет эта яркая лапша,
Как ты в осенних красках – хороша.

Давай по сентябрю пройдем вдвоем
И «Хванчкары» бутылку разопьем

В аллейке, на сентябрьском ветерке.
Пускай твоя рука – в моей руке.

Я обращаю внимание твое
На то, что всё прозрачно бытиё,

Что дождь оставил капельки в траве
А тополь топит листья в синеве.

В пластмассовых стаканах звона нет,
Зато вино имеет красный цвет.

Воспламенюсь. Ладонь сожму в кулак
И выпью про себя за красный флаг.

Тому назад лет восемь или семь
Я был ещё молоденький совсем.

Красней вина был красный мой пиджак.
И я не сочинял про красный флаг.

А в красном пиджаке, горячий сам,
Ходил по всем горячим адресам.

А вот теперь мне полных пятьдесят.
Руины СССР на мне висят.

Ношу повсюду драгоценный груз
Поскольку был прекрасен наш Союз.

А пиджачок давненько не ношу
Куда ходил в нём – больше не хожу.

Но ежегодно в каждом сентябре
Вновь воскресает бес в моем ребре!

И в результате действий на ребро
Из моего героя прёт нутро.

И я себя на том уже ловлю,
Что я тебя, красивую, люблю.

И время есть до окончания дня,
Чтоб ты влюбилась к вечеру в меня.

Но чтобы увидеть финал игры,
Не хватит нам бутылки «Хванчкары».

А значит, будет их и две и три,
Цыпленок-табака, картофель-фри,

Дыханье листьев белоствольных рощ,
И вечер, превращающийся в ночь,

Четыре круглосуточных кафе,
И множество влюбленных подшофе.

Кавказец-продавец живых цветов
Средь ночи мир в цветы одеть готов.

И я всегда готов, как пионер,
Чтоб ты являла в мире всем пример.

А за цветами очередь стоит
Таких, как я. Но я-то хоть пиит...

В хвосте орут: зачем даешь по семь?
А продавец орет: хыватыт всэм!

Живые розы – страстные цветы!
А украшение мира будешь – ты!

И поцелуи будут на миру,
И все, за что люблю я «Хванчкару»!

Люблю. При этом чувствую вину,
Что посвятил свои стихи вину.

И пиджаку. И флагу. И стране.
Ещё тому, что истина в вине.

Еще себе. И собственной судьбе.
А должен был – единственной тебе.

А чтоб одной тебе все посвятить,
Должно мне фактов жизненных хватить.

На этом основание говорю:
Давай вдвоём пройдем по сентябрю!

Стояла полная Луна.
Ко мне любимые входили.
И среди них была одна –
Водила пальчиком по пыли.

Ударился я сердцем о
Несовершенство бледных линий,
И от удара моего
Они свернулись в чашки лилий.

Я стал из чашек пить вино,
Чтоб утонуть без лишней муки.
Я много выпил, но оно
Не заменило свет и звуки.

И пригляделся я к душе:
Душа моя опять парила.
Я на десятом этаже
Встал на балконные перила.

Легко по воздуху пошёл
Над современностью железной.
Моих любимых алый шёлк
Дышал, держа меня над бездной.

Хрустальный звон стоял в ушах.
Я шел по воздуху – сквозь воздух.
Сверкала ночь. И каждый шаг
Звенел и отзывался в звёздах.

А на земле завода пасть
В огнях призывная зияла.
И я мечтал в нее упасть
И напоследок вспыхнуть ало.

Но я себя не дописал.
И так любимые сияли,
Что я в пространстве повисал,
Как в достижимом идеале.

Я до земли не долетал,
Как прочие земные грузы.
Напрасно душу я пытал,
Мои возлюбленные музы.

СВЯТАЯ РУСЬ

Кто не ослеп под властью Сатаны,
Тот видит всё, как есть, на белом свете.
Нет той страны, в которой рождены
Ты сам, твои родители и дети.

А есть какой-то голый стыд и срам,
Многоканальная теледубина.
Базарный хам заполнил Божий храм,
А Родину заполнила чужбина.

И крик, что я в груди своей держал,
Наружу рвётся, сердце обнажая:
Я из родной страны не уезжал,
Так почему вокруг страна чужая?!

Лишь в сердце для чужбины места нет.
В сердцах людей живет-горит, не тая,
Один на всех неистребимый свет.
Он – Родина моя, он – Русь Святая.

1995 год

Екатерина Тюшина

ИРОНИЧНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОСТИ В ПОЭЗИИ ИОСИФА КУРАЛОВА

Значительную роль в формировании Иосифа Куралова как поэта сыграл «семейный книжный шкаф», который стал для него отдельным миром. В этом шкафу было всё, о чём мечтала его детская душа. Родился он 19 апреля 1953 года в городе Прокопьевске Кемеровской области. Здесь, в городе, пропитанном угольной пылью, прошло его детство, о котором он впоследствии написал по-мальчишески залихватски в стихотворении «Из детства».

Был мерой доблести синяк,
А правдой управлял кулак.
За терриконами сходились,
А после врали и хвалились.
А если зубы выбивали,
Мы и тогда не унывали.
Был очевиден неуспех,
Зато плевали дальше всех.

Особую любовь к книгам ему привили родные. Главным книгочелом в их доме был дедушка Гиляздин Закирзянович Хабибуллин. Это он открыл для маленького Иосифа всю красоту и мощь поэзии Пушкина. Благодаря бабушке Гафии Абдуловне Галимовой он прочитал «Щит и меч» В. Кожевникова, «Сатурн почти не виден» В. Ардаматского, книги Александра Беляева и других советских и зарубежных фантастов. Стараниями мамы Луизы Гилязиновны Кураловой будущий поэт приобщился к шедеврам отечественной и зарубежной литературы, к истории; познакомился с книгами по искусству, энциклопедиями, справочниками, словарями.

Но общим семейным увлечением была поэзия. В семейном шкафу находились сборники стихов самых разных поэтов. И мальчик с упоением читал стихи своих любимых поэтов: С. Есенина, М. Лермонтова, А. Блока, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Б. Пастернака и европейских, китайских, японских авторов.

Под впечатлением от увиденного и прочитанного рождались поэтические строчки, и с 11 лет Иосиф сам начал посылать стихи в газеты «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журналы «Пионер», «Костер». А позднее, в 14–15 лет, – в журналы «Вокруг света», «Молодая гвардия». С 1970 года его стихи стали печататься в городской газете «Шахтёрская правда». Окончив в 1981 году режиссёрское отделение Кемеровского государственного института культуры, Куралов работал в редакциях газет, в учреждениях культуры, образования, в доме литераторов Кузбасса. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» (2004–2016). Был редактором газет «Площадь Пушкина», «Культура Кузбасса». Работая в областном бюро пропаганды художественной литературы, он вместе с творческой группой писателей побывал с выступлениями в большинстве городов и районов Кузбасса.

В 1982 году стал участником состоявшегося в Новосибирске совещания молодых писателей Сибири, где его творчество рассматривалось на семинаре известного поэта Юрия Кузнецова. Он отметил стихи Куралова и предложил их популярному альманаху страны «День поэзии», где они и были напечатаны. Он также написал предисловие к его первой книге «Пласт».

«Иосиф Куралов, – писал Юрий Кузнецов, – поэт суровой судьбы. Он родился среди терриконов Прокопьевска. Вместо земли под ногами у него был «серый камень, чёрная зола», а меж тем его душа всегда стремилась к высокому. Недаром в его стихах часто мелькает и сквозит синева. И это не только зрительный образ, но и символ высокой духовности. Поэт способен преображать в красоту далёкие от неё вещи»:

... Даже то, что становилось паром
И как будто жило наяву,
Подымалось газом и угаром,
Даже дым! – отлился в синеву.

В 1985 году в Кемерове вышла книга стихов И. Куралова «Пласт», в 1990-м – «Тридесатое пространство». С 1991 года он член Союза писателей России.

Неравнодушие к поэтическому слову помогло ему составить в 1994 году кузбасский «День поэзии», куда были включены стихи участников нескольких Фёдоровских чтений. Заметным событием в литературе Кузбасса стала его книга стихов «Я шёл по воздуху – сквозь воздух», вышедшая в 2006 году. За неё Куралов был награждён литературной премией имени В. Д. Федорова.

В 2007 году вышла книга «Живое пространство», в которую вошли новые и не опубликованные ранее стихотворения и поэмы.

Стихи и поэмы печатались в газетах и журналах: «Кузбасс», «Левый берег», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Литературный Кузбасс», «Бийский вестник», «Университет культуры»; в сборниках: «День поэзии», «Русская сибирская поэзия», «Писатели Кузбасса», «Собор стихов», «Город цветов» и др.

Стихи Куралова – это яркий, ироничный, разнообразный портрет современности, срез времени, в котором живёт сам поэт. В своих стихах он раскрывает тот духовный уровень, на котором пребывает современное общество.

Так в книге стихов «Живое пространство» перед нами предстаёт типичный городской герой, который с беспечностью молодости от-

носится к жизни. Его переполняет энергия, которую он не знает, куда деть, и вместе с родным городом готов радоваться любым ярким событиям и праздникам.

... Весна грядёт! Я рад стараться,
Хочу по городу шататься,
Смеяться и с толпой сливаться,
Носить Светланку на руках,
Забыв – от счастья – о стихах.

Портреты. Флаги. Серп и Молот.
И почки верб, и юн – мой город!
Со всех сторон людской прибой.
А свет у неба – голубой!

Куда девать напор весенний?
Избыток солнца и огня!
Прокопьевск рушится в веселье,
И Первомай несёт меня.

Но проходит какое-то время, и мы видим совсем другого поэта. В стихах появляются горечь и какая-то безысходность. На поэта угнетающе действуют серость жизни угольного бассейна и невозможность личности пробиться к идеалу:

... И не могу пробить я лбом
Всю толщу каменной породы.
Мои придавленные годы
Заброшенным лежат пластом.

Всё происходящее вокруг не приносит ему удовлетворения, а саму жизнь он считает бессмысленной, несущей в себе лишь отраву душе. Отсюда и разочарование в стихах:

... Куда ни глянь – душе отравя!
И говорят же – не гляди!
Пустыня – слева, бездна – справа,
Дремучий город – впереди.

Потом проснуться мёртвым наяву
И, я не знаю, как меня поймёте,
Ходить в кино, косить косою траву
Или скучать в общественной работе.

Сам же поэт продолжает жить воспоминаниями о своей первой любви, о том времени, когда он был полон юношеских устремлений к идеальной мечте:

... Ты вся во мне останешься чиста,
Какая б тьма тебя ни покрывала.
Ведь ты теперь – не имя, а мечта.
И не мечта, а горечь идеала.

Несмотря на то, что поэт живёт в городе, ему не очень нравится то, что его окружает. Он переживает, что, подчиняясь законам городской жизни, никак не может породниться с природой, чтобы воспевать её в своих стихах: «Хотел с природой породниться, но к дымным городам приник».

Хотя и его душе иногда удаётся воспарить над городскими пейзажами и почувствовать сквозь дымку промышленных предприятий дыхание весны.

.... Скорей бы дыханье апреля
Раскрыло в квартире окно!
И сквозь воробьиные трели
Позвало хотя бы в кино.

Основой же творчества Иосифа Куралова является сначала осмысление какой-либо важной общественной проблемы внутри себя, а уже

потом выражение её в слове. «Потому что слово, – по его мнению, – не согретое чувством и мыслью, не всегда может служить благу». Вот и мучается поэт, прежде чем облечь мысли в слова:

... Поэт молчит. Мальчишки пишут.
Такие наглые сперва.
И с каждым днём труднее дышат
Первоначальные слова.

По мнению соратников по перу, характер Куралова угловат, резок, непримирим к компромиссам. В поэзии гражданский пафос у него органично переходит в задушевный лиризм, лирика расцвечивается ироническими интонациями. Иронии очень много в его стихах: «Аляулю!», «Воспоминание о Клаудии Кардинале» и др.

Поэт не стремится заворочить читателя красотой слова, он привлекает глубиной мысли, эмоциями. Он считает, что любая мысль имеет право на признание и уважение, поэтому и должна быть представлена в стихах. В поэзии, как и в жизни, если человек умнее всех, то это совсем не значит, что он лучше всех. Хотя для самого поэта как раз и характерен культ знаний и мыслей.

... Если песню поют на Сибирской Руси,
Не знаток, не ценитель словесности устной,
Я весёлую не отличаю от грустной.
Лишь неси меня, воля, на крыльях, неси!

Стихи Куралова чаще всего рождаются во взаимодействии его внутреннего мира и окружающей жизни. А в мире хаоса, стяжательства и враждебности всегда найдётся что-нибудь далёкое от совершенства, что может лечь тяжким грузом на сердце и тревожить душу поэта. К тому же и сама проза жизни сильно давит на человека, жить становится сложнее, за всё приходится платить:

... За всё приходится платить.
За право есть. За право пить.
И за такси ночные.
И за дрова печные.

И мной уплачено сполна
За то, что мир, а не война.
За то, что прожил жизни треть,
И жить сложнее, чем умереть.

Поэт не может равнодушно взирать на то, что происходит в его родной стране. Его душа не приемлет тех перемен, которые наносят ущерб человеческой душе. Поэтому и не может сдержать крик, рвущийся из груди:

... И крик, что я в груди своей держал,
Наружу рвётся, обнажая:
Я из родной страны не уезжал –
Так почему вокруг страна чужая?!

Ключевым произведением Иосифа Куралова является поэма «Супермен». Сам поэт назвал её иронической трагедией. И, действительно, поэма полна иронии и сарказма. Чтобы стать Суперменом, лирический герой в семнадцать лет отправляется в странствия, чтобы найти любовь и своё предназначение в жизни. Он жаждет подвигов, великих дел, чтобы стать достойным своей возлюбленной.

... Исполнен дерзкого желанья,
Герой готов начать войну,
Чтоб кинуть в ноги ей страну
И звёзды воинского званья.

В разных ситуациях показывает своего героя автор. Он проводит его через период застоя 1980-х годов и хаос 1990-х. Только вот в эпоху

перемен он никому не нужен со своими ценностями, и везде, где бы он ни появлялся, его окружает дух непонимания и неприятия. Он везде лишний и неудобный человек. Его патриотизм, бескорыстие и любовь никому не нужны. Супермен перебрал много профессий – от следователя до поэта, и вроде всё у него получалось, но почему-то испытывает разочарование. И поэт, не жалея иронии, описывает своего лирического героя:

... Героя вы в толпе встречали,
Но от других не отличали:
Завёрнут в импортный кожан,
Познавший многие печали,
Похож на массу горожан,
Энергией вперёд влекомый,
Всё время с новенькой знакомой,
Индустриальный Дон-Жуан.

Супермен не понимает, каким целям он служит, зачем и кому всё это надо. Время идёт, а у героя ничего особенного не происходит, нет героических дел, нет и той самой настоящей любви, о которой он мечтает. Вместо единственной, любимой, которую он ждёт, на его пути встречаются ничем не примечательные женские образы:

... Снаружи девочки в порядке,
Но примитивны изнутри.
С любой их них поговори –
Все без полёта, без загадки,
Как дважды два и трижды три.

Мечтая иметь любимую работу и возлюбленную, Супермен тем не менее ничего не делает для того, чтобы приблизить свои мечты. Потратив годы на поиски достойного дела, запутавшись в беспорядочных любовных связях, Супермен и сам не заметил, что стал деградировать как личность. Ради собственного благополучия он плывёт по течению.

Работая следователем, не всегда наказывает виновных, объясняя это тем, что пользы от этого он не видит, так как истинные виновники всё равно останутся безнаказанными.

...Трудился в следственном отделе,
Тонул в табачном злом дыму,
Шестёрка не сажал в тюрьму,
Купаясь в «Беломорканале»,
Он знал, что крупные каналы
Сухими выйдут из воды,
А после заметут следы.

Проведя своего героя сквозь призму бытия, поэт показывает, что даже самая одарённая личность, не имея нравственного фундамента, обречена на деградацию. Трагедия Супермена в том, что вместо духовного самосовершенствования он ищет тех, кто мог бы восполнить его душевный вакуум, согреть его сердце в семейной гавани, и в результате находит лишь пустоту. Безрадостно проходит его жизнь. Он ждал любви, к ней стремился. Но, увы, так и не нашёл. Но жизнь умеет преподносить сюрпризы. И когда он уже ни во что не верил, ни на что не надеялся, ему всё-таки удалось увидеть настоящую любовь, вот только не свою – чужую. Зато он смог убедиться, что любовь всё-таки есть. И, глядя на молодых влюблённых, завидуя их счастью, он с сожалением признаётся:

... Хотел любить и быть любимым!
Царил в Отечестве мороз.
Поэтому меня всерьёз
Одна любила только вьюга.

В поэме «Супермен» показано, что в атмосфере краха общественных идеалов даже сильные личности не всегда могут устоять под натиском обстоятельств, а значит, наступает духовная смерть. Представляя своего героя таким, какой он есть на самом деле, поэт показывает, что общество и люди обречены на гибель, если не обретут главные

нравственные принципы – любовь и человечность. Как предупреждение человечеству звучит и поэма «Красный пиджак». Действие поэмы происходит в переломные для страны 1990-е годы, когда исчезли бывшие ценности и человеку остались лишь внутренняя пустота да символ прошлой эпохи – красный пиджак.

... Видел красных листьев пламя.
Ощущал огонь в крови.
И носил пиджак, как Знамя –
И Державы, и Любви.

Правда, ещё осталась возможность: любить женщину. Вот и пускается поэтический герой в любовные приключения. Но если в начале поэмы он ещё был способен любить по-настоящему и, купив на последние деньги цветы для любимой, бежать к ней ночью через весь город, то, пройдя определённый путь, приходит к горькому выводу, что нет места искренним чувствам в мире, где царят хаос и дисгармония. С приходом перемен в обществе любовь предстаёт в другом обличье:

... Ночь сверкает городская,
В блеск реклам себя одев.
Наша местная Тверская
Предлагает юных дев.

А когда любовь вырождается, остаются только горькие мысли от безысходности происходящего. Потому что без любви к Родине, к женщине, без любви вообще, всё в мире становится непрочным и ненужным. Отсюда и печаль лирического героя по поводу бессмысленности существования:

... И без флага – как под флагом,
И без строя, как в строю.
Строевым шагаю шагом –
Только песню не пою.

Через всю поэзию Куралова проходят мысли, что нет будущего у государства, если нет в нём созидających личностей, а присутствует лишь равнодушие, алкоголь, наркотики и развлечения. А ведь духовной опорой для человека во все времена были вечные ценности, ради которых жил человек: любовь к родным истокам, к ближним, человеческие отношения.

Всем своим творчеством поэт заставляет задуматься: а правильно ли мы живём? Почему уходят из человеческих отношений тепло и любовь, и хорошо ли всем жить в этом неуютном и холодном мире, который сами же и создали?

... Кто не ослеп под властью Сатаны,
Тот видит всё, как есть, на белом свете.
Нет той страны, в которой рождены
Ты сам, твои родители и дети.

А есть какой-то голый стыд и срам.
Многоканальная теледубина.
Базарный хам заполнил Божий храм,
А Родину заполнила чужбина.

Наблюдая с болью за происходящим, поэт напоминает нам, что совсем не таким создавал этот мир сам Господь! И, обращаясь к Всевышнему, просит о спасении страны от духовной смерти.

... Бог Милостивый. Милосердный Бог
Нас вывел в мир, встать на ноги помог.

Велел трудиться, не жалея сил.
И человечей речи научил.

... Молю: поставь меня на верный путь
И Родину мою не забудь

Твой бедный раб, я за неё молюсь.
Она моя – возлюбленная Русь.

Однако он не просто переживает за будущее своей родной страны, он призывает всех встряхнуться и жить, трудиться, радоваться всему окружающему, чтобы вернуть в мир смысл и красоту существования.

... Засучим наши рукава
И по уму начнём трудиться –
Труба в Пространстве растворится!
Из тверди вырастет трава,
А мы наполним души полднем,
Посмотрим в небосвод и вспомним,
Какого цвета
Синева.
И, тратя силы не по смете,
Посадим сад на белом свете!
И в мир гармония вернется,
Во всей естественной красе!
К нам прикоснётся и проснётся,
В цветах, в мечтах, в слезах, в росе...

Много лет Иосиф Абдурахманович вёл записи «Я зарастаю памятью», посвящённые литераторам Кузбасса, оставившим глубокий след в кузбасской литературе. Его статьи посвящены первому руководителю Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР Е. Буравлёву; лауреату Сталинской (Государственной) премии А. Волошину, учителю теории и практики стихосложения М. Небогатову, выдающемуся прозаику В. Мазаеву. В своих статьях он пытался осмыс-

лить творчество ярких, самобытных, талантливых поэтов: В. Баянова, И. Киселева, В. Махалова, В. Зубарева, Л. Никоновой и др.

Куралов является автором и главным редактором литературно-художественного журнала «Университет культуры», в котором печатается литературное творчество студентов, выпускников, преподавателей Кемеровского государственного института культуры и искусств. Участвовал в издании хрестоматии «Писатели Кузбасса». Много лет был руководителем детской литературной студии «Свой голос». К нему приходили совсем юные авторы, и он преподавал им азы литературного творчества. Помогал молодёжи печатать первые произведения, выводя их на большую дорогу. Многие его ученики выбрали профессией журналистику и литературное творчество. Теперь студию «Свой голос» посещают представители старшего поколения, пишущие стихи и прозу. Под руководством И. А. Куралова проходят городские и областные литературные конкурсы: «Свой голос. Кемерово»; «Говорит XXI век» и др.

Заслуженный работник культуры России. Лауреат премии имени В. Д. Федорова (2007), «Энергия творчества (2010), журнала «Огни Кузбасса (2013), премии имени святителя Павла Тобольского за альманах «Университет культуры» (2017). Награждён медалями: «За заслуги перед Отечеством» II степени, «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За служение Кузбассу» и др.

В одном из интервью поэту Куралову задали вопрос: «На что бы вы потратили один миллион долларов?».

– «На эти деньги, – ответил он, – я бы создал какой-нибудь фонд поддержки дарований, не обязательно литературных, а людей, занимающихся любым творчеством: музыкой, фотографией, театром. Можно было бы учредить какое-нибудь литературное и музыкальное издание или создать серьёзный Интернет-портал».

Эти слова поэт подтверждает своей ежедневной деятельностью, общаясь с талантливыми людьми и создавая вокруг себя творческую атмосферу.

Иосиф Куралов

БАЛОВЕНЬ СУРОВОЙ СУДЬБЫ, ИЛИ ЧЕМ Я ОБЯЗАН КНИЖНОМУ ШКАФУ

Я вырос в доме, в одной из комнат которого стоял огромный шкаф, полный книг. Он был высокий и широкий. Занимал чуть ли не полкомнаты. И сам казался домом внутри дома, отдельным самостоятельным миром. Он и был этим миром. Книжным миром. В этом мире было все и всегда.

Разумеется, «всё и всегда» это моя личная иллюзия, вызванная внезапным, произошедшим лет в семь, осознанием грандиозности живущего внутри шкафа мира, его величия и непостижимости моим разумом и моими скудными умениями. Да, я, семилетний, совсем недавно научившийся читать по слогам, понял, что быстро не смогу постичь, впитать в себя хранящуюся в шкафу мудрость.

В детстве всего хочется быстро – за час-два. День – уже нестерпимо долго. Конечно, можно несколько месяцев ждать дня рождения ради обещанного велосипеда, каждое утро ощущая смесь радости и муки. Сутки прошли – радость! Но сколько их еще впереди!..

Дня рождения – ждать можно, а познание живущих в шкафу богатств уходило за горизонт многих дней рождения. Я это понял и несколько лет изучал нижнюю полку шкафа, где хранились сотни две детских книг разного формата, разной толщины, разных авторов. Хотя, открывая двери (вот именно этим словом – не дверцы, а двери, я называл их про себя) шкафа, я каждый раз задираю голову и смотрел на верхние полки, потом опускал взгляд на средние и, наконец, садился на пол и копался на принадлежащей мне детской полке. И это постоянное путешествие взгляда сверху вниз постепенно превратилось в мысль: когда-то, пусть не сразу, я должен освоить и их – и средние полки, и самые верхние...

Средние и верхние полки я начал изучать лет в девять, стало быть, году в 1963-м... И почему-то сразу же моё внимание привлекло собрание сочинений Сергея Есенина в пяти томах, корешки которого были

стилизованы под стволы берёз. Этот пятитомник был издан в 1961–1962 годах. И разве я теперь могу представить себе какое-нибудь иное собрание сочинений Есенина, кроме того, «березовоствольного», которое в моём шкафу, как мне казалось, было всегда? Не могу. Хотя видел в своей жизни немало есенинских книг, в том числе собраний.

Также, по моему детскому убеждению, всегда, там был академический пятитомник Гоголя. И такой же, академический, четырёхтомник Лермонтова. Двухтомник Блока, собрания Тургенева, А. Н. Толстого и А. Н. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова и других русских писателей.

Но больше всего и в самых разных вариантах было произведений Пушкина (однотомники, двухтомники, трёхтомник, пятитомник, десяти томник), поскольку к нему питали особую любовь оба собирателя библиотеки: мой дед Гиляздин Закирзянович Хабибуллин и его дочь, моя мама, Луиза Гилязиновна Куралова. Бабушка, Гафия Абдуловна Галимова, была читательницей милицейских рассказов, приключений, книг, от которых у меня в памяти остались только названия: «Щит и меч», «Сатурн почти не виден», «Хочу верить». Правда, справедливости ради надо сказать, что могла она и перечитать «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека», «Донские рассказы» Шолохова, «Хождение по мукам» и рассказы А. Н. Толстого, да и Льва Николаевича некоторые вещи осиливала и любила погоревать над печальной судьбой Анны Карениной. Могла и пригрозить мне: если ты не будешь меня слушаться, я тоже брошусь под паровоз. А, между прочим, жили мы тогда недалеко от одной из крупнейших шахт города Прокопьевска, имени Дзержинского, с огромным количеством подъездных железнодорожных путей, по которым в те времена ходило очень много паровозов...

Основной вклад в пополнение шкафа и в доведение объема книг до намного превосходящего его размеры совершила моя мама. Что впоследствии заставляло меня делать книжные полки в квартирах, где она жила. И, как мне кажется, самые драгоценные собрания – Есенина, Лермонтова, Гоголя, которые со мной до сего дня, приобрела именно она, хотя сегодня это уже невозможно установить со стопроцентной точностью.

А главным книгочеем в доме был дедушка. Он был не просто читателем, который из любознательности осваивал все новые и новые тексты, что само по себе заслуживало уважения, да и возраст его заслуживал уважения (когда я родился, в 1953 году, дедушке было 57 лет); у него была куда более серьёзная задача: он устанавливал Истину. И делал это на моих глазах.

Вот как это происходило. Дедушка читал художественную литературу, мемуары, книги историков. Но чаще всего на его столе оказывались книги Пушкина и Габдулы Тукая (одно из его изданий тех времен – четырёхтомник 1955–1956 года – сегодня со мной). Лет с семи-восьми помню, как дедушка, прочитав несколько страниц Тукая, брал Пушкина, искал что-то по оглавлению, находил, вчитывался, потом опять читал Тукая, потом опять Пушкина, закрывал книги, задумывался.

И я, семилетний, тихо сидя рядом и стараясь не мешать, ничуть не сомневался в том, что мой дедушка думает о чём-то очень важном. Решает какую-то серьёзную задачу.

Так оно и было. Оказывается, дедушка сравнивал стихи Пушкина с переводами, сделанными Тукаем на татарский язык. И делал это несколько лет. Когда мне было 11 лет, он позвал меня к столу, покрытому книгами Пушкина и Тукая, и сказал слова, которые я не забуду никогда: «Знаешь, Пушкин по-русски лучше, чем по-татарски».

Должен сказать, что значимость дедушкиной мысли в полном объёме мне открылась сравнительно недавно. Если попытаться предельно точно выразить суть того, что сделал дедушка, то сегодня я понимаю это так. За несколько лет он, человек, говоривший по-русски с весьма ощутимым казанским акцентом, совершил эстетическое прозрение-восхождение, равное подвигу. Ведь, начиная сравнивать переводы и оригиналы, он вовсе не ожидал, что придет к выводу, что Пушкин по-русски лучше. И, может быть, в глубине души ему хотелось, чтобы лучше он был по-татарски. Но, сопоставив большое количество текстов, он, татарин и родное дитя татарской культуры (в отличие, например, от меня, который – внук своего деда и сам татарин по советскому паспорту, но произведение культуры русской), потратив всю молодость

и зрелые годы на гигантскую работу по созиданию СССР, советских ценностей, которыми до сих пор в немалой степени живет наша страна, уже в почтенном возрасте научился понимать русский язык, язык поэзии Пушкина, русской поэзии не хуже, чем татарский язык и язык татарской поэзии. И явственно увидел, что красота и мощь поэзии Пушкина, выраженная русским языком, превосходят красоту и мощь, запечатленную в переводах на татарский. Только непрерывный труд души позволил ему обрести зрение, способное видеть Истину. А такой труд – разве не подвиг, место которому в жизни было и есть всегда.

Не знаю, пытался ли он понять причину того, почему Пушкин по-русски лучше, чем по-татарски. Ведь не потому, что Тукай слабый переводчик. А потому что, как сказал другой поэт: и вновь из голубого дыма встает поэзия, – она вовеки непереводаима, родному языку верна. Но даже если дедушка об этом не размышлял, то размышляю и говорю я, которому он передал право и обязанность думать и говорить.

Вот, наверное, первая веха моего литературного пути – очень важное для меня признание дедушкой оригинальной поэзии Пушкина лучше, чем переводы его произведений на иной язык.

В эти же, детские, годы, с 11 лет, я начал посылать стихи в газеты и журналы. «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Пионер», «Костер», лет с 14–15 – в «Вокруг света» (рассказы), «Молодую гвардию» и в одноименное книжное издательство. Из издательства, лет в 17, получил предложение и бланк договора поставить рукопись моей книги стихотворений «Полынь растет в микрорайоне», в план редакционной подготовки, предполагаемый объем книги – 0,5 а. л. Я почти обрадовался, но решил поинтересоваться, что такое а. л. и особенно – 0,5 а. л.?

В тот же день узнал, что а. л. – это авторский лист, а 0,5 а. л. – 350 стихотворных строк. Я живо представил себе тощенький блинчик стихотворной книжки и тут же, в приступе гордыни, написал ответ издательству, язвительный и глупый, с просьбой больше не предлагать мне напечатать такую тоненькую книжку. «Молодая гвардия» прислушалась к моей просьбе и больше издать книгу мне не предлагала, правда, несколько раз опубликовала мои стихи в своем альманахе «Истоки».

Жалею ли я о своём отказе? Скорее, нет, чем – да. Поскольку впоследствии неоднократно был свидетелем того, как некоторые авторы издавали книжечки даже меньшего, чем 350 строк, объема и носили их как иконки, на груди лет до 45–50, до седых волос числясь в «безвременно признанных» «молодых» поэтах, на что лично я, с моим характером, не пошёл бы ни при каких обстоятельствах.

В 1982 году стал участником проведенного ЦК ВЛКСМ и журналом «Литературная учеба» в Новосибирске совещания молодых писателей Сибири, где мое творчество рассматривалось в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова. В итоге обсуждения моей рукописи он сказал несколько слов, возвышающих меня, и, видимо, очень обидных для остальных присутствующих. Дословно цитировать не берусь, но за суть сказанного Кузнецовым ручаюсь: пишущих много, поэтов мало, среди вас есть только один поэт, имя его – Иосиф Куралов. После совещания Кузнецов предложил мои стихи самому известному поэтическому альманаху страны – «День поэзии», где они были опубликованы. Затем, прочитав новую мою рукопись, без моей просьбы написал предисловие к моей первой книге стихотворений «Пласт», которая вышла в 1985 году.

Начало предисловия удивило меня: «Иосиф Куралов – поэт суровой судьбы. Он родился среди терриконов Прокопьевска. И вместо земли под ногами у него был «серый камень, черная зола...».

Я подумал: неужели я произвожу впечатление такого убогого, суровой судьбой угнетенного провинциала? И, с подачи великого поэта, написал несколько строк, которые, однако, когда их сделал (в 1985 году), опубликовать было невозможно. Потом, во время переездов с одного места жительства на другое, я эти стихи потерял. А после и вовсе забыл о них. Но вот, по случаю создания данного прозаического текста, вспомнил. В этом стихотворении важнее всего – первая строка, она – ключевая. И, может быть, здесь стоило бы ограничиться ею одной, но, вспомнив первую, вспомнил и остальные.

Я – баловень судьбы своей суровой.
И не желаю классовой борьбы
В стране катастрофически здоровой,

Ведь не рабы мы, мы ведь не рабы!
И в очереди трёхкилометровой,
Под тенью городской родной трубы,
За горькой сладостью полулитровой,
Стою, как грешный баловень судьбы,
Безгрешный баловень судьбы суровой.

Выход моей первой книги совпал с началом безумной горбачёвской борьбы с пьянством и алкоголизмом с её дикими очередями в магазины определённой специализации. Возможно, сама-то борьба была необходима, но то, как она проводилась, свидетельствует о том, что этот замысел родился в чьих-то весьма и весьма кривых мозгах, и осуществлялась она очень и очень кривыми руками. Как, впрочем, и все другие «реформы» Горбачёва. И стишок мой, собственно, всего лишь отразил одну из картинок тогдашней действительности, когда весь народ – и баловней судьбы, и не баловней, и грешных, и безгрешных, и пьющих часто и выпивающих изредка, всех, постигла одна суровая судьба – стоять в одной гигантской очереди «за горькой сладостью полулитровой».

Впрочем, через несколько лет ко мне пришло спокойное понимание, что Юрий Кузнецов, наверняка, как старший и более опытный, хотел «сгущением суровости» прикрыть меня от придирок редакторов, разнообразные возможности которых сам изучил в полной мере в пору вхождения в литературу. И ведь прикрыл. Первая книга у меня прошла, если и не как по маслу, то и не как по наждаку. Что без его пригляда вряд ли получилось бы.

А самое дорогое, что у меня есть от Юрия Поликарповича, – это его книга «Русский узел» с надписью: «Иосифу Куралову – на верный путь во мгле. 28.1X.83». Эту книгу и автограф я у него не просил – ни при встречах, ни в письмах, ни по телефону. Он прислал мне её сам, в чем особая для меня ценность – и книги, и автографа.

Теперь эта книга рядом с другими его книгами и книгами русских поэтов стоит в том самом книжном шкафу, который начинался в XX веке, в Прокопьевске, а продолжается в XXI, в Кемерове. В этом же шкафу стоят и мои книги. В том числе «Я шел по воздуху – сквозь воз-

дух», за которую в 2007 году я получил премию в области литературы и искусства имени В. Д. Федорова.

Правда, шкаф давно превратился в книжные полки. И количество книг я сократил. Но в основе своей, представленной славным рядом великих имен, перечисленных в начале, это все тот же созданный моими дедом и матерью книжный шкаф. О нём мой персональный литературовед (если бы он у меня был) мог бы сказать примерно так: книжный шкаф сыграл значительную роль в формировании поэта Иосифа Куралова...

Правда, я эту роль до сего места умудрился почти не показать. Но ведь она и так очевидна. Когда растешь в мире книг, ты постепенно общаешься к чтению. Особенно когда тебя, с одной стороны, не заставляют читать, а с другой – не запрещают залезать в любые уголки шкафа.

Да что там запрещают? Лет в 12 я стал полновластным хозяином шкафа! Расставил книги по авторам, начиная с Пушкина. И когда учился в 8–9–10 классах, убедился, что с самого начала не очень сильно ошибся в иерархиях. Выше всех стояли русские и советские авторы, ниже – иностранцы, а на самых нижних полках – детские книги, то есть мои, купленные специально для меня, ещё тогда, когда я не умел читать.

Кого я читал? Всех подряд. Бессистемно. Безостановочно. Лихорадочно. Лет в семь-восемь было у меня несколько детских книг, которые я не просто читал, я внутри них жил, становясь одним из героев или персонажей произведения, а иногда по ходу чтения придумывая собственную сюжетную линию, от автора не зависимую. Эти книги: «Чиполлино», «Буратино», «Три толстяка», «Три поросенка», «Приключения Незнайки». Все – огромного формата, с богатыми, красочными иллюстрациями на каждой странице. Именно в этих красивых, полных неразгаданных тайн картинках, и хотелось остаться жить навсегда.

Со времени полного овладения шкафом продолжал читать уже открытого мной Есенина. И постоянно совершал новые потрясающие открытия: Маяковский, Асеев, Кирсанов, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский и даже, чего греха таить, Асадов. (Было время, нравился он мне, правда, годам к 14 симпатия к нему прошла). Примерно в то же время мне открывались и целые плеяды европейских, китайских, японских поэтов и прозаиков.

И именно в то же самое время у меня начали возникать вопросы: кого я на самом деле читаю, открывая книгу, на обложке которой написано имя того или иного автора, например, Превьер, Хемингуэй, Ремарк, Ван Вэй, Акутагава Рюноске?.. Того, чьё имя стоит на обложке, или почти безымянного переводчика – Иванова-Петрова-Сидорова? Кстати, Иванов-Петров-Сидоров немного известен российскому кинозрителю под именем Андрей Бузыкин по гениальной печальной комедии Георгия Данилии «Осенний марафон». Бузыкин является главным героем комедии, мечется между двумя женщинами (женой и любовницей) и зарабатывает себе на жизнь именно переводами произведений иностранных авторов на русский язык и преподаванием в вузе... Впрочем, на этом мысли о переводах с иностранных на русский прекращу. Поскольку эта тема требует пространства значительно большего, чем может позволить данная статья.

В моем шкафу всегда был (хотя как-то не сразу попал мне в руки) почти весь интеллектуальный набор советской «кухонной» интеллигенции 60–70-х годов: Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева. Почти все – в большой серии «Библиотека поэта» и только, кажется, Цветаева – в ином издании. Пастернак и Цветаева были приняты мной еще в детстве, двое других – позже.

Залпом прочитывались и многократно перечитывались Александр Беляев и другая советская и зарубежная фантастика, которой в шкафу было не меньше, чем поэзии.

Пушкина долго воспринимал умом. Может, сработало моё личное подсознательное сопротивление общепризнанности его величия? И так он везде – на самом высоком пьедестале: и в дедушкиной иерархии, и в школьной программе, и в моем шкафу. Красоту его поэзии понял и принял душой в старших классах средней школы. Примерно тогда же это случилось с поэзией Лермонтова, Тютчева, Фета, Баратынского, Некрасова.

Самой длительной и сильной моей любовью был и остается Александр Блок, о котором другой поэт сказал: «изученный не по программе, вне всяческих школ и систем, он не изготовлен руками и нам не навязан никем».

Поэзия была нашим общим увлечением – и дедушкиным, и маминим, и моим. Весь остальной огромный массив книг: отечественная

классика, зарубежная литература, история, книги по искусству, энциклопедии, справочники, словари – был плодом многолетних стараний мамы, областью ее безграничных читательских интересов, частично разделяемых дедушкой, бабушкой и мной.

Теперь я понимаю, что в детстве имел такое богатство, какое имел мало кто из моих сверстников. Пошло ли оно мне на пользу? Хочется верить, что – да, например, в части развития души и духа и, как ни банально это звучит, в плане расширения кругозора. Абсолютно уверен, что актуальность этой банальности (необходимость читать хорошие книги) не утрачена до сих пор. И даже наоборот – громко вопиет к родителям и школе. И вопль этот звучит тем громче, чем лучше узнаёшь уровень познаний некоторых современных школьников о литературе и истории страны, в которой они живут. Да и не только школьников, но и некоторых рвущихся к власти великовозрастных околосредственных функционеров, которые поражают читателя полным незнанием в общем-то весьма несложных терминов и понятий и уникальной безграмотностью во всём – от стилистики до грамматики.

И если я не выгляжу столь безграмотным и глупым, как упомянутый литфункционер, то этим я обязан своему книжному шкафу, и, прежде всего, его собирателям – моим любимым родителям, которые научили меня любить и читать книги.

Спасибо вам, мои Родители!

Спасибо тебе, мой Книжный Шкаф!

Книги Иосифа Абдурахмановича Куралова:

Пласт : стихотворения / вступ. ст. Ю. П. Кузнецова. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1985. – 56 с.

Тридцатое пространство : стихотворения. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1990. – 103 с.

Тысяча твоих лиц : стихотворения, поэмы. – Кемерово : Ковчезек, 1995. – 128 с.

Я шёл по воздуху – сквозь воздух : стихотворения, поэмы. – Кемерово : ИПП «Кузбасс», 2006. – 256 с.

Живое пространство : стихотворения. – Кемерово : Сибирский писатель, 2007. – 302 с.

ИЗ КНИГИ «ЯСНЫЙ ПОЛДЕНЬ»

Егору Александровичу Исаеву

Я-то думал: за давностью лет и утрат
Деревенская жизнь позабылась...
А как только сошёл с электрички вчера,
Сердце радостью прежней забилося!
Всё припомнилось здесь, у родного села,
Точно вновь я малец босоногий...
Так однажды, увидев церквей купола,
На Руси вспоминают о Боге.
День стихает. Струится туман на поля.
Свет закатный таинственно долог...
Мы выходим однажды на круги своя,
К своему деревенскому дому.

1980 год

В том доме было чисто и нарядно.
Постираны всегда половики,
Под окнами, с высоких пышных грядок
Смеялись васильки и ноготки.
Всегда прохладно было на веранде,
На кухне пахло травами всегда...
Казалось, в доме том не умирали,
И по углам не пряталась беда.
А между тем в лихую ту годину,
И корки хлеба не было когда,
Рябая почтальонша тётя Нина
Две похоронки принесла сюда.

Павел Николаевич Мертвецов (Павел Майский)

9 мая 1937 г., п. Центральный рудник, Тисульский район,
Кемеровская область

Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей СССР с 1981 года

Да и потом, уже в шестидесятых,
Как и в других малиновских домах,
Чего-чего – беды хватало всякой,
И даже приходила смерть сама
Под эту крышу, где светло и чисто,
Постираны всегда половики,
И на веранде шмель в окно стучится,
И в рамках на стене – фронтовики;
Где миром и добром незримо веет,
Где вещи служат делу полный век...
Где проживал лесник Иван Савельич,
Неповторимый русский человек!

пос. Малиновка, 1982 год

Дед мой Никанор, смотритель драг,
В первую германскую – от тифа
Принял смерть безропотно и тихо,
Помещённый фельдшером в барак.

А отец мой, главный инженер,
В госпитале умер в сорок пятом.
С честью послужил своей стране
Старший политрук «сорокапятка»!

Ну, а я живу. И, слава Богу,
Русь живёт! И в ней – родная власть...
Дорого для моего народа
на Руси свобода обошлась.

1980 год

КОЛИНА МОГИЛКА

Памяти Николая Паутова

Тихо здесь. Лишь в камышах, у плёса,
Выпь неугомонная бурчит,
Да на ветерке сквозном берёза
Листьями-ладошками стучит.
Вечер... У дороги, на развилке,
Деревенский съёжился погост.
У забытой Колиной могилки
Я, видать, единственнейший гость.
Никому теперь и неизвестно, –
Почитай, минуло двадцать лет, –
Что схоронен в этом тихом месте
Леспромхозом признанный поэт.
Я когда-то здесь учился в школе
И за честь великую считал
Побывать в избушке, где нам Коля
Новые стихи свои читал.
Были в тех стихах любовь и слезы,
Критика ядрёная, причём
Даже сам директор леспромхоза
Получался вроде бы рвачом!
Коля жизнь серьёзно понимал...
Только надо ж было так случиться:
Нож ему вогнали под ключицу –
Он у клуба драку разнимал!..
Тихо здесь. Луна встает над полем.
Тянет ветерок ночной с реки...
На селе, где жил когда-то Коля,
Телевизор смотрят мужики.

1980 год

И день пришёл. И озарился лес
Улыбкой тихой ясного рассвета.
И беспредельным таинством чудес
Открылся мир божественного лета!
Торжественно проплыл в березняке
Лось длинноногий, неуклюжий с виду.
Маслёнок под сосной, на бугорке,
Сухую ветку потихоньку сдвинул.
Сердитый самолётик стрекозы
Погнал большую бабочку вдоль прясла.
И гром несостоявшейся грозы
Лениво шевельнулся в небе ясном.
И с выгона, от сонного села,
Плывет неспешный звон коровьих ботал...
И даль лесная празднично светла.
И сердце ждет хорошего чего-то!

Не те я книги в юности читал.
Любил не ту. И не о том мечтал.
Но юность тем была и хороша,
Что не внимала разуму душа!

ИЗ КНИГИ «САРБАЛИНСКАЯ РАПСОДИЯ»

Не всё быльём с годами поросло...
Порою, точно Русь за образами,
Забывшее таёжное село
Отчётливо встаёт перед глазами.
Доносятся негромкие слова
От рыбаков у озера, в тумане.

И шелестит пожухлая ботва,
И дрозд скворчит в полыневом дурмане.
И видится: снопы в полях лежат,
Под колос перехваченные туго,
И бабочки-капустницы кружат,
Как белый снег, над васильковым лугом.
И за гору уходят облака,
Уходят, как и мы, неповторимо...
И времени прохладная рука
Щеки моей касается незримо.

1964 год

ИЗ КНИГИ «СОЛНЕЧНАЯ ДЕЛЯНА»

По тайге шумит листопад,
Точно ходит кто-то чащобами.
И колотится невпопад
Сердце, осенью освещённое...
В благоденствии края нашего
Нет отраднее этих мест,
Где столетняя ель-монашенка
вознесла над долиной крест.
Где над речкой, в избушке старенькой,
На высоком приступке крыльца,
У окна с почерневшими ставнями
Ждёт с войны моя мать отца.

1976 год

Из тайги выхожу под вечер –
Зелено в глазах от осин.
От села ветерок навстречу
Поднимает тепло с низин.

Даль туманами занавесило,
Звёзды выглянули уже.
Так отрадно, легко и весело,
Так уверенно на душе!

Прохожу к избе огородами,
Мать с верёвки снимает бельё...
Вот и всё. Вот и вся моя родина,
Всё нехитрое счастье моё.

1978 год

ИЗ КНИГИ «СЛОВО И ГОДЫ»

ОДА ПЕЧКЕ

Отбушевали грозы над тайгой.
Задвинулась в Атлантику жара.
Вот и остались,

печка,

мы с тобою

На высоте таёжного бугра.
Ещё я не старик и не калека,
С утра исполнен мужества и сил.

Всё оттого,
что пекарь ты
и лекарь,
И главный идеолог на Руси!

Вот если бы меня тогда спросили,
Когда меняли заново гербы:
«Какой нужнее символ
для России?» –

Сказал бы:

«Печка.

С дымом из трубы».

1995 год

Проснулся я в глухую рань.
Не просыпался б лучше...
Была зима. Цвела герань.
Мороз деревья мучил.
И в отвратительной тиши
Рассвета городского
Терзал бессмертия души
Ветхозаветный холод.
И шевелились волоса
От той ужасной были,
Что все ушли на Небеса,
А про меня забыли.

1999 год, декабрь.

ИЗ КНИГИ «ОХОТА НА ПЕГАСА»

Когда-то жил и я,
как «новый русский» ...
Хотелось – сразу всё.
И не потом – сейчас!

Чтоб убежать
от нашей жизни грустной,
которая сгорает, как свеча...

И вот сижу на табуретке-троне,
разглядываю солнышко во мгле...
И ничего-то мне не надо,
кроме
вот этой грустной жизни на земле.
Не берегу ни славу, ни богатство...
Одну теперь заботу берегу –
стучало б сердце,
солнце б не погасло!
Все остальное отдаю врагу.

Не надышаться мне грозой
в блаженный миг земного лета...
В глазах – восторженной слезой
поток печали без ответа.

Я мирно жил среди красот,
считая этот мир за вечность.
В поток случайных голосов
вплетал души своей беспечность.

Но я же знал – наступит час!
Не обойдёт любви расплата
ни Грановитую палату,
ни ту избу, где я сейчас...

Я знал: как вешняя вода,
ворвется вспышка озаренья.

За всё нам истина воздаст!
И нет спасенья
от прозренья...

Сарбала, 1 июля 2007 г.

ИЗ КНИГИ «ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

ОДА ЖИЗНИ

Когда над спящими лесами
царит зловещая луна,
и неземными голосами
душа смятённая полна,
когда на сердце звёздный ветер
возносит радости порыв,
и вдохновенье
путь осветит
в потусторонние миры, –
то голос Истины ликует,
и в приснопамятной глуши
над прахом смерти торжествует
бессмертие твоей Души!

2012 год, апрель

Екатерина Тюшина

ЕГО ДУША РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИТ

Тому, кто родился и вырос на Кузнецкой земле, невозможно остаться равнодушным к её красотам. Вот и поэт Павел Майский навсегда прирос сердцем и душой к земле, взрастившей его. Настоящее

имя поэта – Павел Николаевич Мертвецов. Родился он 9 мая 1937 года на прииске «Центральный рудник» Тисульского района Кемеровской области в семье горного инженера. В годы войны его отец, Николай Ефимович Мертвецов, имея правительственную бронь, как специалист высокой квалификации, ушёл добровольцем на фронт. Сражался под Москвой и скончался в госпитале от ран. Его мать Зоя Никаноровна вместе с детьми, Юрием и Павлом, приехала жить в село Сарбала. В 1949 году семья переехала в Кемерово, где мать долгие годы работала председателем Кемеровского обкома профсоюза лесной промышленности. После школы, в 1955 году, Павел поступил в Сибирский металлургический институт в Новокузнецке на специальность «Доменщик». В студенческие годы увлекался футболом, хоккеем, мотоспортом, классической борьбой, играл в джазовом оркестре. Первые стихи были опубликованы в 1958 году, в студенческие годы. После института работал горновым доменной печи Кузнецкого комбината, позднее – конструктором доменного отдела Сибирского Гипромеза. С 1969 по 1981 годы занимал должность главного инженера проекта в институте Сибгипромез. В 1971 году, как участник проекта строительства Запсиба, стал лауреатом премии Совета Министров СССР. Заочно окончил литературный институт имени М. Горького. Писал стихи, которые выходили под творческим псевдонимом – Майский.

В ночном лесу шептались тени,
Морозил душу запах мглы,
И пряным варевом растений
Курились сумрака углы,
Немели птицы, вжавши перья,
И сквозь уснувшие деревья
Неотразимо, как всегда,
Сияла вечности звезда!

Первая книга Павла Майского «Взмах крыла» вышла в 1967 году в Кемеровском книжном издательстве. Затем в Кемерове, Новокузнецке

и Москве выходили сборники: «Сарбалинская рапсодия», «Солнечная деляна», «В зеркалах Благодати», «Город моей мечты», «Пока янные дни», «Высокие туманы», «Ясный полдень», «Вечности державные шаги», «Охота на Пегаса», «Копье Центуриона» и др.

Наконец и я усвоил это:
Семь чудес не стоят и гроша
Перед самым главным чудом света,
Чудом, именуемым Душа!

Его стихи включены в коллективные сборники: «День поэзии», «Второе признание», «Дыхание земли родимой», «Рабочая мелодия Кузбасса», «Песнь о Сибири», «На родине моей повыпали снега», «Русская сибирская поэзия» и др.; печатались в областных и центральных газетах и журналах.

А этот день – душе моей награда ...
Над знойным лугом вертятся стрижи,
И ельник – как церковная ограда,
За коей мир неведомый лежит.
Войду в него под боязные взоры
Зверей и птиц, деревьев и цветов,
Ославленный цивилиности позором
И проклятый сожжением мостов ...
Войду в него, вгляжусь в собратев лица,
Смущенный чудом праведной тиши ...
Какому Богу нам теперь молиться
И в чем искать спасения души?

В 1981 году П. Н. Майского приняли в Союз писателей СССР, и он стал заниматься литературной деятельностью. Главными темами стихов Павла Майского являются сибирская природа, красота родного края и его люди, с которыми поэта связывают крепкие нити духовного

родства. Перед красотой природы поэт буквально благоговеет, видит в ней особый – Божественный смысл.

Начнётся день с тихотворенья
Лесной божественной красы,
И стебельков стихотворенья
Коснутся совести весы,
И, сам себя не создавая,
В момент земного торжества
Ты растворишься, создавая,
В блаженной тайне Божества!

Однако Майский не только восхищается красотой родной природы, среди которой вырос, но и переживает из-за того, что с ней происходит. Ведь из-за строящихся заводов и рудников навсегда уходит тайга, и всё меньше и меньше остаётся в ней зверей.

Вот докорчем здешнюю тайгу,
Да усмирим шальные эти реки –
Поставим город здесь, на берегу
Искусственного моря, чтоб – навеки!
Потом десяток лет передохнём,
Поразмышляем: то-то, мол, и то-то...
И создавать тайгу себе начнём:
По горкам – сосны, понизу – болото,
Ложком – ручей... Дойдем и до реки –
До этой, над которой всё горюем...
Вот так мы и живём, сибиряки, –
С тайгой, своею матушкой, воюем.

Не оставляют равнодушными стихи поэта о любви. В них присутствует вера в то, что, несмотря на все изменения, которые происходят в жизни каждого человека, по-прежнему живо на земле самое светлое чувство – любовь. Любовь, способная вновь вернуть к жизни.

Останется все в этом мире...
Но та, что любила тебя,
Найдёт тебя в звездном эфире,
Где ангелы в трубы трубят.
И снова божественным светом
Возвысятся чувства твои.
И вновь ты родишься...
И в этом Великая тайна любви!

В 2004 году Международное сообщество писательских союзов выпустило в свет уникальную энциклопедическую антологию поэзии «Душа России...», в которую вошло имя поэта П. Н. Майского.

Небес бездонное свечение.
Лугов безбрежных глубина.
Морей безмерное течение.
Лесов бескрайняя стена...
Всё беспредельно.
Хаотично.
Необъяснимо ничего...
Таков наш мир.
А мы – частичка
Необъяснимости его!

В настоящее время Павел Николаевич Майский живёт и работает в Краснодаре. Но иногда летом поэт приезжает в родное село Сарбалу, где у него находится творческая дача. Здесь, в домике на краю тайги, он отдыхает душой, встречается со своими друзьями и почитателями творчества и пишет лирические стихи, полные любви к родной природе.

Опять в краю моём сибирском
Гудят шмели, цветут поля,
И дышит вольная земля
Таёжной грудью богатырской!

Мой край, суровый и святой
 Своею верностью России,
 В безоблачной рассветной сини
 Цветёт улыбкой молодой...

Во время приезда П. Н. Майского на родину в школах, клубах и библиотеках Сарбалы, Новокузнецка, Калтана проходят творческие встречи с поэтом, на которых он читает свои стихи, делится творческими планами и призывает любить и беречь ту землю, которой принадлежит душа.

Мир невелик, хотя и бесконечен...
 Не торопись в иных краях пожить.
 В краях иных душе питаться нечем,
 Душа родной земле принадлежит.

Калтанское отделение РОО «Союз Кузбасских писателей» на базе средней общеобразовательной школы № 30 имени Н. Н. Колокольцова села Сарбала проводит фестиваль литературных чтений, посвящённый творчеству Павла Николаевича Майского. Фестиваль уже давно стал своеобразной творческой площадкой, где встречаются не только состоявшиеся поэты, но и осваивают азы стихосложения совсем ещё юные таланты. Ведь начинающим поэтам есть чему поучиться у лауреата премии «Молодость Кузбасса» Павла Майского, поэзия которого овеяна заботой о том, что ему дорого.

...Одну теперь заботу берегу –
 стучало б сердце,
 солнце б не погасло!...

Василий Галактионов

ТВОРЧЕСТВО КАК СЕРДЕЧНОЕ ПЛАМЯ

Павел Николаевич Мертвецов родился 9 мая 1937 года в семье главного инженера рудника «Центральный» Тисульского района Кемеровской области. Отец поэта, Николай Ефимович Мертвецов, происходил из семьи инспектора народных училищ Семипалатинской губернии и получил всестороннее образование (музыкальное училище, экономический техникум, политехникум и горный институт). Мать, Зоя Никаноровна Мертвецова (в девичестве Старцева), была дочерью горного инженера, смотрителя драг Екатеринбургской губернии.

В годы Великой Отечественной войны отец, командир истребительно-противотанкового отряда, политрук 43-й добровольческой сибирской бригады, воевал под Москвой и скончался в госпитале от ран. Мать почти всю жизнь проработала председателем Кемеровского обкома профсоюза лесной промышленности. В Кемерово семья приехала в 1949 году.

Романтическая биография родителей во многом определила жизнь и творчество Павла Николаевича. В Кемерове, в пятидесятых годах, он – вратарь футбольного и хоккейного клуба «Динамо», в Новокузнецке – тромбонист джаза и баритонист (баритон-горн) духового оркестра Сибирского металлургического института, увлекается мотоспортом, классической борьбой. А после окончания СМИ с головой уходит в общественную работу, в течение двух лет является одним из председателей совета Творческого объединения молодёжи (ТОМ) города Новокузнецка. В 1966 году Павел Майский вместе с поэтами Игорем Киселевым, Валентином Махаловым, Владимиром Матвеевым, Анатолием Сауловым, Александром Бересневым участвует в работе Зонального семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала, который проходил в г. Кемерово с 29 мая по 7 июня в рамках Литературной недели Кузбасса.

С 1964 года новая деятельность на два десятка лет захватила будущего поэта. Он переходит из доменного цеха КМК (Кузнецкого метал-

лургического комбината имени В.И. Ленина) в организованный тогда «Сибгипрометз» (Сибирский государственный институт по проектированию металлургических заводов) и все силы отдаёт проектированию объектов Всесоюзной ударной комсомольской стройки Запсиба (Западно-Сибирского металлургического комбината). А с 1969 года его назначают главным инженером проекта Запсиба по авторскому надзору, контролю за ходом выполнения строительства и текущего проектирования.

Но творчество как сердечное пламя, бесконечная любовь к поэзии не оставляли в покое молодого инженера. В том же 1969 году Павел Мертвецов по рекомендации Леонида Соболева поступает в Литинститут имени Горького, который заочно оканчивает в 1974 году. Его творческими руководителями были поэт Егор Исаев и критик Владимир Мильков, а руководителем дипломного проекта – Владимир Лидин.

В 1979 году в Москве, в издательстве «Советский писатель», вышел сборник стихов Павла Николаевича Мертвецова (взявшего псевдоним Павел Майский) «Солнечная деляна», который получил высокую оценку в литературных кругах. Позднее в том же издательстве одна за другой вышли книги «Ясный полдень», «Покаянные дни», «Зимняя гроза», «Вечная дорога»...

После приёма в Союз писателей СССР, по рекомендации знаменитых писателей-сибиряков Александра Волошина и Виктора Баянова, Павел Майский добровольно ушёл из Сибгипрометза и с 1981 года занимается литературной работой. Если в металлургии он становится лауреатом премии Совета Министров СССР, то в литературе – членом Совета по поэзии Союза писателей СССР. Земляки-читатели знают, как сложно складывались взаимоотношения Павла Майского с командно-бюрократическим аппаратом на протяжении всех лет творчества, как непросто был его переезд на постоянное место жительства в Краснодар в 1988 году. Но всё это за пределами его творчества.

Писательскую судьбу Павла Майского определили Всесоюзное радио СССР (особенно радиостанция «Юность»), московские издательства «Советский писатель», «Российский писатель». С 1960 года его стихи постоянно присутствовали в эфире, и с годами творческое

сотрудничество переросло в романтическую дружбу «шестидесятников»: Рюрик Пестовский, Лев Борщевский, Ада Якушева, Максим Кусургашев... Это их «Юность», «Родники», «Здравствуй, товарищ», «Песни на просеках» помогли комсомольцам-добровольцам Всесоюзных ударныхстроек, да и всем нам, равнодушным к судьбам человечества, «сердцем не стареть»!

В семидесятые годы в издательстве «Советский писатель» появились первые сборники стихов Павла Майского – «Солнечная деляна», а затем «Ясный полдень». Затем – «перестройка». На неё поэт откликнулся сборником «Покаянные дни», позднее вышли сборники «Зимняя гроза», «Вечности дорога», «Смоленская дорога». А в конце девяностых и начале XXI века творческое содружество с Василием Галактионовым, Александром Миролубовым, Валентином Павловым и Юрием Романовым вдохновило на создание десяти книг: «В зеркалах благодати», «Город моей мечты», «Вечности державные шаги», «Лики и лица невольников чести», «По причине совести», «Копьё центуриона», «Слово и годы», «Земля поэтов», «Охота на Пегаса», «Обыкновенная романтика», которые были изданы «Российским писателем». Удивительная судьба у этой, казалось бы, внешне неброской серии книг. Изданные в недорогой «мягкой» обложке, на обычной бумаге, они буквально всколыхнули писательскую общественность, заставили спорить о себе и удостоились самых одобрительных отзывов от литературных авторитетов и знаменитостей. Таких, например, как Николай Дорошенко, Валентин Суховский, Николай Седов, и здравствующие ещё тогда советские классики – писатель Юрий Бондарев, выдающийся отечественный поэт Егор Исаев (учитель и соратник Павла Майского). В эти сборники автор включил не только свои стихи и прозу, но и отрывки из произведений коллег, поэтические подборки и публицистику, призванные напомнить читателям о неиссякаемом богатстве творчества и нашей культуры.

В настоящее время поэт много и плодотворно работает в русле истории Отечества. Его яркие книги о России представляют собой чёткие исторические документы и факты, изложенные самобытным эмоциональным языком болеющего душой за Родину поэта. Думается,

читатель во всём разберётся сам и сумеет оценить творческое наследие поэта. В чём призвание человека? В чём жизни смысл?.. Эти вечные вопросы побуждают автора и к тончайшим лирическим переживаниям, связанным с изображением родной природы, и к остроумной метафоре, исполненной философского реализма и знания глубин народного духа. В них – дыхание нашего сложного времени и свет человеческой души... Ведь, как исповедуется сам Павел Майский, «поэты, надо полагать, на многое имеют право, за исключением права лгать». Именно правдивостью и сердечной чистотой определяется содержание избранных произведений Павла Майского.

Вот как отзываясь о творчестве поэта Павла Майского заслуженный работник культуры РФ Михаил Михайлович Маслов: «Писать о его творчестве можно много, потому что оно первично. Надеюсь, что настанет время, когда стихи Павла Майского будут изучать в наших школах наряду с другими произведениями, без которых невозможно представить во всей полноте драматизм и неоднозначность путей развития отечественной литературы. Уверен, что это необходимо не только для нас, его современников, ставших поклонниками этого необычайно цельного и разносторонне проявившего себя таланта, в котором, как в зеркале, мы видели в разные годы отражение собственных чувств и мыслей. В них – дыхание нашего сложного времени и свет человеческой души...».

Павел Николаевич – большой оптимист, горячо любящий своё дело, свой Кузбасс, свою Россию. Ежегодно, с мая по октябрь, он приезжает в родную Сибирь, и в посёлке Сарбала светятся окна на его даче, в его «творилке» – домике на краю тайги, где рождаются строки и не смолкают голоса друзей-собратьев по нелёгкому поэтическому ремеслу.

Книги Павла Майского (Павла Николаевича Мертвецова):

Взмах крыла : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. – 40 с.

Сарбалинская рапсодия : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1972. – 126 с.

Солнечная доля : стихи. – Москва : Советский писатель, 1979. – 87 с.

Высокие туманы : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1982. – 103 с.
Сторонушка таёжная моя : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1987. – 192 с.

Ясный полдень : стихи. – Москва : Советский писатель, 1988. – 127 с.

Покаянные дни : стихи. – Москва : Современный писатель, 1994. – 192 с.

Город моей мечты : слово о Кузнецке-Сталинске-Новокузнецке. – Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2002. – 177 с.

Зимняя гроза : стихи. – Москва : Советский писатель, 2002. – 127 с.

Вечности державные шаги. – Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2004. – 167 с.

Лики и лица невольников чести. – Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2005. – 168 с.

Вечная дорога : стихи. – Москва : Советский писатель, 2006. – 96 с.

В зеркалах благодати : очерки, рассказы, статьи. – Москва : Российский писатель, 2007. – 200 с.

Лики и лица невольников чести : проза, стихи. – Москва : Российский писатель, 2007. – 176 с.

По причине совести : проза, стихи. – Москва : Российский писатель, 2007. – 144 с.

Слово и годы : избранные стихотворения. – Москва : Российский писатель, 2008. – 380 с.

Земля поэтов. – Москва : Российский писатель, 2009. – 175 с.

Смоленская дорога : стихи. – Москва : Советский писатель, 2009. – 86 с.

Охота на Пегаса. – Москва : Российский писатель, 2010. – 231 с.

Избранные произведения. Книга 1 : стихи, проза. – Москва : Советский писатель, 2011. – 306 с.

Избранные произведения. Книга 2 : стихи, проза, драматургия. – Москва : Советский писатель, 2014. – 270 с.

Избранные произведения. Книга 3 : стихи, проза. – Москва : Советский писатель, 2016. – 222 с.

Избранные произведения. Книга 4 : стихи, проза. – Москва : Советский писатель, 2018. – 226 с.

Избранные произведения. Книга 5 : стихи, проза. – Москва : Советский писатель, 2020. – 194 с.

ИЗ КНИГИ «АМНИСТИЯ»

СТЕНЬКА РАЗИН

Память, память ... В хмельной пирушке –
Охолонься, столичный шик! –
Трезвым голосом пел частушки
Большерукий худой мужик.

Ах, как пел! Становилось тесно
На частушечном дроботке!
И тогда восходила песня:
«Вниз по матушке по реке ...»

Передашь эту песню разве?
И в холопстве, грязи, тоске
Жил несломленный Стенька Разин
В этом сrostкинском мужике.

Замораживалось застолье,
Когда он поникал молчком.
Душу рвало вселенской болью,
Как обдирочным наждаком.

Только что же я, в самом деле,
Плачу будто? Господь спаси!
Жил в болезненном этом теле
Дух могучий Всяя Руси.

Не придумаешь бесполезней –
Шукшина измелчить, избыть:
Выходил он народной песней;
Песню эту не позабыть, –

Олег Ефимович Максимов

25 декабря 1944 г., Кишинёв, Молдавская ССР
Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР
с 1987 года

Потому что она звучала –
 Что слезинка текла с лица:
 От единственного начала
 До единственного конца.

1974 год

СНЕГОПАД

Снегири летят с утра –
 Значит, быть большому снегу!
 Под навес свою телегу
 Катит конюх со двора.

Огороды замело.
 Снег на скирдах, снег на бане.
 Мы с соседом сядем в сани
 И уедем за село!

На тишайший снегопад
 Невозможно наглядеться!
 Всё сегодня –
 словно в детстве,
 словно много лет назад.

Элеватор за рекой.
 Стаи галок на берёзах.
 Шорох снега.
 Свист полозьев.
 Нескончаемый покой.

И не надо лучшей доли –
 Тем и счастлив человек!
 Только б длилось это доле –
 Память детства ... первый снег.

1974 год

КРАСНЫЙ ХОЛОД

Мать позвала. Я выбежал во двор
 И, ослеплённый, замер у порога!
 А было так: струилась вдаль дорога,
 И дивным светом полыхал костёр.

И я стоял, к глазам прижав ладонь,
 И дивный свет просвечивал мне руку.
 А было так: озоровал округу
 Рябиновый языческий огонь.

Рябина в палисадниках села.
 Рябина по лесам и в перелесках.
 Рябина на оконных занавесках –
 И та внезапно ягоды зажгла.

О, полыханье ягод и ветвей!
 С мальчишских лет во мне неистребимо
 Пылает эта красная рябина –
 Прекрасный образ родины моей.

И у виска стучалась мысль одна:
 Родиться здесь – какое это диво!
 И в с я Россия стала вдруг видна,
 И сердце красным холодом сводило.

1980 год

СПИСАННАЯ

За табуном весёлым вслед
 Влачится, увязая в дёрне.
 Её – за выслугою лет –
 Не сволокли на живодёрню.

И вот стоит в тени раakit,
Задумчиво следит земное.
Прах износившихся копыт
Смешался с прахом перегноя.

Зачем ей воля и корма?
Что проку – не ходить в упряжке?
К чему, когда и жизнь сама
Давно уж стала грузом тяжким.

Вот так печально думал я,
Её седую чёлку гладя.
И вздрогнул: в лошадином взгляде
Светилась радость бытия!

1982 год

ИЗ КНИГИ «СОЛОНЧАК»

ЖИВИЦА

Доверившись лесной глуши,
Я предавался созерцанью –
Осенних красок увяданья,
Весенних паводков души.

Всего порою было жаль!
Я полон был такой любовью –
Почти вселенская печаль
Вдруг нисходила к изголовью.

Я знал тогда наверняка,
Любимой упиваясь глушью:
Постигший душу родника
Поймет и человечью душу.

Не уворует, словно тать,
И в ближнего не бросит камень.
Не созерцать, а созидать
Он станет – добрыми руками.

Что ж! Тем и счастлив я вполне:
Под шум дождей и звезд мерцанье
Живое вызрело во мне...
Какое ж это созерцанье?!

1976 год

ОТГАДКА

Хлебным духом исходит жильё,
Дух морозный гудит над логами.
Бабы в речке полощут бельё,
Вороха отминают вальками.

Можно в баньках, на мятном пару,
А они – в полыньях у плотины!
На ветру, на крутом сиверу
Белокрыло взлетают холстины,

Обретают снегов белизну,
Чистоту родниковой купели.
Ах, какую поднимут волну
Полотняные струи постели!

Закружит этот водоворот –
Ночь плывет не в пустых разговорах...
Вот откуда весь здешний народ –
С енисейскою синью во взорах.

Рубим избы. Гоняем плоты.
Ткём холстину – ивановской краше!
И чисты, родниково чисты
Наши души и помыслы наши.

1978 год

Сдобрен застойной осиной
Сумрачный запах хвои.
Ветер доверчивой псиной
Тычется в ноги мои.

Благословенно доверье
Ветра, воды и огня!
Осень калёные перья
Страхивает в зелена.

Древний погост под горою
Высветлен в тон багреца.
Осенью явственней втрое
Предощущенье конца.

В почвенном тающем хрусте
Слышу ушедших вчера.
Только ни боли, ни грусти –
Что же? Такая пора!

Будто бы в одночасье
Вышел на те рубежи,
Где так возможно согласие
Почвы, небес и души.

1983 год

Светало. Скрипели ступени крыльца.
И клён у ворот осыпался.
И ветер легонько касался лица,
Как чьи-то прохладные пальцы.

Озимо дымились в лого под горой
Колодцев замшелые срубы.
Дышали берёзовой тёплой корой
Над крышами белые трубы.

Рыбачий баркасик напористо лез,
Как в вершу, в кусты краснотала.
Всего было вволю той осенью здесь,
А мне так всего не хватало!

Безумно молил я продления дней,
Но всё же душа понимала:
Любить эту землю всей жизни моей –
Всей жизни – и той будет мало!

1982 год

ИЗ КНИГИ «СЛЕЗА ПРОЩЕНИЯ»

Задули сизые ветра
В свои незримые валторны!
Любимая моя пора –
Морозно, ясно и просторно.

Блится юная звезда,
Как вёдрышко на коромысле...
Вокруг такая чистота,
Что ясные приходят мысли.

Антенны чуткая стрела.
Весь мир свела на отчей хате!
Ночь глубока и так светла,
Что в небесах я вижу батю.

Вот это расходились холода –
Ни облачка на небесах, ни тучки!
Но хрусткая небесная слюда,
Крошась, роняет сизые колючки.

Такой мороз, что дым примерз к трубе,
Столбом торчит на задубевшей хате!
А снегирёк поет на городьбе –
Взволнованно, тепло и очень кстати.

Затопим печь. Ликующей волной
Вскипит огонь! И отворится книжка...
И счастлив я, пока поет со мной
Румяный мой, как снегирёк, сынишка.

ИЗ КНИГИ «ПЛОТ СУДЬБЫ»

Больно жалится? Экое диво!
За другое не любят её:
На беде да разоре крапива
Беспечальное правит житьё.

Погорельцы отсюда бежали,
А она зацвела на золе.
Всех людей с той поры она жалит
За измену родимой земле.

На пожарище, пустоши, камне –
Как ещё выживает она?
Нет, не руку она обожгла мне –
Опалила мне душу до дна.

Опалила забытою болью,
Что однажды взошла из огня, –
Безнадёжной последней любовью
К той земле, что взрастила меня.

Кустарник. Кладбище. Кресты.
Полуистлевшая ограда.
И полотняные холсты
Медлительного снегопада.

И, перемёрзшая насквозь,
Скрипит крушина у опушки.
И шпиль бревенчатой церквушки
Реален... как земная ось.

И я, весёлый человек,
Стою в молчании смиренном:
И я реален в мире бренном –
Не более ... чем этот снег.

Печь хлеба. Ребятишек рожать.
Ткать. Стирать. Убирать огороды.
Мужика у калитки встречать
Не с войны, а с работы.

– Да неужто одна и судьба –
Разрываться на части?
– Ребятишек рожать, печь хлеба –
Разве это – не счастье?

Сиреневый куст за сосновой избушкой
В окне моём ловит своё отраженье.
Бескровное солнце над гулкой опушкой
Дневное своё завершает круженье.

Зажглась материнством осенним пшеница,
И мысли приходят: о воле, о хлебе.
За ближним подлеском волхвует синица,
И трудно понять: на земле или в небе?

И хочется вскрикнуть на птичьем наречье,
Взлететь на обрыв, сквозняками продутый!
И видеть, как падают в вечность минуты,
И верить в бессмертность души человеческой!

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

А ветер смеялся и плакал,
Как буйный безумный больной,
И кринка, надетая на кол,
Гудела органной струной.
Печально гудела и странно
Тоскою несбывшихся грёз.
И словно внезапною раной
Пронзила мне душу до слёз.
А впрочем, ну что мне за горе,
Какая моя в том вина,
Что кринка на старом заборе
Грустит в этот вечер одна?
Но я разгадал в этом крике,
Летящем в пространство двора:
В прекрасной заброшенной кринке
Страдает душа гончара, –
Что в час этот, злой и недужный,
Как будто упавши с креста,
Вдруг стала пустой и ненужной
Рождённая им к р а с о т а.

7 февраля 2022 г.

Догорает короткий рассвет,
День проснулся, бредёт наугад,
Погружая мой тающий след
В бесконечный холодный закат.

Стал наивен я, словно дитя,
Жизнь, как книжку, пытаюсь прочесть
И понять, навсегда уходя,
Кто я есть и зачем же я есть?

Для чего выдирался из жил
На раздёрганных нервах годов,
Что любил я и чем дорожил,
И за что умереть был готов?

Есть ли смысл на закатном краю
Доверяться надеждам седым,
Как бы жизнь я устроил свою,
Если стал бы я вдруг молодым?

Ведь с годами мне стали видней
Знаки жизни, растроченной в дым!
...Ничего не сменил бы я в ней,
Если стал бы я вдруг молодым.

21 августа 2021 г.

А осень и вправду была золотая,
Вовсю приближая зимы серебро!
В отлёт уходя, лебединая стая
Над домом моим обронила перо.

Всё то, что не спелось в лебяжьем строю,
Явило оно в колыбельку мою.
Что мог понимать стригунок голопузый,
Играя пером перелётного дня?

Но, может быть, в час этот кровные узы
С поэзией русской сроднили меня.
Она не спешила открыть мне объятья,

Ревниво хранила свой вечный секрет,
Но я, как надежду, любовь и проклятье,
Пронёс этот крест до седых своих лет.

Я знаю: в такую же позднюю осень
Рванёт моё сердце под левым ребром,
И молодцем добрым ударившись оземь,
Я вмиг обернусь лебединым пером.

Простившись с земной золочёною клеткой,
Где стих мне являлся, что божья роса,
Взлечу я в зенит стригунком-малолеткой,
Уже навсегда обживать небеса.

А эти слова высоты поднебесной
Что сердце сжигают прощальным костром,
Считайте моей лебединою песней,
Что я написал тем лебяжьим пером.

17 сентября 2021 г.

Светлана Старовойтова

НА ЗЫБКИХ РОССТЫНЯХ ЛЮБВИ

В России поэтическое слово, так уж исторически сложилось, даёт-ся тому, кто много пережил и пострадал, кто сумел преодолеть невзгоды и вынести из прожитых потрясений нелёгкий человеческий опыт. Олег Максимов – человек суровой судьбы. В разделе «Персоналии» журнала «Огни Кузбасса» можно прочитать: «Пятилетним ребёнком депортирован в Кемеровскую область, как «сын врага народа».

В 1958 году амнистирован, в 1989-м реабилитирован. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Автор 12 книг стихов. Член Союза писателей СССР. Живет в Таштаголе». Из солнечного Кишинёва в заснеженный Таштагол, из культурной среды просвещённой Европы – (отец – профессор, секретарь литературного журнала, мама – певица) в пространство Сибири, где культурная почва формировалась в том числе и людьми, насильственно в неё помещёнными. К такому относится и поэт, песенник Олег Максимов, который неумолимые повороты судьбы переплавил силой своего таланта и характера в эмоционально ёмкие, берущие за душу стихи.

Художественная картина мира стихов поэта Олега Максимова складывается из понятных и ценных любому человеку образов: родители, родина, природа. Слова общего корня, они обозначают границы нравственной и культурной оседлости, об особой значимости которой в современном, стремительно обновляющемся мире писал академик Д. С. Лихачев. Отчизна начинается с отца, и весь земной путь сына освещает батино «путеводное сердце» («Восходят над лесом ночные светила...»). «Продлевая древний род» («Дождались и мы! Пришёл мороз...»), всепобеждающая жизненная сила отца наполняет героя крепостью духа и стойкостью характера. Все стихи, написанные поэтом о родителях, волнующим рефреном соединяют строчки:

Я скучаю об отце,
Боже, как же я скучаю!

Образ матери в стихотворениях поэта светел и свят. Мама – сама стихия жизни, она подарила возможность видеть этот мир, ощущать каждым вдохом пронзительность своего нахождения в земном пространстве. Молодая мама в простеньком платице («Алый плат да простенькое платице...»), седая мама, хворающая и обессиленная в конце пройденного пути («Стук колёс. Людская смесь...», «Одеялко смятое откину...»), детские воспоминания о маме («В логу ручей. По берегам...»), и знакомое многим чувство – горькое осознание: «Вот и опять не сказал / Самого главного маме» («Полночь. У маминых ног...»). Образ матери поэтом всегда соотносится с отчим домом. Все предметы здесь отражают гармоничный в восприятии ребёнка дере-

венский быт, вызывают в повзрослевшем герое осознание невозвратно ушедшего времени. Звучащий в стихотворении «В логу ручей. По берегам...» мотив воспоминаний тоже связан с матерью: «И сладко мамина рука / Малиной пахнет и грибами», строчки наполнены смешанным чувством – горьким осознанием потери и умиротворяющей радостью памяти о самых дорогих людях.

Большая часть стихотворений о природе представляет собой элегическое размышление поэта о жизни, её бренности, быстротечности, невозвратности: «Осенью явственной втрое / предошущее конца» («Сдобрен застойной осиною»...). Классический пейзаж для передачи сложного эмоционального состояния героя, ощущающего безжалостный бег времени, – это именно осень. Её краски яркие и завораживают своей палитрой, но скрывается за ними непреклонная поступь зимы. Течение времени вызывает грустное осознание необратимости каждого мига жизни, оно же приводит героя к пониманию, что противостоять «реке времён», уносящей всё и вся в забвенье, может только слово, только творчество:

Открыто сокрытое дышит
И льёт нам взволнованный свет,
Покуда всё видит и слышит
И пишет об этом – П о э т.
(«Сквозь память скользнул он в Начало...»)

Дружеский круг поэтов Олег Максимов вычерчивает особенно тщательно, взвешивая поэтическое слово, а не земную славу пишущего собрата по перу. Николай Рубцов, Анатолий Жигулин, Виктор Баянов, Геннадий Юров, Александр Ибрагимов. Он посвящает им свои самые сокровенные стихи о творчестве, о душевной боли поэта, помнящего противоречивую историю своей родины и живущего в испытании любовью к ней:

Здесь наша воля и неволя –
За падью падь, за пядью пядь.
...Стоит на боли это поле,
А мне всю жизнь на нём стоять!
(«Разговор с полем»)

Особое место в этом дружеском круге занимают люди, для которых автор находит известное определение: они «соль земли». Но если для современного читателя это выражение наполнено переносным смыслом, то поэт возвращает наше воображение в земную цепь событий, где соль земли существует как прямое воплощение нечеловеческих физических усилий человека. Стихотворение «Солончак» звучит как воплощенная в пронзительных стихах история каторжной Сибири 20 века, история жизни героя, пережившего ссыльные суровые годы и вернувшегося к просоленным могилам братьев по «перековке».

Навсегда остались в сердце поэта «годовые рубцы наших долгих сроков» («А рубили мы лес – только щепки летели...»), но не застили они солнце, не иссушили сердце, не раскололи мир на щепки ненависти и злобы. Душа, «подёрнутая тучами» («Обида»), находит успокоение в созерцании природных чудес, доверчиво погружается в поток жизни. Поэт внимателен и точен: даже глядя в глаза старой, «до праха износившейся» лошади, он замечает в них неизбывную светящуюся «радость бытия»! («Списанная»). С этим жизнеутверждающим принципом можно пережить многое и осознать главное:

Будет так. Мне с рожденья везло:
И в горячке, и в смутной остуде
Поднимает судьба на крыло
И встречаются добрые люди.
(«Дождь со снегом. Гнилая пора...»)

Особое место среди поэтических тем кузбасского автора занимает тема Родины. Это слово в своих стихах Олег Максимов чаще ставит со строчной буквы, утверждая ценность родного края, родной земли, родного – «почвенного» – слова. Именно оно производит впечатление на читателя, впервые открывшего сборник произведений поэта. Авторский поиск слов, наполненных живой силой земли, вовлекает читающего в сложный диалог, в первую очередь, с миром природы.

Хрустнет в чаще кедровая ветка –
Костоломный рассыпчатый звук,
И навалится на человека
Осовелый животный испуг.
(«Хрустнет в чаще кедровая ветка...»)

Обозревая мир вокруг, герой переживает сложную гамму чувств, выразить её обычными словами – обречь на забвение, растерять в потоке жизни, упустить связь с родной землёй. Поэтому так важно «почвенное» слово. И тогда речка «Сквозь глубинные пласты / Пробивается овражно» и несёт «тихоструйную живицу» («Как у самой у воды...»), тогда заря, «как огнебрюхий окунь, / Лениво плещется в реке» («Опять ударит ветер в двери...»). Переход от осени, которая будет ещё «медоветь» («Вовсю летят опальные листья...»), к зиме, которая для героя сопряжена с чувством «забытости мгновенья и века», поэт обозначает целой россыпью «почвенных» слов:

Предзимье, предбурье, предтеча –
Предшествование нового снега.
(«В лесах моих тихо и пусто...»)

Зимние стихи наполнены сибирской любовью к летящему снегу – «хитросплетенью снежных кружев» («Опять ударит ветер в двери...»), к просторам «под чистыми до боли небесами» («Январь смотрел сквозь прорубь на меня...»), к чистоте вечного мира природы, в котором умиротворённо затихает человек, отдыхая от динамичного века:

Душа спокойна и чиста,
Как первый снег в заречном поле.
(«Всё реже слышен скрип телег...»)

Если природа зимой показана в своём естественном – вихревом, метельном – движении, то человеку зима даёт возможность отстранения, созерцания, медитации, неторопливого размышления:

А снегопад всё кутает холмы
Лоскутьями холщовых полотенец.
И стёжки от расхристанных полениц
Уводят в глубь задумчивой зимы.
(«Зима вошла в мой дом сквозь щель в двери...»)

Впрочем, поэт открывает возможность творчества в любое время года, и для него в любом, даже самом отдалённом пространстве «Мельчают обиды. Светлеют печали» («Предчувствие холода сводит ключицы...»), когда есть возможность припасть к лесному роднику, к своей земле. Имен-

но в этот момент «ожиданием прекрасного болен» поэт, чувствующий, что «не созерцать, а созидать» («Живица») пришёл он в этот мир.

В стихах Олега Максимова есть и исторические образы, и сатирические хлёсткие строки о современном обществе, есть горькие гражданские стихи и лирические нежные размышления об отношениях мужчины и женщины, о вековом укладе и небесном промысле земного пути человека. И есть во всём этом общее, пронизывающее любой лирический сюжет чувство любви к родине. Мы верим поэту, что «центр всего земного шара – / Моя пихтовая изба» («Затих в трубе залётный леший...»), что ось мироздания – это любовь к земле, тебя взрастившей.

Олег Максимов

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Олег Ефимович Максимов, родился 25 декабря 1944 года в Кишинёве Молдавской ССР. Отец Ефим Власович Максимов учился в Пражском университете, был секретарем литературного журнала. Мама Феофосия Николаевна Максимова (в девичестве Орлова) работала певицей в ресторанах русского и румынского певца, артиста Петра Константиновича Лещенко в Бухаресте и Кишинёве. В 1948 году депортирован с родителями в Кемеровскую область в поселок Спасск Таштагольского района (ГоршорЛАГ). С 1949 года жил с родителями в Таштаголе, отец в статусе ссыльнопоселенца работал учителем в нескольких школах, дружил с заведующим Горношорским районо (отдел народного образования) Федором Степановичем Чиспияковым, первым шорским профессиональным поэтом. В 1958 году отец был амнистирован.

С 14 лет начал работать в механическом цехе Таштагольского рудника, окончил вечернюю среднюю школу. В 1962 году переехал на жительство в Кишинёв к родственникам, отслужил в Советской Армии. В 1967 году из-за болезни родителей вернулся в Кузбасс, работал литсотрудником в газете «Красная Шория» (Таштагол), специальным корреспон-

дентом в газете «Красноярский рабочий». С 1971 года стихотворения стали публиковаться в журнале «Огни Кузбасса». С 1974-го по 1977 год был уполномоченным в Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей РСФСР по Кемеровской области. Вернувшись в Молдавию, работал специальным корреспондентом в газетах «Молодёжь Молдавии», «Вечерний Кишинёв». В 1980-е годы в Кишинёве изданы первые поэтические сборники. В 1990 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве, вернулся в Кузбасс.

Член Союза писателей СССР с 1987 года, член Союза писателей Молдавии и России. Поэт, прозаик. Автор одиннадцати поэтических сборников и двух книг прозы.

Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» (2013–2017, 2022). Лауреат Премии Кузбасса (2017). Поэт-песенник, автор слов гимна города Таштагола и «Кузбасской величальной» (2021), написанной к 300-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна. Живу в г. Таштагол Кемеровской области.

Книги Олега Ефимовича Максимова:

- За журавлём : стихи.* – Кишинёв : Литература Артистикэ, 1983. – 107 с.
- Зона сердца : стихи.* – Кишинёв : Литература Артистикэ, 1986. – 100 с.
- Амнистия : стихи.* – Кишинёв : Литература Артистикэ, 1988. – 95 с.
- Капкан : стихи.* – Кишинёв : Hyperion, 1990. – 38 с.
- Солончак : стихи.* – Кишинёв : Хиперион, 1991. – 296 с.
- Закат скифов : стихи.* – Таштагол, 1999. – 53 с.
- Под знаком любви : стихи.* – Таштагол, 1999. – 41 с.
- Бал сатаны : стихи.* – Таштагол, 1999. – 25 с.
- Прощения слеза : стихи.* – Кишинёв : Хиперион, 2004. – 38 с.
- Слеза прощения : книга стихов.* – Новокузнецк : Полиграфист, 2008. – 44 с.
- Плот судьбы : книга стихов.* – Новокузнецк : Полиграфист, 2009. – 450 с.
- Архипелаг Надежды : документально-художественная повесть.* – Кемерово : Сибирский писатель, 2016. – 256 с.
- Жизнь как вспышка : документально-художественная повесть.* – Новокузнецк : Лотус-Пресс, 2022. – 139 с.

ИЗ КНИГИ «КЛИНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
Ладонь зажав запальчиво в ладони,
Не чуя ни засады, ни погони,
Как водится, забыв про всё на свете.

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
В какой-нибудь шекспировской Вероне,
Как будто бы нас время не догонит,
Как будто нет ни старости, ни смерти.

Впустую и погоня, и засада,
Мы знали, что не нужно торопиться,
Мы понимали: всё идёт как надо.

Улыбки освещали наши лица,
Мы шли с тобой, как дождь идёт в Макондо.
Мы просто не могли остановиться.

2007 год

ИЗ КНИГИ «НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА»

ОДЕССА. ЛЕТО 1977 ГОДА

Вот то Чёрное море, где
Я учился глаза открывать в воде,
Так и не научившись плавать...
Понимая мир едва ли на треть,
Я бросал в прилив возвращенья медь,
Не предчувствуя крах державы.

Дмитрий Владимирович Мурзин

28 апреля 1971 г., Кемерово
Поэт. Член Союза писателей России с 2006 года

От Одессы память вернула лишь
Соль лимана и частный сектор крыш,
Да экскурсию в катакомбы.
Мы снимали комнату «для гостей»,
Пахла чем-то солёным моя постель,
На подушке синели ромбы.

Во дворе, как водится, виноград,
И хозяйкин, грозный такой, халат,
Говорит: «Не ешь, он незрелый».
А я всё же ел, и кривило рот –
Не был сладок этот запретный плод,
Но зато мне было две Евы.

Евам было по одиннадцать лет,
Я когда-то помнил восемь примет,
По которым их различали...
Нет иных таких среди Надь и Лен,
Ведь они похожи, как пара колен,
Как одна сторона медали.

Из чудес вечерних, ау, смотри,
Кабачок пустой, со свечой внутри,
Как провалы, горят глазницы,
Полыхают ноздри, пылает пасть,
Надо мною страх обретает власть,
И потом полночи не спится.

Ночью было душно, а днём – жара,
Остальное – смутно, чай, не вчера,
Было жизни седьмое лето.
Двадцать лет, для памяти – всё же крюк,
Остаётся запах, уходит звук
По слепящей полоске света.

1999 год

Если надолго зажмуриться,
Припоминаю, как сон,
Вечер, иркутскую улицу,
Ёжика с грустным лицом.

Как дальше жизнь моя сложится?
Знать бы судьбу наперёд...
Девочка с ёжиком ёжится,
Трогать его не даёт.

Полночь. Четверг. После дождика.
Пива бутылку купил.
Помню какого-то ёжика,
А о тебе позабыл.

2005 год

В старом кресле старый Бунин
Новый замысел лелеет,
Говорит, мол, все там будем,
Пишет «Тёмные аллеи».

В новом маленьком рассказе
Много воздуха и солнца.
То, что он придумал в Грассе,
Нас, сегодняшних, коснётся.

Героиня роковая
Никого не пожалеет...
Бунин пишет, Бунин знает –
Есть ли свет в конце аллеи.

2001 год

Носитель языка, чтоб уберечь язык,
Бежит из той страны, язык которой носит.
Настали времена и взяли за кадык,
И вот родная речь молчит, пощады просит.

Молчание всегда срывается на крик,
Изъята буква «ять», де-факто и де-юре.
И в колченогий стиль, как косточка в язык,
Войдет порок и бич, бред-аббревиатура.

По планам ГОЭЛРО, ВКП(б), ЧК –
Поди-ка разбери – что истинно, что ложно.
И, сгорбившись, идёт носитель языка –
И ноша тяжела, и бросить невозможно.

2002 год

ИЗ КНИГИ «КЛИНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись, и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трёх соснах.

Дай мне вышептать твоё имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине –
Я устал от твоих изысков.

2007 год

Не давай мне, Боже, власти,
Чтоб тираном я не стал,
Да избави от напасти
Капиталить капитал.

Ниспошли смягчение нрава,
Всё, что будет – будет пусть,
Но не дай отведасть славы,
Потому что возгоржусь.

Ничего не надо даром,
Для других попридержи
И большие гонорары,
И большие тиражи.

Дай мне, Господи, остаться
Аутсайдером продаж
И блаженно улыбаться,
Раздаривши весь тираж.

Но дрожат от счастья пальцы,
В голове – мечтаний дым:
Сколько же сорву оваций
Я смирением своим.

2008 год

ад писателя – это лес,
срубленный для его публикаций.

сплошные пеньки до горизонта.

садишься на пенёк,
а он тебе нащёптывает
строки твои.

и на какой пенёк не сядешь –
звучит что-то жалкое,
твоё, но жалкое.

и ты мечешься
от пенька к пеньку,
ищешь дерево,
срубленное не зря.

2008 год

Злой я был, когда, шатаюсь,
Брел домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был, и шёл сквозь темень,
Как идёт из раны кровь,
Проклиная место, время
И особенно любовь.

Ты таким меня застала –
Ярость с пеплом и золой ...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

2007 год

Вяло сигарету разминаю.
Не курю. И не прошу огня.
Будто бы не знал – но вспоминаю
Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали,
Как бывали здесь навеселе.
Как они наивно представляли
Всё, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье,
Вот уж пальцем не туда попал ...
Вряд ли они этого хотели,
Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так – считай Емеля,
Полон весь намерений благих,
Даже помолиться не умею
За неизвестных пращуров своих.

Вздвогнув и очнувшись от напасти,
Брошу сигарету – баловство,
Задыхаясь от стыда и счастья,
Как Иван, припомнивший родство.

2008 год

70-ЛЕТИЮ ТАНКА Т-34

Про Победу над ордой проклятой
Я б напомнил городу и миру.
От Победы год шестьдесят пятый
Нарекли бездумно «годом тигра».

Словно с нами справилась эпоха,
Словно мы не пёрли до Берлина!
Позабыли Прохоровки грохот,
Имя нашей боевой машины.

Эй, Маэстро, заводи «Смуглянку»!
Чтобы понял каждый тигр в мире:
Это год совсем другого танка.
С Новым годом, Т-34!

ИЗ КНИГИ «БЕНГАЛЬСКАЯ ВОДА»

Эта музыка – музыки для.
Для того, чтоб вращалась Земля,

Для того, чтобы розы цвели,
Чтоб хмелели, смелели шмели,

Чтоб прозрачный и призрачный весь
За деревьями прятался лес,

Чтоб, пробившись меж сосен и туч,
В паутине запутался луч...

А диктует мне весь этот свет –
Афанасий. Не факт, что не Фет.

2011 год

Внезапно замолчали соловьи
Напившись неба, захлебнувшись высью...
– Иванушка, не пей из колеи,
Тойотой станешь, хондой, мицубисью!

Но выпало всем сёстрам по серьгам,
Алёнушку везла «Калина Лада»
По всем семи холмам, по всем кругам,
По всем развязкам дантовского МКАДа.

2011 год

ИЗ КНИГИ «НОВОЕ КИНО»

Игорю Дронову

Разберите на запчасти
Молодого Дон-Кихота.
Человек рождён для счастья,
Словно рыба для полёта.

Сердце разорви на части,
На четыре части света:
Человек рождён для счастья,
Как ондатра для балета.

Ничего не в нашей власти,
Только выбор: либо-либо.
Человек рождён для счастья,
А ондатра – это рыба.

Нашей долей даже глыбы
Начинают тяготиться:
Человек рождён для рыбы,
А ондатра – это птица.

Всё, чему учили в школе
Позабудьте, перекрасьте.
Человек рождён для боли,
А ондатра – это счастье.

2014 год

ИЗ КНИГИ «РАСХОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ»

Этот лифт подключён к инстаграму.
Перед тем, как нажать на этаж,
Посмотри небольшую рекламу,
Где навязчивый лидер продаж
Предлагает то смузи, то снеки,
То отдельно, а то ассорти...

Я устал. Поднимите мне веки,
Отключите меня от Сети!

2019 год

Игорь Волгин

О КНИГЕ Д. МУРЗИНА «НОВОЕ КИНО»

Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искушён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он «медитативен», он всё делает «медленно и печально»:

Я говорю столице: «отпусти».
Вхожу в вагон, в котором места мало,
И лезу с головой под одеяло.
А поезд всё не может отойти
С какого-нибудь третьего пути
Ужасно Ярославского вокзала.

Это очень выигрышная лирическая позиция. Ибо она не только позволяет взглянуть на окружающих пристальным поэтическим взором, но ещё и художественно дистанцироваться от той действительности, которая, как правило, угнетает поэта своим неблагообразием. Или, как принято ныне выражаться, своей безблагодатностью:

Всё изменилось. В смысле – тот же свет,
Но я уже не тот. И ты иная.
Не рай земной, но ощущение рая.
Музыка сфер, вращение планет.
И шаг назад, но остается след.
Ах, если б жить, судьбы не разбирая,
Как будто существует жизнь вторая,
Или, как будто, даже первой – нет.

Дмитрий Мурзин обладает острым зрением, чутким слухом, тонким, памятьливым обонянием. Его стихи о детстве («Одесса. Лето

1977») не могут не запомниться точными приметам Юга, запахами моря, ощущением «первичности бытия». Но одновременно в эту «внеисторическую» идиллию вторгается позднейшее горькое знание:

...Я бросал в прилив возвращенья медь,
не предчувствуя крах державы.

Такой же плотностью деталей и вообще обилием физической жизни (которая выступает также как ипостась незримых духовных усилий), насыщен цикл «Кузнецкий Алатау». Здесь условный этнографический романтизм окрашен в мужественные, «хемингуэевские» тона.

Мне кажется, что Мурзину угрожает порой некоторая инерция стиля, когда за многочисленными, хотя и точно увиденными деталями пропадает ощущение лирического целого, убывает внутренняя необходимость, исчезает «причина песнопенья». А несомненная удача приходит тогда, когда лаконичная стихотворная форма таит в себе глубокое ментальное содержание:

Носитель языка, чтоб уберечь язык,
Бежит из той страны, язык которой носит.
Настали времена и взяли за кадык,
И вот родная речь молчит, пощады просит.
... ..
И, сгорбившись, идет носитель языка –
И ноша тяжела, и бросить невозможно.

Будем надеяться, что эта ноша окажется Дмитрию Мурзину по плечу.

Москва, 2017 год.

Нина Ягодинцева

О КНИГЕ Д. МУРЗИНА «КЛИНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

Отклик на поэтическую книгу – пожалуй, такое же спонтанное явление, как и само поэтическое переживание. Часто книга воспринимается через какую-то конкретную ключевую метафору, как через увеличительное стекло, а точнее, некий портал, позволяющий читателю войти в «диалоговую зону» поэта. Конечно, даже самый заинтересованный читатель переживает в значительной мере свой собственный опыт, но его состояние возникает в пределах той многослойной структуры вербальных, эмоциональных, ментальных, событийных координат, которые обозначены автором книги.

Ключевой метафорой книги Дмитрия Мурзина «Клиническая жизнь» вполне могут стать несколько стихотворений из цикла «Рыбный день». Этому есть и логическое объяснение: в журналистском обиходе часто используется словечко «рыба» – в значении, не имеющем отношения к обитателям водных глубин. «Рыба» – это речевая заготовка «на случай», этакий словесно «направляющий» текст.

А ведь и впрямь, чего сегодня ни коснись в журналистике, в литературе, в жизни, – приходится констатировать: длится и длится никем не объявленный, но утомляющий до полного отвращения «рыбный день». Пространство загромождено ярлыками, моделями и схемами, и ужас в том, что к реальности они не имеют ни малейшего отношения: за ними – либо фантомы, либо, по выражению уральской поэтессы Евгении Извариной, зияющие «амбразуры безобразия». Чувствование и переживание в этой ситуации немые и беспомощные – со-ответствовать реальности нечем. Острее всего это чувствуют именно поэты.

Место смысла – «средства связи» для всего сущего в этом мире – занимает информация – разрозненная, неструктурированная, зато в огромных количествах. С сугубой серьезностью «рыбного дня» (и даже с его постоянной претензией на некий пафос!) можно попробовать справиться, пожалуй, только иронией, а более всего – самоиронией, отстра-

нением от слов, речевых форм, сюжетов – возвращением к себе, к перво-переживанию и первотексту. В идеале поэзия-то и являет собой родники первичного смысла, она была и остаётся доказательством истинности бытия и спасением языка. В идеале – да, но сегодня – всё меньше и меньше. Поэтому каждая новая книга воспринимается с надеждой...

Поэтический сборник Дмитрия Мурзина и назван, и оформлен иронично – в виде медицинской карты с анамнезом «Клиническая жизнь» и (точным, кстати) диагнозом «стихи» (правда, остались не заполненными обозначенные на обложке «медкарты» строки «возраст», «вес» и «рост» – в регистратуре, видимо, поленились). «Клиническая жизнь» наполнена самоиронией, но, по счастью, это не кислотная среда высмеивания и перевираания, а живой порыв и прорыв (зачастую парадоксальный) за пределы «рыбного дня» – нашего «сейчас», в котором для любого поворота сюжета, чувства, размышления уже есть заготовка – клише – приговор. Поэт буквально материализует метафору, усугубляя ужас вполне бытовой, привычной уже трагедии:

Рыба-отец встретил рыбу-коньяк
И страшную рыбу-Агдам.
И всё поплыло наперекосяк,
Как рыба-трам-тарарам...

Это события внешнего мира, но и во внутреннем тоже густое «за-рыбление»:

...Усну и думаю: не проснусь.
Вот он, жизни итог.
А снится только рыба-союз,
Только рыба-предлог.

Снятся одни только рыбы-вот,
Рыбы-и, рыбы-но...

У поэта в борьбе с «рыбами» есть оружие: метафора. Метафорой Дмитрий Мурзин владеет свободно. Это ощущается уже в названии, метаметафоре книги: герменевтическое мерцание его отражает множество смыслов, но главное: если клинической смертью называют отсутствие видимых признаков жизни при сохранении внутренних процессов (и как следствие возможность мгновенного «оживления»), то «клиническая жизнь» по логике антонимии – сохранение видимости жизни при полном отсутствии таковой по сути. И это практически беспощадный диагноз, поставленный «рыбе-сейчас».

Метафора названия вполне соотносится с мироощущением, заявленным уже в первом стихотворении:

Вяло сигарету разминаю.
Не курю. И не прошу огня.
Будто бы не знал, но вспоминаю
Тех, кто жил на свете до меня...

... Даже помолиться не умею
За безвестных пращуров моих...

Но постоянно проступает в поэтической ткани и иная сила:

Что тебе мир, валяющийся у ног,
Будто не ты, а мир беспробудно пьян.
«Есть ещё Океан!» – говорящий Блок.
«Есть ещё Блок!» – отвечающий Океан.

... Каждый забился в свой отдельный мирок,
Напоминающий пластиковый стакан.
В мире, почти забывшем, что есть ещё Блок.
В мире, почти забывшем, ЧТО есть Океан.

(Блоковская фраза «Есть ещё океан!» была реакцией, как мы помним, на гибель «Титаника»...). В этих координатах и осмысливается

мир, неутихающая война реальности с литературностью. В сущности, поэт прав: поэзия не есть литература, но прежде всего первосостояние, достоверный смысл, оправдание бытия. И чтобы мы ощущали себя подлинно живыми, этот смысл должен постоянно подтверждаться, обновляться, иначе очень быстро поэзия становится литературой, а литература – литературщиной.

Тема литературности иронично заявлена уже буквально во втором стихотворении: «Лирическому герою не хватает лиричности», и дальше она сквозным образом идёт через книгу, опираясь на литературные аллюзии: переосмыслением известных сюжетов (как, например, краткая поэтическая «Версия» всенародно любимого фильма «С лёгким паром»), упоминанием имён поэтов и намёками на их узнаваемые метафоры... Есть коллизия «За пятнадцать минут до начала сюжета» и коллизия «Поздно, автор, слишком поздно // Завертелся твой сюжет...». Пожалуй, только стихи о любви в большинстве своём пишутся «с чистого листа», но и там ощущение трагического разлада сквозит постоянно, и это не разлад между влюблёнными, но прежде всего разлад человека с самим собой, а потом трещина идёт и дальше...

Поэт постоянно даёт понять, что «играет» он, если можно так выразиться, на «рыбном поле», и сражается, в общем-то, «рыбьим оружием», но только вот игра у него своя: добаться до живого чувства зачастую не благодаря словам, а сквозь них, иногда даже вопреки им, и ощутить ту самую подлинность, которая заведомо отрицается уже в названии книги.

Возьми меня в ночной абонемент,
Возьми меня в дозор, в разведку, в драку,
Возьми на мушку, выбери момент,
Убей как друга или как собаку...

Более всего прорывов там, где звучит тема родины – времени и общей большой нашей беды. И снова, снова все социальные коллизии упираются в разлад человека с самим собой, а в конечном итоге – в язык, речь как материализацию воли:

Врач пишет о живом на мёртвом языке.
Как выживет больной, когда язык накрылся...

Беда как раз и есть утрата ощущения подлинности существования на этой земле, под этим небом, на просторе этой истории, в отведённом нам веке... Страшное признание – но сегодня уже его вряд ли можно назвать новым и неожиданным:

Только война расставит всё на места,
Только война, и только враг у ворот.
Только странная надпись на пол-листа:
«Офис закрыт. Офис ушёл на фронт».

Об этом думают многие, и, примеряя минувшую войну и Победу к своей судьбе, беспощадно понимают, насколько мы изменились:

Ни стишком, ни романом, ни повестью
Не изжить, не сказать напрямик
Эту мелочность, сделочки с совестью,
Будто совесть моя – ростовщик.

Наслаждаюсь минутной победой,
Сам себе, сам себе говорю:
Я ведь ведаю, ведаю, ведаю,
Я ведь ведаю, что я творю.

Понимание собственной внутренней неправоты той ипостаси лирического героя, которая более всего отражает самого автора, и ощущение неотвратимости исторического возмездия – пожалуй, один из центральных моментов книги. И этот герой – наш современник, образ одновременно обобщённый, типизированный (ироничным отстранением) – и реализованный прямым «я», «мне», «мой». Но «рыбный день» продолжается – и «рыба-сейчас» на страницах встречается с другой рыбой – это где-то в Сибири, в зимней застывшей реке, на ко-

торую бояться выходить рыбаки, буравит лёд «рыба-шахтёр» ... Социальная ли здесь аллегория, фельетонно-сатирический ли подтекст – но он удачен как художественное решение, сцепка всего сюжета разнонаправленной, в общем-то, книги. «Рыба-шахтёр» воспринимается и как образ вечного русского упования на чудо:

У местных с неместными вышел спор,
Как есть, о природе вещей:
Зачем нужна эта рыба-шахтёр
И есть ли она вообще?

Спор утихает, но лёд звенит,
И пацаны твердят:
Мол, рыба-шахтёр найдет динамит,
И местные победят.

Говорить ли о том, что этот персонаж – одновременно и «рыба»? Да, видимо, так. Но я тоже считаю, что местные победят. Дело, однако, не в динамите – в поэтах.

Челябинск, 2010 год.

Дмитрий Мурзин

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 28 апреля 1971 года в городе Кемерово. Алтайские корни: семьи бабушки по отцу – Ксении Роговой, бабушки по матери – Екатерины Четвериковой и деда по отцу – Сергея Мурзина в начале 1930-х переехали с Алтая в Кемерово. Дед по матери – Михаил Лобчевский – из Ставропольского края. Они с бабушкой поженились на фронте. Мать – Ольга Михайловна Мурзина (1948–1991) – учитель русского языка и литературы, завуч, а потом директор школы № 32. Отец – шах-

тёр, инженер техники безопасности шахты «Ягуновская». В «лихие девяностые» по программе МВФ (Международный валютный фонд) шахту закрыли, и отец пошёл работать столяром.

Учился в пригороде Кемерово – посёлке Пионер, в школе № 32, где работала мать. Речка Камышинка. За огородом – разобранная узкоколейка. Только шпалы остались – шахту «Пионер» закрыли в 1962 году. И в моём детстве о ней напоминали лишь шахтовая душевая, приспособленная для помещений под уроки труда и школьную библиотеку, да два террикона. На речку мы бегали купаться (можно), на терриконы – лазить (нельзя). Из библиотеки – не вылезал. Хорошее, простое детство: школа, речка, приусадебное хозяйство, книги. И, конечно, – море. Чёрное. В городе-герое Одессе. В шесть лет. И три дня по дороге домой – в Москве. Потом были поездки в Ставропольский край, к деду – маминему отцу. Кисловодск, Пятигорск ... Но моря долго не было. Очень долго.

Японское море, на которое мы смотрели весь апрель 1984 года из окон дружины «Бригантина» пионерского лагеря «Океан» – я не знаю, считается ли оно? К самому морю нас не пускали, но иногда кто-то из пацанов кричал: «Подлодка всплыла», – и все прилипали к окнам. Я тоже. Хотя ничего никогда не видел – очки не очень спасали. Сейчас не помню, почему, но к самому морю нас сводили лишь раз – перед самым отъездом. Было начало мая. Купаться никого не пускали. Только ноги помочить. Я помочил, и по прилёту домой слёг с высокой температурой. Там, в лагере «Океан», вожатая Лена, застав меня за письмом домой, пошутила: мол, писателем будешь. Я писателем становиться не собирался, смутился, но почему-то запомнил.

Поэзия меня не слишком интересовала. Я предпочитал фантастику, историческую литературу, много внимания уделял математике. Дома был двадцатитомник сэра Вальтера Скотта, разрозненный Джек Лондон («Смок Белью» – любимая книга детства). Да и теперь – дань детской любви – в библиотеке собрания сочинений Ефремова, Стругацких, Воннегута, Лема, Булычёва, Верна.

После девятого класса я попал в летнюю школу при университете. Засветился на математических олимпиадах. В детском лагере на бере-

гу Томи собрались девяносто человек, интересующихся математикой, химией, физикой. Вечерние посиделки у костра, на которых я открыл для себя поэзию не из школьной программы. Вознесенского, Кушнера, смешно сказать, Асадова (было время «Поэму о ненависти и любви» знал наизусть).

В летней же школе я познакомился с «живым поэтом» – мы потом вместе учились в университете – Леонидом Фрейдиным. Он писал тогда бесконечную поэму о первой любви. Стансами. И написал к моменту нашего знакомства больше полутора тысяч строк. Одну незатейливую строку помню до сих пор:

О, что мне делать,
Как мне быть,
Как любовь твою
Добыть.

С этого момента и начались мои первые стихотворные опыты.

Тем не менее, даже мысли не было идти не на математический факультет. Опять же два года обучения в Учебно-производственном комбинате (УПК) по специальности «Оператор ЭВМ». Языки программирования – Паскаль, Фортран – всё это манило и завораживало. Свои первые программы я набивал на перфокартах – сейчас даже трудно объяснить, что это такое.

В университет я поступил легко. В нашей группе, как оказалось, из двадцати пяти человек стихи писали пятеро. Ну и завертелось. В университете была литературная гостиная, где собиралась поэтическая студия. В разное время ею руководили Сергей Смолянин, Юрий Юдин, Сергей Самойленко. Конечно, я начал туда ходить. В 1989 году случилась первая публикация – в «Кузнецком крае» дали подборку участников студии. В том числе два моих четверостишия. Почему-то называли Никитой...

В 1990 году я женился на однокурснице Наталье Новиковой, которая тоже писала стихи. Впрочем, на стихах мы и сошлись. А в 1991-м

мы с Наташей оказались причастны к изданию альманаха «Мы пришли». Мы его верстали. Матфак КемГУ окончили в 1993 году.

К 1992 году поэтическая студия как-то приуныла и перестала собираться... До апреля 1993-го, когда ею стал руководить поэт Александр Ибрагимов. Увидев в переходе университета объявление о студии, я, разумеется, пошёл. На первом занятии были я и Ибрагимов. Ничего не предвещало того, что на следующие пять лет студия для меня будет едва ли не самым главным в жизни. На следующее занятие пришло побольше народу, и постепенно всё заработало. Сложился блестящий круг творческой мастерской «АЗ»: Андрей и Вера Правда, Людмила Чидилян, Михаил Стрельцов, Алексей Петров, Анатолий Жестов, Алексей Гамзов, Виктор Чумачков, Ирина Тюнина, Агата Рыжова и ещё многие, многие и многие. А в 1995 году начался журнал «После 12», которому отдано много времени и сил.

Параллельно ходил на студии «Притомье» Сергея Донбая и «Свой голос» Иосифа Куралова. Летом 1995-го я поехал в отпуск в Питер. К другу по переписке, поэту Вячеславу Хованову. Он щедро показал мне литературный Петербург. Провел по литературным местам и студиям. В том числе ЛИТО (Литературно-творческое объединение) в Фонтанном доме, ЛИТО Нонны Слепаковой, которое тогда собиралось в помещении «Бродячей собаки» и ЛИТО Вячеслава Лейкина. С Вячеславом Абрамовичем мы поддерживаем отношения до сих пор. Обмениваемся книгами. Он мне очень помог в работе над «Ангелопадом».

Весной 1998-го, с легкой руки Сергея Самойленко, я подал творческую работу в Литературный институт. В начале лета пришло приглашение на вступительные экзамены. В том финансовом положении, в котором мы находились, – это была авантюра. Но я поехал. В шестом часу утра я вышел с рюкзаком на перрон «ужасно Ярославского вокзала». Было 8 августа 1998 года. До дефолта оставалась буквально неделя.

Поступил я снова легко. Но нас, поступивших, ждал новый сюрприз. Установочная сессия. Сразу. Каким-то чудом я договорился на работе, что меня не будет ещё месяц. Попал к мастеру Игорю Леонидовичу Волгину. До сих пор считаю, что это – огромная удача в моей

жизни. Семинар его – один из лучших в институте. Огромный опыт работы – руководит литературной студией «Луч» с 1968 года. Отличный набор студентов (к Волгину перешёл семинар Левитанского после смерти поэта) и участников студии. Но нам и этого было мало. Во вторник – день семинаров – мы приходили с самого утра и посещали кого только можно. На детскую литературу – к Роману Сефу, на драматургию – к Инне Люциановне Вишневской, на поэзию – к Ольге (Олесе) Николаевой, Станиславу Куняеву, Татьяне Бек, Евгению Рейну... Смотрели объявления – у кого приглашённые гости: Эдуард Лимонов, Евгений Бачурин, Анатолий Найман, Вера Павлова...

В 2003 году окончил институт. Вскоре появилась первая серьёзная публикация за границами Кузбасса: в начале 2004 года красноярский журнал «День и ночь» напечатал подборку моих стихов. Позже, с 2009-го по 2016-й, был членом редколлегии этого журнала. Постепенно стал вместе с Сергеем Донбаем вести студию «Притомье», принимать всё большее участие в жизни Союза писателей Кузбасса и журнале «Огни Кузбасса». В 2006 меня приняли в Союз писателей России, вышла моя книга «Носитель языка», и Сергей Донбай передал мне студию «Притомье». С 2007 года стал работать в Доме литераторов Кузбасса. С 2008 года являюсь ответственным секретарём журнала, получил городскую поэтическую премию им. Игоря Киселёва. В 2009 году на Шукшинском фестивале вместе с журналом «Огни Кузбасса» стал лауреатом Всероссийской премии «Белуха» им. Г. Гребенщикова. С 2010 года веду активную фестивальную жизнь: Международный поэтический фестиваль на Байкале (2010, 2013–2019), «Интеллигентный сезон» (Саки, Крым, 2016), Волошинский фестиваль (Коктебель, Крым, 2010–2012, 2018), КУБ (Красноярск), книжный фестиваль «Красная площадь» (2016); Международный конгресс фонда Ф. М. Достоевского (2016, 2018, 2021), Всероссийский фестиваль им. А. Бельмасова (г. Ленинск-Кузнецкий, 2013–2019, 2022).

Участвовал в работе литературных семинаров в качестве руководителя в Новосибирске, Томске, Барнауле, Братске, Бугуруслане, Ка-

менске-Уральском, Кемерове, Ленинске-Кузнецком. Был членом жюри поэтических конкурсов: «Устами детей говорит мир» (г. Томск), премии им. И. Рождественского (Красноярск, 2016, 2017), открытого чемпионата Балтии по русской поэзии (Рига, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, в 2021 – председатель жюри), международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2021). В 2015 году стал лауреатом Всесибирской премии им. Л. Мерзликина (Новоалтайск) и Национальной литературной премии «Поэт года» (Москва). В 2016 стал финалистом турнира «Красная площадь. Время поэтов», финалистом и победителем слэма премии им. Г. Григорьева (Санкт-Петербург), лауреатом премии «Сибирские огни» (Новосибирск), членом Русского ПЕН-центра. С 2018-го – член редколлегии журнала «Плавающий мост» (Германия). С 2021 года – член редколлегии альманаха «Азь-арт» (г. Иркутск). Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2016), победитель Волошинского конкурса (2012, 2018), лауреат литературной премии Виктора Баянова (2021).

Книги Дмитрия Владимировича Мурзина:

Белое тело стиха : стихи. – Кемерово : Алеф Пабблишинг, 1996. – 64 с.

Ангелопад : стихи. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1999. – 64 с.

Полноценный валет : стихи / Алексей Гамзов, Дмитрий Мурзин. – Кемерово : Алеф Пабблишинг, 2001. – 48 с.

Носитель языка : стихи. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 96 с.

Клиническая жизнь : стихи. – Кемерово : Примула, 2010. – 88 с.

Бенгальская вода : стихи. – Москва : Вест-Консалтинг 2014. – 112 с.

Новое кино : стихи. – Москва : Издательство Российского союза писателей, 2017. – 216 с. – (Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»).

Расходные материалы : стихи. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2021. – 84 с.

ИЗ КНИГИ «ГДЕ ТЫ, ПОТОМОК ПЕРВОГО...?»

ДИВО

По-над речкой, по-над полем
Диво дивное неслось!
У сторожки, подневолен,
Целовал мне руки лось.

Алый привкус земляники
На ладони таял, слаб...
Кем науськан зверь великий
Доводить до грусти баб?

Вью царственную кротко
Опускает до руки...
«Пожалей его, красotka», –
Зубоскалят мужики.

Пожалею. Дело свято.
Потешайтесь, дурачье!
По-над полем, по-над мятой
Небо стелется – ничьё...

Прощевайте! Щи на печке,
Поминайте, как звалось.
По-над мятой, по-над речкой
Диво дивное неслось...

Какой печали тень прошла по дому?
Какой надежды льётся свет из окон?
Я сердце не хочу отдать другому,
Не заблудило дабы ненароком.

Татьяна Николаевна Соколаева (Николаева)

27 декабря 1956 г., Семипалатинск, Казахская ССР –
31 марта 2021 г., Новокузнецк

Поэт, прозаик, художник. Член Союза писателей России с 2007 года

Осенний ветер яблоню нагую
Склоняет низко, плод срывая спелый,
Я песню не хочу начать другую,
Я эту ещё – горькую – не спела.

Как чистый лист – снег первый у порога,
Вороний глаз – из тополя, украдкой.
Я не прошу другой судьбы у Бога.
Мне и моя порой бывает сладкой.

НА ЗАКАТЕ

На закате эпохи гулко
Отражается всякий звук:
В пыльной завязи переулка,
В душной нежности женских рук, –
Крик ли, смех ли, помножен, сложен, –
Он от сонных своих тенет,
Словно вскинутый нож из ножен,
У небес изойдёт на нет...

На закате эпохи тени
Так густы и протяжны так,
Что от малых моих смятений
До падения – только шаг.
Где вчера ещё, полусветел,
Лжи моей извивался след,
Там сегодня твой плач отметил,
Что уже полутени нет...

...И вздымается неба купол,
И спускается бездной мгла.
На закате эпохи глупо
Вить гнездо.
Только я свила ...

ПРОСТИ

«Прости, прости...» –
слова текут, как слёзы,
А за окном сегодня
двадцать семь
По Цельсию.
Декабрьские морозы
Не обещают радости совсем...

Окно заиндевело «под завязку»,
Лишь в форточке
синицы острый глаз
Внимательно осматривает
сказку,
Которая сегодня не про нас...

Прости, прости!
Я, не накинув шали,
Босая выбегаю
на крыльцо.
Мне птичьи звоны
плакать помешали
И дочери счастливое лицо...

Прости, Творец,
что в тесной келье твари
Я знаю смысл
начала и конца.
Но – Боже мой! –
как всё прекрасно – в паре,
Как ясен свет влюблённого лица!...

ИЗ КНИГИ «КЛОЧОК ОБЕТОВАННЫЙ»

ПИСЬМО К ЛУЦИЛИЮ

Мой ребенок читает Сенеку,
Я смотрю с отупением в явь:
Оправдать её нечем и нечем,
А от зауми – Боже, избавь!

Льют дожди по январскому снегу...
Снег летит по-над Троицей вдруг...
Что сказать этой «почке», «побегу»
О ветрах беспредела вокруг?

Мой ребёнок Сенеку читает,
И на скрип исторических вех
Изрекает цитаты и тает
Неурочно просыпанный снег.

Я вяжу, вышиваю, латаю
Все, что за день покрылось дырьём,
И, как снег, умирительно таю
От Сенеки в ребёнке моём.

Всё так ясно становится в малом
Бытии, если явится свет...
И уже всё равно, что устала,
Не успела, и в праздники нет

На столе апельсинов и прочих
Удовольствий, в кармане – деньжат...
В очень долгие зимние ночи
Звёзды в небе висят и дрожат.

Знать, от холода. Я открываю
На дочерней закладке листы
И читаю Сенеку, и таю
От щемящей внутри простоты.

Воронья-то сколько, воронья-то!
Нанесло же их в мою весну...
Поднебесной свежестью объята,
Я опять сегодня не усну.

Буду слышать, вслушиваясь в ветер,
Птичьих снов то всполохи, то тишь.
Скоро закричат вороны дети
С тополиных крон и наших крыш.

Скоро, очень скоро я заплачу,
Ландышей вдыхая холодок,
И, быть может, жизнь переиначу,
И, быть может, мне поможет Бог

Быть терпимей к тем, кто безголосый,
Кто бескрылый – уважать за труд,
Просто знать, что вечные вопросы
Никого в пути не обойдут.

Поутру раскланиваясь с птицей,
Просто думать, что живу в раю,
И любить, и верить, и светиться
Благодарным чувством к воронью.

ЛИСТ

Как плавно этот лист
 слетает в глянец лужи –
 асфальтовым кольцом
 пленённый небосклон...
 Лети, ошмёток дня!
 Ты и опавший нужен
 мгновению любви
 в бесстрастии времен.

И плод падёт, и снег
 падёт на тело плода,
 гниющего в траве
 для семени внутри...
 Какая в этот миг
 прозрачная погода –
 в миг смерти на земле:
 смотри!

Лети, душа, в зенит.
 Изъятая из списка
 живых, ты навсегда
 прописана в раю.
 Смотри, душа, на дно:
 оно от рая близко
 совсем. Я до него
 ногами достаю.

БЫТИЕ

Оле Козловой

Пролетая над улицей старой моей
 Чуть повыше опущенных крон,
 Ангел нежно касался листвы тополей,
 Не вспугнув задремавших ворон.

Проползали маршрутки, белело бельё
 На балконах, сновали умы,
 Приводя во вращенье простое своё
 Бытие под названием «мы».

Только каждый – увь! – среди нас одинок:
 За рулём, над плитой, у стола,
 И у каждого есть неопознанный Бог,
 И у каждого есть два крыла.

Вот они, даже птицы не смея вспугнуть,
 Опускаются к душному дну,
 Где найдут, приподнимут, наставят на путь
 Одичалую душу одну...

Мы – прагматики сердца, цари суеты,
 Жертвы смысла, куда не прикинь ...
 Самарянка, о чём пригорюнилась ты
 У колодца, прорытого ввысь?

В САМЫЙ РАЗ

Мягче, ветер, мягче, – я без кожи, –
 Не сдувай лицо с моей души.
 Пусть оно и не нужно, но всё же
 Погоди немного, не спеши.

«Нет лица на ней» – не обо мне ли
 Обронили фразу на крыльце?
 Мне с утра жаленьем плешь проели,
 И напрасно: дело не в лице.

В коже дело. Я два дня без кожи!
Ветер, ты затихнешь хоть на час?
Вон идёт навстречу мне прохожий,
Он без сердца. Это в самый раз.

ПОЧЕМУ?

Во множестве, конечно, что-то есть:
Листва, снега, народ, века ... Но всё же
Листок, летящий с ветви, мне дороже
Листвы оставшейся. А почему?
Бог весть.
Сейчас, когда душа внимает гулко
Движенью каждому, она почти мертва,
И смысл её в пространстве переулка
Мучительно вживается в слова.
Слова, листва ...
В начале было Слово!
Одно! Какое? Знает только Бог,
Да сердце, выбирающее снова
Единственную из всех дорог.

ИЗ КНИГИ «ВМЕСТОИМЕНΙΑ»

КАНДЫКИ

Лиловые звёзды из талого снега
мерцают на залитых солнцем отрогах.
Скрипит по размытой дороге телега:
Телега – Россия, дорога – до Бога...
Кривые колёса, не смазаны оси,
гнилая солома, усталая кляча...
По связи небесной: «Не бросим! Не бросим!»
Я слышу. Я вижу! Я верю... и плачу.

Пока кандыки расцветают в апреле –
лиловые звёзды сквозь рыхлую талость
сокрытой под снегом земли –
у Емели осталась надежда.
Надежда осталась.

...КОМУ?

Мне не о чем писать, – мои слова пусты,
И нечего сказать, и никому не надо
Услышать обращение на «Ты»
От ветерка, тумана, листопада.

И я глуха. Не слышу их, хоть режь
По горлу, как овцу – к обедне праздной.
Да будет хрип пронзителен и свеж!
Да будет боль лица не безобразна!

А жизнь есть жизнь: течёт, сквозит, дрожит,
Исполненная под завязку соком ...
В пространстве безлюбования и лжи –
О чём ты, дождь?
Кому же ты, осока?

АПРЕЛЬ

Пространство, краплёное снегом:
Окошки вечерние в нём
Приблизившееся небо
Встречают земным огнём.
Апрель. Седмица пасхальная:
Безветрие, снегопад.
И снова исповедальна я

Не к месту и невпопад,
И любяще – виновато
К чужому иду крыльцу,
Как к храму я шла когда-то –
С растаяньем по лицу.

Жизнь моя – как сломанная дудка...
Но Господь поднёс её к устам,
и, затрепетав, одна минутка
ввысь по куполам да по крестам
разлилась, теплом истаивая
не моим – дыханьем Божьих уст!
Понеслась мелодия: «Жива я!» –
и расцвёл под снегом вербы куст.
Всё заволновалось, заискрилось,
исполняясь света и любви!
Лишь минутку длилась Божья милость:
«Ну, а дальше ты сама живи».

ИЗ КНИГИ «О ПРЕХОДЯЩЕМ»

ПЕРЕМЕНА

Окно, распахнутое настежь в сад:
в янтарный свет июльского заката
дрозды о преходящем голосят,
как звёзды – о божественном – когда-то,
И шмель, присевший на моё колено,
И со стихами школьная тетрадь –
большая возрастная перемена,
которую осталось вспоминать...
Так тихо на душе! Листва опала,

плоды все собраны, уснул шмельёк
в своей берложке, и невзрачной стала
земля-кормилица у самых ног.
А помнишь, как разъяв на свет и тьму
Себя, Ты вдруг заплакал? Не от боли, –
от одиночества. Ну и кому
Ты дал вкусить Своей безмерной воли
и смерть – как плату?.. Памятью согрета,
отрочества переживаю лето:
и свет, и тени, скручиваясь в жгут,
меня Тобой восполнят и сожгут.

СНЕГ

памяти бабушки Анастасии

Очень медленный вертикальный снег –
это память детства, где страха нет:
бережливая бабушка штопает мой носок,
улыбается мысли, влетевшей в её лицо,
на руке мерцает серебряное кольцо,
и очки на лице – немного наискосок.
Первозданное чувство в груди – вертикальный снег:
это мамы, с работы вернувшейся, тихий свет,
это хлеба горячего запах – с её руки.
«Мне горбушку!...» Она смеётся, и мир большой,
и пушистое тёплое облако над душой,
потому что завтра мы будем играть в снежки!
Потому что ещё далеко до меня, сейчас
и вот здесь отправляющей внука в четвёртый класс:
за окном – вертикальный снег, и душа бела.
После школы вернётся румяный и весь в снегу,
и горбушку душистую выклянчит на бегу...
Я такой же была. Я была. Я уже была.

Ольга Козлова

НЕБЕСНОЕ ОКНО

Николаева Татьяна – земная и огненная, ни городская, ни деревенская – Вселенская! Новокузнецкий поэт Руслан Сидоров назвал однажды Татьяну «большим поэтом в большом городе». Она и жила как поэт, не обременённая богатством: сетовала, что бытовые проблемы и заботы о пропитании крадут время, отпущенное на стихи. Рядовому событию могла придать глубинный смысл. Она видела и предвидела, потому как Поэту дан пророческий дар.

Татьяна писала тушью ворон, четким штрихом (знала их повадки) и кормила всех птиц без разбора: воробьёв и замерзающих синиц, дворовых голубей и ворон не прогоняла.

– Вороны похожи на людей, они ходят на своих ногах так же, как люди, – говорила Татьяна.

Многолетние наблюдения художника и образная мысль поэта помогли создать точный художественный образ, подобрать для исполнения нужный материал.

Татьяна была страстная и в жизни, и в творчестве. Как эти руки умели творить красоту! Вышитые шёлком голуби переливаются перламутром полутонов. Птицы жмутся друг к другу, укрывают птенцов крылами, словно молят беречь любовь и семейное тепло, о котором Таня только мечтала. Первый брак с художником Виталием Кармановым закончился разводом, второй брак с фотохудожником Владимиром Соколаевым тоже оказался некрепким.

Сейчас, верно, на небесах эти души встретились, примирились...

Необыкновенная красавица: большие карие глаза, каштановые волосы зачесаны назад и убраны, а непослушные завитки прячут облачком-венцом над головой. Крупные натруженные руки с голубыми венками сцеплены в замок, на запястье – бусинки чётков. Огрубевшие подушечки пальцев исколоты вышивальной иглой.

В молодости Татьяна в качестве послушницы вышивала церковное убранство и облачения для священников. Обретя уголок в коммуналке,

превратила его в келью, где создавала изумительной красоты иконы. Её бунтарскому духу требовалось смирение (никакого самовыражения, отступления от канона), и она смиренно склоняла голову над святыми ликами. На алтарные иконы уходили месяцы жизни...

– Я утешаюсь...

Прекрасный чтец и рассказчик, Татьяна умела ухватить в книге самую суть. Обладала удивительным даром безошибочно отличать талантливое от бездарного, нетленное от преходящего. Если уж и критиковала кого, то горячо, самозабвенно, страстно, а уже после пыталась разобраться, уложить осмысленное в собственную систему ценностей.

Вспоминаю наши кемеровские посиделки, когда в гостях у Александра Ибрагимова стихи читала, стояла на своём. На поэтическом ристалище рубились так, что искры летели! Потом два глыбистых поэта, «труженика от Бога», сидели уютно на кухоньке, чаи травяные гоняли...

– Не люблю тепло-хладных. Я же огненная обезьяна!

Взаимоотношения с человечеством у неё складывались без полутонов. Жила без оглядки, с душой нараспашку, «без чуланов и чердаков». Не все принимали глубинную исповедальность поэзии Николаевой, но признавали талант Татьяны и «снимали шляпу».

Марина Черноскутова, поэт:

«Зачем это всё? Это же какое доверие надо иметь к читателю, чтобы так себя перед ним распластать? Это же изначально надо верить в его доброе начало...

Я писала, как многим не нравится, но ощущение, что я другой – но Поэт, было во мне неистребимо. До встречи с поэзией Татьяны Николаевой. Прочтя её стихи, я онемела... Не пишется. За что, наверное, спасибо. Искренне» (Болью из зол // После 12. 2011. № 1).

Валерий Немиров, журналист:

«Потому и читать стихи Танины тяжело: их прикосновение к тебе требует, чтобы душа у тебя была изранена в кровь – адекватна стихам, иначе не «попадут» куда надо. А это трудно. Ленивые души боятся этого напряжения всех чувств, этого зренья во все глаза. Ох, как это

тяжко. Так могли пророки, распятые на кресте жизни. А те, к кому они обращались, распинали их – так ведь проще жить» («Я и завтра к тебе вернусь...» // Кузнецкий рабочий. 2011. 18 января).

Полина Романова, журналист:

«Поразительней всего, что это чувство прозрачной свежести и родниковой чистоты лирики рождается явно вопреки материалу. Опыт пережитых трагедий превращается Николаевой в путь для спасения души – именно страдание и покаяние ведут к её совершенству: «А мне лучом в земные дебри мчаться и вылетать в небесное окно. Окно уже открыто. Дует ветер любви неорбитальной, и ангелами будущие дети куда-то проплывают надо мной» (Исповедальное творчество // Российская газета. 2007. 4 декабря).

Татьяна Киреева, Ольга Козлова

БИОГРАФИЯ ТАТЬЯНЫ СОКОЛАЕВОЙ (НИКОЛАЕВОЙ)

Поэт, прозаик, художник декоративно-прикладного искусства, член Союза писателей России с 2007 года Татьяна Николаевна Соколаева (в девичестве Наумова) публиковала свое творчество под фамилиями Карманова, Соколаева, Николаева.

Татьяна Николаевна Николаева родилась 27 декабря 1956 года в Семипалатинске, в семье офицера Советской Армии, который проходил службу на военном полигоне. До 1973 года училась в разных школах страны и за рубежом. Семья жила в гарнизонах Казахстана, Уссурийского края, Сахалина, Прикарпатья, Германии. Окончила школу в Германии.

Приехав в Новокузнецк в 1973 году, поступила в педагогический институт на факультет иностранных языков. Через некоторое время бросила учёбу, увлеклась толстовством и пошла работать санитаркой в больницу. Татьяна Николаева сменила много сфер деятельности. Была почтальоном, художником-оформителем на заводе, бутафором в театре кукол, поваром в геологоразведке, техником-картографом, руко-

водителем кружка декоративно-прикладного искусства в Доме пионеров, художником-оформителем, преподавателем в швейном училище.

Пять лет прожила в Свято-Серафимо-Покровском женском монастыре города Ленинска-Кузнецкого. Тогда он только строился. Среди первых братьев и сестёр, приехавших к отцу Сергию Плаксину, которого послали из Новокузнецка возводить там монастырь, была и Татьяна с маленькой дочкой Марией на руках.

Она приняла святое крещение в тридцать лет. Освоила церковное шитье и получила благословление на вышивку икон. Вернулась Татьяна Николаева в Новокузнецк, когда дочери пора было идти в школу.

Стихи писала ещё в школьные годы, а печататься впервые начала в конце 1970-х годов. Знаменательной для Татьяны была встреча с творчеством поэта Александра Ибрагимова. В 1973 году юная поэтесса купила в киоске на вокзале литературный альманах «Огни Кузбасса» и прочитала в нём стихи Ибрагимова, который впоследствии стал для неё путеводной звездой. Александр Ибрагимов помогал, по словам Татьяны, «отделить её как просто писаку от поэта». Он принял «большое сердечное участие в сборнике» её стихов и даже приехал специально из Кемерово на презентацию новой книги.

В 1980-е годы стала ездить и в литературную студию «Притомье» в Кемерово, там же обсуждались её рукописи. Первые публикации в газетах и альманахе «Огни Кузбасса» появились после обсуждения на областном семинаре молодых литераторов в 1980 году.

Татьяна Николаева была одним из ярких представителей новокузнецкого литературного объединения «Гренада» 1980-х. Тогда студией руководил Евгений Богданов. Когда Богданов уехал в Кемерово, Николаева осталась руководителем студии (с 1984 по 1988 годы). Многие годы была членом Творческого совета областного журнала «После 12».

Вернувшись из монастыря, Татьяна Николаева некоторое время ездила в кемеровскую мастерскую «АЗ», которую вёл поэт Александр Ибрагимов. Он советовал ей воссоздать поэтический круг в Новокузнецке. И в 2008 году бывшие гренадеры (она, Станислав Долгов, Вла-

димир Угрюмов, Сергей Озеров и другие) пригласили интересных молодых поэтов и организовали литературную студию «Мастер-круг». Сначала собирались в Сибирском индустриальном университете, потом в библиотеке имени Гоголя. Поэты студии принимали участие в городских фестивалях, концертах, музыкальных кафе, а также успешно проявили себя на поэтическом форуме поэтов Кузбасса «Во весь голос» в Кемерове в мае 2011 года. Новокузнецк представляли поэты «Мастер-круга» Руслан Сидоров (стал победителем поэтического конкурса и завоевал пожизненное звание «Мастер-Май») и Татьяна Николаева. Студия существовала по 2014 год.

Содружество с Ольгой Михайловной Галыгиной, руководителем галереи «Сибирское искусство», помогло Татьяне Николаевой в 2004 году издать первый сборник стихов «Где ты, потомок первого?». Это был совместный проект с Еленой Башариной, известной кузбасской художницей, создавшей иллюстрации. Стихи и размышления-откровения поэта чередовались с прозрачной, невесомой графикой Елены Башариной.

В 2006 году Ольга Галыгина руководила выпуском сборника Татьяны Николаевой «Клочок обетованный». В 2018 году президент новокузнецкого клуба любителей фантастики «Контакт» Николай Калашников издал сборник Татьяны Николаевой «Реминисценции». В 2019 году Кузбасским центром искусств издан поэтический сборник Татьяны Николаевой «Быть проводником». Сборник вошел в серию книг ведущих поэтов Сибири в рамках проекта «ЛитерА, Советский 40 – адрес сибирской поэзии» (руководитель проекта – Н. Г. Ибрагимова).

В 2008 году в Центральной городской библиотеке им. Н. В. Гоголя (Новокузнецк) состоялась презентация первого Новокузнецкого литературного альманаха. Автором издательского проекта стала Татьяна Николаева, она же возглавила редакционный совет. Альманах объединил творчество шестидесяти разных авторов – поэтов и прозаиков.

Стихи Татьяны Николаевой публиковались в коллективных сборниках, изданных в Кемерове и Новокузнецке: «Собор стихов» (2003), «День поэзии: Фёдоровские чтения в Марьевке» (2008),

«Русская сибирская поэзия. Антология XX век» (2008), «Допеть до конца: коллектив. сб. участников лит. объединения «Гренада» (2011), «Шахтёрская доля такая...»: стихотворения о шахтёрах Кузбасса» (2012), «Церковный год в стихах поэтов земли Кузнецкой» (2013), «Энциклопедия писателей Кузбасса» (2014), «Ради жизни на земле. Кузнецкий автограф» (2015), «Солнцестояние: стихи кузбасских поэтов» (выпуски: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима», 2015) и др.

Она печаталась в журналах и альманахах «Москва», «Молодая гвардия» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Начало века» (Томск), кемеровских «После 12» и «Огни Кузбасса», новокузнецких «Кузнецкая крепость», «Союз писателей», «Ради жизни на земле. Кузнецкий автограф», «Новокузнецкий литературный альманах», «Наш город Новокузнецк», газетах «Комсомолец Кузбасса», «Металлург», «Сельская правда», «За кадры», «Фронт», «Кузнецкий рабочий».

В 2015 году как редактор и художник участвовала в издании сборника Сергея Ерофеева «Анданте для комуса и струнных» (Кемерово). В 2020 году в качестве литературного редактора и корректора работала над сборником стихов Руслана Сидорова «Рай человечий» (Новокузнецк) и книгой Ольги Козловой «Следы на песке» (Абрау-Дюрсо). И до последнего мгновения жизни писала...

Творчество Татьяны Николаевой проявилось через синтез разных искусств: живопись и графика, декоративно-прикладное искусство (создание кукол, резьба по дереву и бересте), вышивка икон и дизайн одежды. В монастыре она изготавливала алтарное облачение, богослужебные ризы, подрясники, рясы, достигла особого мастерства в вышивке икон. «Живопись нитками» – так назвала Татьяна свой стиль, отличный от техники «лицевого шитья». Все вышитые ею иконы (Образ Христа, Богородицы, Святых) выполнены в полном соответствии с православными канонами.

В 2003 году в галерее «Сибирское искусство» состоялась первая персональная выставка икон, вышитых Татьяной Николаевой. Тележурналист Ольга Козлова сняла документальный фильм о творчестве

Татьяны Николаевой «Урок молитвы» из цикла «Непридуманная жизнь» (ННТ «10 канал», Новокузнецк).

Татьяна Николаева участвовала в областных художественных выставках (Прокопьевск, 2009; Новокузнецк, 2006) и др. Основные работы: «Плащаница Богоматери» (2015), «Плащаница Пресвятой Богородицы» (2015), «Костница» (2012), «Успение Богоматери» (2007), «Царственные мученики» (2006), «Никола Можайский» (2006). Произведения Татьяны Николаевой находятся в частных коллекциях России, США, Украины, Франции, Германии, Великобритании, Бельгии, Китая.

Татьяна Николаева была представлена на фотовыставке «В мастерской художника», которая проходила в рамках Всесибирского художественного проекта «100 художников Сибири» (Дом Творческих Союзов) и вошла в профессиональный справочник современного искусства Сибири, изданный в Красноярске в 2017 году (автор идеи и составитель Ольга Галыгина).

Литературное и художественное творчество Татьяны Николаевой при жизни были отмечены следующими наградами.

2005 год – ежегодный конкурс «Душа прикоснулась к душе» газеты «Литературная Россия», посвященный памяти русского поэта Юрия Кузнецова. Стихи Татьяны Николаевой «Я не просила сладости у Бога» попали в число отобранных 32 лучших произведений и вошли в коллективный сборник стихов и рассказов о любви «Душа прикоснулась к душе».

2009 год – лауреат областной выставки-конкурса «Вышитая картина» в номинации «Вышитая икона» («Царские врата»).

2010 год – лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» за 2010 год в области поэзии.

2012 год – Почетная грамота Коллегии Администрации Кемеровской области за вклад в сохранение и развитие литературного творчества Кузбасса.

2015 год – литературная премия «Энергия творчества», учрежденная кузбасским филиалом ООО «Сибирская генерирующая компания» (вручена 24 декабря 2015). Поощрительная премия.

Умерла Татьяна Николаева 31 марта 2021 года в Новокузнецке. Тело кремировали, а прах развеяли в горах Алтая.

Книги Татьяны Николаевой (Татьяны Николаевны Соколаевой):

Живи меня, Господи. – Новокузнецк : [б. и.], 2002. – 152 с. : ил.

Где ты, потомок первого...? : драматургия любви : стихи, проза / Татьяна Николаева, Елена Башарина. - Новокузнецк : Галерея «Сибирское искусство», 2004. - 143 с. : ил.

Клочок обетованный : стихи / авт. предисл.: Александр Ибрагимов ; ил. авт. – Новокузнецк : Галерея «Сибирское искусство», 2006. - 263 с.

Вместоимения : стихотворения / Татьяна Николаева ; авт. фот.: Владимир Шабанков. – Новокузнецк : [б. и.], 2013. – 119 с.

Реминисценции : стихи / Татьяна Николаева ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя. – Новокузнецк : Ник без Сопрані, 2018. – 52 с.

О преходящем... : проза, стихи / Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя. – Новокузнецк: Ник без Сопрані, 2019. – 44 с.

Быть проводником : книга стихов. – Кемерово : Кузбасский центр искусств, 2019. – 64 с.

Андрей Владимирович Правда

29 марта 1962 г., Фрунзе, Киргизская ССР
Поэт. Член Союза писателей России с 2002 года

ИЗ КНИГИ

«ТОЛЬКО ГОРСТЬ МОЖЖЕВЕЛОВЫХ ЯГОД»

ЯБЛОКИ

Ты ела яблоки, а я их вынимал
Из ящика, и пахло летом...
А тополь за окном последний лист терял
– Украденный и уносимый ветром...

А стружка ослепительно бела!
И яблоки в ней яростно горели.
Ты с ними заодно тогда была –
У осени – в морозной акварели.

Глаза – огромны – хороши!
А губы беспощадно алы!
Тебя у суеты менялы
Я выменял на все мои гроши.

Сидел, гадал – чего б они хотели?
И точно знал – чего бы я хотел,
Рожденный в голубом апреле
И заплутавший в рыжую метель.

Ты ела яблоки,
И пахло летом...
И ты любимой была,
А я – поэтом...

1981 год

Такая девушка –
Как спица!
И цаплеватая,
Как птица,
И сизоока,
Как синица,
А платьице ее
Из ситца...
Ну чем мне с нею
Расплатиться
За эту радость –
Насладиться
Движеньем ломким
Длинных ног?!
В моем кармане
Нет пшеницы,
Я не ношу с собой
Пшено...
Лишь дома у меня – вино,
Пшено, залитое водицей
И булка хлеба из пшеницы,
Да одинокое окно...
Что ж – заманю ее туда...
Погаснет пусть закат, а свечи
Наполнят колебанием вечер...
И пусть глядит в окно звезда.

1988 год

БАЗАР

Азийской розою среди верблюжьих глин,
Средь спин верблюжьих и колючих грядок
Цветёт базар, свой разбросав порядок, –
Здесь лампа и чалма, халва и Алладин,

Гранатовый узбек, лавашный осетин,
Цыган, сверкающий стеклянными глазами,
Цыганка нищая, бренчащая деньгами,
Осел и фокусник, и шёлковый павлин...

И фрукты разные, уложенные сладко,
Дадут понять вам вдруг, что вот он – этот край,
Где персики, хурма... Где просто двери в рай!
Но вас пленит арбуз – откормленный и гладкий!

А вот оно – руно Колхиды золотой
Сюда из-за морей доставлено на лодке...
Барашек молодой... Шашлык уж спрыснут водкой...
И в дымке даль плывет... И берега ищет Ной.

А с неба льется зной
И жжет, как сок в лагмане,
С улыбкой вежливой раскосые дунгане
Торгуют длиною лапшой...

1989 год

ИЗ КНИГИ «ЗАБЫТАЯ ЛАТУНЬ»

Мы копаем картошку,
Пьем студёную воду...
Осень серою кошкой
Бродит по огороду...

Вечер губы нам смажет
Горьким соком калины
И с небесною пряжей
Клик совьёт журавлиный.

И запахнет листвою
И печными дымами,
И соломой сырою
От полей за домами.

Утро в зябком суконце,
Поспешая к помолу,
Обронит из подола
Полусонное солнце.

1994 год

Косая синь... Косая сажень
В лежащих на снегу тенях...
И пухом изморозь в сениях...
И морда печки в жирной саже –

Как будто кот, она, зажмурясь,
Уютно и тепло поёт.
И лишь хозяин молча, хмурясь,
Глотками шумно воду пьёт.

Потом он, выглянув в оконце,
Сердито что-то пробурчит,
И... – катится по небу солнце,
Ломая льдистые лучи!

1994 год

Март. Герани. Головная боль.
Неотвязных мыслей злая стая –
Всё о смерти... Иль земли юдоль
Чёрное смятенье обнажает?

Что, Весна! И мы с тобой больны?
Как болезни, нас одолевают
Пролежни глубоких снов лесных,
Рек нарывы, озимь коревая...

Ветер лихорадочно шумит,
В узловатых вязах увязая,
И подходит к сердцу и стоит
Тишина солёная, сырая,

И в сиротстве парков и лесов
Собственное детство узнавая,
Ищет речь проростки новых слов,
Перегнутой сомнения взрыхляя.

1988 год

Белых чаек солнечные крики
Над свинцовой вешнею водой...
Ты нашла четыре сердолика,
Брошенных холодною волной.

Кто виновен в том, что мы земные
И умеем только жить и ждать?
Мы теряем наши золотые...
А находим, чтобы потерять.

Связанные нищенством, как братством,
На сиротском зябком берегу
Мы с тобой мечтаем о богатстве...
Ветер веет, а года бегут.

Сносит ветер белых-белых чаек...
В море канет талая вода.
Но весну на седину меняя,
Ты вернись когда-нибудь сюда.

1987 год

Опять забытая латунь,
Как роза чайная – в разгаре,
И весел вновь, и самоварен
Звенит стаканами июнь.

Размякли струны – только тронь,
Повсюду говорок гитарный...
И керосиновый огонь,
И чай пахучий и янтарный.

Вечерний кружится мирок,
И всё отчетливей цикады –
Как будто жизни кровотоки
Шуршит в листве ночного сада.

1989 год

ЖУРАВЛИ

Как этот робкий нервный танец
К лицу последнему листу!
Его чахоточный румянец
Живит пустую высоту.

Лишь легкий пепел костровища,
Да солнца дряхлого рубин...
Но где еще такой отыщешь
Багрянец жертвенных рябин?!

Пусть не наплакаться от дыма –
Очнись! Прислушайся... Внемли,
Как стало явно ощутимо
Вращенье всхолмленной земли...

От вдруг открытого простора
Заходит кругом голова
За край крутого косогора,
Где только ветер и трава!

Где, заскользи по влажной глине,
Бумажной рухлядью шурша,
И вслед за клином журавлиным
Готова вырваться душа!

1994 год

ИЗ КНИГИ «СИНЯЯ ГЛИНА НЕБЕС»

Прижмёмся!
К жаркой перьевой подушке
Ушною раковиной,
Словно бы
Ракушкой,
Что прижимают к уху,
Чтоб услышать,
Как некогда
Невиданное море

Ласкало языком приборя
 Сухой обветренный песок...
 Но слышно лишь,
 Как где-то под несущкой,
 Наседкой ставшей,
 Уж давно цыплята
 Живут под тёплой яичной
 скорлупой...
 И слышно – как!
 Стучится птичье сердце,
 Волнуемо
 Предчувствием полёта,
 Который, может быть,
 Не состоится...
 И всё-таки!
 Таинственные звуки
 Идут из темноты,
 Расставив руки,
 На звук, на свет,
 На воздух, наконец!
 И тонкая воздушная прослойка
 Меж кожей
 Да известковой стенкой
 Даёт им представление
 О вечном,
 Качаемом солёными ветрами,
 Пронизанном отвесным жёлтым солнцем,
 Воздушном
 Синеоком
 Океане!

1995 год

ИЗ КНИГИ «МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ»

КУКУРУЗНИК

Когда воскресный кукурузник
 Порвёт туман двойным крылом,
 Его опора и союзник,
 Я здесь в канаве бью кайлом.

Вот эта грубая работа
 Нас может с ним объединить
 И между мной и самолётом
 Натянет кордовую нить.

Он напрягает старый остов,
 Одолевая высоту,
 И мне внизу отнюдь не просто
 Вгрызаться сталью в мерзлоту.

Он со счетов давно уж списан,
 Я исписался – что с того?
 Не предназначенный для выси,
 Я понимаю мысль его:

У нас единая задача –
 Себя по ходу превозмочь,
 И эту жизнь переиначить,
 И в ступе воду истолочь!

2006 год

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ

Отсюда, из ямы, мой ямб не слышён –
У нас в захоlustье, в пупке мироздания.
Живём мы вдали от столиц, и смешон
Столичным вам вид наш и наше сознание...

Но звёзды отсюда нам лучше видны,
Они здесь крупнее и ближе,
Они по хозяйству бывают годны,
Когда опускаются ниже...

Порою луна здесь в халате и в бриджах
Верхом на медведице едет неспешно,
Отсюда рукою подать ей до Фиджи,
До Пасхи, до Куско, до Пешта...

Прислушаться если: а здесь тишина,
К земле прижимающим ухо,
Вам песня Австралии будет слышна
О нашем братке, о Миклухо...

2006 год

СО СТОРОНЫ

В стеклянный шар ноябрьского утра,
превозмогая оторопь, гляжу,
в нём город, словно нитки, суры
вплетает в металлический ажур.

Он перевёрнут, словно абажур,
в стальную реку с высоты ныряя
и самого себя переплывая,
куда и я лишь мысленно вхожу...

Но даже так мне дрожи не сдержать,
к холодной выпуклости мира прикасаясь,
И вот дрожу пред тем, что я узнаю,
ещё не зная, надо ли мне знать.

2018 год

ХУТОР (вид из окна)

Перебредая утро,
видимый за версту,
будто привязан хутор
к солнечному хвосту.

Дабы скакать резвее
солнцу по чердакам,
дабы тужить теплее
умным и дуракам.

Солнце-то скачет, только
тут ему хрясь да тресь!
– Всё от берёз в околке...
Сколько же их – Бог весть!

Только лишь на отшибе,
там, где реки изгиб,
вслед за уснувшей рыбой
он ощутит ушиб.

2018 год

ВЕСНА

Как прошлогодний лист скукожен,
упрятан пригород в мешок.
Самим пространством, как рогожей,
спелёнут, втиснут в кожушок,

где даже воздух иглокожий,
где улица бежит в окоп,
где под углом к земле, похоже,
прохожий – вылитый Эзоп!

Он силится припомнить что-то
и мне, вестимо, рассказать,
но не судьба... Да, вот забота –
начнёт от печки танцевать!

Ведь всё уже когда-то было:
не в первый раз на нас потоп,
уж рвал свой пуп, тянул здесь жилы
какой-то древний углекоп...

И за весенним половодьем,
где срезан берег как стена,
с пустыми вёдрами проходит...
За век история видна!

2018 год

Наталья Налегач

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР АНДРЕЯ ПРАВДЫ

(литературно-критическое эссе)

Андрей Правда – поэт, чье творчество началось в 1980-е годы и развивается до сих пор. К настоящему времени оно свидетельствует о себе символичным количеством поэтических циклов и сборников, вызывая ассоциацию с семью днями творения: «Только горсть можжевельных ягод» (1995), «Забытая латунь» (1995), «Синяя глина небес» (1999), «Стихография» (2005), цикл стихотворений в альманахе поэтической студии «Лист» (2004), написанная в соавторстве с Верой Лавриной книга «Вдвоём» (2009) и начатый в том же 2009 году поэтический цикл «Бегущая строка», стихи из которого уже отчасти были опубликованы, но работа над ним продолжается и по сей день. Ассоциация с седмицей Творения не случайна. Она вызвана ощущением целокупности восстающего в читательском восприятии оригинального мира, наполненного своим неповторимым звучанием, в котором главную тему ведет любовь: любовь к жизни, к конкретике бытия, явленной в городской и природной ипостасях, любовь к женщине.

«Только горсть можжевельных ягод» и «Забытая латунь» – сборники, вышедшие к читателю одновременно и вобравшие в себя стихотворения 1980 – начала 90-х годов. Природа и культура, воскрешающая сила любви и памяти – так можно охарактеризовать эти начальные аккорды сотворяемой поэтической Вселенной. Не случайно, что в стихотворении, открывающем первый из упомянутых сборников, «Может быть, не стихи?» стихи сравниваются с горстью можжевельных ягод, горько-смолистых, «как капли тоски», в силу чего сама культура сопоставляется с «милым лесом». Такое начало заставляет вспомнить акмеистическую установку на органичность поэзии и гармоничное взаимодействие в бытии природы и культуры, которые не противопоставлены, но взаимодополняют друг друга. «Природа – тот же Рим и отразилась в нём» – этот тип мировосприятия, знакомый по лири-

ке О. Мандельштама, обнаруживается и в истоках творческого пути А. Правды.

Приобщение к традициям акмеизма и их обновление угадывается и в развитии темы связи времен, и в приятии мира в сложнейшей гармонии драматизма и благодати, и в утверждаемой ценности личностного космоса отдельного человека, не противопоставленного другим, а постепенно постигающего по мере развития этой лирической системы смысла библейской формулы, определяющей замысел о человеке, «венец творения». Верен поэт и другому тезису акмеистов – вниманию к поэтической форме, требовательности к себе в области поэтического мастерства. Так, стихотворение «Полусон...» представляет собой изысканное ритмическое решение:

Полусон,
 Полуявь,
 Холодок...
 Кровь неслышно
 По жилам крадётся.
 Марли обморок...
 Кто-то смеётся,
 Словно встав
 На хрустящий ледок...

 Занемелая боль узнаванья..
 Неужели я снова живу?
 Будто ветка
 В февральском дрожанье
 Окунувшись
 Разок
 В синеву.
 Это белый
 Сухой
 Потолок.

Это рана
 Забытая
 Тянет.
 Это мутного солнца
 Глоток
 В запотевшем
 Подале
 Стакане...

Полиметрия с преобладанием трёхсложников вкупе с разноstopными стихами подчёркивает мотив балансирования сознания на грани яви и бессознательного состояния, болезни и исцеления с преобладанием выхода из этого полуобморочного капризного состояния к свету не только на образном уровне (глоток мутного солнца), но и звуковом, так как этот прихотливый ритм, тем не менее, строго оформлен. Уникальность ритмического рисунка позволяет поэту сделать акцент на единичности, неповторимости высвечиваемого события, суть которого – в интенсивности переживания мгновения слияния лирического «я» с жизнью.

Это событие актуализировано развитием лирического сюжета, опирающегося на мотив исцеления, выхода лирического героя от небытия к бытию, который одновременно оказывается и прозрением ценности жизни в её драматизме, не отменяемом, а принимаемом как основа подлинной гармонии бытия. Исцелённая рана продолжает ощущаться, но уже не может закрыть от субъекта переживания заключающуюся в самом существовании возможность радости. И это сложное единство смыслов кульминационно явлено в финальном образе солнечного глотка.

Образный ряд этого стихотворения в целом интересен и направлен на выражение непросто дающегося лирическому герою слияния с миром. Так, возвращение к жизни передано не только посредством деталей больничной палаты (марли обморок, белый сухой потолок), но и сравнением лирического я с веткой, окунувшейся в глубину неба.

Таким образом, сначала лирический герой как бы растворяется в мире, а затем благодаря мотиву целительного глотка солнца, продолжающего синтез небесной и водной стихии посредством ассоциации запотевшего стакана с пасмурным небом, вбирает этот мир в себя. И это нерасторжимое единство «я» и мира становится основой лирической системы Андрея Правды, обеспечивая неизменность главного её свойства – безусловности приятия жизни как противоречивого драматического явления, ранящего и целящего, заключающего в себе страдание и радость. Такой мир пробуждает активность лирического героя, предстающего цельной личностью, идущей навстречу жизни, не прячущейся от неё в иллюзорной попытке побега в мечту, способной преодолевать творчески-волевым усилием те раны, которые наносит соприкосновение с повседневностью, благодаря чему обретается способность прозревать её в одухотворённом замысле Творца.

Это же отношение к жизни видим мы и в стихотворении «Поэту», в котором ощущение хрупкости человеческой жизни рождает не самосожаление, а способность радоваться вопреки экзистенциальным и социальным обстоятельствам:

Вот дар пронзительных небес –
Прозрачная твоя цикада,
Пролив отвесную прохладу,
Тревожит клавесинный лес...

Вот пыл таинственных светил
Пыль золотую образует...
Но всё, что с жизнью нас связует, –
Лишь трепет ломких крыл...

Пусть брашном мы обнесены,
Нам христарадничать не надо –
В тенетах нищенской весны
Мы просто солнцу просто рады!..

Отказ от жалоб и упрямое стремление сохранить в душе способность переживать радость бытия оказывается, по сути, тем заветом, который предстоит обрести и исполнить поэту.

Установка на преодоление всего суетного ради чуда прозрения первоизданного замысла о мире и человеке пронизывает собой всё творчество А. Правды. Осознанно воспринятая как «блаженное наследство» от постсимволистов, на что указывает то эпитафия из поэзии О. Мандельштама, то посвящение ему, предвещающее собственное стихотворение, эта позиция влияет и на образность этой лирической системы, в которой вещность, зримость, конкретность реалий свидетельствуют не о житейской приземленности, а о способности прочувствовать в этих земных явлениях чудо сотворённого мира, ощутить дыхание Вечности в пространственных формах созерцаемой нами природы.

Так, в стихотворении «Молчанье», которому как раз предпослан эпитафия из О. Мандельштама, мифопоэтический мотив рождения Афродиты, обыгранный в свое время и поэтом-предшественником в развитии темы творчества, оригинально сочетается с образным сравнением солнца со спелым апельсином, который норовит скатиться с колен Апеннин, благодаря чему пейзажная зарисовка ассоциативно преобразуется, актуализируя образ изнеженной богини, чьим дыханием наполнен полуостров и в чьей воле оказывается охваченный любовью лирический герой. Насыщенность стихотворения реминисценциями из поэзии О. Мандельштама на античные темы («Золотистого мёда струя из бутылки текла...», «Silentium (Она ещё не родилась...)») усиливает тему неразрывной связи Эроса, моря, творчества, делая поэта сопричастным тайне первоизданности, в которой первослово ещё не раскатилось рядом созвучий, породивших разные формы телесно-материальной сущности мира. Эхом этой первоизданной слитности озвучен в стихотворении образный ряд колен богини Апеннин и скатывающегося с этих гор в море, из которого она родилась, солнца, уподобленного апельсину.

Эта устремленность лирического героя к постижению божественного замысла пронизывает собой и поэтический сборник «Забятая латунь», то подспудно раскрываясь в мотиве слияния субъекта пере-

живания с миром, то явственно проступая в поэтическом выражении, как, например, в стихотворениях «Я очнулся и сквозь онемелость...» или «Мне жалко тишины...». В этих стихотворениях мир постепенно раскрывается как храм, наполненный любовью, теплотой человеческих отношений, светом. Возможно, это интуитивное восприятие мира как отражения райской гармонии побуждает поэта в первых поэтических сборниках отдавать предпочтение летним пейзажам, в которых раскрывается благодатное состояние природы, вызывающее в душе лирического героя чувство благодарности Творцу за его творение.

И в центре этого мира – любовь, в переживании которой земная страсть оборачивается способностью увидеть возлюбленную как воплощение всей красоты этого мира, в чертах которой сквозят образы Афродиты и Евы. Так, в стихотворении «Меж нами плыли облака...» уже не богиня роняет с колен подобное апельсину солнце, но любимая роняет уподобленное яблоку солнце из рук, наделяясь тем самым божественными чертами:

Твоя рука была светла,
Как день, как ночь, как рек начало...
Ты солнце яблоком роняла
Из пятипалого тепла...

Способность прозреть в своей возлюбленной Вечноженственное романтически одухотворяет страсть, испытываемую лирическим героем, и становится источником счастья, усиливая тему приятия мира и своего места в нём.

И даже осеннее настроение, традиционно раскрывающееся как замирание токов жизни и страсти, рождает в душе лирического героя не тоску и уныние, а умиротворение и тихую радость надежды, как можно видеть это в стихотворении «Как пусто! И печка дымит...» По мере осеннего замирания мира совершенно по-пушкински в поэзии А. Правды отступает телесно-материальная сторона реальности, высвобождая устремлённость души к небу. Так, в стихотворении «Журавли»

постепенно взгляд отрывается от красоты осенней природы, которая, освобождаясь от излишеств, открывает взгляду лирического «я» простор, внезапно оборачивающийся в душе поэта порывом к небу:

Как этот робкий нервный танец
К лицу последнему листу!
Его чахоточный румянец
Живит пустую высоту.
Лишь лёгкий пепел костровища
Да солнца дряхлого рубин...
Но где ещё такой отыщешь
Багрянец жертвенных рябин?!
Пусть не наплакаться от дыма –
Очнись! Прислушайся... Внемли,
Как стало явно ощутимо
Вращенье всхолмленной земли...
От вдруг открытого простора
Заходит кругом голова
За край крутого косогора,
Где только ветер и трава!
Где заскользи по влажной глине,
Бумажной рухлядью шурша,
И вслед за клином журавлиным
Готова вырваться душа!

Этот порыв не означает отрицания земного, в нём заключается способность к прозрению сквозь тленное вечности, как в стихотворении «Грубой жизни дерево сухое...». Невзирая на сравнение жизни с сухим деревом и эпитет «грубая», она всё же не отвергается поэтом, так как логика жизни, замершей в зимнем сне, готовит душу к обновлению и пробуждению. Сухое дерево не мертво, а его аскетизм не вечен. В его образе воплощена дремлющая сила, оборачивающаяся способностью творчески увидеть сквозь обыденный план реальности идеальное состояние бытия.

Обретённое на земле небо, нераздельность идеала и его воплощения в восприятии поэта нашли отражение в заглавии третьего поэтического сборника «Синяя глина небес». От земных образов взгляд поэта стал подниматься к небу, но при этом небо не противопоставлено земле, что подчеркнуто его метафорическим уподоблением синей глине, невольно отсылающим к мотиву Божественного творения.

Сотворение поэтической Вселенной в третьей книге идет по пути освоения новых приёмов поэтического мастерства. Так, помимо экспериментов на уровне метрики, добавляется умелое приобщение к опыту корнесловия, напоминающего хлебниковский «звёздный» язык. И этот лепет перетекающих друг в друга энергий слов завораживает текучестью звуков и смыслов в стихотворениях «Пересекая небеса», «Мягкохвойная память арчи...» или в «Нынче странно, тонко, нежно...».

И в этой расширяющейся Вселенной, восстающей из звуков и их счастливой игры, всё полнее начинает звучать тема любви, уподобленной той первозданной стихии, из которой возникло и в которой блаженно пребывает мироздание. И это слияние лирического я с космическими ритмами страсти воплощается в образности гроз и ливней, напоминая поэзию Б. Пастернака, и всё же звуча по-своему:

Дождь-искуситель нас заставил жаться
Друг к другу, и бросало в дрожь
Тебя, меня, пластмассовую брошь,
От близости такой успевшую сломаться...

Кто виноват, что вдруг разверзлась хлябь?
От капель всюду дробь, от капель всюду рябь!
Мы под карнизом, голуби на нём,
Словно в ковчеге, под дождём плывём.

О, боже мой! Но только ты не злись
И ножкою точёною не топай!
Спасёмся ль мы от этого потопа...
Но от меня тебе уж не спастись!

Тот же разряд страсти представлен не только в природном, но и в урбанистическом образе вольтовой дуги из стихотворения, начало которому снова задал образ дождя «Дождь шёл наощупь, как слепой...» Эти соседствующие стихотворения еще раз подчеркивают неразрывность не только небесного и земного, но также природного и городского миров, высвечивая универсальность пронизывающей их творческой энергии.

Однако поэтический космос Андрея Правды наполнен не только полнозвучием. Так, в цикле «Стихография», который был опубликован в одном из выпусков альманаха творческой студии «Лист» под выразительным заглавием «Зерно слов», поэт обращается к визуальной поэзии. Пляшущей кардиограммой выглядит стихотворение «Смятение», на формальном уровне подчеркивая это эмоциональное состояние. Узнаваемым журавлиным клином расположилось на листе стихотворение «Весна», в котором мы не только видим птиц, возвращающихся домой, но и слышим плеск их крыльев в ритмичных повторях словообразов. Изысканно выглядит и звучит «Лютня».

И эта обретенная полнота овладения поэтическим мастерством подвела поэта к созданию не только поэтических произведений, но и творческой студии «Лист», которая привела к рождению целого ряда стихотворений, опубликованных в её альманахах, и складывающихся в несобранный цикл. Показателен в этом смысле образ листа, оказывающийся ключевым для подборки стихотворений в альманахе студии за 2004 год. Осенняя тема роскошной листвы, листопада, обнажающего ветви, ожидания белизны снега как преддверия творческого настроения приковывает взгляд и руку лирического «я» к белому листу. Это событие выхода из летнего блаженства навстречу бегу времени (осеннему листопаду), печальное переживание созерцаемого временного потока и вознесение над ним силой красоты, пробуждающей вдохновение, дающее силы преодолеть тоску, оказывается основой метасюжета этого объединения стихотворений. Наиболее показательно заключительное стихотворение «Через мелкое сито дождя...»:

Через мелкое сито дождя
 Был просеян октябрьский воздух,
 Что могло бы тебе досаждать
 И тому не дано было ходу –

Кто-то вывел на чистую воду
 Смухлевавшую было погоду...
 Вышел месяц, раскрылся обман,
 Разошёлся с женою туман,

Вынул ножик, обшарил карман,
 Карандашика вынул огрызок,
 Собираясь закончить роман
 О подтёках, разводах и брызгах...

Житейские неурядицы, рассыпающиеся отношения, абсурд существования как по мановению волшебной палочки в детской игре, актуализированной строками и образами считалочки, исправляются творчески-игровым преобразованием отношения к себе и другому, исцелившим лирического героя от безвольной попытки предаться тоске, уподобившись унылому осеннему дождю. Огрызок карандашика превратил эти переживания в тему произведения и как бы вознес лирическое «я» над теми чувствами, которые грозили превратить его жизнь в бессмыслицу.

Эта упрямая воля к творчеству дала возможность высветить новые грани созданного поэтического космоса в диалоге с другим поэтическим «я». Так, в 2009 году увидела свет книга «Вдвоём», в которой голоса двух авторов подсвечены, как это подчёркнуто в предисловии и символике заглавия, неразрывностью творчества и любви. Первый раздел книги состоит из сказок Веры Лавриной, второй – из стихов Андрея Правды.

Ключевые темы сказок – смирение, приятие своего места в мире, любовь и самоотречение, доброта и мудрость – оказываются маги-

стральными и для стихотворений. Показательно, что мотив сказочной красоты мира и способности на неё откликаться тоже скрепляет меж собой оба раздела, оказываясь сквозным. Благодаря композиции книги этот мотив способствует возникновению эффекта эха, усиливая символичную переключку двух голосов, созвучным дуэтом воспевающих пронзительную красоту жизни, открывающуюся двум в такт бьющимся сердцам:

В этой сказке весенних закатов
 Нет дорог, кроме светлых аллей,
 Вдоль которых в серебряных латах –
 Кавалькады сырых тополей.

Но зачем, но зачем они медлят?!
 Этих всадников ждут небеса!
 Покрываясь окисленной медью,
 В облаках пропадают леса!

И, встречая вечерние зори,
 Рассветает дроздами капель,
 И, пронзительно чист и минорен,
 Подступает к гортани апрель!

Это обретение друг друга в мире и мира через друг друга беспредельно расширяет границы поэтической Вселенной. Так, в стихотворении «Цикады, ночь, потушенная лампа...» лирическому герою удаётся не просто созерцать гармонию мироздания, но и ощутить себя в его масштабах неотъемлемой частью. Космизм, пронизывающий это стихотворение, органично присущ поэтическому миру Андрея Правды и является одним из константных его свойств.

Перекликается с разделом сказок и нарастающий по своей значимости мотив христианского самоопределения. Так, в сказках Веры Лавриной появляется мотив благочестия, стремления героев прикоснуться к Богу, особенно в притчевом начале всего сборника «Кто наи-

беднейший?» В свою очередь, в стихотворениях Андрея Правды всё чаще появляется образ Христа, а поэтика времени зачастую оказывается ориентированной на событийность христианских таинств Рождества, Воскресения, Сретенья, что обнаруживается в стихотворениях «Я вышел. Сосны чуть дышали...», «Рождество», «Облачно...», «Когда ещё отлягут холода...» и др. В связи с этим неудивительно, что сказочные чудеса претворяются в стихотворном разделе в событие чуда. Чудом оказывается способность, зная о драматизме земного существования, о боли, страданиях, смерти, сохранять светлую способность радоваться восходу солнца, началу нового дня, переживать его как обещание счастья и новизны.

Зная всё о всех инфарктах,
Утро мелкими прыжками
Пробегают по асфальту
Между сонными домами...

И ещё горит ночное
Освещение, и безлюдно...
Но, наверно, это чудо –
Солнце пригубить парное?

Эта невероятная открытость души навстречу миру оборачивается безусловным доверием лирического героя к замыслам Творца. Неоспоримым аргументом в пользу такого отношения к миру является в поэзии А. Правды обретение любимой, которая изображена в его стихах как дар свыше:

Как прозрачно и сухо
Здесь в лесу на закате!
И под стать листопаду
Твоё тёплое платье...

Мы молчим и вдыхаем –
Воздух так ароматен!
И пока что не знаем,
Чем за счастье заплатим.

Так легки и свободны
Наши первые встречи,
Так хрупки и безводны
Тонких веточек плечи...

Не тревожься. Не надо!
Всё, что будет, – от Бога.
Я пойду с тобой рядом
Дорассветной дорогой.

Видишь: осень бесслётно
И с надеждой упрямой
Держит колкие звёзды
Над холодной поляной.

Неудивительно, что в пределах всей книги этот мотив мы обнаружим и в разделе сказок.

Можно отметить и оттачивание поэтического мастерства Андрея Правды. Всё также уместна и умела звукопись, элементы корнесловия, сложные ритмические композиционные решения. Но обращает на себя внимание и склонность к жанровым экспериментам. Так, по канве сонета исполнено стихотворение «Твоё лицо ощущать губами...» Четырнадцать его стихов уподоблены четырнадцати поцелуям, которые на манер сонетного замка призваны разрешить ссору и примирить влюблённых, воссоединив их в гармоничном единстве рациональности и чувств, мужского и женского, легендарного и современного, человеческого и природно-космического. Привлекает внимание и изящный мягкий юмор, позволяющий ощутить заключённую в этой

поэтической форме улыбку поэта: нарушая строгие сонетные правила в момент их актуализации в стихе, поэт призывает возлюбленную не быть к нему строгой. И так как, несмотря на нарушение законов формы, стихотворение-сонет всё же родилось, то есть надежда, что и любимая оставит свой строгий гнев и, вернув 14 стихов-поцелуев, восстановит сонетной гармонией нарушенное лирическим героем их единство.

Показательно, что завершается книга обращением к прозиметру «Чок-чок (или о прихотях стихосложения)», на формально-содержательном уровне скрепляющем два раздела в нерасторжимое единство, так как это и слияние прозаической и стихотворной речи в одном произведении, и, по сути, своеобразная сказка о рождении семи стихотворений, и раскрытие темы творчества как осуществления встречи художника и жизни.

Этот прозиметрический порыв импульсом передался и циклу «Бегущая строка», над которым А. Правда всё еще продолжает работу. Синтез прозы и стиха в этом цикле представлен иначе, чем в предыдущем произведении: прозаическим способом записан ритмически организованный текст, который при желании, можно было бы расположить на странице и привычными столбцами, но... Форма рождается не сама по себе, не как самодостаточность эксперимента, она оборачивается единственно возможным «телом» смысла.

Почему «Бегущая строка»? Ответу на этот вопрос как читатель: потому что из распаханного пространства предыдущих поэтических циклов и книг заструилось бегущее время, претворяя даже визуальную пространственную форму стихотворений.

Пульсация времени уже пробуждалась и чувствовалась в предыдущих произведениях Андрея Правды, но, скорее, это было время, не отлученное от вечности, запечатленное в образах времен года, событийно насыщенных мгновений вдохновения, всплеск памяти, воскрешающих прошлое. Изредка появлялись и проблески современности, но, опять же, скорее свидетельствующие о пространственном переживании этого явления, так как чаще всего это воплощалось в овеществленных образных реалиях российской действительности рубежа XX – XXI веков.

С циклом «Бегущая строка» в поэтический мир Андрея Правды властно вошло воплощённое в своей динамической сущности время как таковое. Оттого и строка бегущая, что время уплотняется в визуальной картине, накладывая на одно изображение другой семантический ряд. Оттого и строка бегущая, что лихорадочно стремится человеческое сознание считать разные, зачастую противоречивые, а то и не взаимосвязанные, смыслы веером раскрывающихся уровней бытия и существования. Бегущая строка ещё и потому, что по мере вращающегося человека в саму плоть и суть мира неизбежна встреча не только с вечностью пространства, но и с пронзительной стремительностью времени, ставящего поэта перед лицом не столько природы и мифа, сколько ведя его навстречу современности, ибо без неё может состояться постижение истории – ещё одной формы существования культуры, которая до сих пор в поэзии Андрея Правды раскрывалась лишь в своем легендарном измерении. Видимо, пришел момент взглянуть в лицо жизни не только в её природно-космической сущности, но и в её духовном измерении, открытом нам как бытие культуры.

Примечательно, что уже в первом стихотворении цикла течение времени изображено через письмо и смены способов запечатления слова на листе. Если ранее слово в своих визуальных возможностях раскрывалось, в первую очередь, как воссоздание в зримых образах пространственной формы бытия, то теперь проросло зерно, содержащееся в цикле «Стихография». Трансформации графической формы как бы откликаются на изменения телесно-материальной стороны мира под воздействием времени. «Лист белый строка поползла вправо...» фиксирует эту процессуальность метаморфоз, которая и стала магистральной темой цикла.

Закономерно, что теперь даже при обращении к легендарно-мифологическим или природно-пейзажным мотивам и образам, для которых характерна циклическая (=пространственная) специфика в переживании времени, поэт выводит их из круговорота, фиксируя внимание на том, что круг разомкнулся, и даже повтор не силах соединить образовавшиеся концы. Например, в стихотворении «Снова раздвоен язык

и кадык...» эта тема нестыковки повтора и новизны ведёт за собой мотив необратимых изменений, подспудно уводящих от мифопоэтической модели времени к истории. А там, где возникает течение истории, обнаруживаются её сдвиги, там кроется и загадка Гамлета, яд его образа, проникающий в сознание и ставящий человека не перед лицом пространства (быть, бытийствовать), а перед лицом времени, при котором быть – значит осуществляться в поступке:

«там где было бы место лишь для пророчеств бессвязных ты как офелия свяжешь собой всё доедина пряжей приязни упряжью конной струною гардинной или рояльной поди докажи быстры и шумны в подлесе ежи блохи в подшерстке поди их свяжи только и есть здесь на это проказник гамлет не гамлет датчанин однако не жид всё б ему драться махая калёной рапирой всё б задаваться глупейшим на свете вопросом быть иль не быть».

Показательно, что из всех времен года теперь в стихах задает тон осень. Но её традиционное для фольклорно-мифологической модели семантическое наполнение мотивами умирания вновь преодолевается пушкинским ходом: по мере утраты плотью мира своей нарядной обольстительности высвобождается творчески активная воля лирического «я», оборачиваясь мощнейшим переживанием вдохновения. И уже знакомая по лирике предтечи постсимволистов поэтика взаимоперетекания образности листов и листьев, оформившаяся в поэзии А. Правды ещё в период работы студии «Лист», актуализируется на новом витке.

Можно видеть, что наряду с обновлением традиций в «Бегущей строке» на осенний мотив оказались переакцентированы и прежние образы и темы творчества поэта. Так, образ яблока, ассоциативно сочетающий мифологический и психологический планы смысла в развитии темы любви мужчины и женщины, чем и были обусловлены образы солнца как яблока, райского сада, Адама и Евы, теперь, сохраняя и прежнюю накопленную энергию смыслов, переходит в новый регистр – тему отношений Творца и творения, отцов и детей, поэта и его стихов:

«яблоня тянется к яблоку веткой которой его потеряла ведь не могло же оно если верить словам далеко откатиться только б нащупать в траве бок округлый и алый только б в плодовую ножку крепче вцепиться но не хватает прозренья и плохо с наитьем и осязание слабнет в осенней истоме лишь сантиметры но встреча не станет событием сад забывается вновь в летаргической коме скоро ударит по комлям январская стужа кольца проверит на прочность его годовые яблочку что пусть по блюдцу покружит там будет видно на что ему имя и выя».

Страх перед будущим порожденного и выпестованного, напоенного соками и силами собственной души преодолевается всё тем же безусловным доверием к жизни и Творцу, с которого и начала развиваться поэтическая Вселенная Андрея Правды. И этот выход на новый виток постижения мира органично предопределен всем предшествующим творчеством поэта.

Способность ощутить себя частью мировой ткани предстает как ключевое свойство души поэта, которая в стихотворении «Как шерсть заклятий Калевалы...» оказывается своеобразной зрячей нитью в пряже судьбы:

«как шерсть заклятий Калевалы как из кудели нить сучат так из меня судьба свивала слова которые звучат теперь в руках твоих свяжи меня со смыслами причастий и тайне тайну расскажи предназначенья и участия не торопись ответить нет попробуй всё же согласиться ведь всё в руках твоих стремится вступить в надёжный паритет так согласись со спицей спица сколь не сражались бы в бою в один рядок петлём в петлю должны по счёту уложиться сплетеньем славы и позора тревожа мировую ткань замысловатого узора причиной следующей стань»

Мойра, наделив его даром и заставив страдать в поисках смыслов и слов («труба резонирует сумчатый воздух...»), наделяет и особым видением, позволяющим принять её замысел как залог бессмертия, ибо

одарив поэта силой создавать текст, она делает его не только нитью в своих руках, но и ткачом, если вспомнить, что пришедшее из латыни слово «текст» означает все ту же «ткань». Однако приобщение к всемирному полотну в силу духа смирения, пронизывающего эту лирическую систему, оберегает поэта от слепоты возгордившейся самости. И эта сохранившаяся в творческой душе человечность трогательным и чутким теплом наполняет душу читателя, входящего во всё ещё расширяющуюся поэтическую Вселенную Андрея Правды.

Андрей Правда

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в городе Фрунзе Киргизской ССР. Жил с родителями на юге Казахстана в городе Джамбул. В 1979 году поступил в Томский медицинский институт, а в 1985 году в связи с переездом в Кемерово перевёлся в Кемеровский медицинский институт, который окончил в 1987 году. По распределению остался в городе Кемерово врачом «Скорой помощи», где проработал семнадцать лет. В конце 2003 года возглавил редакционно-издательский отдел издательско-полиграфического предприятия «Кузбасс». После восьми лет работы на предприятии перешёл в Православное издательство «Глагол» на должность выпускающего редактора. С 2019 года – главный специалист по издательской деятельности ГАУК «Кузбасский центр искусств».

В студенческие годы был участником нескольких литературных студий. В Кемерове занимался в литературных студиях «Притомье» и «АЗ» (КемГУ). Участник коллективного сборника «Мы – Притомье» (1989), «Поэты университета» (2004). С 1988 года стихотворения публикуются в журнале «Огни Кузбасса», с 2001 года – в журнале «Сибирские огни».

Первый поэтический сборник «Только горсть можжевеловых ягод» вышел в 1995 году. В 2002 году стал членом Союза писателей

России. С 2002-го по 2009 год руководил литературной студией «ЛИСТ» при Кузбасском государственном техническом университете. Автор шести поэтических сборников.

Книги Андрея Владимировича Правды:

Только горсть можжевеловых ягод : стихи. – Кемерово : КемГУ. Творческая мастерская АЗ, 1995. – 48 с.

Забывтая латунь : стихи. – Кемерово : Сибирский родник, 1995. – 76 с.

Синяя глина небес : стихи. – Кемерово : КемГУ. Творческая мастерская АЗ, 1999. – 64 с.

Вдвоём : стихи, сказки /А. Правда, В. Лаврина. – Кемерово : Примула, 2011. – 102 с.

Бегущая строка : стихи. – Кемерово : Кузбасский центр искусств, 2019. – 64 с.

Малоизвестные стихи. – Кемерово: АНО «Творческая мастерская «АЗ», 2021. – 38 с.

ИЗ КНИГИ «ПОЛУДЕННЫЙ КОСТЕР»

ГОСТЬ

Хозяин к ночному окну приникал.
Кряхтел, обувался,
Спешил за ворота ...
Хозяйка на стол собирала,
Пока
В надворье творилось хорошее что-то.
А там – по сугробам, плетням и столбам –
Метались лучи, рокотала машина,
От близкого гуда дрожала изба ...
А после в избу заходили мужчины,
Фуфайки и шапки кидали на пол,
Шутили, сорили пырейною остью.
Трясли умывальник. Садились за стол.
И ели, и пили за доброго гостя.
А гость – луговая забота людей –
Темнел во дворе
Величаво и строго;
И было уютно январской звезде
Дремать на заснеженном темени стога ...

1967 год

ИЗ КНИГИ «СУТРОБЧИК»

ДВЕ ЛУНЫ

Взойдя над пастбищами низко,
Стыдливо прячась в пелену,
Луна посмотрит на киргизку,
Ну, а киргизка – на луну.

Александр Дмитриевич Раевский

11 августа 1951 г., с. Алабуга, Каргатский район,
Новосибирская область

Поэт. Член Союза писателей России с 1995 года

Пасутся кони где-то близко,
Проёмы юрт освещены...
Луна скучает без киргизки,
Ну, а киргизка – без луны.

Дымит кизяк. С пахучей миской
Возникнет чудо предо мной:
Луна прелестна над киргизкой,
Ну, а киргизка – под луной!

Блокнот царапаешь огрызком,
Нерусской тайною томясь:
Вдали – луна, вблизи – киргизка,
Какая здесь взаимосвязь?..

1984 год

ИЗ КНИГИ «ЗАБУРАНЕННЫЙ РАЙ»

БАБУШКИНЫ СЛОВА

И лица не припомнить уже,
Да и слов-то запомнил немного:
Что-то там про дожди и стрижей,
А ещё про весеннего Бога.
Нам-де к Батюшке можно залезть,
Он на облаке. Ласков и розов.
И на небушко лесенка есть –
Вон за той за зелёной берёзой...

Я к берёзе не раз приходил,
Никакой там стремянки. И всё же
Не стихала надежда в груди –
Взмыть к тебе, о, неведомый Боже!

Не затем, чтоб просить о судьбе,
Только взрослые верят в такое,
Просто облако выбрать себе,
Лечь на пузо и плыть над землёю...
Это ж чудо! – легко пролетать,
Голубой высоты не бояться,
От восторга ногами болтать
И от радости звонко смеяться!..
Я все речки внизу разгляжу,
Все леса, города, огороды,
С неба пашням рукой помашу,
Крикну «здравствуйте!» мирным народам...

Баба, бабушка, сколько же лет
Пронеслось над родимой сторонкой
С той поры, как в холодной земле
Ты почил в платке и с иконкой?..
Я в немилой живу стороне,
Срок пожизненный будто мотаю,
Над землёю не только во сне,
Даже в мыслях давно не летаю.
Поседела давно голова,
Прозябаю в эпоху иную,
Но твои золотые слова
Мне по-прежнему сердце волнуют:
Нам-де к Боженьке можно залезть,
Он на облаке – ласков и розов...
Что-то высшее всё-таки есть,
Что стоит над житейскою прозой!
Я приду. Соберусь и приду.
Хоть стократ всюду всё изменилось,
Всё равно это место найду.
Пусть хотя б перед самой могилой.

... Шелестит там берёза в зенит,
Облака ходят плавно и немо,
И, мерцая, легонько звенит
Там стеклянная лестница в небо...

1981 год

ИЗ КНИГИ

«СТЕКЛЯННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО»

ХРАМ ЛЮБВИ

Ни на церковь не похож, ни на домик дачный,
Вместо крыши – звёздный дождь;
с месяцком впридачу.

Эти стены – из листвы – чутко-ненадёжны;
Эти запахи травы – задохнуться можно!..

Эту дверь лелеет высь – не стучите грубо! –
Там два крестика сплелись и крест-накрест губы.

Святой вечер, сладкий стон, катится колечко...
И славянский Купидон сам держал им свечку.

1981 год

КАЗАШКЕ

Как ты гонишь коня по беспутью?
Ведь угробишь его до поры...
Видишь, степь затуманена ртутью
Сатанеющей с мая жары.

Ах, казашка, цветочек раскосый!
На неделю забыв институт,
Амазонкою сорокакосой
Ворвалась ты в родительский кут.
И пред тем, как скакать оголтело,
Перед тем, как взметнуться в седло,
Ты семейную кофту надела –
Ту, что тёмным звенит серебром.
...До луны по чабанным угожьям,
Выстилаясь, носил тебя конь,
Накаталась. Бросаешь поводья
И бежишь на негромкий огонь.
Мать от радости чашки роняет...
Ты ж, смеясь, упрекаешь её,
Что кумысом и дымом воняют
И она, и отец, и жильё.
И, потрянув перламутровой сумкой,
Принялась, мельтеша, как лиса,
По углам, по ковровым рисункам
Дорогие духи растрясать.

Сиротели лепёшки на блюде,
Чай лениво дымился, как ночь...
И смотрели притихшие люди
На свою незнакомую дочь.

1985 год

*И не могу я в этот дом
Войти без низкого поклона.
Виктор Баянов*

Свет вечерний высок. Ещё нету семи.
У конторы автобус споткнулся и скрипнул ...
Ты приехал домой – что ж так сердце щемит? –
Ни шагнуть, ни вздохнуть и ни вскрикнуть.
Свет вечерний высок. Далеко до росы.
А над крышей родимой твоей развальною
Бравый клён шелестит – так нелепо красив! –
Как гвардейский султан на мужицком треухе.
Эх, ты, дом, ты, мой дом, что поделаешь тут.
Для живущего здесь населенья
Ты всего лишь чуднОй бабки Марьи закут,
Для меня же – начало вселенной.
Всякий раз заходя в сень простых потолков,
В предзакатных лучах, как в оранжевом дыме,
Я крещусь на портреты своих стариков,
На которых они молодые.
Здесь когда-то твоя загорелась звезда,
И от высшей печали заплакал впервые ...
Детских лет голоса, отзвонев навсегда,
В ленты радуг ушли и в цветы полевые.
... Вот приблизишься и ... мать не выйдет встречать.
Той минуты страшусь до иголок по телу! –
Мне куда приезжать? Где мне быть по ночам
От всемирной тоски оголтелой?!
... Редкий лай, палисад, сон травы под окном,
Мирозданья огни ... – или это всё тени?
Появляясь на свет, мы всё знаем о нём,
Покидаем в неведение, в горьком смятенье ...

Дан приход и уход. Ничего на века.
Но я так не хочу, я на Бога в обиде, –
Без меня над землёй будут плыть облака,
Но как я – их никто больше так не увидит!
Этот день голубой мне глаза напичкал,
От подлунных ночей голова серебрится;
Пусть когда и шатнусь, но я жить не устал,
Это сердце в груди не готово разбиться!..
Ничего, ничего, мы ещё поживём.
Пусть косая не шлёт свою группу захвата;
Улыбнуться сквозь слёзы, вздохнуть о своём ...
Ну, води меня, матушка, в хату.

1991 год

... Укачала ночь-ладья.
Дремлешь, негой утомлённая,
Чуть припухли и сладят
Губы, страстью опалённые.

Дышат росами любви
Куполки твои греховные,
Я в слезах целую их
И молюсь, как на церковные.

Льёт луна через стекло
Струи мраморные, дивные;
Тихо глажу тёплый лоб,
Локон, шею лебединую.

Я и раб, и властелин
Чувств твоих и сердца чистого,
Нежных всхолмий и долин,
Лона, свято беззащитного.

Никогда я на миру
Не сгорал, не клялся с пафосом,
Но сейчас скажи – умру
На крыле твоём распахнутом ...

1992 год

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

Улицы, дома и переулки
Сжала стужа жёстко и всерьёз –
Так, что в рощах деревенских гулко
Лопались стволы седых берёз.

Глубина вселенская звучала
Тонким-тонким звоном бубенца.
Этой песне не было начала,
Этой грусти не было конца.

Холодно и солнечно на диво!
Смолкли все земные голоса.
... Что-то на земле происходило ...
... Что-то совершалось в небесах ...

И никто не ведал, что в пределах,
Где-то на задворках бытия,
Тихо во дворе заиндевелом
Мальчик очарованный стоял.

1995 год

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку –
В крестик чёрно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стёжка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трёх икон святые молча наблюдали.
Над шитьём витала лёгкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы, плыли облака ...

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далёкой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик чёрно-белая судьба.

1995 год

Огляделся – иная среда!
Приспособиться было пытался –
Жёлтый дьявол и грош не подал ...
Видно, прочно в «совках» я остался.

В том, что рынок – зазорного нет,
И делишки у многих не плохи.
Грустно то, что художник, поэт
В преysкуранте записаны в лохи.

Взбизнесился несчастный народ! –
Не до скрипок да литературы...
С потепленьем глобальным грядёт
Ледниковый период культуры.

Мир потонет в деньгах и во лжи.
А духовная часть постепенно
Вмёрзнет в Лету. Останутся жить
Похоронные марши Шопена.

1999 год

ИЗ КНИГИ «ЛАСКОВАЯ ВЫСЬ»

РУССКИЙ СЕВЕР

Средь камней изумрудная травка,
Глубже с метр – уже мерзлота.
Вроде лето, а прут без антрактов
Стаи туч... и тоска ещё та.
Ещё та, говорю я, погода!
Голый берег под светом скупым,
Лишь у кромки тяжёлая лодка
Спит тревожно, как пёс на цепи.

Выше! К людям, к амбарам и избам,
К тем продутым ветрами местам,
Где отсутствуют всякие «измы»,
Жизнь сурова и с виду проста.
Там солёная рыба в подклетах,
В тихих комнатах строгий уют;
Там на кольях развешены сети,
И поморы в бахилах идут.

...Тучи, тучи – сплошная морока,
Воздух даже на ощупь свинцов;
И в пальтишке стоит одиноко
Кто-то грустный, как трезвый Рубцов.
Эта близость студёного моря,
Эти сивых туманов слои...
Храм бревенчатый стойко на взгорье
Держит ржавые шлемы свои.
Он давно уже необитаем.
Лишь в окошке глухом в тёмный час
Жёлтый отсвет дрожит... Словно тайно
Кто-то молится.

Может, за нас.

2009 год

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Пожилые женщины, подруги,
Вечерами ходят по округе.
Не спеша пройдутся по тропинкам,
Завернут к берёзам и осинкам, –
Легче им дышать среди деревьев,
Чем в своей разрушенной деревне...

Та, что старше, – чопорна немножко,
В белой блузке со старинной брошкой,
Седовласа – симпатична, впрочем,
Сельская учительница в прошлом.

Что помладше, та в платке неярком,
Бывшая советская доярка,
В серой кофте, в платишке обычном,
Тоже с сединой и симпатична.

У одной ночных бессонниц муки,
У другой от доек ломит руки,
Пусть они по-разному прожили,
Но всегда друг дружкой дорожили.

Две судьбы закатных, две подруги
Не бесцельно бродят по округе,
Русские стихи с душой читают...
Все их сумасшедшими считают.

2010 год

АЗИЯ

Май в казахской степи. Маки в алых рубашках.
В море маков бежит золотая казашка.

Под закатом густым пламенеют просторы...
Выше – розовый свет; дальше – синие горы.

Там равнина; там дол; там, на склоне уютном –
Философский дымок у задумчивой юрты.

Пронеслись табуны за седыми веками,
Всё бывшее вдали улеглось облаками...

А казашка бежит, лепестки растрёвожа, –
Сколько воли гнедой, сколько юности, Боже!..

2015 год

Луч осенний – прощальный, нерезкий,
В низких тучах блеснёт невзначай,
Обнажая полей, перелесков
Жёлто-палевую печаль...

Стукнет выстрел за дальним болотом,
Хлипкий, лишний в безмолвье тугом;
Свет церковной сползёт позолотой –
Снова тускло и низко кругом.

Не могу, не могу в сонном доме
Тихо маяться сущностью всей,
По стерне побегу, околдован,
Вслед за ниткой последних гусей...

Ну, должно же быть что-то такое,
Там, за далью седой без границ,
Что влечёт лучезарным покоем,
Что так манит застуженных птиц.

Побегу я с расхристанной грудью,
Хоть пора уже, смертному, знать,
Что на этой земле многотрудной
Мне мечты – как и стай – не догнать...

Дорогие поэты, витии,
Изливаячи горе своё,
Не кричите: «Пропала Россия!» –
Что ж мы сами хороним её?

Сила Божья сокрыта в поэте.
Если так голосить в темноте –
В безнадёгу срываются эти,
И злорадно хихикают – те.

Посмотрите: трава серебрится
В переливчатых росах утра...
Размечтайтесь – и райская птица
Тихо сядет на кончик пера.

Вы прислушайтесь: музыка льётся,
Из глубинных высот нисходя;
И в два зубика звонко смеётся
На руках материнских дитя!..

Мы приходим лишь раз, вы поймите,
Никого не виню, не учу,
Просто жизнь – это жизнь, а не митинг,
Просто сам я такого хочу!

В поднебесье окно растворите,
В грозовых облаков кутерьму...
Удивляйтесь. Любите. Творите!
... А Россию не дам. Никому.

2014 год

Что-то мне сегодня странное приснилось:
Выплыл на стремнину, вышибло весло...
И в природе за ночь что-то изменилось,
Вроде рано-рано, а светлым-светло!

Выскочил на волю... холодно в рубашке.
Не пойму, не вижу с ходу, сгоряча –
Или это поле замели ромашки,
Иль покрыла сердце белая печаль.

Беспощадно тихо, безутешно голо.
Лишь над головою тень листа бренчит, –
То ли о минувшем скорбный чей-то говор,
То ли голос свыше – мне не различить.

На земле холодной первый снег, как манна.
Пристально и долго в эту даль гляжу –
Всё мне там знакомо, только что-то к маме
Светлую дорогу я не нахожу.

14 декабря 2015 года

ИЗ КНИГИ «ЗОЛОТОЙ ЖУК»

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

... Из-за леса лиловой громадой
Наползла она сгустком тревоги, –
Присмирели под жданной прохладой
Луг, кусты и сухие дороги.

Неужель громыхнёт в самом деле! –
Сонный быт растревожит, как улей?..
Так за месяц уже надоели
Зной и пыльные листья июля!..

Надо, надо, чтоб местность промокла,
Чтобы днями свежо и ночами...
... Но та туча была одинокой,
Освещаемой сбоку лучами...

И под ней, как под крышкой надгробной,
Замер я без рубашки и босый.
Миг!.. – И сверху посыпались дробно,
Ослепили жемчужные бусы!..

Весь пронизанный солнечным золотом,
Дождь такой благодатный пролился,
Что впервые от счастья заплакал
И вослед неумело молился...

ПЕНЬ

Как кроной он шумел!.. Теперь замшелый.
Кому нужны такие трухляки?
Но вот в апреле вдруг похорошел он
И выстрелил зелёные ростки!

Семейка дружно брызнула из корня
И потянулась к радостному дню,
Явилась миру дерзко, непокорно!..
Что оставалось патриарху-пню?

Не каждому назначено судьбою
В конце такое счастье испытать:
Крошиться в прах и жертвенно собою
Потомство шаловливое питать...

2018 год

В глухом краю, среди тиши древесной,
Поляна есть – заветный закуток,
Хранимый небом, людям неизвестный,
Лишь косачи слетаются на ток.

Из лета в лето пенится в цветенье...
Никто не видит этой красоты,
Ну, разве что залётный шмель оценит
Да бабочки, что сами, как цветы.

Из года в год горят на зорьке ясной,
Искрят росой и капают в траву...
И жалко мне, что облетят напрасно,
И радостно, что те цветы не рвут.

Чисты в своём стремленье к совершенству,
Они растут и светятся из тьмы,
Не тцась достичь над кем-то верховенства,
Не то что мы. Увы, не то что мы...

2020 год

НАДНЕБЕСНАЯ ГОРА

Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной – бело-голубой...

У подножья спали ветры вьюжные;
И – кольцом средину охватив –
Серебрились облака жемчужные, –
Хоть разуйся и по ним ходи.

В странном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,
Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.

Мимо бед земных к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал – они меня не слышали,
Так и не узнав издалека ...

2019 год

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Осенний свет к земле прильнёт,
Печаль высокую прольёт ...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечёсанный вздохнёт,
Рябина красным полыхнёт,
Как шалью смуглая цыганка.

Денёк погодой одарил
И поздним солнцем озарил,
Сменил унылые картины;
В кусте, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины ...

... Бредёшь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года,
Иль в никуда и навсегда –
Прожив своё и не заметив?..

Луч низом медленно скользит,
Травинку острую пронзит
До самой маленькой прожилки;
Жук золотой по ней ползёт,
Ползёт, родной, своей стезёй
Упорно так – как я по жизни ...

2020 год

ЗАКАТ

... Туча вздыбилась в полном безмолвии;
Жаркой лавой залит горизонт ...
Нервно чиркают дальние молнии –
Там небесная битва идёт.
Даль дымит, тишиной угнетённая,
В грозных отсветах алая высь, –
Рать крылатая с силами тёмными
Снова в схватке вселенской сошлись ...

Перед заревом тоненькой свечкой,
С замирающим сердцем в груди,
Беззащитный стоит человек,
В это страшное небо глядит.

... На пределе клубится сражение,
Но великий грядёт перелом –
Он плеснётся в зрачках отражением,
Но и это исчезнет потом.
Плавню схлопнутся своды вечерние;
И сквозь щели незримые в них
Перья белые с иглами чёрными,
Догорая, осыплются вниз ...

В бездну сдвинутся сгустки багровые,
 Бесовщине разбитой вдогон,
 И Архангела крылья махровые
 Мощным взмахом погасят огонь...
 Вновь пришлось совершить небывалое,
 Чтоб нашествие зла превозмочь,
 Чтоб спустилась на землю усталую
 В звёздных россыпях свежая ночь.

2020 год

Анатолий Сазыкин

«СТЕКЛЯННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО»
 АЛЕКСАНДРА РАЕВСКОГО

Сборник стихотворений Александра Раевского «Стеклянная лестница в небо», изданный в 2011 году, объединил как его лучшие стихотворения, изданные в предыдущих сборниках, так и стихотворения, написанные в первое десятилетие XXI века. Первый раздел «Ласковая высь» вобрал в себя стихотворения конца 1960-х, 1970-х и начала 1980-х годов; «В краю, простуженном насквозь» – конца 1980-х и 1990-х; «Надежды крестик золотой» – уже 2000-х. Своего рода три эпохи в жизни и истории страны, как они отразились в сердце, сознании и творчестве поэта.

Доминирующая черта стихотворений Александра Раевского конца 60–70-х годов – это их народно-песенная основа. Естественно и закономерно для уроженца сибирского села, что «любовь к родному краю его томила, мучила и жгла», как и его литературного пращура Сергея Есенина. Странно было бы, если бы начинающий сельский поэт избегал есенинского влияния. Но даже и в ранних стихах уже вполне ощутимо своё, самостоятельное начало как в деталях, так и в сущностном видении и понимании мира. Такая вот зрительная деталь в стихотворении «– 51 градус Цельсия»:

... Сосед
 За овинами трактор
 Заводит,
 А тот – ни гу-гу,
 Оскалены светлые траки,
 Как зубы на сизом снегу.

И такой вот многозначный собирательный образ поздних стариковских дум, когда на вопрос лирического героя, что это за красивые ягоды, которые никому не нужны и даже опасны, старики отвечают: «Наши думы – эти ягоды» (стихотворение «Волчьи ягоды»).

В полном соответствии с русской классической традицией развитие художественной мысли у Александра Раевского идёт именно в этом направлении – установлении глубокой психологической параллели между состоянием природы и состоянием души. Одно выражается через другое, и происходит это необычайно полно и гармонично, естественно. Вроде бы простой закон поэтического творчества, но как он эффективен в руках мастера, тонко чувствующего единство окружающего мира. Замечательный пример тому в целом ряде других произведений. Вот стихотворение «Девичий куст», вобравшее в себя и простое творение природы, и очень непростое состояние души поэта:

Он знает всё: куда уходит ветер,
 О чём молчат полночные цветы,
 И кто есть мы на этом самом свете,
 И в чём секрет добра и красоты.

При этом в стихотворениях поэта, опять-таки в соответствии с русской классической традицией, приоритет отдан выражению внутреннего, душевного состояния лирического героя: духовное преобладает над телесным и физическим, не говоря уже о меркантильном.

Совершенно закономерно появление в сборнике стихотворения «Слепой человек» как выражение крайней степени трагизма человеческого бытия, максимально мобилизующего все внутренние, духов-

ные силы человека и позволяющего утверждать превосходство внутреннего над внешним не в бытовом, конечно, плане, а в философском, экзистенциальном. За этим образом стоит мощнейшая традиция и мировой, и русской литературы, ближайшая ассоциация – это стихотворение Н.А. Заболоцкого «Слепой». И это ни в коем случае не подражание, а включение в важнейший нравственный принцип бытия, выраженный в заключительной строфе стихотворения Александра Раевского:

*Когда загрохочет проснувшийся город
И ринутся толпы удачу искать,
Он мимо идёт –
напряжённый и гордый –
Небесную чашу боясь расплескать.*

Отсюда у поэта такая высокая требовательность к себе внутреннему, к своей душе. Она звучит в абсолютном большинстве стихотворений сборника, а в первом разделе сборника очень хорошо выражена в стихотворении «В мартовском лесу». И снова: нелицеприятный смотр душе, своей жизни, как она сложилась, происходит у поэта не где-нибудь, а в мартовском лесу, в преддверии вечного пробуждения природы, нерушимой жизненной цепи:

*Я этот март запомню непременно,
Я этот миг у сердца сберегу:
И шар Луны, огромный непомерно,
И снег в лесу, и пятна на снегу...*

*Это зачин стихотворения. И вот его концовка:
И круг Луны,
И холодок бессмертья.
И я в лесу...
Задумчивый такой.*

Обратите внимание на последнюю строчку, на её скрытую самоиронию в общем контексте стихотворения. Она очень характерна для твор-

ческой манеры Раевского, она никогда не даёт ему впасть в пафос и вставать на ходули поучительства. В этой связи заслуживает внимания и такая очень значимая особенность творческой манеры поэта, как чувствование и сознание жизненной диалектики, единства противоположностей. Это хорошо заметно при обращении его ко всем темам: личным ли, общежизненным, остро социальным, как во втором разделе сборника. И очень характерно при обращении и к такой вот, сугубо личной, вечной и всеобщей. Но сначала короткая ссылка на то, как она трактовалась уже не одно тысячелетие назад. Древнеримский поэт III в. до н. э. Катулл:

*Ненавижу – и всё же люблю.
Спросишь меня: почему?
Объяснить не умею,
Но так чувствую, смертно томясь.*

Раевский, «Зодиакальная несовместимость»:

*Если чем я обидел, то лишь тем, что тебя
Люблю ненавижу. Ненавижу любя.
То судьбе благодарен, то готов её клясть,
То охота ударить, то к коленям припасть.*

... ..

*И – то сладко, то гадко. Сам с собой не в ладу.
Видно, с этой загадкой так и в землю уйду.*

Какое созвучие и с Некрасовым и Тютчевым, и с Блоком и Есениным, и Полем Верленом и Генрихом Гейне – и своё.

Что касается стилевых доминант лирики Раевского, то важнейшая из них – это краткость, сжатость выражения переживаемого чувства и экономность использования выразительных средств. Это характерно для большинства стихотворений сборника, и в этом свойстве его лирики есть самые настоящие удачи. Вот, например, одно из таких стихотворений – «Две луны». Не случайно оно положено на музыку. Стихотворение пронизано живым и вполне понятным человеческим чувством. Притяжение двойное – и легендарное лунное, и живое притяжение молодой красивой девушки. А в стихотворении – ни одного эмоционально окрашенного

эпитета. Имеющиеся на всё стихотворение два прилагательных сугубо функциональны, а единственное эмоционально окрашенное определение «прелестна» отнесено и к луне, и к девушке. Внутреннее движение чувства напряжено, а ни одного глагола, обозначающего движение, нет, а те, что есть, выражают только состояние (особенно в строке «*блокнот царапаешь огрызком*»). Эмоционально окрашенное наречие «стыдливо» определяет состояние, конечно, не луны, а лирического героя, девушки, и вообще всей создавшейся ситуации. Ритмическая мелодия создана чётким, без нарушения, размером (четырёхстопным ямбом) и чётким чередованием мужских и женских ударных окончаний в каждой строфе, а отсутствие монотонности в звучании достигнуто наличием в каждой строчке одного-двух пиррихий (пропусков ударений, положенных по схеме), что придаёт стихотворению свободное, естественное звучание.

И наконец, в стиле Раевского, эта спасительная самоирония, придающая стихотворению особенный шарм. Вот такой, не побоюсь сказать, микрошедевр.

Стихотворение «Казашке» столь же живое, непосредственное и в то же время не о пустячке житейском, а об интересном и значимом явлении бытия. Возникающая сразу ассоциация с пушкинским стихотворением «Калмычка» совершенно оправдана и закономерна. Кстати, ещё один повод вспомнить о «всемирной отзывчивости» и Пушкина, и всей русской классики, традиции которой Раевский удачно воплощает. Стихотворение это необычайно динамично, что достигается прежде всего лексикой. В отличие от предыдущего («Две луны») в нём больше всего именно глаголов и отглагольных деепричастий, среди которых преобладают очень экспрессивные: «ворвалась», «гонишь», «скачать», «взметнуться», «выстилаясь, носил тебя конь»; даже её «фамильная кофта» ... «звенит серебром». Ритм создан чётким трёхстопным ямбом с многочисленными пиррихиями, чтобы не замедлять движение стиха, и таким же чётким чередованием концевых ударений в стихах – дактилические с мужскими. Лирической героиней автор откровенно любит, начиная от обращения: «Ах, казашка, цветочек раскосый», её одеждой, её лихостью и ловкостью, даже усмешка над ней в конце стихотворения картины не портит. Однако намеченная автором проблема отчуждения, столь актуальная в наше время, в стихотворении обозначена:

«... И смотрели притихшие люди
На свою незнакомую дочь».

Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из современных казахских, узбекских, киргизских поэтов так написал о русской девушке, как Раевский в этих стихотворениях.

К этим стихотворениям примыкает и тема, без которой лирики вообще не бывает. Это тема любви. Таких стихотворений у Раевского мало, но они и откровенно чувственны, эротичны, и в то же время целомудренны, без натурализма и пошлости, что в наше время редко. Но удавалось же это Пушкину, Есенину, Пастернаку, а почему не должно удаваться Раевскому? Это стихотворения «Храм любви», «Во ржи», «Молодые» и стихотворение «Неуклюжее подражание песенному народному творчеству». Признание в якобы «неуклюжести» я объясняю желанием автора защититься от придирок строгих моралистов. Очень характерно, что «храмом любви» в стихотворении является лоно природы – лес, ржаное поле, и любовь в них совершается сугубо по законам природы, ничего стыдного и пошлого. На самом коротком из них – «Молодые» – хочу остановиться отдельно. Лирический сюжет, не содержащий ничего любовного, – это шуточный диалог мужа, вернувшегося с работы, и ожидающей его возвращения жены. Он якобы король, вернувшийся из боёв «за *полновесный рубль*» и готовый отвергнуть все заморские яства и напитки, а она королева, его ожидающая, но предоставить ему может только «*снова суп с гороховым брикетом*». И завершается этот диалог графически выделенной концовкой:

«Хохоча, садились у стола, –
Как соприкасались их тела!»

Композиционно это – пуант, заключительная точка стихотворения. По смыслу – он в себе сосредоточивает всю внутреннюю энергию стихотворения и выражает её. Внутренняя энергия стиха здесь задана самим названием. «Молодые» – это, конечно, указание на возраст лирических героев. Но главное – это, по русскому обыкновению, название

мужчины и женщины, находящихся в важнейшем моменте их жизни: перед свадьбой, на свадьбе и в так называемый «медовый месяц». Момент самого расцвета их любовной страсти. У Пастернака в стихотворении «Зимняя ночь» этот момент прекрасно выражен: «Скрещенье рук, скрещенье ног, Судьбы скрещенье». У Раевского он выражен этим замечательным намёком: «Как соприкасались их тела!»

Название, данное автором сборнику – «Стеклянная лестница в небо», – это заключительная строчка из стихотворения «Бабушкины слова». Тоска по идеалу (*подчеркну: не по материальному благополучию, а по духовному, по высшей божьей справедливости*) – одна из основных черт русского национального менталитета. Она оплодотворила сюжеты русских сказок, в которых высшая справедливость всегда в мечтах и в стремлении к ним. В стихотворении автор вспоминает детство – сакральную пору в жизни каждого человека – и бабушкину сказку о волшебной стеклянной лестнице в небо, по которой можно забраться в гости к Богу.

Вот срединная строфа этого стихотворения:

*Это ж чудо! – легко пролетать,
Голубой высоты не бояться,
От восторга ногами болтать
И от радости звонко смеяться!..
Я все речки внизу разгляжу,
Все леса, города, огороды,
С неба пашням рукой помашу,
Крикну: «Здравствуйте!» мирным народам...*

Это и есть то, что Есенин назвал «мечтать по-мальчишески в дым» и что закладывает краеугольный камень души. Счастливо найден автором этот образ и многое в стихотворениях сборника определит. Без этой светлой веры в душе, без этого столь отчётливо выраженного национального начала не было бы и столь острого, драматичного переживания тех перемен в жизни страны, которые найдут своё поэтическое отражение в стихотворениях второго и третьего разделов сборника, написанных во второй половине восьмидесятых, в девяностых и в 2000-х годах. Давно

было сказано, что когда рушится мир, трещина проходит через сердце поэта. Мир рухнул: развал страны, неслыханное не только в русской, но и в мировой истории ограбление народа под видом приватизации и ваучеризации, крушение и извращение нравственных ориентиров под прикрытием «свободы, сколько унесёте», а сколько людей потеряли не просто работу и сбережения, – потеряли себя... Как тут не вспомнить есенинский русский вопрос: «Ну кто ж из нас на палубе большой Не падал, не блевал и не ругался?» С какой новой силой снова загорелись вечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Для русского поэта – как то уже не раз было – непереносимое чувство вины и ответственности. Из стихотворения «В глухое время непогоды»:

*... В избе тепло не сберегалось,
Сквозило вечностью извне.
Занудно женщина ругалась.
В ответ ей – волны перегара
И бормотание во сне.
Мирок замызганный и нищий,
И сколько их, таких семей,
Где лень сплелась со скукотищей,
Где все ответы в брани ищут,
А на плите бурлит и свищет
Ведро с картошкой для свиней.
Неистребимый запах смрада,
Стаканы, мутные слова,
Нет ни просвета, ни отрады...*

Да, грубо. Да, непоэтично. Но вспомним опять русского классика, уже Некрасова:

*«Нерусский взглянет без любви / На эту бледную, в крови, / Кнутом
иссеченную музу» ...*

Тем более что, отказываясь «за них переживать», поэт именно за них, больше чем за себя, переживает. Реакция поэта на происходящие судьбоносные события – в его слове. В стихотворениях Александра Ра-

евского меняется лексика, меняется интонация, меняется сама жанровая природа, когда вторгается в стихи острое публицистическое начало, когда впору вслед за противниками Маяковского вопрошать: «Поэзия где ж? Одна публицистика!». Фантазмагория происходящих событий, неслыханный грабёж, ложь, произвол властей и новых хозяев жизни может быть отражён только в произведениях со смещённой или вовсе фантастической, сказочной основой. Отсюда появляются такие произведения, как «Нехороший сон», «Охотничья история» (разговор охотника с волком), «Сказка про Степана-молчалика и большого начальника», «Сказка про белого бычка и невезучего мужика», «Скоробогач и кот». Они остры, они выношены и выстраданы, они полны «мнением, да, мнением народным» (Пушкин), но к лирической поэзии их трудно отнести. Но и в этом жанре есть свой шедевр! Это последняя из сказок «О таинственном незнакомце, Бабе Яге, паяльной лампе и чёрт его знает о чём». Это настоящий образец юмора, острейшей сатиры, пародийного мастерства и вообще блестящего владения языком. К ней примыкает ещё и пародия на газетные репортажи об Агафье Лыковой, затворнице сибирской тайги, особенно в трактовке газеты «Комсомольская правда». Сказка эта – убедительнейшее подтверждение языкового мастерства Александра Раевского, его несомненного роста.

Казалось бы, живёт русский человек, русский поэт «во глубине сибирских руд», в Кузбассе, и в решении судеб страны его не только никто не спрашивает, но и вообще не замечает, а у него глубокая и острая тревога и печаль за общую судьбу развалившейся страны.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

*Глянет синими в небо тусклое,
Грусть-печали долив стакан,
На земле своей горькой, русской
Он последний из могикан.
Жили плохо, за всех платили,
То беда, то опять война...
И победы, увы, не сплотили –*

*Подколодных пришли времена.
Русь народам не стала светочем,
Ни спасибо тебе, ни прощай –
Каждый сам по себе. Больше незначем,
Некем, некого ей защищать.*

И какой ёмкий и точный образ находит поэт в четырёхстрочной миниатюре «Судьба России»:

*Вчера, сегодня и всегда:
Делясь на тесные колонны,
Текут в историю года,
И все – штрафные батальоны.*

Столь же краток и глубок и столь же насыщен мощным историческим и литературным смыслом образ, взятый у бессмертного Гоголя:

*Русь-тройка полями летела, неслась,
А в бричке холёная тушка тряслась
И круглое личико – Чичиков.
Русь-тройка поныне по свету летит,
А кто в ней, друг дружку пихая, сидит?
Побей их родимцем!
Всё те ж проходимцы...*

Какая народность оценки и какая народность отношения к ним: всего лишь «побей их родимцем!». Вспоминается ещё и рассказ Шукшина, герой которого вдруг задумывается, а кого же везёт легендарная Русь-тройка. Ещё об одной стороне творческого облика Раевского как русского поэта задумываешься, дочитывая сборник.

Просматривая передачи нашего Центрального телевидения, отчётливо понимаешь, что в московских либеральных верхах и у многих членов правительства понятия «народ», «родина», «патриотизм» стали в лучшем случае чисто номинативными, формальными, а в худшем – ругательными, наравне с «быдло», «совки» и «ватники». И если, пользу-

ясь словом Некрасова, «в столицах шум, гремят витии, кипит словесная война», то «здесь, во глубине России», не просто «вековая тишина», а подлинная глубинная народная жизнь. И русский поэт Раевский её выражает в строках часто точных, метких, кратких и содержательных.

Во многих стихотворениях, написанных в «лихие 90-е» и в начале 2000-х встают образы и ситуации конкретные, но, пройдя через сознание и сердце поэта, они приобретают обобщённый, собирательный смысл. В стихотворении «Начало тревоги» это:

*...Снова вороны сидят, терпеливо ждут;
это не страна – противень горячий,
В том конце скулит нужда, в том – поют, жуют...
До беды, как до воды – как бы не опиться! –
Смотрят мутные глаза долго и в упор,
Худо, если жёлтый дым из зрачков сочится,
Худо, если под скамью снова лёг топор.*

Образ топора, один из знаковых в русской литературе, появляется и в стихотворении «Мужик-91», хотя и в другой уже огласовке:

*То ли в партию, товарищи, вступить?
То ль обрез за чёрной баней откопать?*

Глубокий подтекстовый смысл приобретает и образ голубей в одноимённом стихотворении. Во время пожара в сельском клубе они падают, обгорелые, на головы пожарных. Ассоциации, связанные с образом этой птицы, очень обширные: это и голубь мира, и посланник Бога, и образ детства («Прощайте, голуби!»), и символ мира и кротости. Лирический герой пытается спасти хотя бы одного из них, и закономерен его вопрос к России:

*Что ж так, матушка, часто пылаешь,
Не жалеешь своих голубей?*

Пейзажи и состояния природы чаще всего таковы:

*Гнилое, гибельное лето,
В лесу, как в стойле, неуют;
Дорог расхристанные ленты
Славянской скукой отдают...*

Или:

*... А небо всё тащит и тащит
Серый шинельный хлам.*

*В этой обстановке даже у поэта
Рифмы гаснут мотыльками...
Белым саваном листок.*

Интересным, при всей неприязнительности и грубоватости, представляется стихотворение «В пивной» 2005 года. Оговорюсь только, что слово это, как и слово-синоним «кабак», является очень ёмким образом – хронотопом в русской литературе. Начиная от лермонтовского:

*И в праздник, вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

А дальше будет и кабачок Притынный в рассказе Тургенева «Певцы» из цикла «Записки охотника», там изливают душу в пении русские мужики. И кабак у Достоевского в «Преступлении и наказании», где исповедуется Мармеладов Раскольникову. И кабак в «Братьях Карамазовых», где Митя рвёт и чистит душу свою. И лирический герой Есенина «идёт, головою свесясь, переулком в знакомый кабак». И Маяковский в обращении к погибшему Есенину напишет: «Ни тебе аванса, ни пивной – трезвость». И Высоцкий, тоскуя, скажет: «...И ни церковь, ни кабак – / Ничего не свято... / Нет, ребята, всё не так». Это место, где русские люди не столько пьют и едят, сколько по-своему ищут истину. Именно в этом контексте стихотворение Раевского «В пивной»:

*Ну чего вы, дурни? Ну чего вы, братицы?
Я спросил лишь только, от какой тоски
Беспобудно пьёте, ходите в засранцах,
Где же ваша гордость, честь и кулаки?
Я хотел лишь малость в жизни разобраться,
А вы сразу матом, а вы сразу драться!..
Чем вас так обидел, мужики?!*

Отличное стихотворение. В подтексте ещё ведь и мысль, что для простого русского человека вопрос о национальном достоинстве, как и о личном, – это вопрос больной и острый. Должен сказать, что лирические миниатюры у Александра – это чаще всего его творческие удачи. Они, как правило, хорошо вызрели, отстоялись в слове, и смысл имеют более широкий, чем сказано в тексте. Это и уже процитированное «В пивной», и упомянутое «Русь-тройка летела», и «Преданный», и «Шла дорога – от села», и «Судьба России» и другие. Остановлюсь ещё на миниатюре «1812-й год».

*Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковылях.
Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой, лесной кукушки
Сонный счёт... А где-то там –
...Разноцветным ручейком,
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамёна и иконы
Мимо – пушкинских окон.*

Во-первых, в стихотворении очень органично выразились и соединились художественное пространство и художественное время. То и

другое составилось из слияния современности и истории. Во-вторых, отбор примет того и другого осуществлён автором строго, чётко и естественно, без натуги. И, в-третьих, даже ненавязчивая звукопись стиха работает на его смысл. И, наконец, было бы странно, если бы в стихотворениях нашего автора не нашёл воплощения мотив исповедальности, покаяния и раскаяния, без чего трудно представить вообще жизнь русского человека. По крайней мере, если судить об этом по произведениям русской классики.

Наиболее полно выразилось это в стихотворении, обращённом к другу-поэту, рано ушедшему из жизни, Николаю Николаевскому «Молчаливый разговор». И в стихотворении «Позднее прозрение», посвящённом памяти, пожалуй, лучшего русского поэта конца XX – начала XXI века Юрия Кузнецова. В обращении к собрату по перу Раевский высказывает суждения горькие и предельно искренние о сложной судьбе обоих, о распаде творческих иллюзий, не перекладывая вину на обстоятельства, не обеляя себя. Тональность стихотворения беспощадная и лексика весьма нецеремонная. А в «Позднем прозрении», обращаясь к памяти большого мастера, автор суровый суд над собой соотносит с судьбой страны, со своей ответственностью перед «шестой частью суши», с надеждой хоть чем-то малым быть ей полезным. Вот концовка стихотворения:

*...О, шестая, седая часть суши,
На коленях прошу и молюсь:
Не откидывай грешную душу,
Может, в чём-то ещё пригожусь.
Жил погано, не думал о смерти,
Уж прости, если можешь, за всё,
Вдруг ещё окажусь тем, последним,
Кто в ладонях воды поднесёт...
Вот пробил! В больное родное
Впился думами – не оторвать,
Так своей захлебнулся виною,
Так смертельно боюсь умирать.*

Много горьких слов и мыслей в последних стихотворениях сборника «Стекланная лестница в небо», и их ничем не перечеркнёшь, если только, как раньше говорили, «не отступать от правды жизни». Нельзя не согласиться с суждением профессора-филолога Анатолия Георгиевича Балакая: «Александр Раевский – русский поэт. Лучшие стихи Александра Раевского, написанные за сорок лет, останутся в силе и правде».

Основной, ведущий пафос стихотворений Александра Раевского не выразить каким-то однозначным определением. Многогранны и тематика, и стилевая манера, сложно авторское отношение к окружающему миру, к происходившим и происходящим в стране событиям, разнообразны суждения о себе и людях и о своём призвании как человека и как поэта. Можно всё-таки попытаться выделить какую-то равнодействующую. Это утверждение сложности, радости и горечи жизни. Это приоритет духовности над меркантилизмом. Это приоритет народных начал и принципов в понимании и осуществлении жизни. Это добрая ирония в отношении к себе самому и своему лирическому герою. Это уверенность в торжестве жизни.

Александр Раевский

АВТОБИОГРАФИЯ

Чтобы создать по-настоящему ценное литературное произведение, мало уметь рифмовать строки и складывать их в строфы. Быть поэтом – это нечто большее. Каждое своё творение необходимо наполнять смыслом, рассказывать людям о вещах, которые берут за душу, делиться собственным опытом и переживаниями.

Родился 11 августа 1951 года в селе Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Отец, Дмитрий Захарович Беликов, родом из Орловской области, там выучился на ветеринарного врача. В 1939 году был призван на военную службу. С первых дней лета 1941 года на фронте, воевал в миномётном полку, в звании лейтенанта. В 1944 году, когда были уже в Польше, его в числе других сослуживцев вызвали к командованию

и сказали, что мы за вас довоюем, а вам необходимо вспомнить гражданскую профессию ветеринарных врачей и отправиться в Сибирь, где свирепствует лошадиная болезнь сап: нужно победить эту заразную эпидемию. Отец по распределению прибыл в село Алабуга Новосибирской области. Там встретил Марию Афанасьевну Раевскую, настоящую сибирячку, создалась семья. Детей в семье родилось трое: брат Дмитрий, я и сестра Елена. Брак родителей официально не был зарегистрирован, поэтому мы, дети, унаследовали фамилию по материнской линии – Раевские. Мать с юных лет работала в колхозе, затем в совхозе, потом до самой пенсии работала вместе с отцом ветеринарной санитаркой.

Своего деда Афанасия Стефановича Раевского не успел узнать, он рано ушёл из жизни, в возрасте 33 лет. Мать говорила, что он был весёлым человеком, сочинял частушки на злобу дня, за что его сначала вызывали «на ковёр» в контору, а затем на покаяние к церковному батюшке. По её словам, внешне они очень были схожи с известным юмористом и губернатором Алтайского края Михаилом Евдокимовым. Бабушку Алёну помню до сих пор, один момент из детства запечатлелся на всю жизнь: мне 3–4 года, она ведёт меня за руку к трём гривным берёзам, барынями стоящим возле нашего огорода, и говорит, что за ними есть лесенка к Богу, по которой к нему можно попасть. Кругом лето, облака, от бабушки веет теплом и каким-то ласковым светом... После написалося стихотворение «Бабушкины слова».

Ранние годы мои проходили на деревенском просторе и запомнились как самые счастливые. Красивейшая природа родных краёв, общение со сверстниками, учителями, посвятившими себя воспитанию будущего поколения, – всё это помогло сформироваться личности творца, который начал свой взрослый путь с попытки сделать этот мир лучше.

После окончания школы служил в армии, в Группе Советских войск в Германии (ГДР). Ещё в юные годы меня глубоко интересовало искусство, волновали проблемы культуры. И было естественно, что скоро занял должность директора Дома культуры в родном селе. В 1973 году женился на односельчанке Вере Николаевне Даниленко, вскоре молодая чета Раевских переехала в село Мамонтово, бывшее

в ту пору центральной усадьбой Озёрского совхоза. Работал методистом по спорту и вёл уроки рисования в Озёрской средней школе.

Спустя несколько лет переехал в Новокузнецк. Там не только писал стихи и общался с творческими людьми, но и в самом прямом смысле слова боролся с огненной стихией. На протяжении двадцати лет тушил пожары, служа в военизированной пожарной охране города, и успел повидать достаточно боли, горя и отчаяния, которые нашли отражение в творчестве. Но видел не только плохое. Было много хорошего. Того, о чём следует говорить, чем нужно восхищаться: доблесть тех, кто спешил на помощь пострадавшим, сила духа и нестигаемая воля. Конечно, не отметить и не признать эти качества в обычных людях, которые живут в этом мире сегодня, не мог. В конце 1994 года ушёл в отставку по выслуге лет, в звании капитана внутренней службы. После пожарной охраны устроился частным охранником, по-прежнему старался честно служить людям, но теперь на другом уровне. Проработал 11 лет. Давно считаю Новокузнецк своим родным городом. Здесь родились дети и внуки.

Желание поглубже узнать литературу и о литературе привело к поступлению в Новокузнецкий педагогический институт, на факультет русского языка и литературы. Ещё в детстве понял, что хочу и могу писать стихи. Впервые их напечатали в 1967 году в районной газете «За изобилие», когда учился в 9-м классе. После мои стихотворения публиковались в журналах «Сибирские огни» (Новосибирск); «Москва», «Наш современник», «Роман-газета» (Москва); «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Афины» (Томск), «Барнаул», «Бийский вестник» (Алтай), «Подъём» (Воронеж), «Сибирь» (Иркутск), «Крым», «Белая скала» (Крым), «Краснодар литературный», в альманахе «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк), в еженедельнике «Литературный Крым», на сайте газеты «Российский писатель» (Москва) и др. Подборки стихотворений вошли во многие коллективные сборники: «Час России» (Москва); «Дыхание земли родимой», «На родине моей выпали снега», «Площадь Пушкина», «Пять стихотворений о любви», «Собор стихов» (Кемерово); «Это мы, Господи!» (Томск); «Воскресенье» (Екатеринбург); «Слово о матери» (Тобольск, отпечатано в Италии, г. Верона) и др.

Член Союза писателей с 1995 года. За годы жизни, службы и творчества был удостоен наград. Первую, «За воинскую доблесть», получил ещё в армии. Далее были медали МВД всех трёх степеней «За безупречную службу», получил знак «Почётный ветеран пожарной охраны». За литературную деятельность был награждён медалями «За служение Кузбассу», «За веру и добро», Почётными грамотами Губернатора Кемеровской области. Лауреат премий «Молодость Кузбасса» (за участие в общем сборнике «Дыхание земли родимой») «Образ», премий журнала «Наш современник» (2003) и имени В.М. Баянова (2017). Принимаю активное участие в городских, областных, региональных культурно-литературных мероприятиях. Выступал в школьных, социальных заведениях, в библиотеках, в рабочих коллективах, на фестивалях. В своё время руководил детско-юношеской студией «РОСТ» при Центральной детской библиотеке Новокузнецка. Два года в должности ответственного секретаря возглавлял Новокузнецкий филиал Союза писателей Кузбасса по югу области. Поддерживаю тесные связи с сотрудниками Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя, дома-музея Ф. М. Достоевского, а также с членами литературных объединений и клубов городов Осинники, Калтан, Междуреченск, Прокопьевск, Мыски.

Книги Александра Дмитриевича Раевского:

Полуденный костер : стихотворения / вступ. ст. В. Баянова. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1984. – 53 с.

Пьяные цветы : стихотворения. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1993. – 118 с.

Сугробчик : стихотворения. – Кемерово : Сибирский писатель, 1998. – 159 с.

Забуранный рай : стихотворения. – Кемерово : Сибирский писатель, 2005. – 79 с.

Стеклянная лестница в небо : стихотворения. – Кемерово : Офсет, 2011. – 312 с.

Ласковая высь : стихотворения. – Новокузнецк : Союз писателей, 2016. – 280 с.

Золотой жук : стихотворения. – Кемерово : Вектор-Принт, 2021. – 160 с.

ИЗ КНИГИ «ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ ВРЕМЕН»

ЭЗЕН*

Скажешь: «Эзен!», –
и теплом очага вдруг повеет,
Где усталая мать
 перед домашним костром ...
Только молвишь: «Эзен», –
 взгляд усталый светлеет,
И глаза отвечают
 особым теплом.
«Эзен ... », –
 и легенда звучит
 в звуках древнего слова.
Слово это прошло через дым
 в отпылавших веках.
И старо, словно мир,
 но по-прежнему ново.
И струной отзывается
 в наших сердцах.
Пусть тепло слов других
 в пыль растерли столетья,
Пусть печалью так веет
 от тюркских страниц,
Но живет это слово,
 пройдя лихолетья,
И беркутом вольным
 над жизнью парит!

Татьяна Васильевна Тудегешева

19 ноября 1957 г., п. Усть-Анзас, Таштагольский район,
Кемеровская область – 14 февраля 2022 г., Санкт-Петербург
Поэт. Член Союза писателей России с 1999 года

*Эзен – в переводе с шорского – здравствуй, приветствие.

Не смотри на меня, глаз моих не ищи:
Взгляд мой – омут в тиши иль луна, что в ночи.
Заглядишься – утонешь, иль уйдешь, как шальной,
Заплутаешь в тайге, сбитый думой хмельной.

Будешь в жизни бродить – и не видеть свет дня,
Словно пьяный джигит, потерявший коня.

Сам не свой, отрешись от дел бытия,
Чтоб блаженно принять песнь любви соловья.

Берегись карих глаз, что с раскосой каймой:
В них шаманский огонь, дух Хозяйки Лесной.

Безмятежно живи. Словно беркут с высот –
Не бросай же себя в горный водоворот.

Ох, боюсь я разжечь пламя в сердце твоём.
Ведь мы можем сгореть в том пожаре вдвоём.

ИЗ КНИГИ «НЕБЕСНЫЙ ПОЛЕТ ДЕВЯТИГЛАЗЫХ СТРЕЛ»

РОД АБА

Я – дочь, я ветвь абинского народа.
Наш род – Аба, и нет древнее рода.
Аба – отец. В степи клубится пыль.
Склонил седую голову ковыль.
Аба! И слышу стрел холодных свист.
Аба ... Упал на землю желтый лист.

В тугом колчане каждая стрела
В боях лихих врага настичь могла
Аба ... Но конь споткнулся на скаку,
Лежит в кровавой пене на боку.
Был аргамак со славою былой –
Затмило свет коварною стрелой.
Сыны ушли, избрав отважный путь,
Земля родная им не сдавит грудь.
Аба – отец!!! И глохнет в Небе крик ...
Алыпом был, а стал седой старик ...
Аба, Аба ... Смолк наковален стук ...
Замкнула тишина зловещий круг.
Аба, Аба ... Как гулко бьётся кровь,
Где мой очаг и где отцовский кров.
Аба! ... А полдень светел и высок,
Аба ... И дуло холодит висок.
Аба ... Растаял звук и песней стих,
Пою я реквием прощальный стих.
Наш род угас ... О, нет печальней рода!
Я – песня-плач абинского народа.

ДЕВОЧКА С ОЛЕНЬИМИ ГЛАЗАМИ

Девочка с оленьими глазами,
Вновь мечтаю встретиться с тобой.
Я тоскую днями и ночами
На большой планете голубой.

Аба – в переводе с шорского – отец.

Род Аба в прошлом самый многочисленный род шорских кузнецов.

Основатель древнего городища Аба-Тура, т.е. Отец-город.

В XVI веке переименован русскими казаками в Кузнецк, позже – в Новокузнецк.

Аргамак – лихой горячий конь.

Алып – богатырь

В этой жизни я ещё не встретил
 Столь таинственных, ранимых глаз.
 Будто одинокую обитель
 Повстречал я в жизни в первый раз.
 Может, ты от Белой оленихи
 Звёздной ночью тайно родилась?
 Потому свет глаз пугливо-диких
 Надо мной взял неземную власть.

Я тоскую, имени не зная:
 Полыхнула искрой – и ушла.
 Шориянка, девочка лесная,
 Так шаманским взглядом обожгла!

БАБУШКА В ЛУЧАХ ИЮНЯ

Беседую с тенями
 давно ушедших солнечных дней,
 Когда бабушка ходила
 в зимний амбар за июнем.
 В углу
 туеса с вином цветущего лета стояли,
 Настоянные на горной воде
 родников таёжных,
 Стекающих из сладостных рос
 трав, из долин душистых,
 Ввысь возносящихся по утрам
 к небесам восхода,
 В высотах прохладных гроздьями
 чистыми собираясь,
 Вбирая в себя силу небес,
 опадая дождями,
 В час дивный священнодействия
 становясь вином терпким.

Бабушкино вино –
 в нём аромат ячменных пашен,
 Дышит
 пойманное в берестяные туеса лето,
 Мерцает,
 как раскрывающиеся цветы рассвета,
 И сквозь тонкий луч
 в нём поблескивает солнце июня.
 Смотрю сквозь вино
 на невозвратные летние годы,
 В таинственном единении
 со своим сокровенным,
 В то прошлое,
 где осталась бабушка в лучах июня!

ОТКРОВЕНИЯ ШАМАНКИ

Я пронзаю взглядом сумрак ночи
 У костра таинственных курений.
 Сквозь дымы грядущее пророчу.
 В неземной мир открываю двери.

По судьбе мне выпал строгий жребий –
 Встать на страже между тьмой и светом.
 Мчусь стрелой девятиглазой в небо,
 Весть с Земли несу к мирам далёким.

Сердцем чую, что ветра рисуют
 На страницах вод, в тиши уснувших;
 По лицу небес – что тучки пишут;
 Тайных рун читаю откровенья.

Соловьиных трелей сладкозвучных
Смысл божественный, дивясь, постигла;
Суть цветов понятна, их дыханье –
Добрый дух живёт в них вездесущий.

Обласкав мир, свет с Земли уходит,
Мгла крадётся, чёрный круг сжимая ...
Ночь. Костёр. И я – с шаманским бубном
Вызов силам аспидным бросаю.

ЛУННЫМИ НОЧАМИ

*Знаменитой певице Горной Шории
Чалтыс Таннагашевой*

Лунными ночами
Станный сон мне снится:
С узкими глазами
Тюркская волчица.
Взгляд её дремучий
Смотрит прямо в душу,
В мглу веков зовущий
Или – в день грядущий?

Знаю, Мать-волчица
С мудрыми глазами,
Ты – как память, снишься
В сговоре с веками.
Горы и отроги
Для тебя – уроки,
Пыль степной дороги –
Летописи строки.

Чуешь запах неба,
След в траве скрываешь.
Помнишь быль и небыль,
Скрытый путь свой знаешь.
На пути исканий
Сгинешь – я завою,
В тайный мир преданий
В ночь уйду с тобою.

Тюркская волчица
С узкими глазами,
Что ж годами снишься,
Что таишь веками?
Энемай* – волчица
С мудрыми глазами,
Для чего ты снишься
Из глубин сказаний?

Тюркская волчица,
Мудрая волчица ...
Тюркская волчица
Снится, снится, снится ...

АЛЫП МУСТАГ

Молчит Мустаг. Вокруг него туманы,
Клубясь, повисли над утрюмой головой.
Бессчётных гор немые караваны
Склоняются перед трепещущей травой.

Уходят в вечность дни, тысячелетья,
А он стоит, томясь в плену тяжёлых дум:
Нет горше одинокого бессмертья,
Когда лишь память прошлого тревожит ум.

*Энемай в переводе с шорского – мать моя.

В забытой стороне благословенной
(Прошло то время много тысяч лет назад)
Был для народа он горой священной,
Лицом к нему свершался дедовский обряд.

Мустага дух витал, благословляя
Очаг отцов, дающий жизнь из рода в род,
Словно Ульгена чаша золотая,
Сияло солнце, благоденствовал народ.

Когда костры горели, не стораю,
Вокруг огня стихал людской водоворот,
Взрывались бубны, духов призывая,
И сотней рук кропился строгий небосвод.

Костры угасли, сон объял вершины,
Могильным хладом веет мертвенный покой..
Мустагу в грудь вонзили меч чужбины,
Забив железный крест недрогнувшей рукой.

Следы кострищ развеял вихрь пустыни,
Не оживит батыру сердца он весной.
В тиши немых лесов – снегов седины
На нём не тают даже в жаркий летний зной.

Молчит Мустаг. Молчит во тьме безбрежной.
Закрыты тучами холодными глаза.
От горьких дум, печали безнадежной
Застыла вечным льдом суровая слеза ...

ПЫТАЙСЯ – И ПОЙМЁШЬ

На переходе между жизнью и смертью,
Застыв в хаосе грёз и образов,
Преодолев Время, Пространство,
Молчаливо стоит Пустота, –

Это и есть мир в своём начале!
Пытайся постичь смысл Пустоты,
Чтобы знать больше, чем говорить.
Не думай о просветлении,
Тем самым просветляя сознание.
Слившись с духовной гармонией,
Победив материальный дух –
Добродетель должна родиться.
Обретёшь золотые чётки!
Поняв великую Пустоту,
Разомкнёшь вечный круг жизни,
Поймёшь необъятность сознания,
Космическую необъятность творения.

ИЗ КНИГИ «ЭЛИМАЙ»

СЕЛЕЙ

Скажут люди: «Эх, селей!», –
И всем станет веселей.
Шорцы в шутку называют
Тех, кто часто забывает.
Недотёпу, ротозея
Назовут, смеясь, селеем.
Селей – радостная птица,
Кто с ней встретится – гордится.
Повстречать его – задача!
Если встретил – жди удачу.
Величавый, краснобровый,
Он токует, парень бравый,
Плавно кружится по кругу
И поёт, зовет подругу.
Обо всем забыв на свете,
Воспевает жизнь он, дети!

Он у шорцев радость – случай!
 Ведь из птиц – он самый лучший.
 Верят в птицу! И не зря –
 В птицу счастья – глухаря.

ИЗ КНИГИ «МЕДНОГРИВОЕ СОЛНЦЕ ВСТАЁТ»

ЖИВУ, КАК МОГУ

О прошедшем своём не жалею, не плачу.
 Ростом не вышла – пустяк, беда!
 Ну и пусть, что не раз обходила беда.
 И нищета обнимала в бедачу.
 Не жаль, что кони победы скакали мимо,
 Взметая вихрь пыли, славой гонимы.
 Стать мечтала любимой и необходимой...
 На всё воля Неба – непостижима!
 Эх, жаль мне, что песня любви не сложилась,
 Которая б в души людей ложилась!
 Сожалею, друзья мои, очень об этом,
 Что песня – счастье, осталась неспетой.
 Жаль, что родина стала безлюдней, пустыней,
 Напевов родных не слышно уж ныне.
 Жаль, что дочку свою никогда не качала,
 Ей чёрные косы не заплетала.
 Жизнь дорогу другую мне предназначала:
 Сынов поднимать, чтобы крепче стала.
 Есть три сына, кедры-опоры – много ли, мало?
 Ивушку-дочку судьба обещала.
 Когда же вдалеке навеки уйду тихим ветром,
 Вслед дочка заплачет, знаю об этом.
 Живу в мире бременном – пусть отшельницей-птицей,
 Бог надо мной, значит, песня родится!

16.08.2012 г.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

МЧИТСЯ ШОРСКОГО РОДА АБА, МАТЬ-РЕКА...

У Томи берега, словно дум череда.
 Это стражи! Суровы, как дикие скифы.
 Охраняют покой... И течёт Томь-вода,
 Пронося сквозь года позабытые мифы.

Воды мчатся сквозь время – столетний покров,
 Огибая таскылы* волною упругой,
 Унося быль Земли, глас народов, миров
 Своей тайной подводной дорогой.

Никому не познать молчаливой волны:
 В ней печали курганов, в ней прошлого знаки,
 Потому, знать, языческим духом сильны
 Те века, что исчезли в созвездиях мрака.

Берега! Им стоять, провожая века,
 Сквозь шум древней реки слышны чибисов крики...
 И о чём-то о вечном вещает река,
 Унося на волнах давних прадедов лики.

Мчится шорского рода Аба, Мать-река,
 Моего незабвенного древнего рода,
 Потому так священны Томи берега,
 Что в них плещется вечная память народа...

2017 год

*Таскылы в переводе с шорского – безлесые горы, сопки.

Николай Переяслов

О СТИХАХ ТАИАНЫ ТУДЕГЕШЕВОЙ

У каждого поэта встречаются стихи самого разного уровня – есть традиционные, похожие на такие же стихи у многих других авторов; есть оригинальные, довольно высокие по своему художественному уровню, радующие читателей яркими поэтическими образами и глубокими мотивами; а есть и – в буквальном смысле слова – уникальные, ни с чьими не перекликающиеся стихи, которые не просто зарифмовывают в своих строчках детали окружающего мира и моменты прошлой истории, но и запечатлевают в себе сам дух народа и дыхание родной природы.

И всё, что выше перечислено, в полной мере относится к стихам хорошо известного шорского поэта Тайаны Васильевны Тудегешевой, книги которой глубоко входят в души её читателей своими особыми ритмами, потрясая их проникновением в таинственный мир Шорского края и жизнь его обитателей. Именно такими являются её поэтические сборники «Шория моя», «Поющие стрелы времён», «Небесный полёт девятиглазых стрел», «Стихи», а также целый ряд поэтических публикаций в различных литературно-художественных журналах.

Самое чудесное в творчестве Тайаны Тудегешевой – это её потрясающее родство с родной землей, тайгой, горами, реками и живущими рядом с нею людьми, представляющими собой народ Шории, голос которого я отчетливо слышу, читая лучшие из её стихов. Когда-то я написал, знакомясь с рукописью книги Тайаны Тудегешевой «Небесный полёт девятиглазых стрел», что в стихах национальных поэтов есть одна весьма существенная особенность – им дано обладать тем неповторимым колоритом, благодаря которому на страницах их книг оживает сказочная красота шорской тайги, наполненной местными птицами и животными, а главное – удивительным народом Шории. В стихи Тайаны Тудегешевойходишь, как в какое-то волшебное царство; они мгновенно завораживают читающего своим магическим ритмом, овладевают

его сознанием и ведут через густую сеть строк, как через экзотический лес или дремучую тайгу, то пугая таинственными тревожными звуками, раздающимися в окружающей чаще, то очаровывая величием таёжных просторов и клубящимися в них, точно цветные туманы, легендами:

«О, давно это было!..
У реки, у седого Мрас-су это было.
В лучезарной долине Мрас-су это было.
В небе солнце тогда языком говорило.
Ночевать не спешило..
Вот когда это было.
Ввысь деревья росли до священных небес,
был на море похожим нехоженный лес.
Ручейки-ребятишки бежали с гор вниз,
птицы звали, ликуя, их в горную высь,
а Мрас-су обнимал ясный солнечный мыс,
где стоит нелюдимо скала Чедыгыс.
В дымке тайны ушедших веков – Че-дыгыс.
Незабвенная память – скала Чедыгыс!
Вот когда это было...»

Поэзия Тайаны Тудегешевой – это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала; это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам оригинальной народной культуры – туда, где в одной из своих прошлых жизней она жила «в белой дедовской юрте, похожей на птицу», которая могла, вдруг «расправив крыла, ввысь взлетев, к золотым облакам устремиться...»

Вот и в новой книге стихов Тайаны Васильевны возникают те же чарующие мотивы, что пленили меня ещё в сборнике «Небесный полёт девятиглазых стрел», который был обильно наполнен экзотическими шорскими именами и названиями. Сегодня читатели в книге «Медно-гривное солнце встаёт» встретятся с вершинами Таскол и Айган, селом Усть-Анзас, старушкой Оленэ и стариком Улабашем, цветами кун-ку-

зези и кандыками, реками Аба, Сётуг и уже знакомой, по прежней книжке, рекой Мрас-су, которая снова возникает на страницах этой необыкновенной книги:

Словно лебеди белые, быстрые,
Мчатся бурные воды Мрас-су –
В свете солнечном светятся искрами,
Разлетаются сочными брызгами,
То в горах серебрясь, то в лесу.
Не с тобою ль навек они связаны?
Не тобою ли были мне сказаны
Те слова, что упали в росу?..

Сегодня перед угрозой глобализации, стремящейся стереть национальные различия между народами и превратить их в одинаково безликую массу потребителей, единственным средством противостояния этому всеобщему обезличиванию является сохранение своего национального лица, закрепление в перемалывающей всё и вся истории своих языков, литератур, культур, народных традиций, быта и верований.

«Мы живём в такую эпоху, – писал я однажды в статье о стихах Тайаны Тудегешевой, – когда нужно иметь немалое мужество, чтобы, никого и ничего не боясь, сказать во весь голос: «Я – русский» или же: «Я – шорец», и Тайана Тудегешева своими стихами учит нас именно этому».

Как горько тогда было встретить в её стихах такие грустные слова, как: «*Наш род угас... О, нет печальней рода! / Я – песня-плач Абинского народа*». Оттенки этой горькой песни сохраняются в творчестве Тайаны и сегодня, и это говорит о том, что национальные особенности шорского народа – его язык, песни, обряды, традиции – продолжают исчезать, унося свои неповторимые народные черты в прошлое. Лучшие стихи Тудегешевой ориентированы как раз на сохранение национальной самобытности своих земляков, на спасение от исчезновения уникальной шорской поэзии и культуры, а по большому счёту – и души самого шорского народа.

Самое лучшее в её творчестве – это уникальные, не перекликающиеся ни с чьими другими стихи о её родной Шории, о красоте и самобытности этого удивительного края, о здешних людях, цветах, птицах, лосях, медведях и всем том, что её с детства окружает и что она пытается сохранить своими замечательными строчками. И читая, к примеру, стихи о родном селе поэта Усть-Анзасе, которое прекрасно, как само сердце Шории, начинаешь ощущать, что Тайана Васильевна Тудегешева – это не просто автор удачно срифмованных строчек, но по-настоящему большой поэт, чьи стихотворения навеки запечатлевают в себе красоту и богатство родного края.

Поэтическую неповторимость творчества Тудегешевой обеспечивают не столько её литературные поиски и использование новых поэтических приёмов, сколько дыхание в её строчках живого таёжного ветра, звучание птичьих голосов и долетающих к нам из-за горных хребтов незабываемых шорских песен. Я бы без преувеличения сказал, что Тайана Тудегешева – национальный летописец души шорского народа, и что она – поистине Народный Поэт Горной Шории, даже если такого звания пока ещё не существует. Но кто сказал, что такого звания никогда не будет?

Ритмы стихов Тайаны Тудегешевой стучат, словно живое сердце самой Шории, а значит, оно когда-нибудь всё-таки будет услышано её прекрасным и могучим народом...

Москва, 2017 год

Анатолий Сазыкин

ГЛОТОК СВЕЖЕГО ВОЗДУХА

Поэзия Татьяны Тудегешевой, как совершенно справедливо отметил во вступительной статье к сборнику её стихотворений «Небесный полёт девятиглазых стрел» секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов, – «это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам народной

культуры». Идёт по этой тропе лирическая героиня поэта, живущего сегодня, сейчас, и это придает её стихам, при всей их мощной исторической, народной первооснове, такие индивидуальные черты, которые хочется выделить и осмыслить.

В стихотворениях Тайаны Тудегешевой отчётливо звучит голос истории, но не в её конкретных – узнаваемых или называемых – событиях, а в её вечном дыхании, которое так чутко и индивидуально воспринимает душа поэта. Отсюда осязаемое преобладание в стихотворениях сборника общего, родового, иногда даже вселенского – над личным, повседневным, бытовым. Дыхание прошлого воспринимается поэтом трагически, в стихотворениях отражена трагедия малого ныне, но некогда сильного и славного народа, верной дочерью которого чувствует себя и является лирическая героиня. Этим создано несколько необычное для лирики соединение остроты, обнажённости личного переживания с судьбой своего народа в общем ходе истории.

Как подчеркивает исследователь шорской литературы Г.В. Косточаков, по представлению и ощущению Т.В. Тудегешевой, древнетюркская эпоха – «это эпоха высшей доблести древних тюрков, их всемирной власти (походы Чингисхана), общего единства и семейной тёплой спаянности, пика культуры и обычаев». Для автора эти понятия не столько исторические и этнические, сколько эстетические: они олицетворяют самые лучшие людские качества воинов, мужчин, отцов, братьев. Современный шорский народ мыслится прямым потомком тех древних тюрков. Г. В. Косточаков считает, что в стихотворениях Тайаны Тудегешевой сливаются два типа поэтической интонации: тональность одическая, прославляющая прошлые героические века тюркских народов, и тональность элегическая, выражающая горькое сожаление о прошедших эпохах.

Сборник стихотворений «Небесный полёт девятиглазых стрел» (2007) содержит следующие разделы: «Сквозь столетий туман», «Думы-караваны», «Листва времён», «Нежность ветвей», раздел стихотворений на шорском языке и два небольших добавления: «Из шорского фольклора» и «Песни».

Первый раздел содержит стихотворения, более всего отражающие национально-историческую тематику. Одним из самых ярких, самым концентрированным выражением авторского чувства, является стихотворение «Род Аба». Это короткое звучное слово, многократно повторенное в стихотворении, звучит как колокол памяти о былой славе предков и вечной печали. Энергия этого стихотворения достигнута высочайшим напряжением авторского чувства: гордостью, силой и славой далеких предков и горьким чувством сожаления об их гибели. Сплав пафоса героики и трагизма передан чётким ритмом. Стихотворение наполнено краткими двустопными (только предпоследняя строфа, содержащая наибольшее эмоциональное напряжение, увеличена до четырёх строк). Чётко выдержан размер – четырёхстопный ямб, только в отличие от обычного для этого размера чередования мужских окончаний с женскими здесь все окончания стихотворных строк – мужские (кроме первого и последнего двустопных), что придаёт всему стихотворению мужественное, суровое звучание.

Естественно, что свою роль в стихотворении играет его лексика, ключевые слова которой – «пыль», «стрела», «конь», «алып» (богатырь), «кровь» и т. п. Особенно выразительна предпоследняя четырёхстрочная строфа стихотворения, в которой троекратным ударом колокола звучит слово «Аба», и за каждым ударом ассоциативный ряд – высокий и светлый полдень, холодное дуло у виска, стихшая песня. А первое и последнее двустопия предельно коротки и афористично передают сущность авторского «я».

Я – дочь, я ветвь абинского народа...

Я – песня-плач абинского народа.

В этом фольклорном образе «песни-плача» – вся суть авторской позиции в сборнике. Суждение о слиянии трагической и элегической тональности абсолютно справедливо по отношению к первому разделу сборника «Сквозь столетий туман».

Название второго раздела сборника «Думы-караваны» сразу рождает ассоциацию с бесконечным неторопливым движением верблюжьих караванов, чей путь пролегал когда-то, согласно легенде, и у

подножия горы Мустаг. Основное содержание этого раздела – авторские раздумья о природе, о родных местах, о времени и человеческих судьбах, о родных людях. Автор мысленно обращается к бабушке, деду, отцу, матери, дяде, сыновьям, таёжным кедрам, горам Мустаг и Айган, – и в этих раздумьях (думах-караванах) выходит к осмыслению законов бытия, таких простых и таких непостижимых.

При широте тематики стихотворений этого раздела доминирует тема природы. Природа – насквозь живая, вечная, меняющаяся, она своего рода «кладёз памяти, какое-то глобальное сознание, которое хранит в себе человеческое прошлое».

В стихотворениях, раскрывающих преимущественно тему природы, возникает органичное соединение двух контекстов: легенд и преданий шорского народа и русской натурфилософской поэзии. Очень хорошо видим мы это, например, в одном из стихотворений раздела «Думы-караваны» – «Пытайся – и поймёшь».

Поняв великую Пустоту,
Разомкнёшь вечный круг жизни,
Поймёшь необъятность сознания,
Космическую необъятность творения.

«Пустота» здесь – это метафора той вечной тайны природного бытия, «застывшей в хаосе грёз и образов», что стоит в глубинах Пространства и Времени. Постигнуть её можно лишь «слившись с духовной гармонией, победив материальный дух». Только тогда ты «поймёшь необъятность сознания, космическую необъятность творения». Прикосновение к этой тайне возможно лишь через поэзию. Лирика Тайаны Тудегешевой – это лирика состояния души, и природа сочетается у неё с природностью человека. Вспомните, например, в такую миниатюру.

ТЁМНАЯ ВОДА
Озеро лесное, тёмная молва.
Плавает по озеру жёлтая листва.

Солнце не гостит здесь –
сумрачно всегда,
И луны не знает тёмная вода.
Тёмная пучина, тёмные года...
Сломанную ветку приюти, вода.

Как органично соединились здесь тайна скрытого уголка природы, озера лесного, и какая-то смутная тайна души. Первая строка, в которой неожиданно соединились слова из разных сфер бытия, природной и человеческой, «озеро» и «молва», перекликается с пятой, где «пучина» относится уже меньше к воде, а больше к «тёмным годам»; и тогда уже «сломанная ветка» – метафора судьбы. И строка «солнце не гостит здесь – сумрачно всегда» в равной мере характеризует и озеро, и сломанную тёмной молвой судьбу.

Или ещё такая миниатюра, проще и логичнее первой, но также выражающая единство природного и человеческого:

Ты ушёл. Всё так же пели птицы.
Сквозь листву весёлый свет струился.
Ничего не изменилось в мире...
Жизнь моя травинкой надломилась.

Лирическая героиня Тудегешевой слышит эти голоса природы и воспринимает их в соответствии с духовной традицией своего народа, его вековой историей и законами природного бытия. Эти незыблемые законы пронизывают и определяют быт, человеческие отношения, моральные нормы, весь жизненный уклад. Конечно, душа лирической героини полна горькими сожалениями, вызванными разрушением этих вековых норм и ценностей. Но она отнюдь не намерена оставлять их – эти нормы и ценности – только далекому прошлому; она утверждает их как ценности вечные, непреходящие, незыблемые для человеческой души.

Ценнейшим качеством лирики Тайаны Тудегешевой и поэзии вообще, основой поэтической образности является метафоричность

поэтического мышления. В поэтической метафоре явления жизни, на первый взгляд вроде бы далёкие друг от друга, не только сближаются, но даже приравниваются одно к другому, образуя, по мысли Е. Эткинда, как бы систему зеркал, позволяющую видеть скрытые стороны этих явлений. Сопрягаемые явления, отражаясь друг в друге разными гранями своими, объясняют друг друга. Происходит это в творческом сознании поэта и становится главнейшим способом выражения его мировидения.

Особенностью поэтического мышления Тудегешевой является её сосредоточенность на мире природы, что и позволяет ей душевное состояние человека передать через поэтические метафоры, связанные с природой. Очень показательно в этом отношении одно из стихотворений раздела «Думы-караваны» – «Бабушка в лучах июня».

Ключевой образ стихотворения – вино – прост, неоригинален и кем только не воспет. Но вбирает в себя столько чудес природы – «в час дивный священнодействия», такую высоту и чистоту неба, трав, солнца, таёжных родников, душистых рос. Секрет-то ещё в том, что метафоры эти органичны, естественны, рождены больше сердцем, чем умом. Они и воспринимаются даже не как метафоры, не поражают оригинальностью, но влекут за собой шлейф жизненных ассоциаций, связанных с миром природы и души. Да ещё и соединено это состояние души с памятью о давно ушедших годах детства и святым для всякого ребёнка человеком – бабушкой.

Невольно возникает ассоциация с так называемым примитивизмом в живописи, когда на картинах видишь самые обыденные предметы, существа и явления, но генетическая память наполняет их вечным смыслом. Выражение души в этих стихотворениях далеко от примитивности – это душа, прикоснувшаяся к вековой мудрости природы и человека, «воспитанного природой суровой» (Н. Заболоцкий).

Суждение Геннадия Косточакова о двух интонациях совершенно справедливо по отношению к двум первым разделам этого сборника. Тональность элегическая окрашивает многие лучшие стихотворения раздела «Думы-караваны»: «От священной земли», «Письмо в мир закатов», «Только здесь», «Кедры мои печальные», «Ветер Муста-

га», «Когда-то» и другие. Но уже в рамках этого раздела начинает складываться иной тон, который по мере дальнейшего развития авторской мысли в сборнике будет становиться всё более для него характерным, – тон эпический, гораздо более плодотворный творчески. Основные признаки его – это, во-первых, принятие жизни во всех её противоречиях и сложности, и, во-вторых, выдвижение на первый план не собственно авторского лирического «я», но сознания всё более общего, соборного, когда частное, даже повседневно-бытовое, обретает внутренний бытийный смысл.

Примеры этого тона видимы и в уже рассмотренном стихотворении «Бабушка в лучах июня», и в таком очень значительном стихотворении этого раздела, как «Предчувствие».

Мы в сытости и лени равнодушной
Порой не помним Божьего лица,
Но сквозь провалы лет и мрак бездушный
Идёт к нам Дух небесного отца.
Являясь через дымку сновидений
И зыбких миражей туман седой,
К нам вестником слетают зыбко тени,
Приходят и уходят чередой.

Любой внимательный читатель заметит, что в стихотворениях Тудегешевой нет ни слова о современности, её проблемах и суеде. Но это вовсе не потому, что она живёт в общественном вакууме и реальная жизнь её не задевает, а потому, что окружающая повседневность не рождает в её душе поэтического отклика и творчески ей не интересна.

Но вот вопрос веры, Бога в душе человека, который всегда был вечным, а нынче невероятно обострился вследствие скатывания современного мира в бездну потребительства, корыстного расчёта, полной бездуховности, находит отклик в её творческом сознании. Это стихотворение – «Предчувствие», не заостряя никакой полемики, зовёт к внутреннему духовному самоуглублению и утверждает вечную

вневременную истину: «Бог никого в любви не отодвинет, / Коль в душах вера есть и чистота». Это естественный закон народного бытия, порождённый и природой, и историей человеческого развития.

Столь же естественным проявлением законов бытия является в творчестве поэта тема земной любви, раскрываемая в третьем разделе сборника «Листва времён». Центральными стихотворениями этого раздела являются «Весенняя песня», «Летний урожай», «Осенние раздумья», «Зимняя ночь». В соответствии с жизненной философией шорского народа, а по большому счёту и с философией любого народа, жившего и живущего трудом на земле, в единении с природой, основные циклы природного бытия и основные периоды жизни человека абсолютно совпадают. В природе это: весна – лето – осень – зима. В жизни человека: молодость – зрелость – старость, подведение итогов – и окончательное увядание. Вот этот универсальный закон природного и человеческого бытия, основы которого – труд и любовь, лирически осмыслен и выражен в этом тетраптихе. Объединяют эти четыре стихотворения образ возлюбленного (эркем – *шор.* – милый, дорогой, возлюбленный) и образ поцелуя как высшего проявления любви. Они композиционно закольцовывают каждое стихотворение. А содержание каждого из них – это раздумье о торжестве природы, любви и труда.

В каждом стихотворении развёртываются метафорические ряды, создающие психологические параллели между повседневными событиями жизни природы и человека и состояниями души и природы. Эти метафоры и сравнения, как всегда у Тудегешевой, только из мира природы, они предельно просты и органичны. Весна – время расцвета сил природы и души, время любви и цветения.

Посмотри: в платья свадеб опять облеклись
Цветы, как невесты в день судьбоносный.
Хмель проснулся, стебли его переплелись,
Обнялись тесно, словно пары влюблённых.
Между скал побежали вприпрыжку ручьи
С гор небесных, песням любви звонко вторя...

...Мы с тобой выпьем остатки слёз дождевых
Из пиалок цветов-медуниц пьянящих,
И наполним души пением солнечных птиц,
И пойдём, вдыхая ароматы ветра,
К реке жизни... О, как тороплива она!..

Затем – лето:

...вот и лето пришло,
Наступили дни сбора жатвы – итогов.
Наш весенний посев завершил свою жизнь,
Созрев от жара любви солнца к природе...
...Так же зёрна счастья собирает душа
Из семян твёрдых верности бескорыстной –
Те, которые всласть посеяла любовь
В сокровенной глубине двух сердец пылких...

«Осенние раздумья» сопряжены с горечью от осознания неизбежности увядания сил души и природы, когда «слёзы радости давно уже высохли до дна» и «с гор дышит холод, идёт в низину, / где впервые мы поцеловались с тобой». Но душа, подобно «соку спелых ягод, скрытому от глаз в берестяных туесах», «золотых веков мудрость прячет, / превращая память былого в мечты».

Последняя ступень – зимняя ночь – полна глубокого трагизма:

Эркем! Будь со мной рядом, всегда будь рядом.
Не давай дыханию ветров ледяных
Разлучить утомлённые сердца наши...
...Подбрось же в огонь дров, друг жизни моей.
Ведь он скоро погаснет в ночи беззвёздной...
...Вижу: соки годов глаза отягчили,
Потому тихий мрак хочет нас победить.
Огонь гаснет, скоро скроет пепел...

Меркнет жизни светильник, навек уходя.
Обними меня жарко, прежде чем сон обнимет,
Поцелуй жарко... Снег уже победил
Всё вокруг... кроме твоего поцелуя.

Вот такая лирическая повесть в четырёх стихотворениях о красоте жизни и труда, о неизбежности смерти и бессмертии любви. Авторская позиция в ней глубоко народна, стиховая интонация раздумчивая, говорная, изливается как единый свободный поток, не делимый на строфы. Говорная интонация стихотворений достигнута тем, что стихотворный размер в них преимущественно трёхсложный, позволяющий передать неторопливость развития мысли, отсутствие экспрессии. Концевые ударения в строках – это обычная каталектика, т. е. ненарушаемые чередования мужских и женских ударных окончаний. Отсутствие рифмовки вызвано тем, что автор предпочитает не внешнюю зарифмованность строк, а их внутреннюю смысловую сочетаемость. Всё это и создаёт неторопливый разговорный ритм стихов, что, кстати, очень характерно и для многих других стихотворений Татьяны Тудегешевой.

Раздел «Нежность ветвей» раскрывает совершенно удивительный по чистоте и органичности образ лирической героини. Сочетается это очарование с внутренним благородством, преданностью, готовностью на полное самоотвержение ради любимого человека.

Для тебя, Эркем, я опорой буду,
В грозный час тебе я стрелою буду,
А в лихом бою я колчаном буду;
Если ранит враг, я бальзамом буду,
В час веселья, в той, я комузом буду.
Станешь нищим ты – я сумою буду.
Если ты умрёшь – я землею буду.

Но это отнюдь не рабская покорность и безгласная преданность. Они сопряжены с сознанием роковой силы своего внутреннего обаяния.

Не смотри на меня, глаз моих не ищи:
Взгляд мой – омут в тиши иль луна, что в ночи.
Заглядишься – утонешь, иль уйдешь, как шальной,
Заплутаешь в тайге, сбитый думой хмельной.
Ох, боюсь я разжечь пламя в сердце твоём.
Ведь мы можем сгореть в том пожаре вдвоём.

И в то же время она по-женски слаба, хрупка и нежна:
Ты ушёл. Всё так же пели птицы,
Сквозь листву весёлый свет струился.
Ничего не изменилось в мире:
Не обрушился ни град, ни ливень...
Жизнь моя травинкой надломилась.

Расставание с любимым – это, конечно, драма. Но это не драма, вызванная личной обидой или уязвлённым самолюбием, а драма нарушения общего неписаного закона природы.

Как странно: без тебя, а жизнь не умерла.
И даже реки вспять, спеша, не развернулись.
Всё так же день сменить спешит ночная мгла,
Всё так же о любви поют перепела,
А мы с тобой... Зачем же мы простились?
Как странно: ясный день, а в душу грянул гром,
И в сердце сотни молний иглами вонзились.
Смотри: две птицы прочертили небосклон,
Ликуя, растворились в небе голубом,
А мы с тобой... Зачем же мы простились?

В наше время, по слову Н. Рубцова, «среди тревог великих и разбоя», когда так оголтело девальвируются ценности любви, семьи, труда, естественных радостей и ценностей жизни, поэзия Татьяны Тудегешевой – это поток чистой родниковой воды, таёжного возду-

ха, духовной красоты, это соединение чувства и мысли, это голос высокого таланта человечности.

Пятый раздел сборника – «Откровения шаманки» – более всего пронизан национальным колоритом. Большая часть его стихотворений – это поэтические переработки шорских национальных преданий, легенд; не напрасно автор ведёт в них повествование как бы от лица главного хранителя природных и человеческих тайн. Для автора шаманка – это, конечно, реальный персонаж шорского быта и истории, но самое главное всё-таки – это поэтический образ – символ духовного всеведения и всевидения, духовной власти над силами и добра, и зла, и этим очень близкий, даже тождественный поэту-пророку (если вспомнить русскую поэтическую традицию). В одноименном стихотворении, открывающем этот раздел, мысль эта выражена очень отчётливо и ярко:

Сердцем чую, что ветра рисуют
На страницах вод, в тиши уснувших;
По лицу небес – что тучки пишут;
Тёмных рун читаю откровенья.
Соловьиных трелей сладкозвучных
Смысл божественный, дивясь, постигла;
Суть цветов понятна, их дыханье –
Добрый дух живёт в них вездесущий.
...Ночь. Костёр. И я с шаманским бубном
Вызов силам аспидным бросаю.

Антропоморфизм природных явлений свойствен вообще любому фольклору. Поэт из этих бездонных источников народных преданий черпает не только красоту и поэтичность художественных образов, но и, конечно же, прикасается к таким тайнам бытия, над которыми по самонадеянности и слепоте душевной можно сколько угодно иронизировать, но волновать человеческое воображение которые никогда не перестанут.

Вот такая, например, природная зарисовка с несомненным философским и нравственным подтекстом в стихотворении «Человек! Не тревожь...»:

В горах над тайгой –
Ключья тумана бродящие:
Это мёртвые души, места не находящие.
Привидениями молча передвигаются,
В нелюдимых чащобах
Безутешно слоняются.
Не прощённые, отцом не благословлённые,
Материнской прощальной слезой
Не окропленные,
Души павших в тайге от жестокого холода,
Души в чащах заблудших и погибших от голода,
Диким зверем сражённых
И угасших от раны,
Очага не нашедших, погребённых бураном...
Человек! Не тревожь
Бесприютные души тумана.

Строки о душах, «павших в тайге от жестокого холода», душах, «в чащах заблудших и погибших от голода, диким зверем сражённых и угасших от раны, очага не нашедших, погребённых бураном», помимо прямого смысла имеют ещё и несомненный метафорический смысл, даже если их воспринимать вне контекста нашей не такой уж давней истории. А если ещё и в этом контексте, связанном с ГУЛагом, то это вообще реквием. И снова обратим внимание на поэтическое мастерство в этом стихотворении. Формально оно на строфы не разбито, отделены лишь последние строки, обращённые к человеку. Но синтаксически и по смыслу в нём три строфы: две коротких, называющих ключья тумана над тайгой душами умерших, и третья, многострочная, раскрывающая глубинный трагический смысл этого образа. Зато строфы эти разбиты на отдельные самостоятельные строки, тем самым они выделены в самостоятельные смысловые, значимые единицы. Эти строки и слова становятся ударно выделенными и делают ритм стихотворения соответствующим теме: не напевным, не маршевым, а замедленно-сосредоточенным, чему способствует и чередование удар-

ных окончаний не мужских с женскими, а в основном дактилических с женскими и, реже, с мужскими. Мужественное и траурное звучание, подчеркивающее тему.

Столь же метафоричен смысл и стихотворения «Сухостой». В мире природы – это безжизненные пустоши, возникающие в живом океане тайги по каким-то неведомым причинам, своего рода проклятые места. Это образ – символ вселенского экзистенциального зла, которое отторгается природой, но приемлется и даже используется человеком:

Нет и птиц, и зверь, таясь во мгле тумана,
Не проложит след в лесу гнилом.
Волк, в глухую ночь застигнутый бураном,
Обойдёт петлёй зловещий сухостой.
Содрогаясь, месяц взглядом опустелым
Спешно поутру проложит тайный путь.
И мгновенно Некто в чаще помертвелой
Всё вокруг замкнёт капканом в мрачный круг.

В русской поэзии изображено такое создание природы, к которому «и птица не летит, и тигр нейдёт, лишь вихорь чёрный на дерево смерти налетит и мчится прочь, уже тлетворный» – в «Анчаре» великого Пушкина. Подчеркну: это не подражание Пушкину и не под влиянием Пушкина. Это совсем другой образ из другой национальной традиции. Сближает их лишь глубочайшее, интуитивное, в этом случае «шаманское», чувство присутствия в мире зла и смерти.

Но и в ощущении полноты жизни, её тепла, красоты и очарования Т.В. Тудегешева находит образы, рождённые глубочайшим родством с природой и народной поэтической традицией. Образы эти не поражают оригинальностью и особой вычурностью, зато наполнены глубиной и силой поэтического обобщения, как, например, в стихотворении «Цветок».

Цветок – это слово живое,
Язык говорящей природы.

Лелея, его породили
Четыре всеильные стихии:
Носила зима в чреве крепком,
Весна родила молодая,
Взрастило богатое лето,
Баюкала тихая осень.
Расцвёл он на радость влюблённым –
Венец ликованья на свадьбе!
И дар человека живого
Покойному – перед уходом.

Эта устремленность в глубину бытия вообще характерна для стихотворений Тайаны Тудегешевой. Основной пафос её творчества в утверждении красоты и полноты жизни при всей её сложности, драматизме и даже трагизме. И в утверждении бессмертия культурного наследия каждого народа. Пока жива культура – жив народ.

Всех прощаю, ведь все мы не вечны,
Все уйдем – путь у каждого свой.
Только песни, они бесконечны,
В них останусь я вечно живой.

Тайана Тудегешева-Каньштарова

АВТОБИОГРАФИЯ

В семье воспитывались шестеро детей: четыре сестры и два брата. Мои родители: отец – Каньштаров Василий Васильевич, мама – Бельчегешева Мария Михайловна. На биографии отца останавлиюсь подробнее. С годами острее начинаю понимать, что наибольшее влияние на воспитание нас, детей, оказал отец, в большей степени он зажёг во мне огонь творчества своей непростой и содержательной жизнью. Мама тоже была интересным и необычным для того времени человеком.

Отец родился в 1915 году в одном из древних абинских (ныне шорских) аймаков – Учале Кузнецкого уезда. Своего отца он помнил смутно. Ему рассказывали, что он погиб во время гражданской войны. Мать моего отца умерла не то от тифа, не то от голода. Осиротевших братьев и сестёр распределили по разным детдомам, а отца моего взяла на воспитание родная бабушка Майе-апиче, когда ему было лет шесть.

В минуты откровений отец рассказывал, что старенькая бабушка Майе-апиче его очень жалела, оберегала как могла и что, благодаря ей, у него в памяти сохранилось множество сказок, легенд, отрывков из сказаний, рассказов о прошлом. И с грустью добавлял, что только она ласково его называла именем Пача, Паче и что больше никто на всём белом свете так уже его не назовёт. Когда бабушки не стало, отца определили в детдом. Моя память не сохранила, как дальше у него сложилась судьба. Только помню, что раза два в жизни, он скупно сообщил о том, что когда-то писал стихи. Но меня до сих пор удивляет то, почему отец именно ко мне, маленькой девочке, обращался с просьбой со словами: *«Кызым, т.е. дочь, когда ты вырастешь, поедешь в город, то поищи мои стихи. Я не знаю, где они сохранились. Может быть, в Кузедеевском музее найдёшь, если они там есть»*. Повзрослев, я съездила в пос. Кузедеево, но оказалось, что никакого музея там нет. Прошло много лет. Я уже забыла об отцовской просьбе, да и его давно не было в живых.

Как-то в 1992 году знакомые девушки уговорили зайти в педагогический институт на кафедру шорского языка и литературы, сообщив мне о том, что профессор Андрей Ильич Чудояков организовал шорский фольклорный ансамбль и что там ведётся изучение шорского языка. В институте, когда я туда пришла, мне пояснили: кто приходит впервые, с теми Андрей Ильич проводит собеседование. Когда он стал меня расспрашивать о фамилии, родителях, то, услышав ответы, удивлённо спросил, не являюсь ли я дочерью Каныштарова Василия Васильевича, стихи которого, наряду с другими молодыми писателями, опубликованы в шорском сборнике 1930-х годов? Я ответила: это мой отец. Затем Андрей Ильич сообщил, что дети других авторов этого сборника затерялись во времени и что больше никого он не может

найти. Таким образом, случайно, почему-то мне из всей семьи повезло найти стихи отца. Может, это судьба, а может, мистика.

Позднее, кроме стихов, опубликованных в поэтическом шорском сборнике «Кызыл Шор» 30-х годов XX века, мы нашли стихи отца в «Шорском фольклоре» Н. Дыренковой. Похоже, что писал он только на шорском языке. По содержанию стихи просты и бесхитростны, в основном о колхозе и Советской власти, в которую он свято верил, будучи коммунистом. В 30-е годы отец работал корректором газеты «Кызыл Шор», сохранилось несколько фото того периода и ксерокопии с фотографий, находящихся в краеведческом музее Новокузнецка. В период закрытия Горно-Шорского района одновременно закрыли редакцию и всех сотрудников распределили неизвестно куда. Отца направили в глушь, в таёжную часть Горной Шории на ликвидацию безграмотности шорского населения. В каких аймаках-селах он только ни работал по «приказу» компартии: и в Чилису-Анзассе, и в Усть-Анзассе, Усть-Челее, Парушке и т.д.

В то время чуть ли не каждый год учителей, скорее всего, не переименованных в семьи, перераспределяли в разные сёла, чтобы не засиживались на одном месте. Отработав много лет в разных аймаках, отец создал семью, женившись на Бельчегешевой Марии Михайловне, моей матери. Всю жизнь отец посвятил просветительской деятельности, работая то корректором, то учителем, то директором школы. Общий педагогический стаж его составляет более 40 лет. Основная часть родственников отца были грамотными, просвещёнными людьми, несмотря на повсеместную малограмотность шорского населения в тот далёкий период. Ситуация с грамотностью была намного сложнее в таёжной части Горной Шории.

Интересная особенность рода Каныштаровых, принадлежащих роду Аба: большая часть представителей отцовского рода отличались высоким ростом, включая женщин. По преданиям старшего поколения родных по отцовской линии, в том числе по рассказам отца, из поколения в поколение переходила не то быль, не то легенда о том, что предки рода Каныштаровых ведут своё начало от ханской династии. Может

быть, это был, превратившаяся в бесчисленных столетиях в легенду. Или же в этой информации сокрыта истина, которая из глубины веков дошла до наших времён. В любом случае, слово «Кан» в переводе с тюркского, в данном случае с шорского, означает «Хан». Слово «каныштар» – наследие хана. В ногойском эпосе однажды мне встретились такие слова: «Канышым, такта!», т.е. «Принцесса, остановись!», – просит слуга, догоняя умчавшуюся на скакуне далеко вперёд свою хозяйку. <...> И по настоящее время остатки представителей рода Каныштаровых (фамилия редко встречающаяся) посвящают свою жизнь образованию, педагогической деятельности, что отражено в историко-биографическом атласе «Учительские династии Кузбасса», выпуск 2, Кемерово 2004 год, где мой отец возглавляет учительскую династию Каныштаровых трёх поколений.

Мои собственные воспоминания об отце больше хорошие, хотя он был строг по отношению к нам, детям, но через сдержанность чувствовалась скупая отцовская любовь. Когда родители ждали моего появления на свет, отец хотел сына, а родилась дочь, то есть я. По их нередким воспоминаниям, день моего рождения, особенно для моей мамы, был непростым. Дело было так. Накануне маминых родов отец уехал в город Таштагол на учительскую конференцию. Наша семья в тот период времени жила в аймаке Усть-Анзасс. Моя мама, будучи беременной на последнем месяце, взяв пустые нарты, пошла на вершину горы Ак-кая за дровами. Загрузив, она начала спускаться вниз с горы, тянула за собой нарты с дровами, но внезапно начались предродовые схватки. Одновременно закружила, завьюжила снежная метель с завыванием ветра. Деревья качались, а снег заметал торную тропу. Мама вспоминала, что ей стало страшно от мысли, что она может не успеть возвратиться домой, заблудившись, родить в тайге и погибнуть. Но, видимо, Небо милостливо было к ней. Она еле шла, местами пришлось ползти, но добралась до дома. Несколько суток, пока мама мучилась в предродовых схватках, снежная метель завывала и билась в окна. Мама удивлённо вспоминала, что метель внезапно утихла в момент моего рождения на свет. Это было 19 ноября 1957 года в аймаке Усть-Анзасс.

Когда отец возвратился из города и узнал, что у него родилась дочь, а не сын, то огорчённо произнёс: «*Буду воспитывать дочь, как сына*». И сдержал своё слово. Из всех детей он чаще всего поручал мне ответственные дела в домашнем хозяйстве. Я же изо всех своих девичьих сил старалась оправдать отцовское доверие. Теперь, с высоты прожитых лет, начинаю понимать, что именно те трудности, преодоленные в детстве, помогают мне в жизни выдерживать самые сложные испытания. Например, он поручал седлать, запрягать, арканить коней, ухаживать за ними. Мне нравились конные скачки, играть с мальчишками «в войну». Однажды потерялся наш заарканенный конь. Вся семья наша, встревоженная, поочерёдно искала его по всем окрестностям тайги, но безуспешно. Тогда отец сказал, обратившись ко мне: «*Кызым, я знаю, что только ты сможешь найти коня*». Поняв, какая ответственность возложена на меня, я молча решила про себя: чего бы мне не стоило, нужно оправдать высокое доверие отца. Взяв в одну руку узду для коня, а в другую хлеб с солью, пошла на высокий пригорок. Окинула взглядом синеющие горы, всматриваясь поочерёдно на все четыре стороны света, вслушиваясь в тишину, в шорохи ветра... Затем решительно направилась по логу, в гору, сама не зная, почему избрала именно то направление. Изучая следы, травы, листья, принимаясь к запахам воздуха, слушая свой внутренний голос, перевалила две вершины горы и обнаружила запутавшегося арканом вокруг кедра коня. Он настолько исхудал, что рёбра выпирали из-под кожи. Земля вокруг кедра была голой, изъеденной, без травы. Одна передняя нога была отёкшей от врезавшейся верёвки. Конь косился на меня глазами, полными страдания. Обняв его за шею, я гладила, разговаривала с ним и горько плакала, понимая обречённость коня. Я освободила коня от аркана, и мы медленно поплелись с ним по обратной дороге домой. Уже смеркалось. Когда, перевалив одну вершину горы, мы стали спускаться со второй, я услышала голоса отца и мамы. Они громко кричали, звали меня, шли навстречу, обеспокоенные долгим отсутствием. До сих пор остаётся загадкой, как они поняли, что меня нужно встречать точно в этом направлении, а не в ином, ведь никто не видел мой уход

в горы. Конь позже погиб. Из его коленного сустава выползали черви, несмотря на лечение. Чтобы прекратить мучения коня, отец застрелил его из ружья. Это была моя первая в жизни трагедия, утрата, шрамом оставшаяся в памяти. В те печальные для нашей семьи дни я впервые ощутила дыхание смерти, хрупкость и невечность жизни.

Интересен ещё один штрих к портрету моего отца. Помимо основной профессии педагога у него было страстное увлечение – разведение пчёл. Держал всегда не больше 13 – 14 пчелосемей. Несколько односельчан тоже держали пчёл, но для финансовой поддержки своих семей. Они продавали мёд на базарах (ныне на рынках), что приносило им неплохой доход. Но отец категорически отказывался продавать на базаре мёд, несмотря на то, что наша многодетная семья жила бедно. Не хватало денег на одежду, обувь и прочие расходы, но еды было вдоволь, так как в домашнем хозяйстве содержали коней, коров и т.д.

Увлечённый разведением пчёл, отец выписывал по почте множество всевозможных журналов, книг, газет, в том числе и по пчеловодству, что вело к ощутимым денежным расходам при скромной учительской зарплате. Начитавшись, изучив новые научные открытия в области пчеловодства, он вдохновенно экспериментировал, вводил новшества, бывало, ошибался. Иногда и меня привлекал в помощницы, так как видел, что я не боюсь пчёл. Доверял снимать пчелиные рои. Однажды в результате его очередных экспериментов погибли все пчёлы, но он не разочаровался, а закупил их заново. Когда появлялись излишки мёда, он принципиально не возил их на базар, а если кто-то и просил продать мёд, то продавал строго по государственной закупочной цене, которая на тот период времени была такой: 1 кг мёда стоил 2 руб. 20 коп., а «базарная» цена – 4 руб. 40 коп. Приобретать мёд по дешёвой цене к отцу приезжали даже из других сёл. Мама пыталась иногда вразумить отца, напоминая ему о том, что его дети «разуты – раздеты», а он «дешевит». От маминых слов отец морщился, как от зубной боли, отвечая ей, что он коммунист и не будет наживаться за счёт других людей. Я не думаю теперь, что он был равнодушным отцом, и понимаю, как ему нелегко было: по одну сторону было его ми-

ровоззрение, основанное на совести, принципах коммуниста, по другую – семья со своими материальными проблемами.

Прослышав о такой «чудной принципиальности» школьного учителя из села Сётуг, летом к отцу из поселка Спасск (в то время там находился аэропорт) прилетели лётчики на вертолёте закупать флягами мёд. Но продажа мёда по госцене не приносила нашей семье ощутимого достатка, и мы по-прежнему жили бедно. Возможно, эта ситуация усугублялась ещё и тем, что наш дом стоял у самой дороги, ведь, как гласит русская поговорка: «У дороги жить – бедным быть». Теперь-то я понимаю, отчего родилась эта поговорка. По неписаным обычаям шорского гостеприимства гостям – путникам нельзя было отказывать в еде и ночлеге. А так как вокруг стояла глубокая тайга, люди на конях, пешком, преодолевая большие расстояния по труднопроходимым, многокилометровым тропам, заходили к нам в дом на огонёк. Передохнув, обогревшись, а где и заночевав, продолжали дальний путь. Может быть, родителям непросто было жить из-за частых гостей, но нам, детям, было интересно. Когда долго не было гостей, я выходила на улицу, мысленно молила и ждала их.

Путники, приходя к наш дом, беседовали с родителями, рассказывали новости, делились своими горестями и радостями. Рассказывали легенды о разных происшествиях и случаях, а в особо мягком расположении духа пели печальные песни, печальные и тягучие, как и сама жизнь. Сидя за тонкой перегородкой комнаты, (сидеть рядом со взрослыми не разрешалось по шорским обычаям) и слушая их песни, я нередко плакала и грустила вместе с ними, сама не зная, отчего. Очень часто люди нашего села, тогда ещё многочисленного, будучи малограмотными или не знающие никакой грамоты, приходили к отцу за советом, за составлением всевозможных актов, заявлений, договоров. Мне нравилась эта малопонятная для меня оживлённая жизнь. Для нас, детей, в тот период, когда не было телевизоров, магнитофонов, компьютеров, встречи с людьми были дополнительным познанием мира.

С самого раннего нашего детства отец стремился, чтобы мы знали больше не только о своей Родине, но и о других странах, их обитателях.

Когда он был в добродушном настроении, мы, будучи ещё малышами, просили, чтобы отец нам воспроизводил голосом рык льва или тигра. Когда он рычал, мы радостно смеялись и просили его ещё что-нибудь рассказать об этих зверях и других. Мы ещё были малыми детьми, но знали все планеты нашей Вселенной, так как родители, чтобы закрепить наши знания, наделяли домашних животных кличками – названиями планет: бычок Марс, Плутон, Юпитер, телочка Венера и т.д. Я свято верила в то, что мой отец знает всё на свете. Тогда ещё я не была знакома с выражением мудреца: *«Чем больше я знаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю»*.

С теплотой вспоминаю зимние вечера, когда мы всей семьёй, каждый со своей книжкой, усаживались за стол и читали. На столе горела керосиновая лампа. Электричества не было, да и по сей день в том селе нет электрического света. Мы порой толкали друг друга, чтобы занять более освещённое место, но как только отец бросал на нас строгий взгляд из-под очков, мы мгновенно успокаивались. Когда всей семьёй читали за столом, то в доме воцарялась какая-то особая, невыразимо уютная тишина, которая острее ощущалась в непогоду. В ночи за окнами бушевала, билась метель, а мы всей семьёй слушали тоненькое завывание ветра в печной трубе, и весело трещал огонь в очаге. И нам всем вместе было хорошо в нашем стареньком доме, – небольшом островке счастья.

<...> В 1920-х годах моего прадеда по материнской линии Отургашева Александра, проживающего в селе Усть-Кобырза, подвергли раскулачиванию и сослали со всей семьёй в Нарым за то, что в его домашнем хозяйстве имелось несколько лошадей, одна корова и швейная машинка. Родные рассказывали, что когда чекисты пришли его раскулачивать, прадед, показывая свои крупные, натруженные руки, говорил им: *«Я не держал батраков, а всё что есть, заработал вот этими мозолистыми руками...»*. Интересен факт, что по линии моего деда Бельчегешева Михаила его мама, моя прабабушка Бельчегешева Дарья, родом была из Чуваши. Оказалось, что мы близкая родня шорскому поэту Бельчегешеву Николаю Егоровичу.

Продолжая разговор о моей маме, замечу, что хотя она и была малограмотной (6 классов), но для военного и послевоенного периода

времени такое образование считалось серьёзным, большая часть сельского населения, не только шорского, но и русского, была безграмотной. Может, поэтому мама, не имея специального образования, работала метеорологом. Она увлечённо читала книги, записывала от руки в тетрадь понравившиеся ей песни и частушки. До сих пор для меня остаётся загадкой, почему у неё была потребность вести дневники жизни. Она записывала в них всё, что происходило за день, в том числе и погоду, хотя ни рассказы, ни стихи не писала. Правда, хорошо играла на гитаре и балалайке, что было модно в то время. А отец, в отличие от мамы, владел игрой на нескольких музыкальных инструментах: на фисгармонии, на баяне, на аккордеоне и на гитаре. Особенно наша семья любила в его исполнении старинный русский романс *«В дверь стучится зимний ветер, а на сердце зимний холод...»*. Я с замиранием сердца слушала песни и воспоминания родителей, и их прошлая жизнь мне казалась таинственно-загадочной, интересной, несмотря на трудные годы, выпавшие на их долю. Хотелось вернуться и оказаться в том их прошлом, но только вместе с ними.

Давно уже нет на свете моей мамы, а дневники молчаливо хранят тепло её не зря прожитой жизни, как напоминание о быстротечности времени. <...>

В разные периоды детства, возможно, вдохновлённая прочитанными книгами, отцовскими рассказами, а может, от худо-бедно накопленных жизненных впечатлений, мне хотелось стать то археологом, то «Мичуриным». Но самое смешное то, что у меня был период, когда очень хотелось внешне быть похожей на М.Ю. Лермонтова. Взяв в руки книгу с портретом поэта, я вставала перед зеркалом и, глядя на портрет, зачёсывала свои короткие стриженные волосы, чтобы было как «у Лермонтова». Благо, что у меня были кудрявые волосы, доставшиеся в наследство от отца. Загадкой для меня остаётся вопрос, почему же у меня не появилось желания быть похожей на кого-то из поэтов-женщин? Может, потому, что отец любил иногда вечерами декламировать стихи Лермонтова. Особенно талантливо у него это получалось, когда он, распробовав «медовухи», находился в приподнятом

расположении духа: «Погиб поэт, невольник чести...» произносил вдохновенно отец. Закончив стихотворение, подробно рассказывал о том, как погибли А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, и выражал отрицательное отношение к врагам поэтов, повинных в их смерти. Мы же, маленькие дети, солидарные с мнением своего отца, обвиняли убийц поэтов, и вместе с ним горевали по причине их гибели.

Училась я в школе-интернате Междуреченска в 9-м классе, когда главный библиотекарь к концу 1973 учебного года решила подвести итоги и подсчитать, кто из школьников больше всех прочел библиотечных книг. На школьной линейке объявили мою фамилию, сообщив, что за учебный год мною прочитано более пятисот книг. Мне эта новость самой была удивительна, ведь, прочитывая книгу, я приглушала одиночество и тоску о доме, не задумываясь о количестве прочитанных книг. В этом же интернате с 9-го по 10-й класс была членом редколлегии школьной газеты «Комсомольский прожектор». Одноклассница Рая Садыкова талантливо рисовала, а я писала к ее рисункам стишки-шаржи. Как-то в 10-м классе преподаватель литературы организовала поездку нашего класса на шахту «Распадская», чтобы мы, взяв интервью у разных шахтёров, написали очерки о шахте «Распадской», известной в то время на всю страну. Похоже, мой очерк удался, так как его зачитали, как образцовый, в классе. Преподаватель говорила, что очерк отправит в газету.

Когда я пыталась трудоустроиться для выживания, работодатели отказывались принимать меня, так как мне было всего 16 лет по окончании десяти классов. С большим трудом приняли швей в Универбыт. Затем, без отрыва от производства, окончила Иркутский технологический техникум по специальности «технолог швейного производства». Многие годы работала в «Росторгодежде» товароведом по качеству промышленных товаров. Эти профессии были востребованные, уважаемые, так как был период тотального дефицита, особенно промышленных товаров. Казалось бы, можно было спокойно жить, но в душе не было покоя, не покидало чувство неудовлетворённости, жила с ощущением, что не своим делом занимаюсь. Конечно, рождение, воспитание троих сыновей, печальная утрата двух новорождённых детей

на многие годы прервали интерес к творчеству. Но Небо, проведя через испытания, всё же милостиво оказалось к моей судьбе.

Только окончив Литературный институт им. Горького, Высшие литературные курсы, я обрела некоторое удовлетворение, равносильное утолению жажды. Однако учиться было психологически непросто. Зная, что намного ранее эти же курсы окончили Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Расул Гамзатов и другие, жила, училась с ощущением тревоги: «На своём ли я месте, правильно ли мною избран путь?». Учеба в Литературном институте стала для меня своеобразной дверью в другой мир, потрясением, в положительном смысле этого слова, пересмотром не только творчества, но и отношения к своей жизни в целом. Мне повезло ещё в том, что я проходила обучение на семинаре поэзии у большого русского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова. Записи его лекций храню в своих тетрадях. Из его наставлений запомнила три главных момента:

1. Есть слова, которые унижают человека, и потому слово должно быть возвышенным.
2. В поэзии нужно «бить точно», ибо невозможно создать нечто серьёзное, отвлекаясь на несколько разных занятий. Поэзия ревнива – она предпочитает верных.
3. Есть такое снисходительное определение в литературе – женские стихи, стишки, к коим можно отнести поэзию большинства пишущих женщин. А если женщина пишет твёрдым, уверенным слогом, похожим на мужской, ясно мысля, то она – состоявшийся поэт.

Помня наставления великого мастера, поэта Юрия Поликарповича Кузнецова, есть желание сказать и своё слово в шорской литературе. Размышляя о творчестве, порой ловлю себя на мысли, что иногда возникает соблазнительное желание в стихах идти по пути снов и мечтаний. Хотя прекрасно понимаю, что это лёгкое и одновременно тупиковое направление, просто сладкая музыка слов, которая, кроме обольщения, приводит к пристани по имени «разбитое корыто». То есть такие стихи никому не пригодятся, а если они не будут востребованы, зачем их писать. Работая над словом, не стремлюсь к изобре-

нию головокружительных рифм, умопомрачительных расфуфыренных метафор, похожих на распутившийся павлиний хвост. Ведь вдохновение, мысли, по ощущению, рождаются из «копилки» всевозможной информации, заложенной с самого раннего детства. Не зря же говорят, что люди – это сосуд, который наполняется в детстве. Меня как-то по-особенному волновало содержание древних шорских сказаний, услышанных в детстве от отца и заезжих гостей-путников. В настоящее время я их тоже иногда перечитываю, но воспринимаю уже по-иному, чем тогда. Хотя до их пор меня не покидает ощущение, что в сказках, легендах, сказаниях скрыты дремлющие в сознании человека глубокие загадочные воспоминания, которые «окликают» нас в сегодняшнем дне, зовут в прошлое манящей тайной. Главная цель в моем творчестве – чтобы ныне живущие, следующие поколения, другие народы помнили, знали, каким было прошлое шорского народа: как люди жили, во что верили, что умели, как любили, что волновало их.

Хочу внести дополнительную информацию о моем имени Тая. В прошлом в разных шорских аймаках это имя произносилось в нескольких вариантах: Таний, Танэ, Тайанэ, Тайана. Мне ближе Тайана. В далёком прошлом запрещалось детям давать шорские имена, ныне же этому никто не препятствует.

16.10.2013 г.

Тудегешева-Каныштарова Тайана (Татьяна) Васильевна. Поэт. Член Союза писателей России с 24 июня 1999 года. Родилась 19 ноября 1957 года в поселке Усть-Анзас Таштагольского района Кемеровской области. Работала в Новокузнецке швей в «Универбыте», технологом в Доме быта, товароведом в «Росторгодежде», позднее – зам. директора Новокузнецкого городского Дворца культуры. В 1998 году самиздатом в Междуреченске вышел в свет первый сборник «Шория моя». В 1999 году Т. В. Тудегешева была принята московским выездным пленумом Союза писателей России, который проходил в Абакане, в ряды Союза писателей России – без выпущенных книг, по одной

рукописи. В 2000 году создала детское этнографическое объединение «Тазыхан» (так в переводе с шорского языка звучит имя Матери небесного властителя добрых духов Ульгения) и шорского этнографического музея при нём по изучению, реконструкции и сохранению культуры коренного народа Кузбасса. Принимала участие во Всемирных тюркских фестивалях в Турции. В 2004 году окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького в Москве (семинар Ю. П. Кузнецова). Автор поэтических сборников «Поющие стрелы времён» (2000), «Небесный полёт девятиглазых стрел» (2007), «Элимай» («Моя родина», 2013), «По ту сторону шорских гор» (2013), «Медногривое солнце встаёт» (2017). С 2008 года возглавляла Шорскую писательскую организацию. Лауреат премии Кузбаса (2013), литературного конкурса «Образ» (2009), дипломант Международной литературной премии им. П. П. Ершова (2014). Новокузнецкими композиторами М. Масловым, О. Антоновой, Г. Ребровой написаны песни на ее стихи. Ушла из жизни 14 февраля 2022 года в Санкт-Петербурге. Прощание прошло 17 февраля в Новокузнецке, похоронена в п. Усть-Анзас Таштагольского муниципального округа.

Книги Тайаны Васильевны Тудегешевой (Каныштаровой):

Поющие стрелы времён : стихи и проза из шорского фольклора. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2000. – 167 с. – Текст русский, шорский.

Небесный полёт девятиглазых стрел : стихотворения. – Кемерово : Кузбасс, 2007. – 192 с.: ил., ноты, портр. – Текст русский, шорский.

По ту сторону шорских гор : стихотворения. – Кемерово : Офсет, 2013. – 181 с.

Элимай : стихи о мире природы Горной Шории. – Кемерово : Примула, 2013. – 87 с. – Текст русский, шорский.

Медногривое солнце встаёт : стихотворения. – Кемерово : Технопринт, 2017. – 184 с.

ЧАСТЬ II

ИЗ КНИГИ «ТЕРНИИ ДУШИ»

Любовь Никитовна Арбачакова

1 мая 1963 г., д. Анзасс, Таштагольский район, Кемеровская область

Поэт, переводчик, учёный-фольклорист, художник

Член Союза писателей России с 1997 года

Я, наверное, дочь
прямодушной тайги,
И мне не понять
людской двуликости!
Порой говорю,
где нужно смолчать.
Порой отступаю,
где нужно действовать.
Я действительно дочь
простодушной тайги...

Я в мае родилась:
По-шорски – кандыкам цвести,
По-русски – вечно маяться.
По жизни – беды и цветы
Переплетаются.

Живые листья желтеющей осени
Буйный, безжалостный ветер,
Раздирая в клочья, разбрасывает.
Вот так же твои безжалостные слова
Сердце моё разрывают на части.

Ругай меня, милый, кляни,
Шуми пуще бури...
Не здесь мои мысли – они
В небесной лазури.

(Перевод Юрия Кузнецова)

ИЗ КНИГИ «ЗАТЕРЯЛАСЬ Я ВО ВСЕЛЕННОЙ»

О, причитания-песни
 моей бабушки,
 Что летними вечерами
 Среди гор разносились!
 Сегодня ещё живы те горы,
 Только нет уже бабушки,
 дома, аала.
 Знала-знала, о чём причитала ...

Не украсила себя короной кандыков,
 Не вдохнула подснежников аромат.
 Не заметила, как журавли улетели ...
 Должно быть, потому и душа опустошена.

Смотрю на подарок твой,
 Мамин дар вспоминая.
 Прошло уже тридцать лет,
 Как она этот мир покинула,
 А дарёное мне платье
 До сих пор нежность её сохранило.

Арбачакова (Тудегешева) Любовь Никитовна. Поэт, переводчик, учёный-фольклорист, художник. Член Союза писателей России с 1997 года. Член Союза художников России с 2005 года. Родилась 1 мая 1963 года в многодетной шорской семье в деревне Анзасс (Онзес) Таштагольского района Кемеровской области. У отца, Никиты Васильевича Тудегешева, было два класса образования. Неграмотной

маме супруг читал вслух «Одиссею» Гомера (семейная реликвия хранилась в сундуке). Мама была глубоко верующим человеком, учила детей православным молитвам, но с шорским акцентом. Самым большим праздником в доме была Пасха. Русский язык выучила в Чилиссу-Анзасской восьмилетней школе-интернате № 32. Произвели впечатление песни в исполнении Людмилы Зыкиной, когда в доме появилось радио. Десятилетку окончила в Спасской средней школе. После окончания Мариинского лесотехнического техникума работала художником декоративной росписи подносов на Кемеровской фабрике «Весна». В 1994 году окончила Новокузнецкий пединститут, затем аспирантуру Института филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). В 1998 году защитила диссертацию по теме «Текстология шорского героического эпоса». С 2000 года работает ст. научным сотрудником в секторе «Фольклор народов Южной Сибири» Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук. Пишет стихи и рассказы на шорском и русском языках. Автор книг стихов и прозы «Текстология шорского героического эпоса» (2001), «Тернии души (Онзас черим): стихи на русском и шорском языках» (2001), «Шаманы Горной Шории: этнографические очерки и тексты камланий» (2004), «Колыбельная любви» (2004), «Песни шориянки» (2011), «Затерялась я во Вселенной: стихи на русском и шорском языках» (2019). Живёт в г. Таштаголе Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «НОЧНОЙ БРЕКВАТЕР»

Ты, сердце,
безрассудное, как птица ...
Когда сотрёт все улицы туман,
то кажется,
что за окном дымится
просоленный от пота
океан.

И нет преград ...
Ни дальних! И ни близких!
Быть может, ожидая по ночам,
рыбачья лодка
в крупных, в сизых брызгах –
как ты в груди –
колотится в причал.

1969 год

И горький перечень утрат
Не научил нас трезво мыслить.
Дождями светлыми с утра
Омоет и опять возвысит
До первых клятв в себе,
когда
«Не изменюсь!
Не измельчаю!»

Виктор Васильевич Бокин

6 декабря 1946 г., Сталинск (Новокузнецк),
Кемеровская область – 20 октября 2022 г., Новокузнецк
Поэт. Член Союза писателей России с 1998 года

Звучало гордо сквозь года,
Как – «Не предам!»
Как – «Не прощаю!»

1979 год

ПО МЕРЕ УЗНАВАНИЯ

А. Жигулину

Амнистия листьям,
Прикованным к веткам.
Амнистия мыслям,
Спокойным и ветхим.
Кружи, золотая метель!..
И если нам выпало счастье
В родные места возвращаться,
То не было в жизни потерь.

И если нам выпало право
Судить величаво и здраво
О времени и о себе,
То было пусть горько и больно,
Но было высоко-достойно
В твоей и в державной судьбе.

А время – оно подытожит,
Оно имена перемножит
И имя
одно!
назовёт.
И как же тут сердцу не биться,

Как втайне собой не гордиться,
Когда это имя – НАРОД!

Который и сеет, и пашет,
И слово последнее скажет,
И выстроит Спас на Крови.
И в новые впишет преданья,
Что нет нам пределов в страданье
И нет нам пределов в любви!

1980 год

ИЗ КНИГИ «ЗАМЕРЗАЮЩИЙ ЗВУК»

НОВОКУЗНЕЦКУ

Так город встречал,
так трамвай погромыхивал,
Как будто лет сто пролетело вдали.
Так глаз светофора растерянно вспыхивал,
Что сердце ломало мне рёбра мои.
И шагом нежнейшим по улицам ранним,
По коже асфальта, родимой до слез,
Я нёс свое счастье и боль узнаваний...
И голос, и гордость, и песню я нёс.
Не в этих ли улицах, в этих ли окнах
Мне море мерещилось, дали и ширь –
И в свитере грубом, и в свитере мокрым
Я делом приветствовал ветер и жизнь.

Крутые ступени...
Крутнулось внутри там:

Что, сердце?... Ты снова сегодня в долгу?
 Ну-ну, успокойся... и слёзы утри, мам.
 Я больше уже никуда не сбегу.
 Но вот и отплакались и отсмеялись.
 Вгляделись в морщины, вгляделись в глаза.
 И скрытую боль я в тебе замечаю:
 Ну, что тебе, мама, могу я сказать?
 Ах, мама! Я жил, с этим веком не ссорясь.
 И пел, и любил на ходу.
 Рабочие руки, как чистую совесть,
 На стол пред тобою кладу.

НЕОКОНЧЕННЫЙ ДИАЛОГ

*... И к тебе придёт беда,
 Но останется звезда.
 Н. Николаевский*

На белом – изгородь пунктиром,
 И сладковатый вкус дымка...
 Поговорить отдельно с миром.
 И помолчать издалека.

И всё острее, всё тревожней,
 Всё безнадежней, всё нежней
 О друге думать, что не дожил
 До этих белоснежных дней.

Глухою ночью – через сенцы –
 Да на морозное крыльцо,
 Рукой, придерживая сердце,
 А может, просто пальтецо.

Всё вглядываться в тьму ночную,
 Искать заветную звезду...
 Я тут немного потоскую
 И всё равно к тебе приду.

Бокин Виктор Васильевич. Поэт. Член Союза писателей России с 1998 года. Родился 6 декабря 1946 года в г. Сталинске (Новокузнецк) Кемеровской области. Окончил Кузнецкий металлургический техникум по специальности «Обработка металлов давлением, прокатное производство». С 1965 по 1969 год работал на Западно-Сибирском металлургическом комбинате вальцовщиком горячего проката, публиковался в заводской многотиражной газете «Металлург». В 1966 году был одним из организаторов новокузнецкого литературного объединения «Гренада». В начале 1970-х годов работал на стройках в Приморье, был матросом рыболовецкого судна на Сахалине. С 1974 по 1998 год трудился бригадиром вальцовщиков, оператором стана на Запсибе. Автор поэтических сборников «Ночной брекватер» (1990), «Замерзающий звук» (2012). Лауреат литературной премии им. Ф.Т. Селянина (2004, Свердловск–Москва). Умер 20 октября 2022 года в Новокузнецке.

ИЗ КНИГИ «СЛОВА И ОЧЕТАНИЯ»

Виктор Васильевич Бровиков

10 октября 1980 г., Тюмень
Поэт. Член Союза писателей России с 2016 года

Из памяти, как яблоко, достать
В налипших листьях позапрошлый август
И воздуха прозрачную усталость,
Вечерний дождь, испуганную стать
Деревьев, что боятся на асфальт
Ступить корнями. Что ещё осталось

В том августе? Заплаканный карниз,
Скамья, стихи, привычно: осень-восемь,
Паденье яблока, пустячные вопросы,
Теперь не вспомнить ни имён, ни лиц,
Лишь яблоко летит всё вниз и вниз...
И падает, и наступает осень.

2001 год

В парке убирают карусели,
И шуршит пожухлая листва,
Парень в серой курточке осенней
Шепчет своей девочке слова.

Девочка смеётся, парень весел,
Именно для них, наверняка,
Кто-то над берёзами развесил
Белые резные облака...

Именно для них горят рябины
Красным очищающим огнём.
Осень одарила их единым
Этим запоздалым тёплым днём.

По любви иль просто по удаче,
По судьбе иль промыслом каким,
Этот день одним им предназначен,
Этот мир весь предназначен им...

Я ушёл стыдливо, торопливо,
Сигарету надвое сломал,
Будто бы у этих двух счастливых
Что-то я нечаянно украл.

Пишу тебе из осени – в декабрь.
В январь, февраль – в любое время года,
Где ты сейчас листаешь календарь,
Пьешь чай, хандришь, ворчишь на непогоду,

Перебираешь дни, играешь с кошкой,
Читаешь, вспоминаешь по стихам,
Как жёлтый лист вжимается в ладошку
И заспанное солнце по утрам.

Пишу тебе стихи, скамейки, сад,
В котором, как обычно, листопад,
И ветер треплет старые газеты...

Сквозь тополя промыт, процежен свет...
Ты знаешь, а на самом деле нет
Без света... ничего на белом свете.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Тридцать пять узлов
Зюйд-зюйд-вест.
Моря нет,
А ветер есть.

День наступит, ещё пёс знает когда,
Но пса не спросишь – беда, беда.

Даже если спросить –
Он не ответит.
Ну, не более осмысленно, чем ветер.

Не более осмысленно, чем жизнь.
Ткнёт носом подмышку – и держись.

Тридцать пять узлов –
Чуть больше, чем лет.
Ветер есть,
А смысла нет.

2015 год

Лети, лети, печаль моя, лети!
Лети, печаль, лети, печаль, как птица,
Через поля, моря, через границы,
Лети, печаль, прости, печаль, прости.

Прощай, печаль, всё будет хорошо –
Немножко пусто, но совсем немножко.
Спокойно, мирно, тихо – понарошку
Всё будет, но чего желать ещё?

Лети, печаль, за осенью лети!
Лети, печаль, в свои чужие дали.
Лети, печаль, лети в страну печалей,

Лети, не вспоминай назад пути.
Лети, покуда крылья не устали,
Лети, печаль, лети, печаль, лети!

2015 год

Я так в тебя влюблён, что надо мною звёзды
Качаются. И кажется тогда,
Что если просто тыкнуть пальцем в воздух...
Но, впрочем, не всерьёз и не всегда.
Я так в тебя, что подо мной земля
Так очевидно для чего-то для,
Такой имеет смысл, что не наступишь.
Я так в тебя. А ты меня не любишь.
Я так в тебя, что если отпустить
Снежок, то он взмывает вертикально.
Я так в тебя, так глупо, так банально,
Я так в тебя, что это не забыть.

Я так в тебя, так просто, так нелепо,
Я так в тебя, что, знаешь, иногда
Я поднимаю руку. Тычу в небо –
И загорается ещё одна звезда.

2015 год

Бровиков Виктор Васильевич. Поэт. Член Союза писателей России с 2016 года. Родился 10 октября 1980 года в Тюмени. После окончания Кемеровского городского классического лицея учился в Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности. Занимается предпринимательством по ремонту и обслуживанию компьютерных сетей, систем видеонаблюдения. Участник литературных студий «А3», «Притомье», «Перекрёсток», «Белый Квадрат». Участник Регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016). Автор поэтического сборника «Слова и отчетания» (2014). Живет в г. Кемерово.

Марина Валерьевна Брюзгина

2 июля 1986 г., Кемерово
Поэт. Член Союза писателей России с 2008 года

ИЗ КНИГИ «ТРЕВОГА КОЧУЮЩИХ ПТИЦ»

НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

Из-под шапки вязаной
Волосы струятся.
На щеках указаны
Островки румянца.

А следы наснежные,
Будто бы оконца,
Робкие и нежные
В переливах солнца.

В это утро синее
В гармоничном мире
Всё укрыто инеем.
Хорошо в Сибири!

ИЗ КНИГИ «МУЗЫКА ПЧЁЛ»

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Дом большой, большая печка,
Всё наполнено теплом.
Вот и счастье человечка
Неожиданно нашло.

Отдохну душой и телом,
Подождут мои дела,
Лишь бы мама не болела,
Лишь бы бабушка жила.

Я ощущаю слишком остро
Всю нескончаемость разлук.
А ты, как будто тёплый остров,
Убереги меня от вьюг.

Ты знай: без ласкового слова,
Без леса с ленточками рек
Я, может, самый бестолковый
И самый жалкий человек.

Я ограничила его,
Оторвала, перекричала.
Но струны сердца моего
Просили всё начать сначала.

Я очертила пальцем круг
И сердце в центр поместила.
Но утонуть в изгибах рук
Звала неведомая сила.

Когда взорвался телефон,
Когда небрежно полдень замер,
Тогда я вышла на балкон
И небо выпила глазами.

Но, замирая у черты,
Как у последнего причала,
Душа боялась высоты,
Хотела всё

начать

сначала ...

МУЗЫКА ПЧЁЛ

Селу Поперечному

Жужжат деревенские пчёлы,
Но кажется, будто поют.
Хоть мир несуразностей полон,
Я верю в тепло и уют.

И бабушка рядом, и мама.
Лучами полит огород.
К ручьям и полянам упрямо
Меня это лето зовёт.

А дед поправляет ограду,
На ней одинокий котёл.
Не верите ... Ну, и не надо –
Я слушаю музыку пчёл!

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ГОРДЫНЯ

Гордыня над миром
Моим занималась,
Гордыня кумирам
Моим улыбалась.

Гордыня губами
Моими алела,
Гордыня словами
Моими владела.

Гордыня хмелела,
Хотела смеяться,
А я не умела
Совсем притворяться

И всем рассказала,
Что бедной Марине
Спасенья не стало
От этой гордыни.

2021 год

НА ОСТАНОВКЕ

От небрежности и фальши
Не осталось и следа,
Словно и не знали раньше
Мы друг друга никогда.

Изменило все мгновенье:
Пара слов и добрый взгляд.
«Прочитай стихотворенье», –
Попросила наугад.

Позабыв про нездоровье,
Он читал мне в полумгле.
И ещё одной любовью
Стало больше на Земле.

Я этот город знаю наизусть.
Зачем ещё по городу бродить...
Но я брожу и ощущаю грусть,
С которой нас нельзя разъединить.

Брюзгина Марина Валерьевна. Поэт. Член Союза писателей России с 2008 года. Родилась 2 июля 1986 года в г. Кемерово. В 2008 году окончила Кемеровский государственный университет культуры и искусств по специальности «Информационно-библиотечная деятельность». Работает в Центральной районной библиотеке им. В. М. Баянова г. Топки. Автор поэтических сборников «Тревога кочующих птиц» (2005), «Музыка пчёл» (2007). Лауреат литературной премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова (2007). Живёт в городе Топки Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «ВЕТЕР ПЕРЕМЕН»

ДЕТСТВО

По траве-мураве босиком,
Без крутых виражей и кокетства
Пронеслось озорным ветерком
И моё голопузое детство.

Мальчиши той далёкой поры,
Мы в войну в смелых играх играли
И, свои защищая дворы,
Понарошку тогда умирали.

Все, кто выжил в той детской войне,
И рожден до отчаянья поздно,
Мы уже в настоящем огне
Умирали в Афгане и Грозном.

2003 год

ИЗ КНИГИ «К СЕРЦАМ СТИХАМИ ПРИКОСНУСЬ»

ПОЕЗДА

Проносятся по рельсам поезда,
Без суеты спешат куда-то мимо.
Увозят нас порою в никуда,
А иногда крадут у нас любимых.

Мы пропадаем в омуты разлук.
И край перрона – словно мнимый берег.
Последнее прикосновение рук,
Последний взгляд в распахнутые двери.

Валерий Иванович Дмитриев

1 сентября 1948 г., п. Кузель, Яшкинский район,
Кемеровская область

Поэт. Член Союза писателей России с 2020 года

От стука убегających колёс
Сжимает сердце холод расставанья.
Ещё лицо не высохло от слёз,
А мы уж встречи ждём, как подаянья.

Нам не любить бы надо поезда:
За их гудками кроются потери.
Но кто спасет нас от разлук тогда,
Приветливо распахивая двери?

2006 год

ИЗ КНИГИ «БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ»

ВОДОВОЗ

Помню, как в любой мороз
На лошадке невесёлой
Бородатый водовоз
Воду нам возил в посёлок.

Он ведёрным черпаком
Осушить пытался прорубь.
Воду чистую, с парком,
Вёз от речки прямо в гору.

Ребятня, кто посмелей,
Вслед бежали за санями.
Бич возницы, словно змей,
Их отпугивал хлопками.

От малейшего толчка
Бочка жалобно скрипела,
А душа у мужичка
От работы так и пела.

2011 год

Построен дом, посажен сад.
С годами подрастают дети.
И пусть совсем я не богат,
Я счастлив, что живу на свете.

Я счастлив, что в стихах воспел
Мой милый край под небом синим,
Что в лихолетье не сумел
И в малом изменить России.

Я счастлив тем, что протоптал
Тропинку к роднику лесному,
Что в самом главном не солгал
И бережно отнёсся к слову.

2004 год

Я ИЗ КУЗБАССА РОДОМ

Я счастлив тем, что из Кузбасса родом
И звание кузбассовец ношу,
В делах и помыслах его народа,
Я воздухом родных лесов дышу.

От Арктики таёжные просторы
Живым щитом оберегают нас.
На страже юга взгромоздились горы,
А в центре – наша Родина – Кузбасс.

Пусть кто-то скажет:
чем нашел гордиться,
Кузбасс – не самый райский уголок.
А я узнаю земляков по лицам:
На них свой след оставил уголёк.

Для мальчиша Кузбассом был посёлок,
А для подростка – Яшкинский район.
Сегодня это – города и сёла,
Кузнецкий край, в который я влюблён.

2012 год

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

Россиюшка – Берёзовая Русь,
Во тьме веков ковалось твоё имя.
Тебе присущи и восторг, и грусть,
Тебя не вижу в образе рабыни.

Ещё никто: ни ханы орд степных,
Ни грозный враг вчерашних поколений –
Не мог поставить русичей твоих
Ни силой, ни коварством на колени.

Когда войной на нас шёл грозный враг,
Вставала Русь от края и до края,
Забыв обиды, распри и ГУЛАГ,
Единая, могучая, святая.

Россиюшка – Берёзовая Русь,
Кузнецкий край, что стал моим причалом,
Родное небо, где звездой зажгусь,
И отчий дом, что был моим началом.

Я не могу о Родине не петь.
В её рассветах я на свет родился.
В её закатах я хочу сгореть,
Чтоб вслед мне русский иннок помолился.

2016 год

Дмитриев Валерий Иванович. Поэт. Член Союза писателей России с 2020 года. Родился 1 сентября 1948 года в посёлке Кузель Яшкинского района Кемеровской области. Окончил Новосибирское речное училище, работал судоводителем на Крайнем Севере. После окончания исторического факультета Томского государственного университета работал директором Кузельской восьмилетней школы, служил в отряде военизированной охраны на Западно-Сибирской железной дороге. Автор поэтических сборников «Сквозь туманы и шторм» (2004), «Ветер перемен» (2004), «К сердцам стихами прикоснусь» (2007), «Берёзовая Русь» (2016), «Заставушка» (2019), «Любим-трава» (2020), книги стихов для детей «Весёлые капюльки» (2009 ; 2019, 2-е издание, доп.). Член редколлегии альманахов «Содружество» (Яшкино) и «Тайгинские зори». Живёт в посёлке Кузель Тайгинского городского округа.

ИЗ КНИГИ «НОЕВ КОВЧЕГ»

МАЛАЯ РОДИНА

Унизительно жить без угла,
Без земли, без гнезда родового,
Где бы память тебе берегла –
Русских прадедов и домового.

Где бы сны прилетали к тебе
С родника материнского детства,
Чтоб в ответ неудачной судьбе
Малой родиной мог ты согреться.

1990 год

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Людмиле Бендас

Читая Пушкина неспешно
И представляя жизнь его,
Не восторгаюсь жизнью грешной,
Где грешны – все до одного.

Но очарован той свободой,
С какой начертаны стихи:
Летят в любую непогоду,
Как тройки русские – легки.

Станислав Анисимович Долгов

22 августа 1945 г., Сталинск (Новокузнецк),
Кемеровская область

Поэт. Член Союза писателей России с 2009 года

В любой мороз, в любое лето,
В любую осень и весну, –
Дыханьем гения согреты,
Презрев пространства кривизну!

В какую вечность мчатся кони?
Пар из ноздрей, в глазах огни!
Кто их, крылатых, остановит,
Когда бессмертные они!

ИЗ КНИГИ «СЕМЕЧКО КЛЕНА»

МУЗЫКА

И нот я не знаю, и петь не могу.
Но странно – который уж год
Звучащей занозой засела в мозгу
Мелодия – жить не даёт.

Но с нею мне легче по жизни шагать,
К природе возрос интерес,
И кажется, стали мне вслух подпевать
И солнце, и поле, и лес...

2003 год

ИЗ КНИГИ «ВЗГЛЯД К НЕБУ»

ЗАПОВЕДИ

Волна духовной Византии,
Дошедшая издалека,
Определила путь России
И взволновала на века.

Все православные заботы
В святую Русь перетекали,
Смешав языческие воды
С цивилизацией Земли.

Теперь уже никто не в силах
Те заповеди изменить.
Осталось лишь России милой
За них держаться и хранить.

2007 год

Долгов Станислав Анисимович. Поэт. Член Союза писателей России с 2009 года. Родился 22 августа 1945 года в городе Сталинск (Новокузнецк) Кемеровской области. Окончил Сибирский металлургический институт. Работал плавильщиком листов на КМК, пожарным, слесарем-аккумуляторщиком в локомотивном депо, инженером в проектных организациях, связанных с монтажом и оборудованием металлургических производств, начальником группы управления на Запсибе. Автор поэтических сборников «Ноев ковчег» (2002), «Семечко клёна» (2004), «Возьму лоскутик неба» (2008), «Взгляд к небу» (2012). Один из создателей литературного объединения «Гренада». Живет в Новокузнецке.

Сергей Юрьевич Дьяков

3 декабря 1967 г., Невьянск, Свердловская область
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2006 года

ИЗ КНИГИ «ЗВЕЗДНАЯ ПОЛЫНЬ»

Когда нахлынет и отпустит,
Как боль, вечерняя заря –
Вольется теплый запах грусти
В пустую крынку сентября.

Земля и небо станут слитны.
Проступит звёздная полынь...
Закончит бабушка молитвы
И скажет тихое «аминь».

2000 год

Ты мне нравишься. Что теперь делать
С этим слабым раствором беды,
С мягкой робостью школьного мела,
С дикой нежностью талой воды?

Повторять непривычное имя –
Словно певчую птицу носить,
Размышляя над куполом синим:
Отпустить или не отпустить.

Эти зёрна влюблённости страшно
На ладони держать не дыша ...
Потому что, как внешняя пашня,
Ожиданьем томится душа.

1999 год, апрель

Сегодня мы с вечностью накоротке,
И время затихло, как рыба в садке.
И нас обесточил рассерженный ЖЭК,
Но это над нами не властно уже.
Мы свечку зажжём. И она не потухнет.
Мы будем с тобой целоваться на кухне.
А если задует и эту звезду,
Мы снова проснемся в эдемском саду...

1990 год

Первый лист от клёна отлетел,
как душа, легко и незаметно.
Вот и я пропажу проглядел,
и пуста моя грудная клетка.

Только крепкий и горячий чай.
Только кошка чёрная, как уголь...
Примечай, мой Ангел, примечай:
Я, как день, уже пошел на убыль.

На листе ни слова, ни строки.
За окном весь день смеются дети...
Я когда-то тоже был таким.
Я когда-то тоже жил на свете.

1999 год

ИЗ КНИГИ «КАЧЕЛИ»

Духовный меч возвысим на торгу.
И гордый стяг – свою великорусость.
В святом бою – смирение – не трусость.
Холодный вызов падшему врагу.
Ведь нам с тобой доверено сберечь
Зеницей ока – Царственное Слово,
Чтоб очищать от жмыха и половы
И защищать свою Родную Речь.
Монах и воин, славный Пересвет
Упал в ковыль, объятый смертной дрожью.
Но мы сильнее пред вымыслом и ложью.
Горят мосты. Назад дороги нет.
Сожми свой меч. Да будет с нами Свет!
Чтоб победить в бою, во славу Божью!

Дьяков Сергей Юрьевич. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2006 года. Родился 3 декабря 1967 года в г. Невьянске Свердловской области. С 1973-го по 1983 год жил в г. Юрге Кемеровской области. Учился в Кемеровском художественном училище на декорационном отделении. После службы в рядах Советской Армии (1987–1989 гг.), работал оформителем, рекламистом, дизайнером, строителем. Посещал литературные студии «Притомье» Сергея Донбая и «Аз» Александра Ибрагимова. Участник Всероссийских семинаров молодых литераторов в Красноярске, Нижнем Тагиле. Автор поэтических сборников «Звёздная пыль» (2004), «Качели» (2019). Живёт в городе Кемерово.

Галина Михайловна Золотайна

28 апреля 1956 г., Ленинск-Кузнецкий, Кемеровская область
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1999 года

ИЗ КНИГИ «МИГ ПРОЗРЕНИЯ»

Не божественной и мудрою,
А доступной и простой,
Я приду и перепутаю
Все, что прожито с тобой.

Сколько ног больших и маленьких
Помнит шаткое крыльцо,
Сколько новых меток-памяток
На твое легло лицо.

Ты ж глазами очень грустными
Быть беспечной запретишь.
Осторожно мне в напутствие
Лоб губами освятишь.

Ничего не перепутает
То свидание с тобой.
Лишь, пришедшая доступною,
Я уйду почти святой.

ИЗ КНИГИ «ГНЕЗДО»

Он прав, конечно, был нахал,
Когда мне руки целовал, как бабе,
А не как поэту,
И не за чистую монету
Меня в стихах воспринимал.

Он предлагал построить дом,
В каком-то городе чужом,

Где я была бы поварихой,
Ткачихой, бабой-Бабарихой,
И долго говорил о том,

Чтоб не валяла дурака,
Что молода ещё пока,
Что всё переиначить нужно –
Не со стихами спать, а с мужем,
Ведь жизнь ужасно коротка.

Звенела вилка о стакан,
Мы даже обсудили план,
Как нам отчалить на край света ...
Теперь он, вроде, стал поэтом,
А начинал – как царь Салтан!

МОХОВО

Я опять междометствую о!-кая,
Мне опять мелкоотменно лепечется.
Я пишу про селение Мохово,
А какое же это – Отечество?

Мне бы голосом слиться с эпохой,
С беспредельностью и бесконечностью,
Хоть и нравится мне это Мохово,
Но какое же там – Человечество?

Много дней прокорпела над строками,
Но они оказались банальными:
Есть проблемы, конечно, и в Мохове,
Но какие же это – Глобальные?

Я, наверное, дура-дурехою,
Если вот во что все это вылилось:
Поругалось со мною пол-Мохова,
А пол-Мохова – молча обиделось!

ИЗ КНИГИ «ГОРОЖАНКА»

Учусь искусству печь блины.
Мои страдания длинны,
Как жижа, льющаяся с ложки.
А у окна хохочет Лёшка.
А за окном дымы черны.
И снег к асфальту пригорает,
И блин-фонарь висит-мигает,
И блин-луна не пропечён,
Скис млечный путь, некипячён ...
Господь меня за спесь карает!
... И я кричала кошке: «Брысь!»
И я молилась Богу, ввысь,
И слёзы всех кухарок мира
В моём лице нашли кумира
И постным маслом пролились!

Нет заблуждения нелепей, чем это –
Влюбиться в побитого молью поэта,
Считая дурацкой насмешкой судьбы
Жизни его верстовые столбы.
Как мог он всю жизнь без меня обходиться,
Как мог, по ночам испещряя страницы,
Другой без остатка себя посвящать?
А мне бы хватило гвоздя от плаща,

Как некогда спела старушка Новелла.
Уж я бы его успокоить сумела!
Словами, руками, горячим чайком,
А недругов всех придушила б тайком.
Но выпало так: до него добегаю,
Закуску на стол собирать помогаю,
Чужая и другу его, и врагу –
И больше, чем есть, обещать не могу.

Снег присел на корточки, стоял.
Все твои форточки – настужь.
Обнажились зимние тайны –
Плохо ты меня прячешь!..

Дворник от дверей конторы
Долбит желобок узкий...
Я к тебе прильну скоро,
Только всё равно грустно...

На окне букет вянет,
Грустно, что ответ найден –
Глупо раздувать пламень
Не на годы, а всего на день.

ИЗ КНИГИ «ДАВАЙТЕ О ХОРОШЕМ!»

На каком-то этапе вдруг понимаешь,
Что нет у тебя никого, кроме Бога.
А все, кого ты к себе допускаешь,
Пусть не проходят дальше порога.

Не надо их зачитывать поименно,
Просто пусть идут общим списком,
Оставайся непонятой – не поймённой! –
В пространстве гулком и чистом.

А потом всё наладится, и одиночество
На струнах пространства поведет свое соло,
И тогда станет слышно как мистер Рочестер
Окликает Джейн Эйр через горы и доли.

Золотайна (Бельмасова) Галина Михайловна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1999 года. Родилась 28 апреля 1956 года в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В 1976 году окончила Ленинск-Кузнецкое медицинское училище по специальности «фельдшер». С 16 лет стала участником литературной группы при городской газете, которой руководил выпускник Литературного института Петр Шмаков. В 1974 году приняла участие в областном поэтическом семинаре в Кемерове. Валерий Зубарев на стихи юного поэта откликнулся экспромтом: «Воробьиные штрихи / На снегах подтаянных, / И капли, как стихи, / Гали Золотайной!». В 1981 году с поэтом Алексеем Бельмасовым создали семейно-творческий союз и стали выпускать литературную газету «Лик». Автор поэтических сборников «Миг прозрения» (1985), «Гнездо» (1995), «Горожанка» (2000), «Как хорошо гулять среди поэтов» (2012), «Давайте о хорошем!» (2021). В 2000 организовала детскую студию «Тропинка на Парнас», несколько лет была редактором в молодёжной газете «Точка роста» при Социальном центре молодёжи». Соорганизатор Всесоюзного поэтического фестиваля им. Алексея Бельмасова, проводимого в Ленинск-Кузнецком. Одна из руководителей литературной студии «ЛИК». Живет в г. Ленинск-Кузнецкий.

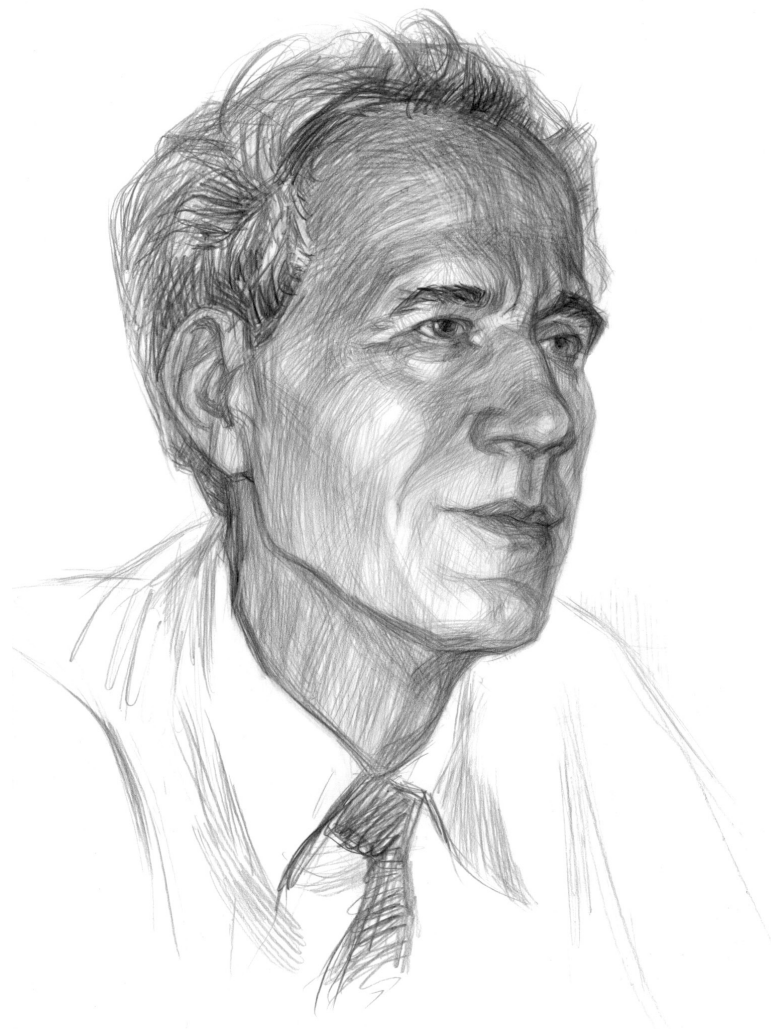
ИЗ КНИГИ «ДЕРЕВЕНСКИЙ НАПЕВ»

Может, лунной ночью родился,
Что удача выпала мне:
Где родился, там и сгодился, –
В деревенской своей стороне.
Эка штука – пахать умею,
Каждый третий – пахарь в селе.
За день так наломаешь шею, –
Двух шагов не ступить по земле.
На закате снопом усталым
В травы смятые упадёшь,
До печёнок проймёт, бывало,
Хлебным духом спелая рожь.
Отлежишься, глаза поднимешь,
Звёзды синие набегут,
Ветром встречным усталость снимешь,
И с разбегу – в знакомый пруд...
На прокосы легла прохлада,
По низинам туман стеной.
Мне-то, в общем, немного надо:
Быть бы нужным земле родной.

ИЗ КНИГИ «ГОРИЗОНТ»

Скрип ворот, петушиное пенье,
Лай собаки, мычанье коров, –
Неприметное глазу течение
Скудной жизни крестьянских дворов.

Дней в запасе хватает у Бога;
Здесь минутам особый учёт.

Анатолий Павлович Иленко

20 августа 1941 г., Таш-Кумыр, Киргизская ССР
Поэт. Член Союза писателей России с 2000 года

Зазевался сегодня немного,
Завтра новых забот полон рот.

Валят с ног, выживают со света:
Пахота, обмолот, сенокос...
То одно, то другое, то третье
И в жару, и в крещенский мороз.

Круглый год голова кругом кружит.
Маета от темна до темна.
Здесь терпенье не всякого сдюжит,
Здесь закваска с пелёнок нужна.

В суматохе соседка-старуха
Мне обронит, как добрая мать:
– Отдохнул бы хоть малость, Петруха.
Усмехнусь: «Так ведь надо устать».

ИЗ КНИГИ «РАССУДИТ ВРЕМЯ»

А мой отец пропал без вести
На самом краешке войны,
Не испытав победной чести,
Он принял крест чужой вины.
С ребячьих лет воочью вижу, –
Уходит в ночь разведотряд,
Черта смертельная всё ближе,
Где волком взвояет автомат.
Наткнулась на заслон отвага,
Разведку выкосил свинец...
Домой в слезах пришла бумага:
Пропал без вести ваш отец.
Одна строка в четыре слова

Семью надолго сбила с ног,
Судьба детей войны сурова,
Мы выживали кто, как смог.
Одна рубаха на три брата,
В полях – гнилые колоски.
Всё остальное шло солдатам,
На фронт, где бой вели полки.
Уже седым в далёкой Польше
Нашёл могильный бугорок,
И горе стало вдвое горше,
Не всем пошли уроки впрок.
Пусть не совсем душа на месте
В священной памяти войны,
Отец мой не пропал без вести, –
Погиб, спасая жизнь страны.

ИЗ КНИГИ «ЗАПАХ ПАШНИ»

Поле скошено. Запах пшеницы
Долго кружит над тёплым жнивьем.
Этим воздухом можно напиться,
Принести под рубахою в дом.

Он под крышей легко приживётся,
За семейный опустится стол,
Доброй песней в душе отзовется,
Что в заботах житейских нашёл.

Пахнет хлеб... Разве есть что дороже?
Каждый колос в цене, каждый грамм.
Только взгляд мой с годами все строже:
Плуг свой в поле кому передам?

Как же мало нам всё-таки надо –
Корка хлеба, стакан молока.
На душе чтоб покой и отрада,
На болезни б смотреть свысока.

От детей чтоб хорошие вести:
Есть работа, внучата растут.
Собираться почаще бы вместе,
Словом, жить, как все люди живут.

Только есть одна малая малость,
Без которой житьё не в житьё.
Чтобы место под сердцем осталось
Для России... Куда без неё...

ИЗ КНИГИ «ОТКРОВЕНИЕ»

Вожжи в руки взяла непогода,
Мокрый ветер полощет окно.
Переходное время у года,
Потому неуютно оно.

Как всегда зима спорит с весною,
Мы-то знаем, кто здесь победит,
И тепло синевой озорною
Хлынет в души берёз и раки.

Закурчавятся маревом пашни,
Пахарь щедро в них бросит зерно;
Позабудется холод вчерашний
И свершится чему суждено.

Босоное милое детство,
От него шаг за шагом иду.
С давних лет мне досталось наследство, –
Родовая привычка к труду.

Перешла полной мерой в наследство
Скудной, тяжкой земли благодать;
Жить пришлось с ней не просто в соседстве,
Мы друг друга сумели понять.

И сегодня иного не надо, –
Я богаче любого купца.
Мне она, как святая награда,
Как в дороге совет мудреца.

Хоть уже стал задумчивым дедом, –
Не уйти от житейских забот:
Сын и внуки, идущие следом,
Продолжают крестьянский наш род.

Иленко Анатолий Павлович. Поэт. Член Союза писателей России с 2000 года. Родился 20 августа 1941 года в городе Таш-Кумыр Киргизской ССР. Окончил Безенчукский сельскохозяйственный техникум (Самарская область), добровольцем приехал в 1960 году в Сибирь. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, получил профессию агронома. С отличием окончил Высшую партийную школу. Работал управляющим Верхотомским отделением, директором Щегловского совхоза, более десяти лет первым секретарём Тисульского райкома КПСС. Автор поэтических сборников «Кукушкин плач» (1996), «След» (1998), «Деревенский напев» (1999), «Горизонт» (2003), «Рассудит время» (2012), «Запах пашни» (2015), «Откровение» (2020). Лауреат литературной премии имени поэта В. М. Баянова (2016). Живет в г. Кемерово.

Виктор Павлович Киселев

23 февраля 1959 г., п. Мирный, Тогучинский район,
Новосибирская область

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2021 года

ИЗ КНИГИ «СЕДЬМАЯ ВОДА»

Мне пятнадцать ... На исходе мая
С турника я делаю соскок,
Ведро лихорадочно хватаю.
Мать кричит: «Куда же ты, сынок?
Я воды сегодня наносила.
Что ж без коромысла-то побег?...»

Смотрит мать, глаза прикрыв от солнца,
Не пожаром ли каким гоним?
Почему я с вёдрами к колодцу
Тороплюсь?
И где же чёрный дым?

– Видишь, мама, дымом белым тая,
Цвет черёмух не грозит бедой...
И, легонько вёдрами качая,
Впереди соседка молодая
В платье лёгком вышла за водой.

МУЖИКОВ ПРИВЕЗЛИ!

Конец 1970-х годов

Леспромхозовский день на закат наклонялся,
И коровы брели по дорожной пыли...
Только вдруг гул мотора за лесом раздался:
«Мужиков привезли! Мужиков привезли!»

Это женская очередь заговорила,
Шевельнулась – и ну продавцов торопить!

С огородов хозяйки на кухни спешили:
Кто-то ж должен кормильца борщом накормить.

ЗИЛ трёхосный к конторе подъехал вразвалку,
Под солёные шутки в пыль сошли сапоги:
Мужики привезли терпкий запах солярки,
И какой-то особенный запах тайги.

И пошли по домам – пусть пока небогатым –
Со скамеек старухи глазами вели,
Помня, как увезли в 41-м, проклятом
Мужиков. И немногих назад привезли...

«Мужиков привезли!», – это возглас всех женщин:
Курских, волжских, сибирских, рязанских, смоленских
Городских, деревенских...

Голос Русской земли!

Голос вдов онемевших, матерей поседевших:
«Мужиков привезли! Мужиков привезли!»

... Заходило светило привычно на запад,
И смотрела девчонка из-под тонкой руки:
Братья шли и отцы. Тяжело, как солдаты,
И уже женихи предафганские шли...
Мужиков привезли... Мужиков привезли.

Я не люблю квадратность городов.
И в том моя деревня виновата,
Где в зеркалах железных лемехов
Круглилось солнце в золоте закатов.

Свой отчий дом оставил я когда-то,
Тяжёлый труд и трудный быт браня.
И в том ещё деревня «виновата»,
Что в мире научила жить меня.

Ещё я помню, как отбить косу;
Люблю бродить осенними полями.
Когда грибы я нахожу в лесу,
Здороваясь порой, как с земляками.

... Стучится гость, смущаясь и робея:
Он в городе искал меня полдня:
– Ну, здравствуй, неуклюжая Расея,
Я рад, что не забыли вы меня!

И ныне дочь, едва наступит лето,
Летит к родне, где лес поёт, маня...
Я вырос на берёзовых рассветах,
А дочь похожей выросла в меня.

ИЗ КНИГИ «ПРОСТО ОТ ДУШИ»

*К 70-летию начала
Великой Отечественной войны*

Рассвета луч возник в квартире,
Пусть я сегодня выходной,
Я третий день встаю в четыре –
И тишина в квартирном мире,
Но я разбужен тишиной
И той войной, где победили,

Лишь кровью заплатив большой...
 Я третий день встаю в четыре,
 Лежит под Ельней дед в могиле,
 Войною сломлен батя мой.
 И я, запаса рядовой,
 Я третий день встаю в четыре,
 Но пусть не дремлет часовой!
 Чтобы за Бугом спозаранку,
 Под предрассветной тишиной,
 Моторы не прогрели танки,
 И не убили нас с тобой.
 ... Я третий день встаю в четыре.
 Наверно, возраст мой такой,
 Курю на лоджии родной.
 Пусть спят спокойно молодые –
 Я подежурю над страной.
 ... Сегодня Триполи бомбили,
 У дочки – в школе выпускной.
 ... Я третий день встаю в четыре.

СОН

Мне снилось: в вечной гонке к горизонту
 Достиг его я, где как чёрный лес,
 Забор глухой предстал из досок взору,
 И я со страхом на него полез.

Ведь я ещё за горизонтом не был,
 И я боялся страшное узреть:
 Гниенье, ад или пустую небыль –
 Такого ли за краем нам хотеть?

Дрожат колени и немеют руки –
 Сейчас сорвусь... но как же близко цель!
 Бью кулаком, преодолая муки,
 И в ветхих досках пробиваю щель!

Смотрю, держась за чёрный край пролома,
 Нет, всё не зря. И страх прошёл, исчез...
 Я облака из детства вижу снова
 И тёплый свет из голубых небес.

Глас вопиющего в пустыне,
 Где слово камень не разбудит,
 Как обращение к любимой,
 Которая тебя не любит.

Пришла любовь иная к нам,
 Какой по юности не ищем:
 Любовь к отеческим гробам,
 Любовь к теплу, собакам, нищим...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Земля подмёрзла в ноябре... И немцев стая
 Волоколамское шоссе забрать мечтает.
 Чтоб к Рождеству, да по Москве – парадным шагом.
 А тут Панфилов и бойцы... Оно им надо?
 ... Приник к прицелу ПТР стрелок Рахимов:
 «Патрон, Володя! Бью в упор, а вроде мимо...»

Петров Володя здесь не зря, с Урала родом,
 Патрон подаст – и с винтаря по тем уродам.
 ... Заголосит, забудется мать в родном аиле,
 И на Урале всей родней заголосили.
 Погиб Рахимов, с ним – Петров, так было надо:
 Они седьмого по Москве прошли парадом.
 ... В руке бойца патрон зажат, душа – на воле,
 Четыре «панциря» горят на русском поле.

2021 год

Клянёт нас Запад словно супостата:
 Россия – зло! И чтоб её сгубить
 Они возьмут и чёрта в члены НАТО,
 Они фашизм готовы возродить,
 Наполеона, Гитлера, Пилата,
 Иуд, готовых ложью нас травить ...
 – А чем Россия им мешает жить?
 Не потому, что недрами богата,
 Она – укор давно продавшим честь.
 ...Россия потому и «виновата»,
 Что просто на Земле Россия есть.

2016 год

ПОТЕРЯННОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Ты дорастёшь ...
 Ты, может быть, поймёшь,
 Когда найдёшь себя ты в жизни зыбкой:
 Твоё рождение не было ошибкой,
 Ну а пока ...

Пока ты просто пьёшь
 И мечешься по жизни бестолково ...
 А кто из нас, скажи, не одинок?
 Ты на заборе пишешь слово «Бог»,
 Но получается совсем иное слово.
 И пусть тебе по-прежнему хреново,
 Когда на крышу
 под дождём шагнёшь,
 уйти желая от людей и века ...
 Ты там котёнка мокрого найдёшь.
 Куда деваться – ты его спасёшь.
 ... Так Бог в тебе спасает человека.

2018 год

Киселев Виктор Павлович. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 18 октября 2021 года. Родился 22 (по паспорту 23) февраля 1959 года в п. Мирный Тогучинского района Новосибирской области. В 1971 году переехал с родителями в п. Пихтовка Мариинского района Кемеровской области. После школы освоил рабочие профессии токаря, слесаря, аккумуляторщика, аппаратчика. С 1976 по 1978 год работал в леспромхозе, с 1978 года трудился на Кемеровском Комбинате шелковых тканей, «Химпроме». Работал в заводской многотиражке, газетах «Кузбасс», «Кузнецкий край». Окончил отделение фотокинотехники в Государственном Заочном народном университете искусств (ЗНУИ) им. Н. К. Крупской в Москве, и три курса филфака КемГУ. Фотографии опубликованы в газете «Советский спорт», журнале «Крестьянка». Член литературной студии «Притомье» с 2007 года. Автор поэтических сборников «Седьмая вода» (2011), «Просто от души» (2013). Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ОГЛЯНУСЬ С БОЛЬШАКА»

Дмитрий Петрович Клёстов

13 марта 1942 г., д. Евтино, Беловский район, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2007 года

Опахнёт груздёмвым сентябрём,
Нивой жжёной в воздухе запахнет...
Мне случалось быть поводырём
Лошади, состарившейся в шахте.

Умные, огромные глаза, –
Понимаешь сердцем – неживые,
Торба полотняная овса
На согбенной, в ржавых струпьях, вые.

Трапезу последнего пайка
Смаковать была лошадка вправе,
А затем купать свои бока
В чистой малахитовой отаве.

Что-то я фальшивое свистал,
Провожая к дальнему околку,
Чтоб никто ни палки, ни хлыста
Не поднял на старую шахтёрку.

Мороз и морок в кратере карьера,
Огонь и дым над контуром холма.
Стоит шандинка старая, сама
Своим глазам слезящимся не веря.

Давно ли белый бархат ковыля
Её ласкал в поскотине аула?
Её земля, прапращуров земля,
Весь день гудит от яростного гула.

«Шайтан, шайтан», – скривляются уста,
Когда БелАЗ обрызгивает смрадом.
Любимые, родимые места
Как будто чёрным выхлестало градом.

Кожух расписан вязью непростой,
Лоснятся полы, рукава лоснятся.
Будь проклят тот, кто предал край родной
За дробовик и порох рудознатца.

Иссяк родник и пересох ручей
С такой прозрачной ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопояу.

ИЗ КНИГИ «УЛЕПЕТЫВАЮТ ДНИ»

Я пас коров в березняке,
В крушинном лого.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.

В грозу от хлёсткого дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.

Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.

Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил.

ИЗ КНИГИ «РАСПУТИЦА»

«Туманный» – райский уголок,
Грибной, берёзовый распадок,
И близкий сердцу табунок,
В лугах пасущихся лошадок.

Душа поёт и молодится,
И не нарадуется глаз,
Когда на резвой кобылице
К закату ринется хакас.

Дороже станут эти горы,
Лишь гены перевороша,
Во мне аукнет кровь монгола
И русской женщины душа.

В далёком далеке
Я поклонюсь Сахаре,
Да в море-кипятке
Я косточки отпарю.

Кого бы не любил
И где бы не проказил,
Но матушка-Сибирь –
Души моей оазис.

Малахитовый луг-лужок,
Верба старенькая невестится.
Опираясь на батожок,
Мне навстречу идёт ровесница.

Эх, свиданьице... Ах да ох!
Машет мне тальниковой веточкой.
На тропинке чертополох
Шелестит прошлогодней ветошью.

Постоим мы глаза в глаза,
К горлу ком ледяной подкатится...
Как в соборе на образа –
Век смотреть бы да век и каяться.

Берёза не приемлет пустырей,
Забытых пастбищ, брошенных покосов;
Их засекает порослью своей
И сорняком несметных дикоросов.

Как будто мстит за весь лесоповал,
За девственность, за лешего и зверя.
Тайгу зазря мой пращур корчевал,
В счастливое грядущее поверив.

На хлебной ниве зреет борщевик,
Заполонил всю пашню без изъяна...
На родине воскреснет ли мужик –
Великий Зодчий,
Праведник,
Хозяин?!

Клёстов Дмитрий Петрович. Поэт. Член Союза писателей России с 2007 года. Родился 13 марта 1942 года в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области (двенадцатый ребёнок в семье). В 1959 году окончил строительное училище в Сталинске (с 1962 г. Новокузнецк). С 1961 по 1964 год служил в рядах Советской Армии командиром танка Группы Советских войск в Германии. После службы работал забойщиком на беловской шахте «Чертинская-Южная», респираторщиком горно-спасательного отряда, взрывником на Салаирском горно-обогатительном комбинате, бурильщиком в геолого-поисковой партии. Автор поэтических сборников «Земная ноша» (2002), «Оглянусь с большака» (2004), «Иродов лог» (2005), «Любо, дорого» (2007), «Избранное» (2009), «В родном доме» (2012), «Улепечивают дни» (2012), «Распутица» (2019). Живет в г. Салаир Гурьевского района Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «О ВСЕХ ЗАБЛУДШИХ ПОМОЛИСЬ»

*Охрана лесов приравнивается
к защите Отечества.*

Михаил Пришвин

Отделяюсь от самолета,
Подо мною горит земля –
Значит, есть для меня работа
У зеленого короля.

Обгоревшие стонут ели,
Плачет гибнущее зверье.
Мы, как ангелы, прилетели,
Оправданье неся своё.

Смерть у каждого за плечами,
Пусть минуты не сочтены,
Мы руками, а не речами
Тушим пламя чужой вины.

Вслед за потерю потеря,
Следы разрубленных узлов.
Я никому уже не верю,
Не верю искренности слов.

Моих душевных потрясений
Не осознать, не перечсть.
Но помогает жить Есенин,
Да та, что где-то в мире есть...

Валерий Петрович Козлов

*14 мая 1947 г., Ачинск, Красноярский край
Поэт. Член Союза писателей России с 1998 года*

Стихи российского поэта –
Душе целительный бальзам.
Ну а тебя, моя Джульетта,
Всегда придумываю сам.

ИЗ КНИГИ «СИНЕВА НАД РОССИЕЙ»

Бежит, торопится дорога,
Куда ведёт меня она?
В объятья дьявола иль Бога
В лихие наши времена.
Вновь ли нечистого услуги
Приму с покорностью глупца
И побреду в порочном круге,
Где нет начала и конца?
Иль Богородица святая
Укажет чистые места
В курьях Оби, в горах Алтая,
Где светел день и ночь густа.

Срывала летняя гроза
С черемух пену белоснежную.
Я целовал твои глаза,
Ещё доверчиво-безгрешные.
И, замирая, свежесть пил,
Едва касаясь губ калиновых.
Дождинок падающих пыль
Играла красками павлиньими.
Резвился ветер над рекой,
Кусты рябин кивали вежливо.

Сам Бог невидимой рукой
Над нами радуги развешивал.

Светло весной в лесу берёзовом.
Всё осмотрев из-под руки,
Подснежник встречу нежно-розовый,
И нет печали и тоски.

Уже не гложет одиночество,
Не разрывает душу боль.
И разделить со всеми хочется
Неразделённую любовь.

ИЗ КНИГИ «ПОЮЩИЕ ДОЖДИ»

В самолёте, как на телеге,
Всяк усядется, кто где может.
Зубы стучают на разбеге,
Зайчик солнечный корчит рожи.

А земля, что в сушилке блюде,
Чуть качнётся и станет боком.
Только вихри с крыла сорвутся,
Да расчалки прошепчут – с Богом!

Все заботы, дела, тревоги,
На земле оставляя разом,
По небесной спешим дороге,
Рядовые лесных спецназов.

Нам туда, где лютует пламя,
Над тайгой поднимая смерч.
И Россия опять за нами,
И ребята не верят в смерть.

Не даём рубежам названий,
Но забудешь ли в страшном сне,
Как мы все без наград и званий
Остаёмся на той войне.

МОЯ ВЫСОТА

Живу в неземной круговерти,
Здесь гибельных случаев тьма.
И там, где встречаюсь со смертью,
Она умирает сама.

Безумное пламя стихает,
Но жар задымлённых небес
Впитал и запомнил, вдыхая,
В живых остающийся лес.

Зелёные пихты и ели,
Спасённые мной от огня,
В мороз и любые метели
Теперь согревают меня.

Зверьё, приходя к водопою,
Приводит ещё и сейчас
Потомство, спасённое мною
Великое множество раз.

А мелкие твари, а птицы,
Весёлые травы, цветы –
Всё это живёт и резвится
Под сенью моей высоты.

Козлов Валерий Петрович. Поэт. Член Союза писателей России с 1998 года. Родился в городе Ачинске Красноярского края 14 мая 1947 года. В Красноярске окончил Сибирский технологический институт. Служил в лётном полку, работал парашютистом-пожарным лесной охраны, лётчиком ДОСААФ. Мастер спорта СССР по гиревому спорту. Автор поэтических книг «О всех заблудших помолись» (1997), «Сазонов ключ» (2000), «Синева над Россией» (2004), «Поющие дожди» (2005), «Горящее небо» (2007). Лауреат литературной премии им. В. Д. Фёдорова (2007). Живёт в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «МОЛЧАНЬЮ ВТОРЯ»

Татьяна Владимировна Колач

13 сентября 1957 г., Юрга, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2011 года

Опустится мороз со стоном
Под сень сибирского двора,
Упругий воздух перезвоном
Просеребрится до утра.
И в дымном зареве рассвета
Искриться будет ледяной,
Пушистой капелькою света,
Снежистый иней молодой.
И запоют с рассветом птицы,
Дымок – столбом из труб жилья;
И всюду здесь родные лица,
Вокруг – мой край, моя земля...

Всё без тебя как бы по-прежнему
В путине вечной суеты.
Но вот черёмуха по-вешнему
Раскрыла гроздьями цветы!
Повсюду дух цветенья носится –
Не убежать, не обойти –
А всё живое снова просится
На волю – буйствовать, цвести.
Нет, не прожить мне жизнь по-прежнему
И от тебя мне не уйти.
В твоей судьбе цветами нежными
Мне суждено теперь цвести.

Я за собой сожгла мосты –
Плачу за все потери.

И вдруг звонок запел, и ты
 Распахиваешь двери.
 Бродяга мокрый, чьи дожди
 Тебя пригнали к дому,
 Где ты однажды молвил: «жди»
 И канул, словно в омут.
 Прошли, наверное, века
 Пока искал дорогу
 И... долго шёл издалека,
 Пришёл... И слава Богу!

Перемешаны мгновенья
 В свете гаснущей свечи.
 Губ и рук прикосновенья,
 Шёпот ласковый в ночи...
 Лишь луна поймёт родное
 И прочувствует в тиши:
 Миг блаженства и покоя
 Постигают две души.

ПЬЯНИЦА

Мутен взгляд и бессмысленно слово,
 Вновь с утра на ногах не стоит...
 В диком пьянстве он снова и снова
 То буйнит, то сумрачно спит.
 Не смотреть бы, не знать и не верить,
 Что запойные души глядят
 Через мутные ставенки-щели,
 Умоляя вернуть их назад
 К тем истокам далёкого детства
 Беззаботно-весёлой страны,

Что когда-то досталась в наследство
 И хранила их светлые сны.

ИЗ КНИГИ «СЕНТЯБРЬСКИЕ ДОЖДИ»

Как тепло, когда рука в руке...
 Очень жаль, что это расставанье.
 Нежность губ осталась на щеке
 И тепло твоё в моей руке
 Сохранилось через расстоянья...
 Ты в своём далёком далеке,
 Но моё тепло в твоей руке.

... С другой ты счастлив, не со мной,
 Там где-то, за моей спиной.
 И смысла нет слова толочь,
 Уходит он, уходит в ночь.
 И боль сгущается в крови
 Тесня молекулы любви.
 Но, видно, кто-то в этот час
 Незримо молится за нас.
 ... Да, он любил, а я люблю
 И от обид теперь скорблю.
 Любовь, казалось, не пройдёт,
 Но кто мог знать всё наперед?
 Ты счастлив, милый мой, родной,
 Украдкой, за моей спиной.
 И нелегко, вот так, любя,
 Мне отпускать теперь тебя.
 И всё же... Так же будь любим,
 Моей молитвою храним.

ИЗ КНИГИ «ВСЛЕД УХОДЯЩЕМУ...»

Дни звонче после стылой тишины,
 Уже согреты редким солнцем крыши.
 Февраль уходит... Запахи весны...
 И слышно, как земля под снегом дышит...

ПОСЛЕ НОЧНОГО ДЕЖУРСТВА

Домой устало утром возвратиться,
 На кухне чай неспешно вскипятить,
 Привычно на иконы помолиться
 И чай горячий, обжигаясь, пить.
 Потом под плед – дремотно и уютно –
 Домашней насладиться тишиной
 И вспоминать о чём-то смутно-смутно...
 Легко вздохнуть... И кануть в сон дневной.

ИЗ КНИГИ «В ЭТОМ МИРЕ ЕСТЬ Я»

А сердце – храм мой на крови,
 Оно не может без любви.

НАСТРОЕНИЕ

Тонут дни переспелости синего неба,
 Подзатих опустевший, заброшенный сад,
 Поздний август прогнулся под тяжестью хлеба,
 И синеет над ним предосенний закат.
 Воробышки и те собираются в стаи,
 Для чего – непонятно, ведь им не лететь

В чужедальные страны из отчего края,
 В них понятие Родины, видимо, есть.
 Беспокойство гудит по натруженным венам,
 Не достичь нам покоя в просторах дорог,
 Это русская странность заложена в генах,
 Непонятная всем. Нас поймёт только Бог.
 В тихий, ласковый день, отчего так тревожно,
 Отчего замирает под сердцем душа,
 Отчего всё простое становится сложным?
 ... Эта грусть вековая, как прежде, свежа.

Колач Татьяна Владимировна. Поэт. Член Союза писателей России с 2011 года. Родилась в г. Юрга 13 сентября 1957 года. Окончила Кемеровское медицинское училище, работает на станции «Скорой помощи» в Юрге линейным фельдшером высшей категории. Автор поэтических сборников «Прислушайтесь к тишине» (2005), «Как жить на свете не любя... : романтическая пьеса для двоих» (в соавторстве с Б. В. Бурмистровым, 2008 ; 2020, переиздание), «Молчанью вторя» (2009), «Сентябрьские дожди» (2012), «Вслед уходящему» (2017), «В этом мире есть я» (2022). Живет в г. Юрга Кемеровской области.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Из всех свобод я выбрала любовь,
она всегда мне отвечала светом, –
весной и осенью, зимой и летом.
Из всех свобод я выбрала любовь.

Из всех наград я выбрала любовь.
Любовь – люблю – любить – любя – любовно.
До самоотречения. Безусловно.
Из всех наград я выбрала любовь.

Из всех утрат я выбрала любовь,
в разбитом сердце мудрость прорастает, –
как Бог, как вздох – негромкая простая.
Из всех утрат я выбрала любовь.

Из всех высот я выбрала любовь –
из всех страстей, религий, заблуждений,
из казней всех земных, из наслаждений.
Из всех высот я выбрала любовь.

2013 год

Забавы ради тополиный дым
гонял без устали он по дорогам пыльным.
Он был моим поверенным, посыльным,
но ветреным и просто молодым.

Ольга Витальевна Комарова

14 мая 1977 г., Новокузнецк, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2019 года

Дышал в лицо мне клевером и мятой,
и в жар бросало от таких забав.
А он крепчал, гоняя волны трав,
по вспугнутой степи, тоской объятай.

Теперь делить уж нечего мне с ним, –
он, возмужав, порывист стал, прохладен,
до золота – листвы – ужасно жаден,
непредсказуем и необъясним.

То из озябших пальцев вырвет зонт,
а то в попутчики навяжется, играя.
Он был поверенным...
Но удержи у края
того, кому неведом горизонт.

2015 год

Днём эта комната спала –
казалось, что и стрелки встали,
дремало кресло у стола,
и зеркала не отражали.

В окне – как будто фильм немой –
меняла улица картины.
И пахло близкою зимой.
И кто-то чистил апельсины.

И у вещей – иная статья,
дверной звонок охрип за вечер.
Детей не отправляют спать.
О, будь же этот вечер вечен!

И ёлка в каждом этаже,
и так вкусны со стёкол льдинки,
и танец маленькой Драже
с хранимой до сих пор пластинки.

О, сколько ещё будет зим!
Прочитан стих и песня спета –
какой огромный апельсин,
какая сладкая конфета!

Ещё огромнее – печаль;
бредя по снеговому взвею,
за ветром услышав рояль,
узнать танцующую фею.

Куда ж её? – домой, домой! –
из снежной вырвав парусины.
И пахнет новою зимой,
и пахнут счастьем апельсины.

2019 год

А что с нами будет? – растают снега
(с кофейною гущей не спорю), –
а будет весна и зальёт берега,
и мы с тобой двинемся к морю.
Там жаркое солнце сжигает мосты,
обида врачует прибой.
И всё это молча приветствуешь ты...
И я буду радом с тобой.

А хочешь – на север...
 Покорные мхи,
 и ветер, и снег голубой –
 сурово, но всё ж отпускают грехи...
 И я буду рядом с тобой.
 А может, к звезде? – вот и вся недолга.
 Да было б желанье! – к любой.
 А что с нами будет? – растают снега,
 и я буду рядом с тобой.

2019 год

Будто бы Яблочный Спас, а у нас ни яблочка.
 Куплю на базаре у бабушки-васильки-на блузе.
 Посмотрит так жалостливо и: Господи Иисусе,
 на вот – тебе улыбается, на щеке ямочка.

Возьму щекастое, василькам-на-блузе оставляю сдачу.
 Кучки, бидоны, ведёрки – зазывают, бренчат, лыбятся.
 Семечки, ягоды, люди – теснятся, под ноги сыпятся.
 В кошёлку нельзя улыбчивое, в карман спрячу.

Впереди – уже вижу: взмахнул голубою косынкою
 Спас! – и яблоко мне будто выбрал сам.
 Кипит толчея базарная, только бы выбраться.
 Пятернёй обнимаю счастье своё с кислинкою.
 А кошёлка тяжёлая, тянет плечо лямочка.
 С устатку теперь поди-разберись во вкусе.
 Жалея себя, вспомню бабушку: Господи Иисусе,
 спасибо, – и у меня на щеке ямочка.

2019 год

Комарова Ольга Витальевна. Поэт. Член Союза писателей России с 2019 года. Родилась 14 мая 1977 года в Новокузнецке. В 2003 году окончила факультет русского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института. Работала в Центральной городской библиотеке им. Н.В. Гоголя, в газете «Кузнецкий рабочий», преподавала в лицее русский язык и литературу. В настоящее время – сотрудник Дома творческих союзов Новокузнецка, руководит литературным объединением «Гренада». Автор сборников стихотворений «Трепещущих рябин порода лисья» (2003), «Вдоль пустынных аллей» (2010), «Отражаясь в твоих глазах» (2012). На стихи О. В. Комаровой новокузнецким композитором М. Масловым и бардом О. Гориной (Брыковой) написано более пятнадцати песен. Лауреат литературного конкурса «Энергия творчества – 2016». Живёт в Новокузнецке.

ИЗ КНИГИ «ВСПОЛОХИ»

АНДРЮХА

Из глубин земного брюха
Черноликим духом гор
Поднимается Андрюха,
Молодой, крутой шахтёр.

Зубы белые сверкают,
Глаз прищурил, словно рысь.
Синь небес над ним такая,
Что душа несется в высь.

Воздух, на дрожжах веселья,
Лихо всасывает грудь,
Словно после подземелья,
Только в нём всей жизни суть.

Словно суть в листочках липких
У чумазого чела –
Так Андрюхина улыбка
Простодушна и мила.

Счастье в сердце-то какое...
Как расцвел родимый край!
Только выйдя из забоя,
Можно так влюбиться в май.

Юрий Михайлович Михайлов

10 апреля 1953 г., п. Разведчик, Кемеровская область
Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России с 2015 года

7 апреля 2002 г.

ИЗ КНИГИ «ИВАН-ЧАЙ»

Русь начинается с Кузбасса –
Я не шучу..
Там, где космическая трасса,
Зажёг свечу
Мой пращур с новою надеждой
Над той землёй,
Что, как кристалл горячий, между
Огнём, золой,
Грядущим и былым в широком
Разливе лет,
Что между Западом, Востоком –
Как тёплый свет.
Века в себе соединила
Моя земля:
Песчинки золотого ила
И блеск угля
Среди чернеющих осколков
На берегу,
Где брёл русак – Михайло Волков,
Где я бегу.
Бегу, живой вдыхая воздух –
Бальзам сосны,
И слышу мудрый хвойный возглас:
«Вы – их сыны!..»
Следы моих отважных предков
Повсюду здесь...
Отец служил в углеразведке
И был в ней весь.
В буранный день, суровый самый,
Покрытый мглой,

Его в тайгу катили сани
До буровой.
Его душа в надземном крае
Теперь живет,
А уголь всё не прогорает
И сердце жжёт.
Ведь он – не каменная масса –
Соль жизни всей.
Русь начинается с Кузбасса
В душе моей.

24 февраля 2013 г.

Только, только сошли снега ...
И по склону большого лога
Кандыков расцвело так много,
Что боится ступить нога.

А в осиннике вот уж час
Колют звонко сырые чурки
Мать с отцом и все кличут: «Юрка!
Не ходи далеко от нас!».

А поленья белым белы...
Зелены по бокам, где корка.
Пахнет деревом сладко-горько.
А на пнях – будто след юлы.

В кучу собраны все сучки,
На земле чешуя от почек ...
А в логу ручеек лопочет,
Как сыночек лесной реки.

10 апреля 2012 г.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ЛЮБИМАЯ СПИТ

Любимая спит
 на коленях моих,
 И мир суетливый
 на время затих.
 Ветра успокоились,
 дождик завис,
 И яблоко медленно
 движется вниз.
 Крылами не машет
 таинственный сад,
 Авто по шоссе
 еле-еле скользят.
 А в небе энергий
 цветные слои,
 И чувствуют силу их
 руки мои.
 Ладони мои
 в этой радуге грез
 Касаются ласково
 милых волос,
 И нимбом свечение
 восходит от них,
 И радостью мой
 наполняется стих.

2019 год

Михайлов Юрий Михайлович. Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России с 2015 года. Член Союза журналистов России с 1983 года. Родился 10 апреля 1953 года в пос. Разведчик Кемеровской области. Окончил исторический факультет Кемеровского государственного университета и отделение журналистики Новосибирской ВПШ (Высшая партийная школа). Работал топографом в Глушинской геологоразведочной партии, учителем истории в средней школе, корреспондентом газет «Мой город» (г. Березовский), «Кузбасс». Автор поэтических сборников «Живу на первом этаже» (2001), «Раздумья» (2003), «Всполохи» (2006), «К свету» (2007), «Откровения» (2008), «Николин» (2009), «Предания» (2011), «Иван-чай» (2014), «Я познаю себя» (2014). С 1993 года организатор и руководитель Берёзовского литературного клуба «КоллеДЖ». Редактор литературного альманаха «Берёзовские мелодии». Награжден медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, Почетной грамотой министерства образования и науки «За успехи в организации и совершенствовании работы по дополнительному образованию детей и подростков и многолетний плодотворный труд». Живёт в городе Берёзовский Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «ВТОРЖЕНИЕ ВЕСНЫ»

ДЕТСТВО

Наталья Петровна Мурзина

14 февраля 1971 г., п. Тисуль, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2007 года

В крошечности потушенного света,
я знаю, мне опасно оставаться,
протянешь руку, шевельнёшь губами,
а вдруг – бабай! Скорей, скорей на кухню!
Сестра длинноволосая. Как крепость.
Готовит неприступные уроки.
Расплывшиеся по тетради буквы
я медленно распробовать пытаюсь.
И вот они послушны, оживают
тропическим названием «Ал – геб – ра»,
растением волшебным. Но об этом
спросить сестру мне духу не хватает.
У бабушки гребёнка костяная
и сарафан, впитавший запах кухни.
Стремительные спицы, будто птицы,
вьют гнёздышко пуховое, ручное.
Я знаю, как. Меня уже учили
перебирать запутанные петли.
Откопну кусочек штукатурки
за печкой, где меня никто не видит.
Получится горяченькая ямка.
В печном нутре гневливый зверь бушует.
Пахучие песочники томятся,
мы с мамой их в духовке заточили
на противне, посыпанном мукою.
Он не противный, просто очень чёрный.
Из погреба сейчас достанут к чаю
тягучего клубничного варенья.

А за окном надсадный рык овчарки,
рѣв трактора. На сваленных берѣзах
везут зарод, зародище, громаду,
присыпанную снегом гору сена
колючего, душистого, сухого.
Я завтра на него тайком залезу.
Отец кричит о чём-то с мужиками,
перекричать старается овчарку.
Оранжевые тракторные фары
прошли двор насквозь, до огорода...

МЫ ПЕЧАТАЛИ ФОТОГРАФИИ

В полутьму затворѣнной комнаты
луч-лазутчик не проскользнѣт.
Здесь таинственностью подѣрнуты
очертанья вещей. И ждѣт
нас какой-то фонарь диковинный
с тѣмно-красным слепым стеклом.
И раствор. И ещё штукovina
возвышается над столом.
Мир знакомый, на плѣнку пойманный,
мы печатаем в тишине
на бумаге – такой – особенной.
Даже чуточку страшно мне!
Угадай, что сейчас появится,
замерев над пустым листом, –
и волшебным пятном проявится
мяч, берѣза, тропинка, дом!
И скамейка как настоящая,
и ворота. А свысока

кучевые, на юг летящие,
проявляются облака.
Что-то чудное совершается,
возбуждѣнием в зрачках горя.
Наша комната освещается
оком красного фонаря.
Вот загадочно! У родителей
есть какой-то секрет простой –
Снимки плавают в закрепителе
и в глубоком тазу с водой.
Мы их на ночь сушить развесили.
А назавтра, при свете дня,
Разгляжу, как на снимках весело
чѣлка встрѣпана у меня.

...Птичка вылетит любопытная,
и всесильное время – вспять.
С верхней полки альбомы пыльные
хорошо иногда достать.
Прямо в руки порхнѣт стремительно,
чѣрно-белым черкнув крылом,
Миг далѣкий и удивительный:
мяч, берѣза, тропинка, дом.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Помню Тисульскую улицу. Шли гурьбой.
Я – недотрога в коротком цветастом платьѣ,
Бросив скакалку, услышала над собой
Имя твоѣ, прозвучавшее, как заклатьѣ.
Солнце всю печѣт, ну, а мне – озноб.

Морщусь, ищу: кто же это сказал незримо?
И, прикрывая ладонью горячий лоб,
Имя губами пробую: «Ди-ма, Ди-ма».

Я позвала. Ты пришёл через десять лет.
В клетку рубашка. Я сразу тебя узнала.
Дальше – любовь, невыученный билет,
Лампа в общаге, горящая вполнакала.
Жизнь отражалась в зеркале на стене.
А над страной ветра перемен кипели,
Пёстрые крылья газет занося извне.
Мы не в окно, мы друг другу в глаза смотрели.

Дальше наука – ссору смести рукой,
Если случайно просыплется из солонки.
И долгожданный, томительный непокой –
Сына родить и сушить паруса-пелёнки.
Дом обустраивать, спорить, стихи писать.

В омуте нежных губ обитаю – таю.
Это Всевышний задумал так: обвенчать
Нас непутёвых, Дмитрия и Наталью.

Я слышала рождение зимы,
А ты – любовный шёпот листопада,
Когда, обнявшись, проходили мы
Под сводами простуженного сада.

Я познавала строгость тишины,
А ты – сиротство старого вокзала.
Ты – уезжал, а я – не уезжала
Из маленькой доверчивой страны.

Тебе – пора. Уж кличут. Замираю.
Мне лишь дождя холодного глоток ...
Но дождик лил на всех, не выбирая,
Кто был тогда, кто не был одинок ...

Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.
Встреппенётся, вздохнёт, как живые, меха развернёт.
Он застенчиво всхлипнет коротенькой разногласицей
И протяжную русскую сам нараспев заведёт.

Он «Лучинушку» плачет – качает басы безысходные.
Он созвучья выводит. Пронзительно. Сладко. Навзрыд.
Словно жаркой слезою, он песней текучей народною
Пробирает насквозь. Берedit на душе. Берedit...

Он заходится песней. А мне всё отчётливей кажется,
Что, как исстари, сядем за стол, соберётся родня.
И потянется песня-слеза, и всем миром заладится,
То не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

Мурзина Наталья Петровна. Поэт. Член Союза писателей России с 2007 года. Родилась 14 февраля 1971 года в п. Тисуль Кемеровской области. В 1993 году окончила математический факультет Кемеровского государственного университета. Занималась в творческой мастерской Александра Ибрагимова «Аз». Работала редактором в издательстве «Кузбасс», в ГУК «Дом литераторов Кузбасса». Автор поэтического сборника «Вторжение весны» (2005). Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ОСЕННИЙ МОТИВ»

Весна ручьями разлилась
По всем кварталам,
Уборкой улиц занялась
И снегом талым:

Всё, что метелью намело
И накружило,
Весенним ветром унесло,
И ливнем смыло.

Трещат синицы, воробьи –
Нет больше стужи,
И моют пёрышки свои
И лапки в луже.

Деревья ждут, считают дни,
Глядят высоко,
И жизнь опять проснётся в них
Движеньем сока.

А улица любви полна,
Улыбки светят –
Вот что наделала весна
На белом свете.

ИЗ КНИГИ «ОТТЕПЕЛЬ»

УТРО

Чуть заметна тропинка,
Зябко ежится лес,
И сиреновой дымкой
Льется утро с небес.

Анна Александровна Назаренко

2 января 1950 г., с. Сидорово, Новокузнецкий район,
Кемеровская область

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2004 года

Темнота отступает,
Жмётся в серой дали
И прохладой тает
Возле самой земли.

Серебристой виньеткой
Месяц к небу прильнул;
Где-то хрустнула ветка,
Разбудив тишину.

То легко, то тревожно,
То взгрустнулось чуть-чуть.
И понять невозможно
Перемен этих суть.

ИЗ КНИГИ «ПРОСТО СКАЖИ»

НА ОСЕННЕМ ВЕТРУ

Потемнел небосвод,
Обнажились деревья –
От крестьянских забот
Отдыхает деревня.

На осеннем ветру
Не стрекочут цикады,
И пастух поутру
Уж не выгонит стадо.

Суета отошла
Как кривая телега,
И земля замерла
В ожидании снега.

Покорившись судьбе,
Жмётся пёс у крылечка.
И мерцает в избе
То ли печь, то ли свечка.

То ли дождь не спеша
В луже хлюпает где-то,
То ли плачет душа
По ушедшему лету.

06.08.2009 г.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Неведомой энергии потоки
Сгущаются в звенящей тишине,
И образы туманные и строки,
Тревожно приближаются ко мне.

Заветным уголочком подсознания
И шорохам неясным вопреки
Предчувствую ритмичное дыханье
Ещё не появившейся строки.

За ней придет, теперь я это знаю,
Озноба изнуряющая власть.
И выплеснет душа моя живая
И боль, и радость, и тоску, и страсть.

Затихнет всё. И в царствии нирваны
Становится спокойно и светло,
Росой забвенья на бывшие раны
Прольются слезы тихо и светло.

21.09.2010 г.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ВОКЗАЛ... ШОПЕН...

Попутчик, ожидание, транзит,
Привычный гул вечернего вокзала.
И вот, среди колонн, людей и плит,
Мелодия Шопена зазвучала.

Не может быть! Откуда это вдруг?
Рояль и пианист – на самом деле?
Но клавиши и взмах волшебных рук
Сердцами пассажиров завладели.

«Весенний вальс», ноктюрн и менуэт
Заполонили всё пространство зала –
В них было столько «да» и столько «нет»,
Что даже я попутчику сказала:

«Нет-нет! Да-да! Божественный триптих!»
И дальше что-то странное шептала:
«Ещё в душе Бетховен не затих...
И для Шопена просто места мало».

Но поезд всё расставил по местам,
И дни опять куда-то полетели...
Вокзал, Шопен, попутчик – это там,
А здесь – зима, морозы, да метели.

10.02.2019 г.

Назаренко Анна Александровна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2004 года. Родилась 2 января 1950 года в селе Сидорово Новокузнецкого района Кемеровской области. Педагог по образованию, работала в экологической службе Западно-Сибирского металлургического комбината. Автор сборников стихов «Осенний мотив» (2001), «Оттепель» (2003), «Кружение ласковых ветров» (2006), «Просто скажи...» (2012), «Ещё звенит рассвет...» (2018). Руководила литературным объединением «Гренада» (2009–2014), возглавляла Кемеровское отделение писателей юга Кузбасса. Делегат XIII и XIV съездов Союза писателей России. На стихи А. А. Назаренко новокузнецкие композиторы С. Стрельников, С. Климов, М. Маслов написали более десятка песен. Живёт в Новокузнецке.

ИЗ КНИГИ «ПОЛЫНЬ НА ВЕТРУ»

В ТИРЕ

В заснеженном Ленинск-Кузнецком
Война приземлила меня.
Впадала в сибирское детство
Зеленая речка Иня.

Мне снились тогда командиры
В буденовках с алой звездой,
«Сажали» махру возле тира
Учащиеся ФЗО.

И мне инвалид на ступеньках
Винтовку порой выдавал.
Шептал: «Целься в свастику, Сенька», –
И я иногда попадал.

И я принимал, как мужчина,
Геройский, казалось мне, вид,
Когда говорил: «Молодчина!»
Угрюмый, седой инвалид.

Ложится заветное слово
В скупые изложницы строк.
Впадает певучая мова
В сибирский крутой говорок.

В судьбу мне на радость и муки
Вплетались дыханьем реки
Днепра голубые излучки,
Притомские ивняки.

Семен Аркадьевич Печеник

6 сентября 1940 г., Киев – 12 февраля 2006 г., Кемерово
Поэт. Член Союза писателей России с 1994 года

Такая мне выпала участь:
В притомской земле берегу
Украинской мовы певучесть –
И я перед ними в долгу.

В долгу пред тайгою и гаем,
Ну как мне, скажи, не воспеть
Каштан, зацветающий в мае,
Сибирской черемухи цвет?!

ОСЕННЕЕ

Восходит лето. Расцветает
На щедрых солнечных лучах,
Но где-то, невдали от мая
Горит сентябрьская свеча.

На елке рыжие иголки,
В зеленых прядях – желтый лист,
И сердце колет тонко-тонко
Холодных капель мягкий свист.

Вот распустились все бутоны,
И сочно розы разлеглись –
Но чувствуешь, как неуклонно,
Спокойно холодеет высь.

Темна вода, сады румяны.
Озябшая шуршит листва.
Все дольше по утрам туманы
Томят речные острова.

ИЗ КНИГИ «ИЗ СТРЕМНИНЫ БЕСКОНЕЧНОЙ»

КРАСНЫЙ ПОЯС

Я помню хрип надорванный трехтонки,
Был на перроне флаг щемяще ал.
Взметнувшиеся шпалы из воронки,
Воздетый к небу рельсовый металл.

Но путь сшивали, и оживший поезд
Летел в Кузбасс сквозь страшную войну,
И все сильнее
Теплушек красный пояс
Затягивал
Урал,
Сибирь,
страну.

ИЗ КНИГИ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЕХОТА»

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

*Семейству Долговых
из г. Ленинск-Кузнецкого*

И вновь я вижу
Как декабрьским днем
Шахтер приходит к Райвоенкомату.
Толкует там
Про уголь, про заём
И просит в бой послать его,
В солдаты.
Он требует,

Он просится туда –
 Где вьюга ходит
 По шинелям серым,
 Куда идут большие поезда
 И вновь в Кузбасс
 Несутся за резервом.
 Три сына у него
 На трех фронтах,
 Три телогрейки
 Дома опустели,
 Да похоронки две на образах,
 Да в сердце посвист
 Бешеной метели.

1970 год

ИЗ КНИГИ «ЗАПАХ СНЕГА»

СТЕЗЯ

Блещет,
 Как серьга царьградская,
 Древнерусское:
 СТЕЗЯ.
 Позади тропа солдатская,
 От судьбы уйти нельзя.

Жизнь калейдоскопом кружится,
 Но останутся
 Во мне:
 Лица,
 Переулки, улицы.
 Материнский свет в окне!

Печеник Семён Аркадьевич. Поэт. Член Союза писателей России с 1994 года. Родился 6 сентября 1940 года в Киеве. В 1941 году семья была эвакуирована в г. Ленинск-Кузнецкий. Школу окончил в Киеве, служил в рядах Советской Армии в Москве. Литературное крещение получил в московском литобъединении «Магистраль» при Центральном Доме железнодорожников. В Кемерово приехал в 1962 году. После окончания Кемеровского медицинского института работал врачом, преподавал на кафедре эпидемиологии мединститута, был собкором в «Медицинской газете», «Железнодорожнике Кузбасса». Один из создателей городской литературной студии КТОМ (Кемеровское творческое объединение молодёжи). Автор поэтических сборников «Полынь на ветру» (1985), «Сто стихотворений» (1992), «Из стремнины бесконечной» (1993), «Железнодорожная пехота» (1997), «Запах снега» (2001). Умер 12 февраля 2006 года, похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 4.

ИЗ КНИГИ «УЛИЦА СИНЕГО ПЛЕСА»

ДЕТСТВО

Там в садах осыпалась малина
И горланили в роще дрозды,
День тянулся паляще и длинно
В ожиданье дождя и грозы.

Там в родник, по-январски холодный,
Не взмутив его чистое дно,
Мы глядели легко и свободно,
Как в раскрытое настежь окно.

Мы из трубок стреляли калиной
Лезли в гнёзда дроздам на беду,
И безжалостно солнцем палимы,
До озноба купались в пруду.

РЫБАЛКА

Вот и кончилось ненастье.
Долго ждал – теперь пора
Попытать рыбачье счастье
На речушке до утра.

В котелке бурлит ушица.
Жгут созвездья высоту.
И поёт костра жар-птица,
Крылья трёт о темноту.

Сергей Степанович Побокін

22 сентября 1945 г., Кемерово – 4 марта 2021 г., Кемерово
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2001 года

ДОРОГА

Синева над ней иль тучи,
А дорога, как река.
Деревеньки, лес дремучий
На вольготных берегах.

Вот и мчится, не кончаясь,
По пригоркам да лугам,
Словно к звёздам устремляясь
И спускаясь к ручейкам.

Гарью кашляют машины,
Задыхаясь, тянут груз.
И лежит в кювете шина,
Как огромный чёрный груздь.

То поля, то лес поодаль,
И звенит озон в крови,
И несёт меня дорога –
То к разлуке, то к любви.

СКИФЫ

Степь кострами задымили скифы,
Стрелами пророс тугой колчан,
В тучах перья уронили грифы,
Пьян кумыс – кочевник сыт и пьян.

Поднял он кому-то лук на горе:
Цель вдали заманчиво ясна,
Быструю стрелу пустил... но вскоре
Со спины прошла его она!

ГРОЗА

Пугаясь, грешники просили,
Бледнели: «Господи, спаси!»
И не умело грудь крестили,
Как повелось на Руси.

И, жизнь припомнив вдруг родную,
Бросали распоследний взгляд
На близость окон роковую,
Где страшно молнии горят!

Но небо гневное смолкало,
Туманилась луна в окне,
И начиналось все сначала:
Петлял Петро к чужой жене.

ИЗ КНИГИ «РУСЬ В БЕРЕЗОВОЙ СОРОЧКЕ»

СИВКА

Он тянет груз через болото,
Не раз отстёганный кнутом.
Вот так всегда – вперёд работа,
А сено как-нибудь потом.

Он в этой вечной круговерти,
Пожалуй, намертво увяз.
Залез в хомут до самой смерти,
Безмолвно слушается нас.

А на телеге конюх стонет,
С похмелья всё и всех кляня.

Хотя по правде, он не стоит
Копыта этого коня!

ПОДАРОК

В золотистый рогожный мешок
Моей поэзии я вложил летящих птиц
И обрамленный сиренью закат,
Речное серебро, пронзённое
Упругими стрелами камыша.
И пригоршни звезд, переложенных
Ватой тумана.
Прозрачную охапку утренней свежести,
От которой воспаряет душа
И отрастает глаз.
Я принес это в твой квадрат
Квартиры,
Где холодные вещи мертвы,
А солнце телевизора вялит душу.
Мои гости напомнят о твоём
Человеческом начале, о коем ты забыл,
Но, если мои товарищи тебя покинут, –
Знай, – ты уже мёртв,
Хотя крепко ступаешь по земле
И жадно дышишь.

ИЗ КНИГИ «ЛЕТНИЙ СНЕГОПАД»

НА РЕКЕ

Снова зной извёсткой выжег,
Обесцветил берега,
В перекатах ярко-рыжих

Крутит омуты река.
Синеву стрижи пронзают,
В берегах на лазе лаз.
В пене «Вихри» пролетают,
Вмиг скрываются из глаз.
Солнце иглами-лучами
Комаром ослепшим жжёт.
И копьём навис над нами
Реактивный самолёт.

Побоккин Сергей Степанович. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2001 года. Родился 22 сентября 1945 года в городе Кемерово. Служил в Советской Армии ракетчиком ПВО. Окончил Анжерский горный техникум, трудился на Анжерском машиностроительном заводе рабочим, затем инженерно-техническим работником. Автор четырёх поэтических сборников: «Улица синего плёса» (1993), «Русь в берёзовой сорочке» (1997), «Летний снегопад» (2000), «Дома-кроссворды» (2020) и книги прозы «На щуку... с кувалдой» (2006). Жил в Анжеро-Судженске. В 1997 году основал и по 2014 год возглавлял городскую литературную студию им. В. Д. Фёдорова. Умер 4 марта 2021 года в Кемерово (центральное городское кладбище № 5).

ИЗ КНИГИ «ЛУНОЧЕРПИЙ»

ЛЕТО – 2013

Андрей Николаевич Пятак

18 августа 1970 г., Кемерово
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2014 года

В цветы и травы разодело,
С далеких Нильских берегов
К нам в гости прикатило лето
На сорок солнечных деньков.

Оно турист, а не мессия,
Здесь, чтоб смотреть, а не спасать,
Как ноги детские, босые
Находят в луже благодать.

На золотом кабриолете,
По нитям солнечных дорог,
В леса, в поля, ворвалось лето –
Дарящий свет и радость Бог.

Ему мы рады, словно дети,
Как все собаки и коты.
Фуфайки сняв и все запреты,
Мы ловим запах теплоты.

Надоело ходить по земле,
Захотелось по небу пройтись,
Чтоб увидеть планет дефиле,
Не бояться падения вниз.

Я по горным взбирался хребтам,
Оставляя все беды внизу.

Быть поближе хочу к облакам,
И плавать я хотел на грозу.

Вот закончился трудный подъем,
Я брожу по полям голубым,
Небо ангельским пахнет пером...
Я расту. Становлюсь я большим.

2016 год

Стихи рождаются от лени
Или от чувства без забот.
Они, как русские олени,
Рогами ломятся вперед.

Стихи – спасение от скуки
Или от жизненных невзгод.
Они молитвенные руки,
Что обнимают небосвод.

Стихи – каракули ребенка,
Что карандаш украдкой взял,
В них Божия головоломка,
Счастливчик тот, кто разгадал.

ИЗ КНИГИ «МОЯ СОСЕДКА МОНА ЛИЗА»

КОЛИБРИ

Мне нравится колибри
Что на твоём плече,
Он малого калибра,
Но друг Эрнесто Че.

Когда рукою резко
Ты делаешь замах,
То ввысь, взмывает дерзко
Нектаролюбец – птах.

Готов писать верлибры
Про тела красоту...
Как жаль, летун-колибри –
Обычное тату.

2015 год

Я не хочу писать стихи не о любви,
Я не хочу писать стихи, что не о мае,
Я не хочу смотреть в глаза, что не твои.
Молчи, Эрато, видишь, сердце вынимаю.

Зачем мне сердце, как обитель пустоты?
Зачем мне сердце, как шкатулка без сюрприза?
Зачем мне сердце, коль меня не любишь ты? –
К прикосновениям не выписываешь визы.

2015 год

Любовь на расстоянии сильнее.
Вблизи она слепа и безрассудна.
А без неё скитаться в жизни трудно,
Она – твой ладан, миро, и елей.

Любовь – спасение одной души, другой,
Не в Царствии Небесном, в этом мире,

Где чувства, то в зените, то в надире...
Кто любит – тот воистину живой.

Любовь, и женщина, и малое дитя,
Мужская ласка через поцелуи,
И слово Бог, не сказанное всуе,
При виде Иисуса без гвоздя.

2003 год

БОРИСУ РЫЖЕМУ

Тот мир выталкивает в этот,
А этот – в тот.
Вся жизнь нам кажется пустяшной,
Как анекдот.

И где б ты ни был, чтоб ни делал,
Ты просто плод
Ошибок, радостей, стремлений.
Ты – переход...

Из мира ангелов безумства –
В запасной,
Где душу вспашут и засеют
Простотой.

2015 год

Пятак Андрей Николаевич. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 27 мая 2014 года. Родился 18 августа 1970 года в городе Кемерово. Окончил среднюю школу № 55 и СГПТУ № 66. Служил в армии в составе группы Советских войск в Германии (1988-1990). Работает оператором дистанционного пульта управления (ДПУ) на Кемеровском акционерном объединении «АЗОТ». Автор поэтических сборников «Хочешь света – полюби ночь» (2006), «На чердачке моей души» (2010), «Луночерпий» (2017), «Моя соседка Мона Лиза» (2020). Член литературных студий «Аз», «Притомье». Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ПРИВЫЧКА К ПОЛЕТУ»

То ли гул самолёта в ушах, и под ложечкой – ух!.. –
Но с чего бы? – ведь я ж не лечу, я по травке шагаю, –
То ли мир этот снова не хочет делиться на двух,
И сквозь жизнь мою, словно узор, проступила другая...

Эти странные вспышки, когда успеваешь на миг
Уличить свою руку в чужом неприкаянном жесте,
И когда непослушные связки, гортань и язык
Не своей интонацией вдруг заработают вместе... –

Это всё оттого, что не далее третьего дня
Я любила тебя на ночной половине планеты,
И к огню моему твоего примешалось огня,
И я стала немножко тобой, – и мне нравится это.

... А в далёких горах охраняют космический штиль
Те, кто ведаёт всё о великом и страшном секрете:
Что миры распадаются в пыль, – и распались бы – в пыль, –
Если б только друг друга никто не любил на планете...

Так тонко происходит по утрам
Всё, что обычно в мире происходит...
И облака в плену оконных рам,
Задумавшись, не грезят о свободе.

Так тонки грани между днём и сном,
Прозрачен воздух, деликатны звуки, –
Как будто где-то тихий метроном
Отсчитывает такты до разлуки.

Анастасия Евгеньевна Куприк (Русских)

25 октября 1971 г., Прокопьевск
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2012 года

По капельке, по чуточке, шутя, –
Как воду в речке пробуют ногою, –
Мир выплывает из небытия,
От лангольерской ускользнув погони.

Не слух – подкожье – ощущает вдруг
Легчайший шорох мчащейся маршрутки;
Свист птиц и каблучков негромкий стук
Взаимно соблюдают промежутки...

А знаешь, порою мне кажется – всё хорошо!..
Мир просто, немного качнувшись, вернулся на место.
Столетия – не в счёт, сколько б ни было их. Ты пришёл.
Сидишь, что-то пишешь. И рядом с тобой – интересно.
Как будто бы с нами так было и будет всегда,
Как будто для этого Дух и носился над влагой:
Чтоб ты, впечатлений хлебнув, возвращался сюда, –
Где можно спокойно сидеть и молчать над бумагой.

Зачёркивать, хмурясь, придирчиво несколько фраз
И, вдруг просияв, про себя улыбаться чему-то...
Прости мне нескромность моих замороженных глаз:
Ты просто не знаешь, как выглядишь в эти минуты,
Когда проступает – так ясен и неповторим –
Твой истинный образ сквозь волны, доступные зрению:
Частичка Творца, уловившая радостный ритм
Единственно нужного дела – учиться творенью...

ИЗ КНИГИ «ФРАКТАЛЫ»

ИЗ ОПЫТА МНОГИХ ПОДРУГ

Вроде счастлива. С милым не в ссоре...
Только грустью туманятся очи:

– Всем любимый хорош. Не поспоришь.
Но на мне он жениться не хочет...
Говорит он мне с нежной печалью –
Правда, голос какой-то угрюмый:
«Ну, зачем тебе паспорт с печатью?
Что изменит она? Ну, подумай!
Я люблю тебя. Я тебе верен.
Деньги – в дом.
Сам – как штык, каждый вечер.
Я ремонтом заняться намерен...»
И ведь прав. Защищаться мне нечем!
И любви мне хватает, и денег,
И свободна, как вольная птица...
Да, печать ничего не изменит.
Так чего ж он её так боится?!..

Замкнут круг – от ноября до мая.
Накружив за тридцать по судьбе,
Ничего я до сих пор не знаю,
Господи мой Боже, о Тебе.

Знаю только, что, простого быта
Постигая непростой язык,
Я перед Тобой всегда открыта,
Но закрыта от людей и книг.

В мире спор об Истине звончеет...
Кто кому расскажет про неё?
Люди – людям. Книги – книголюбам.
Мне же – Жизнь –
дыхание Твоё...

ИЗ КНИГИ

«МЫ СОЗДАНЫ ДРУГ ДРУГА ВОСКРЕШАТЬ»

Сидят, старательные, трое
У деревянного грибка
И увлечённо замки строят
Из золотистого песка.

Взмывают зубчатые башни
До неба, крепости встают –
Чтоб ради прихоти пустяшной
Исчезнуть через пять минут.

Рассыпались ряды ступеней,
Опали линии перил,
Но на руинах юный гений
Чумазый – вновь осуществил
Архитектурный план особый,
И вновь над замком вьётся флаг...

– А я могу, смотри, вот так!..
– И я хочу!
– Давай, попробуй...

Пройдёт хоть двадцать лет, хоть сто
Задач, находок и решений...
Взгляни внимательно: ничто
Не изменилось, совершенно –

Ни в нас, ни в нашем взрослом мире.
И лишь песочница всё шире.

Русских (Куприк) Анастасия Евгеньевна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2012 года. Родилась 25 октября 1971 года в Прокопьевске. Окончила психологический факультет Кемеровского государственного университета. Работала в библиотеках Прокопьевска и Новокузнецка. Призёр областного конкурса профессионального творчества библиотекарей «Книгиня – 2010». Работает руководителем отдела новокузнецкого издательства «Союз писателей». Автор поэтических сборников «Улыбка феи» (2002), «Небесная ставка» (2002), «Привычка к полёту» (2008), «Фракталы» (2011), «Мы созданы друг друга воскрешать» (2017) и книги иронической прозы «Сказки для взрослых». Живет в г. Новокузнецк Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «МИМО ВСЕХ»

ЛОШАДКИ

Беспомощною нежностью давясь,
Гляжу в янтарный заоконный вечер.
Ты – рядом, и стремительная вязь
Из-под руки рождается беспечно.

Мне страшно слов, срывающихся с губ,
И в пропасть напряжения летящих
Речною галькою – божественный испуг
Стучится в грудь пронзительней и чаще.

Но – на листке тетрадном легок бег
Лошадок, и призывно ржанье.
Голубоватой жилкою у век
Мелькнет любви блаженное касанье.

2005 год

Услышь меня – так страшно быть одной!
Стучит в груди испуганный моторчик.
Душа становится тревожнее и зорче,
И одиночество я чувствую спиной.

Услышь меня, как слушают дожди –
Вот радуга кипит в холодных лужах.
И август хвор, и капельку простужен.
А я шепчу: «Дождись меня, дожди-сь»...

2009 год

Агата Юрьевна Рыжова

24 мая 1985 г., Кемерово

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2016 года

ИЗ КНИГИ «ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ СТАЛКЕРА»

И каждый раз – всё с белого листа.
В прорехах жизнь, как рубище Христа.
Надеть его – задача не из легких.

«Сдавайся, лист!», – я выдохну строфу
И белизну бесслёзную сотру,
Следами за собой оставляю строки.

Терзала лист – и гул в душе стихал.
И жизнь проста, как рубище стиха.

БОЛЬШАЯ ТИШИНА

О чем большая тишина? О человеке,
которым я была.
О том, что завтра я проснусь другой –
тревожно это.
О том, что лето.
Я плыла, плыла
и очутилась где-то.

О том, что я не знаю,
как мне жить,
и детским взглядом
озираю всю планету,
как будто я читаю на иврите –
не понимаю, хоть убейте, хоть порвите,
чужую книгу эту.

О том, что трудный возраст
каждый год
труднее,
будто всходишь на Голгофу.
О том, что распинать своих богов –
не ново.
Но даже новость
кем-то куплена и врет.

О том, что нет ни карт, проводника,
о том, что сталкер устарел и пахнет тленом,
но сделает очередной бросок.
О том, что я живу наверняка,
но переменно,
как будто ток.

ИЗ КНИГИ «ОСТАВАТЬСЯ ЖИВОЙ»

Постоим у меня над душой –
В ней трепещется мир большой,
Полыхает, искрит и клубится.
Поскользнёшься – зови, не зови,
В неё сыплются все визави,
А прохожий молчит и боится.

И колодец, и ад, и сарай –
Как захочешь, её называй.
Ей смешно, и грешно, и утробно.
Всё сгорает, клубится внутри.
Отпечатки на пальцах сотри,
Не волнуйся и падай свободно.

Ты воскликнешь: при чём тут душа?
Разве это не огненный шар?
Он несётся, пространства съедая,
И эпохи, и охи, и страх.
Ничего не осталось в руках –
Лишь душа без начала и края.

Постоим у меня над душой –
В ней трепещется мир большой,
Полыхает, искрит и клубится.
Поскользнёшься – зови, не зови,
В неё сыплются все визави,
А прохожий молчит и боится.

И колодец, и ад, и сарай –
Как захочешь, её называй.
Ей смешно, и грешно, и утробно.
Всё сгорает, клубится внутри.
Отпечатки на пальцах сотри,
Не волнуйся и падай свободно.

Ты воскликнешь: при чём тут душа?
Разве это не огненный шар?
Он несётся, пространства съедая,
И эпохи, и охи, и страх.
Ничего не осталось в руках –
Лишь душа без начала и края.

Рыжова Агата Юрьевна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2016 года. Родилась 24 мая 1985 года в городе Кемерово. Училась на филологическом факультете Кемеровского государственного университета. Работала литературным редактором в «Доме литераторов Кузбасса». Автор поэтических сборников «Мимо всех» (2010), «Путеводитель stalkера» (2014), «Оставаться живой» (2022). Участник творческой мастерской Александра Ибрагимова «А3», руководитель литературной студии «Белый Квадрат». Участник Регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016). Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ»

НЛО

Николаю Колмогорову

Плыли в лодке резиновой и ночевали в палатке,
Толковали о звездах, продравшихся к нам с высоты,
На сырые дрова изводили из фляги остатки,
Но костер не горел, потому что хотел бересты.

Век разумный придет, от чудачеств остынет планета,
Жухлых трав колтуны аккуратно расчешет Число,
Но палатка с пропалиной, утлая лодочка эта
Вдруг зависнут над миром реальностей, как НЛО.

И рванутся потомки ответы искать по карманам,
Когда очередь наша дойдет озарять небосклон.
А мы будем грести, а мы будем грести неустанно,
И нас будет нести, как песчинку, в потоке времен.

А мы будем сидеть, привалившись к потемкам спиною,
Посредине костер – все ж таки разожжем мы его! –
Отгорожены зыбкой броней световую
От радарных систем и оракулов мира сего.

Потому что мгновения жизни вколочены в вечность –
Эта утлая лодка, палатка и наше вчера...
Сколько выдуло звезд! И летит в бесконечность
Шар земного пространства, наполненный светом костра.

Владимир Боевич Соколов

1 апреля 1949 г., Томск

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2000 года

Герману Захарову

В ладонь снежинка упадёт
и нас с тобой переживёт.

А от звезды и до звезды
всего лишь полчаса ходьбы.

Едва-едва проступит суть,
а мы уже в земле по грудь.

Вот корни, будто рябь реки...
– Эй, перевозчик, помоги!

...Теперь нам странствовать века.
Вези нас в звезды, облака,
в снежинки, в тайны света, тьмы,
во всё, что не успели мы.

ИЗ КНИГИ

«ПОДСОЛНУХ – ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА»

Поэтам начала века

Двадцатый век тонул
Упрямо и угрюмо.
Еще был слышен гул
Серебряного трюма.

Два перехода вниз
Одной и той же жизни –
Рукой руки коснись,
В которой весть отчизны.

Но шел за валом вал –
Последний, справедливый.
Пел «Интернационал»
Со сцены шкет сопливый.

Что волновало ум –
Казалось так некстати.
И все же был тот трюм,
Как в дробы – знаменатель.

Давило бремя тьмы.
И все же, все же сами
Перекликались мы
Живыми голосами...

ИЗ КНИГИ

«ОКНА ПОЛЕТА»

СЛАВЯНКА

*Сергею Неведрову из Лисичанска
(Луганская область, Украина).*

Со свадьбой не поздравил друга,
А он и приглашение слал,
И в армии подал мне руку,
И душу настежь открывал.

Быть может, я живым остался
Лишь потому, что верный друг
По мне печалился, старался,
Чтоб слабость не явил я вдруг.

Теперь по милости кретинов –
Ни снисхожденья, ни любви.
Лишь чистогана карантины –
По нашей дружбе, по крови.

Теперь я так в тебе нуждаюсь,
И снишься ты, Серега, мне.
«Заткнись! А то совсем растаю,
Ведь ты живешь в другой стране.

Теперь ты со своей берданкой,
Я со своей, ядрена мать –
Как по бутылкам и по банкам,
Друг в друга будем мы стрелять ...»

«Чтоб я стрелял?.. Не думай даже!»
«Я ж пошутил – обида жгла!..»
«Славянку» пели мы на марше,
Та песня – ротная была.

И до сих пор из-под ушанки,
Из-под кокард своих мастей
Летит «Прощание славянки»,
Все та же песня, но горчей ...

ПИСЬМО КАЗАКА ДОМОЙ

Е. Маклюк, медсестре.

Здравствуйте, маманя и батяня!
Дело к исцелению идет.
Будем жить. А как там, на Кубани,
Все уже давным-давно цветет?
Как там мой брательничек Алеха?
Стал большим? Фуражка – набекрень?..
В гошпитальной части нам не плохо,
Хоть и мрут тут люди – что ни день.
Раненых и моют и голубят.
Все приходит Ольга. Так нежна!
Говорят, но я не верю слухам,
Что она – Великая княжна.
Ольга перевяжет терпеливо.
Таня отошлет благую весть.
Марьюшка, склоненная, как ива,
Пред иконами воздаст нам честь.
Милосердье, доброта, участие.
Ну а если боль невпроворот,
Посидит возле страдальца Настя,
Песню колыбельную споет.
Вспоминать, что было, нету силы,
Но пришла – и отвела хандру.
В поле, где недавно смерть косила,
Не врача зовут, а медсестру.
Вызволила, речью ободрила,
Рухнула отчаянья стена!
Каждая что ангел белокрылый!
Если не царевна, так княжна!

Всюду нынче в мире одичалость!
 Но о них скажу в запале чувств:
 На таких державилась, держалась,
 Держится еще Расея-Русь.
 Всем поклон вам низкий хуторяне,
 Что не так – то Господи прости.
 Скоро снова буду на Кубани,
 И Святой Георгий на груди...

Ты ладонями уши закроешь,
 Убежав от людей, от всего,
 Но и там этот звук ты уловишь,
 Будто сам ты источник его.

То ли в море ломаются льдины,
 То ли в твой заскорузлый приют
 Докричались киты и дельфины,
 Всё надеясь, что тут их поймут...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

2019 год

Пора забыть мне про обновы –
 И превращаюсь я в портного:
 На жизнь свою кладу заплатки,
 Морщин заглаживаю складки.
 Но где-нибудь да всё равно
 В одежке светится окно.
 У молодых бы взять нахальства!..
 Но все потуги – не лекарство:
 Ведь в маскировке из тряпья
 Навряд ли там предстану я...

2012 год

Тишина? Тишины не бывает.
 Даже там, где лишь небо вокруг
 Всё объемлет и всё наполняет
 Этот сердце сжимающий звук.

Соколов Владимир Боевич. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2000 года. Родился в городе Томске 1 апреля 1949 года. Окончил факультет русского языка и литературы Кемеровского педагогического института. Работал учителем, научным сотрудником краеведческого музея в Минусинске, журналистом, редактором отдела художественной литературы в Кемеровском областном книжном издательстве. Автор поэтических сборников «Прожиточный минимум» (1990), «Подсолнух – затмение солнца» (1998), «Искушение» (2002), «Окна полёта» (2010), а также рассказов и романа «Баски» (2003). Живёт в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «СКОЛЬЗЯ ПОД ОБЛАКАМИ»

Нина Александровна Сурова

10 мая 1961 г., Киселёвск, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2015 года

Привычки у осени те же,
Как много столетий назад.
Скупые утратив надежды,
Последние скинет одежды
По-новому убранный сад.

Заржавленный флюгер на крыше
Свою карусель заведёт,
По воле откуда-то свыше
Улыбка с озябшей афиши,
Сорвавшись, к ногам упадёт.

И с неба печаль заструится...
Украдкой всплакнув о былом;
Летящей завидуя птице,
Мой зонтик со сломанной спицей
Взмахнёт уцелевшим крылом.

На бродягу пса похожий
Мокрой и обвисшей кожей,
Задремал, найдя приют,
Плащ на гвоздике в прихожей.
Всхлипнула на полке шляпа,
Ручейки роняя на пол;
Слышно, как дрова поют,
И подрагивает лампа.
Я с промокшими ногами
Время меряю шагами...
И как будто мама здесь –
В доме пахнет пирогами.

ИЗ КНИГИ «НА СВЕТО ТВОЕГО ЛИЦА»

В этом городе, где ты
не был,
Я живу не по твоим
нотам.
И срывается на крик
небо...
В этом мире для меня
кто ты?
В этом городе асфальт
хрупкий –
Проступает хромота
в беге.
Курыт серые дома
трубки,
О последнем загрустив
снеге.
В этом городе ветра
мокнут,
От дождя не отвернув
лица,
Где привычно, распахнув
окна,
По утрам крошу стихи
птицам.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ПОПОЛАМ СО СНЕГОМ

Я, правда, тебя простила.
Не думай. Не мучай сердце.

И утром осенним стылым
Не стой на таком ветру.
А время – не шагом. Бегом.
А шарф, ты... Ах, да, не носишь.
Дожди пополам со снегом –
Сквозь дым запотевших труб...

Теперь я живу стихами.
И смех в окоме грусти.
И медленно дни стекают.
Чем бережней, тем больней.
А скоро зима – из плена.
А ноги – в тепле? Не мокнут?
Всё так же болит колено?
К погоде, к ветрам... Ты – с ней?

Вороны с утра кричали...
Ночами, хотя бы, спится?
Соседи бренчат ключами.
Темнеет. Включили свет.
А я пироги с капустой
Сегодня пеку. И плачу.
Пустяк – обожглась... Не пусто.
Не жутко. Не холодно. Нет.

2014 год

Тихое счастье. Избушка у речки.
Чай заварю на дощатом крыльце.
Месяц пригнётся, заглянет под крышу,
Медленной речки дыханье услышу.

Ухнет в сарае задумчивый ветер,
Кто-то невидимый ветру ответит.
Август. Деревня. Смеркается. Тихо.
Сгинуло в омуте тёмное лихо.

2019 год

Недопитую грусть
высушу
И у вечности миг
высужу,
Чтоб глаза
виновато-нежные
Отыскать сквозь метели
снежные.

Снова девочкой быть
странною
С незажившей в душе
раною
И сказать в воскресенье
Вербное
все слова
лебедино-верные.

Чтобы выдох в ночи
вокзала и
На ступенях шаги
усталые.
Чтобы ночью не спать
тихою.

Чтобы в доме часы
тикали.

2021 год

Поезда, вокзалы, рельсы,
Корабли, потопа, Нои...
А в окне купе, за лесом,
Вдруг, привидится родное.

И тоска забродит в жилах,
Глянет город из забвенья.
Здесь каким-то чудом жило
Первых губ прикосновенье.

Ни Париж, ни Рим, ни Нальчик –
Город с угольной завесой,
Где голубоглазый мальчик
Называл меня Принцессой.

2021 год

Сурова Нина Александровна. Поэт. Член Союза писателей России с 2015 года. Родилась 10 мая 1961 года в городе Киселёвск Кемеровской области. В 1980 году после окончания Киселёвского педагогического училища приехала в г. Ленинск-Кузнецкий, работала учителем начальных классов. В 1998 году пришла в городскую литературную группу «Парус», руководителем которой была в 2006-2007 годах. В 2000-2013 годах являлась членом литературной группы «ЛИК». Автор поэтических сборников «Скользя под облаками» (2005), «Город забытых надежд» (2006), «На свет твоего лица» (2013), «Отзовись» (2014). Живёт в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «ВНЕ ВРЕМЕНИ»

ОДНОЭТАЖНАЯ РОССИЯ

Юлия Валерьевна Сычева

8 июля 1967 г., Мариинск, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2019 года

Пусть я полжизни что есть силы
Болтаюсь в городских силках,
Одноэтажная Россия,
Ты мне понятна и близка.

И мне твои просторы впору,
К лицу мне цвет твоих дубрав,
Где ветры водят разговоры,
Готовя снадобья из трав,

Где вдоль дорог неугасимо
Цветок пылает огонёк...
Привольным воздухом, Россия,
Позволь мне надышаться впрок!

Вернусь я в каменные джунгли,
Где шум и смог, но стол и дом,
И где душа невольно жухнет
Осенним сброшенным листом...

Чем дальше в жизнь, тем тише шаг,
и детство ближе,
оно, от счастья чуть дыша,
сосульку лижет.

Мой город, тот, что налегке
был мной оставлен,
плывет корабликом в реке
и машет ставнем,

незакрепленным на ветру,
пугая птичку,
и яблочком кислит во рту –
соседской дичкой.

ЧАШКА

Надтреснутая чашка из сервиза,
Что в переездах выжила одна ...
Она как туристическая виза
В те канувшие в Лету времена,

Где дед шутил, и бабушка смеялась,
И вся семья шумела у стола,
Пока я, снова замышляя шалость,
Вертелась под ногами как юла.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

живешь вне времени в затерянной деревне
как вдруг весной оглянешься и вот
захочется каких-то обновлений
задумаешь какой-нибудь ремонт

а приглядишься из оконных створок
и ничего не хочется менять
в упадке обветшалога забора
в рисунке окосевшего плетня

пусть всё вокруг естественно стареет
естественно стареет и внутри
пусть огород затянется пыреем
под крышу прилетят нетопыри

и к дому зарастут пути-дороги
не слыша ни ура ни топора
тогда раздастся голос тихий строгий

– Пора!

Перед тобой, любимый, сто дорог,
Я это чувствую, я вижу сердцем.
И остывает на столе пирог,
Заботливо прикрытый полотенцем.

Мои дела так мелки и скучны
(Что сравнивать с задумками твоими!):
На холст перенести цветные сны,
Придумать рыжему котенку имя,

Присесть под вечер с книгой на порог
И помечтать в глубокой тишине ...
Перед тобой, любимый, сто дорог,
И каждая из них ведет ко мне.

Друг далёкий, единственный, верный,
всё, что раньше писала – забудь.
Нас нещадно подправило время,
неизменна лишь самая суть.

Я по-прежнему в Бога не верю,
но отчётливей день ото дня,
наверху, за небесною твердью
Он, похоже, поверил в меня.

ИЗ КНИГИ «ТЕМНЫЕ ИСТОЧНИКИ»

Свершилось – оформлена купчая.
Наличный доход невелик,
но все же наследство получено
и разделено на троих.

Всего и осталось-то: вынести
за годы накопленный хлам.
На что старикам был он? Бог весть их,
и вовсе не надобен нам.

Да только застынешь как вкопанный,
проснется в груди детский плач:
всё та же берёзка под окнами,
да тополь,
да карагач...

Хоть не высчитывай заранее,
а до финиша – лишь рывок
Я на дальние расстояния
не бегун уже, не ходок.

От того ль, что дыхание коротко,
или лет пережитых груз?
Я возьму с собой то, что дорого,
а от лишнего отрекусь.

Сычева Юлия Валерьевна. Поэт. Член Союза писателей России с 2019 года. Родилась в городе Мариинск Кемеровской области. Окончила математический факультет Кемеровского государственного университета. Автор поэтического сборника «Вне времени» (2017). Член литературной студии «Притомье». Участник Второго регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2018). Редактор поэтического сообщества «Термитник поэзии». Живет в городе Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ФОКСТРОТ ЛИСТОПАДА»

Все уже круг моих друзей.
Не потому, что их не стало,
А просто годы чем-то малым
Распоряжаются быстрее.

Не потому, что в инстаграм
Мы навсегда переселились
И крайне видоизменились
Без разговоров по душам.

Бывает, долго не звоню,
Обиды-четки ковыряю
И замечаю, как мельчаю:
Друзей заочно хороню.

... Казалось раньше: времена
И расстоянья одолимы!..
Но одиноки, нелюбимы,
И ни покрышки нам, ни дна ...

Вдруг оказалось тяжело
В подпольях дожидаться эха.
Искать поддержки и успеха,
Не высевая ничего ...

НА ПРОЩАНИЕ

Истончилась жизнь до хлипкой нити
И с финальным сполохом грозы

Елена Дмитриевна Трухан

30 апреля 1972 г., Новокузнецк, Кемеровская область
Поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России с 2019 года

Воспарила для иных открытий
Крылышком микронным стрекозы...

Из страны, где ничего не нужно,
Где утёс бодают облака,
Передай мне поцелуй воздушный,
Робкий, словно трепет мотылька.

Кроткой дробью пальцев среди ночи
Разбуди, чтоб от любви сомлеть,
Если на прощание захочешь
Божией коровкой залететь...

Тепло и безветренно в наших краях.
Дождём ледяным не карает природа.
Отсрочил пришествие нудный ноябрь,
И вечность – до старого Нового года.

Пустынно и глухо в мирской пестроте:
Ни слова, ни стога, ни детского плача.
И дух, в первозданной его наготе,
Ещё не настигла шальная удача.

И рано безвольные крылья сложить,
И поздно тужить про иную дорогу...
Есть время светло и свободно пожить,
Что, в общем и целом, – веление Бога.

Трухан Елена Дмитриевна. Поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России с 2019 года. Родилась 30 апреля 1972 года в Новокузнецке Кемеровской области. Окончила филологический факультет Томского государственного университета. Заместитель директора по научной работе в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского. Автор поэтического сборника «Фокстрот листопада» (2020) и двух книг прозы «Зёрна» (2018), «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855-1857 годов» (2021). Руководитель новокузнецкого филиала Кемеровского отделения Союза писателей РФ с 2019 года. Живет в г. Новокузнецк.

ИЗ КНИГИ «ОДИНОЧЕСТВО – ТЕНЬ НА СТЕНЕ»

Одиночество – тень на стене
От луча восходящего солнца.
Это то, что приходит во сне,
А потом навсегда остается.

И недели – одна за одной –
Так всю жизнь и цедить понемножку,
Чтобы рядом был кто-то родной,
И чтоб это была не кошка.

Дверь закрыв за собой, не страдать,
Но в оконце рассвет неяркий.
Одиночество – это когда
Больше некому делать подарки.

20 мая 2002 г.

ИЗ КНИГИ «ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ ДУШИ»

Везет старушка сына-дурачка.
Троллейбус осмотрел с пренебреженьем
Макушку, поседевшую слегка,
И ясные глаза без выраженья.

Смеется и болтает о футболе –
Он едет в никуда из ниоткуда.
«Мамуль! А мы поедем к дяде Коле?
А с вишенкой мороженое купишь?»

Ирина Михайловна Тюнина

30 апреля 1972 г., Кемерово

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2013 года

«Чем дальше в жизнь, тем люди только злее,
А рядом с ним – мудрей дурак любой», –
Она его стыдится и жалеет,
И дарит кепку с надписью «ковбой».

Из ночи в ночь привычка плакать тише:
Пускай поспит, проснется – не поймет...
Она уже давно на ладан дышит –
И померла б, да кто его возьмет?

Он так живет, как будто вовсе не жил,
А где-то отсиделся в стороне.
В его глазах ручья лесного нежность,
Где теплится любовь на самом дне.

2008 год

НЕДВИГОВКА

Недвиговка – подсолнуховый зайчик,
Затерянный в далекой стороне.
Завещанная пращуром казачьим,
Поблёскивает шашка на стене.

Следит старик сквозь узкое окошко,
Как паутинка плещет в уголке.
А по садовой стоптанной дорожке
Спешит хозяйка с яблоком в руке.

Все также свеж убор ее червлёный,
Глаза смешливы, как давным-давно,
И виноград безоблачно зелёный.
По осени искристое вино

Польётся в бочки солнечной рекою
Из-под ноги девчоночьей босой.
Играет время детскою рукою,
С ладони на ладонь течёт песок.

Дед чистит шашку честно, раз в неделю.
Висит в шкафу прадедовский бешмен.
Казак обязан быть при ратном деле,
Всегда готовый, пращуру взамен,

Встать на защиту весей порубежных
На боевом, нагулянном коне.
А дни идут походкою неспешной.
Звонят к заутрене, и смерти больше нет.

Июльский воздух тих, как будто дремлет.
И на душе покойно и легко.
В Недвиговке не двигается время,
Лишь облака на фоне облаков.

2011 год

ЯБЛОНИ

Увядает цвет до срока.
Лихо мыкает одна
Горькой брошенкой убогой
Безмужицкая страна.

Нас война осиротила
Вот, уж скоро век назад.
Не бывать молодке с милым,
Не читать в его глазах

О любви-тростинке хрупкой.
Не кручинушка, беда!
Иссушают годы руки,
Только доли не видать.

Ковылем льняноголовым
Три колена без отцов.
Перевернута подкова.
Вот, и выпала любовь!

Вот, и выпала монеткой,
Да и в подпол, не догнать.
Счастье есть, и счастья нету.
В день – одна, и в ночь – одна.

И несбывшаяся нежность,
Словно поезд на ходу:
Толи саван белоснежный,
Толи яблони в цвету.

2011 год

ИЗ КНИГИ «ВРОДЕ ЖИЗНЬ»

В потертых джинсах, рваных кедах
Вдыхает яблоневый цвет,
И народившееся лето
Несет по городу поэт.

Блокнот. набросок карандашный.
Девичий профиль в две строки.

Зеленоглазая Наташа
В прикосновении руки

Вдруг оживет и встрепенется.
Восторг творца не передашь!
И юный гений улыбнется,
Покусывая карандаш.

И одуванчиковым пухом
Мгновенья отсвет золотой ...
Июнь. Перо заткнув за ухо,
Проходит Пушкин молодой.

30 мая 2012 г.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Словно воздух вдыхая нездешний
Сквозь разрыв климатических зон,
Вечерять в итальянской кафешке,
Где тоскует живой саксофон.

Неторопкою чайной беседой
Отыскать бытия лоскуток,
Где исполненный липовым цветом,
Пробежит электрический ток.

Заглядится на лунное блюдо,
Раскрылится по-птичьи душа ...
И счастливые летние люди
Никуда не спешат ...

2018 год

Так надолго застряли в безвременье,
Скрыты масками, словно щитами –
Целый год карантинного бремени!
Мы знакомых не досчитались.

У погоды тепла не допросишься.
Ветер гонит листву по аллее...
А те люди, что умерли осенью,
Летом еще не болели.

2021 год

ЧАСОВНЯ ТОПОЛЯ

А время никого не убедит –
Тоской разверстой
Часовня тополя хранителем стоит
На прежнем месте.

Сквозь хмурый день нежданной синевой
Прорвется птица,
Да бабушка на тополь горевой
Перекрестится.

Здесь, словно затаенная гроза,
Стояла «Вишня».
Здесь в воздухе струятся голоса,
Но слов не слышно.

2021 год

Тюнина Ирина Михайловна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2013 года. Родилась 30 апреля 1972 года в городе Кемерово. Окончила факультет романо-германской филологии Кемеровского государственного университета. Работает синхронным переводчиком в Кемеровском государственном медицинском университете. Член литературных студий «Аз», «Притомье». Автор поэтических сборников «Одиночество – тень на стене» (2008), «Дефрагментация души» (2012), «Вроде жизнь» (2013). Лауреат муниципальной литературной премии им. И. М. Киселева (2012). Живет в Кемерове.

ИЗ КНИГИ «НА ТОНКИХ СТРУНАХ ЛЮБВИ»

ОТЕЦ

Давно не слышно канонады ...
Но слышен гул – здесь шахта рядом ...
Когда детишкам сладко спится –
Идут шахтеры вереницей –
Там наш отец ... Он каждый раз
Целует на прощанье нас ...

ШАХТЁРСКАЯ ПЕХОТА

Отбой, закончена работа!
И, чёрным обливаясь потом,
По шпалам бодро, как по нотам,
Идёт шахтёрская пехота ...

В пластах угля звенят пустоты,
Летят по штреку анекдоты,
И «на-гора» в свои заботы,
Идёт шахтёрская пехота ...

БЕСКОНЕЧНО ДОРОГО

Сменю бесконечную зиму на бесконечность лета,
Где есть бесконечное море и бесконечность света,

Где новых лиц бесконечность, и свежий весенний ветер,
И вместо зимней суровости день золотист и весел.

Смогу я там затеряться в лицах мне незнакомых,
Где даже холодный камень живёт по другим законам ...

Светлана Владимировна Уланова

2 января 1967 г., пос. Елизово, Камчатская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2015 года

Смогу ли? ... А, может, лучше, остаться, пока не поздно,
И вспомнить, как в тихой речке ночью купаются звёзды,

Дремать под берёзой летом под шёпот знакомых листьев,
Под шелест листвы осенней забыться в собственных мыслях ...

Уйти в знакомые дали, где детство, как было и небыло,
Где есть бесконечность снега и бесконечное небо ...

Где бегали наши дети и воспоминаний ворох,
Где почерк родного края мне так бесконечно дорог.

ИЗ КНИГИ «КОЛЬЧУГИНО КОЛЕЧКО»

БАБУШКЕ

Ночь крадётся чёрной кошкой,
Испугавшейся свечи.
Тянет из сеней морошкой,
Хлебным духом из печи.

Вспомним, милая, о прошлом
Или просто помолчим,
Пусть молчанье о хорошем
Растворяется в ночи.

Посиди со мной немножко,
Слово нужное скажи,
Проведи своей ладошкой
Мне по краешку души.

От чашки любимой остались одни черепки,
Она мне однажды в наследство от мамы досталась.
Узор, потускневший от времени и от руки,
Когда-то был ярким, но время безжалостно к старым.
Прозрачность фарфора проверю, направив на свет,
Увижу не дно – только трещины времени, века ...
На свете, увы, ничего постоянного нет,
Жизнь чашки порою длиннее, чем жизнь человека ...
Разбитая чашка. Окно. Солнце издали
Не спит глаза, но играет лучом на запястье ...
Когда-нибудь также состарюсь в любимых руках –
А в этом, быть может, и есть настоящее счастье ...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

На пороге жизни длинной
Стать мечтала балериной.

Оказалось, по дороге
Школ для балерин не много ...

Здесь, в Кузбассе, свой балет:
Здравствуй, горный факультет!

На-гора поёт пичуга:
«На плечах твоих – Кольчуга!

Как тебе в балетной пачке
Мерить угольные пачки?

У подземной Девы-Примы
Экономия на гриме!»

Я мечтала о пуантах –
Здесь другие варианты:

Две балетные ноги
Заковали в сапоги.

2020 год

ОСЕННЕЕ

А мне в ноябре снова хочется снега,
Морозного воздуха и чистоты,
Чтоб снежными хлопьями падало небо,
А утром на белом увидеть следы –

Узоры знакомой доверчивой птицы,
Которая будит меня по утрам,
Выводит мелодию клювом синичьим,
Стучится окошко: «Тук-тук-та-ра-рам!»

В конце ноября и зима недалече...
Прослушав прогнозы сибирской волны,
Я старые валенки грею на печке,
И пусть босоножки поспят до весны.

2018 год

Уланова Светлана Владимировна. Поэт. Член Союза писателей России с 2015 года. Родилась 2 января 1967 года на Камчатке. Окончила Кузбасский политехнический и Томский архитектурно-строительный университеты. Много лет проработала на шахте инженером-маркшейдером, ныне – инженер-эколог в Кузбасском клиническом центре охраны здоровья шахтеров. Автор поэтических сборников «На тонких струнах любви» (2011), «Кольчугино колечко» (2014), серии книг для детей: «Весёлые трафареты» («В лесу», «На ферме», «Транспорт», «Овощи-фрукты», 2015). Победитель Всероссийского «Фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова» (2014). Руководитель городской литературной группы «Прометей». Главный редактор альманаха «Свет Прометей». Вместе с Дмитрием Филиппенко является организатором всероссийского литературного фестиваля им. А. Бельмасова. Живёт в городе Полысаево Кемеровской области.

ИЗ КНИГИ «НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПУЛЬСА»

ДЕРЕВНЯ ДЕТСТВА

Дмитрий Александрович Филиппенко

7 декабря 1983 г., Ленинск-Кузнецкий, Кемеровская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2016 года

Я приехал в деревню свою,
Чтобы детство увидеть далёкое.
Снова плечи целует июль,
Задышали свободой лёгкие.

Прикоснулся я к чистой траве,
Отогрел возле озера душу я –
И остался в берёзах навек,
Птичью музыку сердцем слушая.

А когда приползёт темнота,
Сяду я на скамейку у тополя...
Деревенская спит красота,
И название ей – Протопопово.

Позволяй мне с тобою мириться,
Снова ссориться не разрешай,
Я нашел, где у неба ресницы,
И узнал, где у солнца душа.

На зеленых страницах печали
И в сиреневых нотах тоски.
Мы нашли то, что долго искали
Ядовитым словам вопреки.

Ты вернулась ко мне, и не надо
Снова рвать эту хрупкую нить.
В серебристой листве снегопада
Мы сумели любовь сохранить.

ИЗ КНИГИ «КАЧЕЛИ НОСТАЛЬГИИ»

СНЕГА

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот – на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

МЕЧТА

Когда мне было восемь лет,
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, плойка;
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»,
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

Куда же вы уходите, друзья?
Я верю, что уходите вы в детство
И пишете там письма для меня,
И шлёте мне их в преданное сердце.

Не знаю, будет встреча или нет,
Но нашей дружбы свет – неразделимый.
Я нарисую каждого портрет,
И подпишу их: «Коля», «Миша», «Дима»...

Бессмертен воздух и жива вода,
Пока есть память и стихи сияют.
Меняют нас и горе, и беда –
Друзей и после смерти не меняют.

Филиппенко Дмитрий Александрович. Поэт. Член Союза писателей России с 2016 года. Родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Автор поэтических сборников «На ладонях берёзовых рук» (2012), «Небо на подоконнике» (2014), «На побережье пульса» (2017), «Зайди за мною жить» (2020), «Качели ностальгии» (2021). Лауреат межрегиональной литературной премии им. В.А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Живет в г. Ленинск-Кузнецкий.

ИЗ КНИГИ «ПРИГОВОРЁННАЯ К ЛЮБВИ»

Не люблю я ни зауми,
Ни мирской чепухи:
Я хочу, чтобы стаями
Разлетались стихи.

А чужие, мои ли –
Дело вовсе не в том:
Важно, чтобы поили
И питали теплом.

Не парадность блестящая
Вдохновляет меня –
Важно чувство щемящее:
Сплав тоски и огня.

Не красивая выпренность,
Плод «набитой» руки, –
Мне важна только искренность
Озаренной строки.

Утешая и мучая,
Слетаются стаи,
Потому что созвучия
В душе прорастают.

ИЗ КНИГИ «ЛИНИЯ СЕРДЦА»

Что мне осталось от тебя?
Невольные воспоминания,

Ирина Александровна Фролова

14 июня 1954 г., Кемерово
Поэт. Член Союза писателей России с 2006 года

Что греть не могут – лишь знобят,
Сбивая ровное дыхание:

Прощальный предзакатный час
В потоке радужного спектра,
Что неожиданно потряс
Вечернюю прохладу ветра;

Невозвращение назад
При очертаниях сверхдальности
И увлажненные глаза
От собственной сентиментальности...

ИЗ КНИГИ «ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ»

Оглушая немотой своею,
Сыпались осколки тишины...
Ни о чем я в прошлом не жалею,
Но с тобой расстаться мы должны.

И кольцом сжимается у горла
Неизбежность близкого конца...
Медленно с подушки стерла
Отпечаток твоего лица.

Не говори мне о любви:
И думать-то о ней не хочется;
И за собою не зови –
Желанным стало одиночество...

Будь только рядом иногда,
Чтобы душа могла поприрадовать...

У нас не только города,
У нас с тобой и страны разные.

Вкусно пахнет картошкой с грибами
С чесноком и маслом подсолнечным,
И подвешен гамак меж столбами
На участке веселом и солнечном.

Тянет гарью от «керосинки»,
Над розеткой вьется пчела,
И белье полощется в синьке,
И визгливо скрежещет пила.

Дед, сощурился, газету читает,
Внучка в детской коляске одна...
И никто на той даче не знает,
Что полдня уже длится война.

А она уже распростерла
Черно-вдовый платок над страной,
Крики, рвущиеся из горла,
Задержав на даче одной...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

За чаем сидим у соседки:
Она на пирог зазвала...
Три вышитых гладью салфетки
Закрыли пространство стола,

Два крашенных шкафчика, печка
И два табурета впритык,

В бочонках овсянка и гречка
На полке стоят у плиты;

Как марля редки занавески
(Но с улицы щит для жилья),
Протянуты толстые лески
По верху для сушки белья;

Янтарные шарики лука
Висят в половинках колгот,
А рядом по левую руку
Герань на клеенке цветет;

В надколоте блюде обмылки
И сода – залог чистоты,
В советской молочной бутылке
Искусственные цветы.

Пирог исходил ароматом,
«Вспотела» салфетки кайма ...
Соседка молчит виновато,
Мой взгляд удивленный поймав ...

А в мойке с отбитой эмалью
Сочится из крана вода,
Глаза наполняя печалью:
«Так было при маме. Всегда ...»

2014 год

Какой простор: как дышится легко,
И хочется забыть, что раньше было,

И воздух, как парное молоко,
Вливается живительной силой!

Какой полет: как хочется запеть,
Выталкивая рвущиеся звуки,
Ногами ощущать земную твердь,
А к небу простирать призывно руки!

Какое утро: свежесть и уют,
Раскованность, свобода без оглядки!
И нежно ангелы в душе поют,
И верить хочется, что все в порядке ...

2019 год

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮНОСТИ

Сентябрьская сочность прохлады,
Ажурного инея след –
Навис над роскошеством сада
Едва различимый рассвет.

И радость ликующей птицей
Пронзает редящий мрак –
Все это не раз повторится
Уже по-другому, не так ...

Потянутся сонные блики
В игольчатый Солнцеворот,
Очерченным счастьем великим
На цыпочках утро войдет;

Румяня бока наливные
Тяжелых осенних плодов,

Впряжется в заботы дневные
До колких ночных холодов.

Как юность легка и беспечна,
Ей осени клич – не указ:
К светилам остроконечным
Взмывает отточенность фраз!

Там море всегда по колено,
Там мягче граниты наук ...
И только одно неизменно:
Созревших плодов перестук.

А кольца от пестрых разметок
Свернутся спиралью годов ...
Лишь яблоки падают с веток
Натруженных жизнью садов ...

2021 год

ИЗ КНИГИ «ПРИГОВОРЁННАЯ К ЛЮБВИ»

Била жизнь обо все углы
И, как тесная обувь, жала,
Но за праздничные столы
Все равно иногда сажала.

На судьбу мне грешить нельзя –
Все «срослось» и определилось,
Рядом были семья, друзья:
Не одна об углы я билась.

Немудрен житейский закон:
Я менялась – и жизнь менялась.
Добрым людям – низкий поклон:
Как бы я без них состоялась?!

Фролова Ирина Александровна. Поэт. Член Союза писателей России с 2006 года. Родилась в г. Кемерово 14 июня 1954 года. Окончила Кемеровский государственный университет. Преподавала в Кемеровском областном колледже культуры и искусств отечественную литературу, культуру речи, русский язык. Почетный работник среднего профессионального образования Р.Ф. Заслуженный учитель Российской Федерации. Автор поэтических сборников «Прошлогодний снег» (2004), «Линия сердца» (2004), «Приговорённая к любви» (2007), «Крохотки» (2007). Лауреат муниципальной литературной премии имени И. М. Киселева (2007). На стихи Ирины Фроловой созданы песни композиторами В. Крайневым, М. Аристовой, В. Барковским, Л. Катерисовой. Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ЗАПОВЕДНОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

Ольга Сергеевна Хапилова

14 июля 1981 г., пгт Темиртау, Таштагольский район,
Кемеровская область

Поэт, член Союза писателей России с 2018 года

А помнишь, братишка, мы видели белку? –
Всё было как будто на прошлой неделе;
Снег сыпал за ворот, колючий и мелкий,
Сорвавшийся с лапы встревоженной ели.

Петляла лыжня в колее снегохода,
Шептали друг другу с тобой без утайки:
Вот вырастем – тоже пойдём на охоту
И купим собаку, конечно же, лайку;

А лучше упряжку задорных и прятных.
Как явственны в памяти звуки, ты слышишь? –
Отец возвращался со скрипом калитки
И скидывал мехом обитые лыжи;

Насвистывал, крякал, стучал в рукавицы.
За всех не ручаюсь, не знаю, а наша
Мечта отдавала кедровой живицей
И сернистым запахом из патронташа.

А в зеркале лица немного помяты,
Но столько в них жизни, души, интереса,
Что кажется – в сущности те же ребята
Глядят с придыханием в сторону леса.

Из травы под ногами вспорхнёт перепёлка-рябица,
На минорный мотив в тростнике просвистит бурундук –
И себе удивляешься: сердце способно забиться

От малейшего взгляда на, прямо сказать, ерунду;
 От качания лёгкого маковок острых еловых,
 От воды в роднике, что о камни плескаясь, дрожит;
 От прохладного ветра, что с неба сорвавшись стрелою,
 Будто с гладью морской, заиграется с зеленью ржи;
 От пастушьей собаки, бегущей по полю навстречу;
 Оттого, что и поле от ярких соцветий пестро;
 Оттого, что в полёте растаял над сопками кречет,
 Обронив прямо в руки нагретое солнцем перо.

СЛОВА

Открывается даль, как шагнёшь за порог от семьи –
 Лишь бы смочь описать этот домик, окошки да ставни –
 Сколько значимых слов ты усвоил со школьной скамьи;
 Век живи – век учись: глубины до конца не достанешь.

Я не знаю, какую пройти возрастную черту,
 Чтоб прочувствовать миг наяву, беззаветно щемящий –
 Есть слова, что всегда с послевкусием тают во рту,
 Будто мёдом облитый душистый и пышущий мякиш.

Как пронзают умы те слова за всполохом всполох –
 А казалось бы, что там, слова, без прикрас, без узоров!
 Так трепещет душа, что застигнута в полночь врасплох,
 Пред беззвучною речью июльских зарниц-хлебозоров.

Пусть подольше удержится небо на наших плечах;
 Пусть найдутся слова, чтоб наполнить собою страницы!
 Пусть не будет дождя – пусть, гудя в конопатых лучах,
 Над своим разнотравьем летают шмели-медуницы!

Хапилова Ольга Сергеевна. Поэт, член Союза писателей России с 2018 года. Родилась 14 июля 1981 года в пгт. Темиртау Таштагольского района Кемеровской области. В 2001 году окончила Новокузнецкое медицинское училище. Работает фельдшером-лаборантом участковой больницы в поселке Темиртау. Автор поэтических сборников «Молодое вино» (2012), «Заповедное русское слово» (2017), «Хлебозоры» (2017). В 2015 году стала лауреатом Третьего всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова и областного конкурса стихов и прозы «Новая книга». В 2022 году стала лауреатом Международного конкурса «Молитва» и победителем в номинации «За верность духовным традициям русской поэзии» имени Николая Тряпкина. Живет в пгт. Темиртау.

ИЗ КНИГИ «ДОРОГА В ТОПОЛЯХ»

Сегодня вечер тих и нежен.
Наш двор за окнами заснежен.

И свет от желтых фонарей,
Как дар волхвующих царей.

В такие вечера – мы дети.
И мягок снег, и легкий ветер,

И мир, как сказка о добре,
Лежит на расписном ковре.

И хочется за руки взяться,
И утешать, и утешаться,

И быть любимым, и любить,
И бесконечно вечер длить.

«Сронила колечко» мы с бабушкой пели.
Подсолнухи зрели, картошка цвела,
Капуста, петрушка, чеснок зеленели,
И к солнцу тянулась от лука стрела.

Мы только что грядки обильно полили,
Почти всю траву пропололи вдвоем,
На уличной печке борща наварили,
Поели, попили и тихо поем.

Валяются туфли мои от Лорана,
Валютное платье, черненный браслет.

Людмила Ивановна Чидилян

6 февраля 1956 г., Белово, Кемеровская область
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2003 года

На мне мой любимый халат без кармана,
Который бабуле дарил еще дед.

«Пускай люди судят», – бабуля выводит,
А я подпеваю»: «Пускай говорят»...
И вдовая Лида в своем огороде
Притихла и плачет меж свекольных гряд.

ЭТО Я

Фотография из семейного альбома.
Скверик из акаций, кленов, тополей.
Карусель с лошадкой в глубине аллей.
Гипсовый мужчина с гипсовым значком
Между листьев смотрит дырочкой-зрачком.
Рядом деревянный, в речках, ларек,
У окошка мальчик, нос уткнул в кулек.
А по тротуару, за руки держась,
С папою и мамой я иду, смеясь.
В платице из шелка, с сумочкой в руке,
С подзажившей ранкой на худой ноге.
С бантом из капрона в редких волосах,
В маминых, со стрелкой сломанной, часах.
Почему – не вспомнить – я там хохочу?
Может быть, мальчишке нравится хочу...
Видел или нет он, мне теперь гадать,
Как, за руки взявшись, я могу летать!

ПАПИНЫ ДРУЗЬЯ НА РЕЧКЕ
ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

От воды намокшие чубы,
Руки сжаты на плечах друг друга,

Мошкаррой искусанные лбы –
Три беловских пацана, три друга.

Из сатина длинные трусы
Облепили острые коленки.
От жары облезлые носы.
На руках натруженные венки.

Над губой пушок едва возник,
Но и голод, и войну застали.
Вождь надколотый, товарищ Сталин,
Смотрит в сердце каждого из них.

Вечерний час. Зима. Дорога в тополях.
Вновь выпавший снежок следы оставить манит.
И крестная моя в потрепанных мехах
Укутанную в шаль меня ведет из бани.

Малы мои шаги. Мне нет еще шести.
Клубится пар сквозь шаль, и в инее ресницы.
От стужи воздух сиз. Нам далеко идти,
И тетушка в сердцах ругает поясницу,

И сына, и сноху, и стекловолокно,
Которое она за смену прессом давит,
Но тут вдруг оборвет: «Коль Бог закрыл окно,
То, может, для меня хоть форточку оставит».

А мне так хорошо; я знаю, будет чай,
И лёля перед сном ко мне в кровать приляжет,
И будет кот урчать, и крестная, шепча,
Мне вместо сказки вновь про молодость расскажет.

ИЗ КНИГИ «ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ ДЛЯ МЕНЯ»

СОЧИ

Сочи. пляж, разогретый солнцем.
Малолюдно. В шашлычной «Гранат»
Из раздаточного оконца
Улыбается официант.

Пляшут волны в лучах заката.
Про несчастную про любовь
Под гитару поют ребята.
Осы тырят гарнир морковь.

Мальчик худенький с парашюта
Не решится никак нырнуть.
Разгоняется, как ракета,
Тормозит и в обратный путь.

Пахнет морем. Мы с Алей, дочкой,
О Булгакове говорим,
Вспоминаем Шекспира строчки,
«Каберне» пьем и сыр едим.

Ах, продлись, не кончайся, лето!
Время, время, прерви свой счет!
Но пусть мальчик тот с парашюта
Все же прыгнет и поплывет!

Как странно: одна в тишине
Живу на таежной даче.
Никто не приходит ко мне,
Лишь птица какая-то плачет.

А я, к своему стыду,
Не знаю той птицы название.
По мокрой опушке бреду,
Пытаюсь понять призвание,

Обыденной жизни смысл...
В тучах закат играет.
И вдруг поражает мысль:
День нынешний догорает,

А я все чего-то жду,
Все мудрствую сонливо.
Не радовалась дождю,
Как мята, полынь, крапива.

Не слышала, что оса
Мне на ухо прожужжала,
Не видела, как роса
На ландыше чуть дрожала.

Я все пропустила! Все!
Мгновенье не повторится!
О, как же имя твоё,
Расплакавшаяся птица?!

На бетонно-литом постаменте
Перед входом в клуб цинкзаводской
Два вождя всех народов на свете
Охранили районный покой.
Они вдаль неотрывно смотрели,
Будто в небо руками рвались,
От дождей и метелей колели

И на солнышке летом пеклись.
 Мы с подружками Тоней и Галей
 У вождей в великаньих ногах
 В заколдованный замок играли,
 Троны делали на сапогах,
 Клад из бус у подножья хранили,
 На ботинках кот Васька дремал,
 И вождей мы по-детски любили,
 А за что, никто точно не знал.
 Но однажды ночью порою,
 Вождь усатый куда-то исчез.
 Увлеклись мы другою игрою,
 Стали бегать на речку и в лес.
 Вождь в ботинках на месте остался,
 Но, казалось, чуть взгляд опустил.
 Он и раньше-то не улыбался,
 А теперь и совсем загрустил.
 Я его понимала, жалела.
 И, чтоб как-нибудь развеселить,
 Прислонившись к ноге, звонко пела
 О стране, где мне радостно жить.

Все случилось до меня:
 Рыбы бездну заселили,
 Птицы небо веселили,
 Звери жили, как родня.

Прародитель мой Адам
 Не просил за грех прощенья.
 Зыбкий круг жизневращения
 Был за это миру дан.

Благодатная земля
 Кровь и пот перерождала,
 Терпеливо возвращала
 Травы вешние в поля.

Запах леса и лугов
 Перевоплощался в трели,
 И стихи, и акварели
 Окрыленных чудаков.

Все случилось до меня:
 Нрава моего зачатъе,
 Воскресенье вслед распятью,
 Жажда завтрашнего дня.

Все случилось для меня!

Чидилян Людмила Ивановна. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2003 года. Родилась в г. Белово 6 февраля 1956 года. Окончила Кемеровский государственный институт культуры. Преподаватель в Губернаторском многопрофильном лицее-интернате, ранее работала в Кемеровском городском классическом лицее. Автор поэтических сборников «Руки прикосновенье» (1999), «Дорога в тополях» (2003) и сборников прозы «Все случилось для меня: стихи, проза» (2011), «Лида в поисках любви» (2017). Лауреат Кузбасской литературной премии имени Святителя Павла Тобольского за повесть «Встречи в хосписе» (2020). Живет в г. Кемерово.

ИЗ КНИГИ «ФАНЕРНАЯ ДВЕРЬ»

ЗИМА НАСТУПАЕТ

Сугроб ползёт, как бронепоезд
Неописуемой красоты,
Бредут дома, в снегу по пояс,
Надвинув крыши на носы.

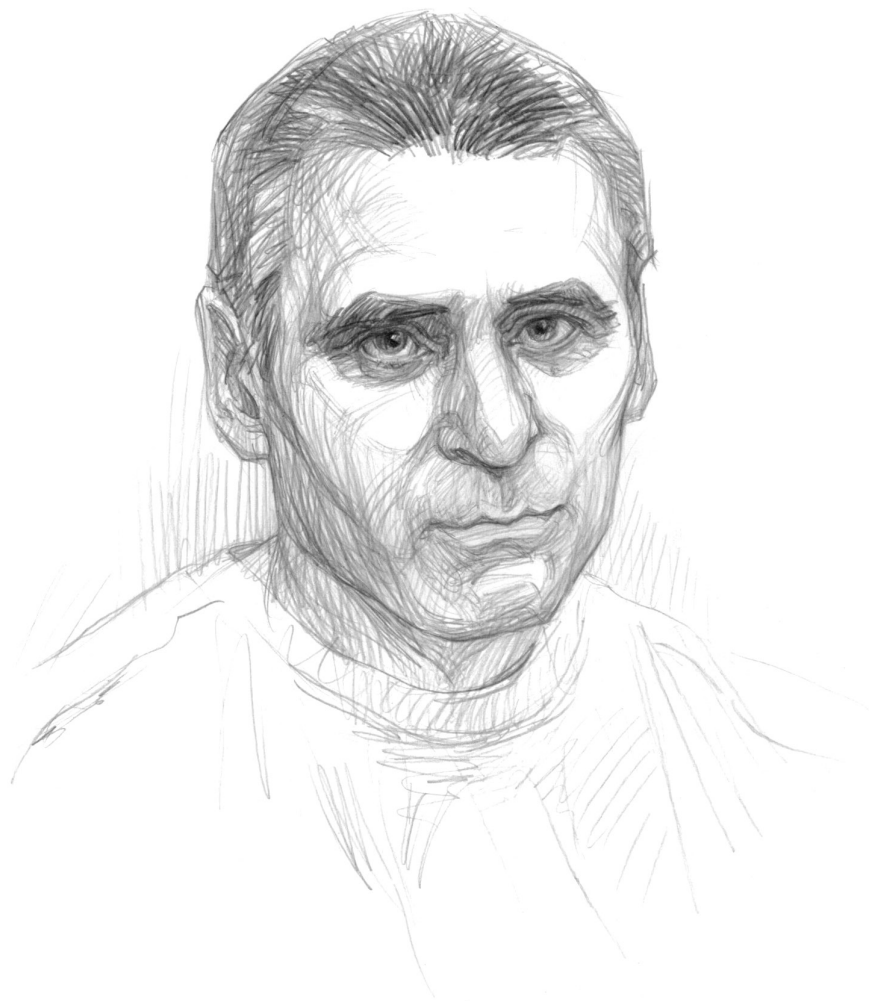
Зачем не позже и не раньше
В атаку двинется буран? –
Одной зиме как атаманше
Известен генеральный план.

И вот, как строй кавалеристов,
С землёй встречаясь прямо в лоб,
Снежинки ринулись на приступ,
По флангам обходя сугроб!

Уже весь мир собой облекши,
В мельканьи снега пряча взор,
Зима парит, подобно векше,
Слетая с ветки на забор.

Жизнь потерялась в беззаконье,
И от неё осталось лишь
Перелетание воронье
Над островами белых крыш.

1 февраля 2000 г.

Геннадий Федорович Шемелин

20 июля 1959 г., с. Михайловка, Калганский район, Читинская область
Поэт. Член Союза писателей России с 2005 года

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Меня зима не устрашает,
И этот первый белый снег,
Летящий с неба, предвещает
Щемящей радости разбег!

Пусть будет вьюга снеговая,
Пусть будет дьявольский мороз,
Пусть бледный месяц, выплывая,
Льёт свет на профили берёз!

Я буду счастлив, и стихия
Не может счастье заглушить.
Я и прекрасная Россия
В снегу искристом будем жить!

ЗА ДОЖДЁМ

Моей судьбой не дорожила
И, беспощадно уходя,
Ты сделалась недостижимой
За звонкой сеткою дождя.

Мир – наше светлое жилище –
Пожаром времени объят.
Но излучает пепелище
Черёмух дымный аромат.

И в этой флоре, где парим мы,
С весенним буйством наравне,

С любовью трепетной сравнимо
Твоё презрение ко мне.

НОВОКУЗНЕЦК

Во мгле ненастной труден путь
Под ветром ранящим.
Новокузнецк, вовеки будь
Моим пристанищем!

Не вопрошая ни о чём
И не ответствуя,
Загороди своим плечом
Меня от бедствия!
И за бетонною стеной,
И за бревенчатой
Твоё общение со мной
Очеловечено!
Меня места повсюду ждут
Обетованные,
К ним до сих пор ещё ведут
Пути трамвайные.

Пусть небеса твои стальные,
А очи угольные,
Ещё скворцы твоей весны
Не все распуганы!
Ещё разбуженная Томь,
Снегами полная,
Шугой играя под мостом,
Бежит в Топольники.
А поезд, завершив маршрут,

В Кузнецк торопится.
Повсюду – дым:
Меня здесь ждут,
И печка топится!

Пусть кто-то с денежной сумой
По свету мечется,
Но возвращаюсь я домой –
В свой «дым Отечества».

2017 год

ОБЪЕДИНЯЕМСЯ...

Объединяемся, рабочие!
На ужасах последних лет
Мы убеждаемся воочию,
Что в этом мире мира нет!
По наущенью стана вражьего,
Фашизм растёт и там, и тут,
И – в двадцать первом веке – заживо
На площадях невинных жгут.

Объединяемся, рабочие!
Чтоб снова ожили для нас
Отобранные полномочия
И звание Рабочий Класс!
Дорогу пролетарской братии!
Пусть помогает нам всегда,
Взамен фальшивой демократии,
Союз Свободы и Труда!

Объединяемся, рабочие!
Чтоб потрясённый мир узнал,
Что мы – грядущей жизни зодчие,
А не какой-то «персонал»!
Утомлены судьбой посменной
У домен и на рудниках,
Но эту Землю драгоценную
Мы держим в собственных руках!

2015 год

Шемелин Геннадий Фёдорович. Поэт. Член Союза писателей России с 2005 года. Родился 20 июля 1959 года в селе Михайловка Калганского района Читинской области.

В 1982 году окончил механический факультет Сибирского металлургического института.

Работал инженером на Новокузнецком алюминиевом заводе, ныне в Новокузнецком филиале ООО «Русинжиниринг». Посещал занятия Новокузнецкого городского литературного объединения «Гренада». Автор поэтических сборников стихотворений «Брод» (1993), «Фанерная дверь» (2003). Живет в г. Новокузнецк Кемеровской области.

Владимир Александрович Шумилов

7 июня 1954 г., с. Фроловка, Партизанский район, Приморский край
Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1998 года

ИЗ КНИГИ «ПОДРАНОК»

Мне не хватало Вашей доброты.
Мне не хватало Вашего участия.
И я ушёл в осеннее ненастье,
Но так и не решился сжечь мосты.

Сейчас озябшим мостиком иду,
Всем встречным я заглядываю в лица.
Ваш голос в сердце продолжает литься
И молча с Вами диалог веду.

– Но неужели можно навсегда
Расстаться, чтоб ни слова – ни полслова.
А в небе месяц ясною подковой
Блестит, и сладко пахнет резеда.

Село уснуло в розовом дыму.
Из Ваших окон свет – через аллею.
Простите, но прощаться я не смею.
Вам лучше всех известно – почему...

ИЗ КНИГИ «СОКРОВЕННЫЙ УГОЛ»

Согнувшись под тяжелой ношей,
И делая короче шаг,
Иду дорогою хорошей
Через лога и буерак.

В груди, как в кузнице, удары,
Уж силушка во мне не та.

Но я лишь подбавляю жару –
Все ближе и родней места.

Последний холм. И вот – родное,
Без сил я падаю в траву.
Успел: родимое, живое –
Все не во сне, все наяву.

ИЗ КНИГИ «БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, СУДЬБА»

Снега по пояс, там, где был покос.
И это все она, родная гавань,
Где мил овраг, река, висячий мост,
И скрип рассветных деревянных ставень.

За белыми увалами зимы
Село сухим морозцем пригнобило.
Здесь вещие являются нам сны,
Здесь все любимо и до боли мило.

Какой бы край тебя не привечал,
Какой бы ты водицы не напился,
Запомни, что на свете есть причал –
Полоскою «Борисовского» пирса.

Шумилов Владимир Александрович. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1998 года. Родился 7 июня 1954 года в селе Фроловка Партизанского района Приморского края. В 1955 году семья переехала в село Борисово Крапивинского района Кемеровской области. В 1976 году окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище (г. Владивосток) по специальности «военный инженер радиосвязи». Служил на Тихоокеанском флоте. Капитан-лейтенант в отставке. Автор поэтических сборников «Паруса моей жизни» (1995), «Подранок» (1997), «Стреколёт» (1997), «Я задолжал за прожитые годы» (2000), «Лебединая стая лет» (2001), «Превыше мелочных забот» (2001), «Сокровенный угол» (2004), «Если спросят меня» (2005), «Благодарю тебя, судьба» (2005), «Листья осени след золотят» (2014), «У штилевых высот» (2017), «Не быть прохожим на земле» (2021) и четырёх книг прозы. Почётный работник культуры Кемеровского района. В 2020 году имя писателя В. А. Шумилова присвоено Борисовской сельской библиотеке Крапивинского муниципального округа. Живет в д. Смолино Кемеровского округа Кузбасса.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Б. Бурмистров)	3
Часть I.	
Борис Васильевич Бурмистров	8
Совесть сибиряка (В. Сорокин)	26
«Но мы любовью жили...» (С. Куняев)	29
Автобиография Бориса Бурмистрова	36
Книги Бориса Бурмистрова	42
Сергей Лаврентьевич Донбай	44
От мира сего (С. Куняев)	69
«Мы спутники из детства, из природы...» (В. Лютый)	74
Слово о поэте Донбае (В. Соколов)	77
Автобиография Сергея Донбая	80
Книги Сергея Донбая	83
Владимир Васильевич Иванов	84
Стихи и проза – два крыла (В. Михеев)	95
Автобиография Владимира Иванова	102
Книги Владимира Иванова	110
Александр Иванович Катков	112
Мой путь на Итаку (И. Ащеулова)	126
Биография Александра Каткова (Д. Каткова)	130
Книги Александра Каткова	133
Виктор Анатольевич Коврижных	134
Слово о поэте Викторе Коврижных (В. Кузнечихин)	150
Автобиография Виктора Коврижных	153

Книги Виктора Коврижных	155
Иосиф Абдурахманович Куралов	156
Ироничный портрет современности в поэзии Куралова (Е. Тюшина)	168
Баловень суровой судьбы, или чем я обязан книжному шкафу (И. Куралов)	181
Книги Иосифа Куралова	189
Павел Николаевич Майский (Мертвецов)	190
Его душа родной земле принадлежит (Е. Тюшина)	199
Творчество как сердечное пламя (В. Галактионов)	205
Книги Павла Майского	208
Олег Ефимович Максимов	210
На зыбких росстынях любви (С. Старовойтова)	223
Автобиография Олега Максимова	228
Книги Олега Максимова	229
Дмитрий Владимирович Мурзин	230
О книге Д. Мурзина «Новое кино» (И. Волгин)	241
О книге Д. Мурзина «Клиническая жизнь» (Н. Ягодинцева)	243
Автобиография Дмитрия Мурзина	248
Книги Дмитрия Мурзина	253
Татьяна Николаевна Николаева (Соколаева)	254
Небесное окно (О. Козлова)	266
Биография Татьяны Соколаевой (Т. Киреева, О. Козлова)	268
Книги Татьяны Николаевой	273
Андрей Владимирович Правда	274
Поэтический мир Андрея Правды (Н. Налегач)	287
Автобиография Андрея Правды	304

Книги Андрея Правды	305
Александр Дмитриевич Раевский.....	306
«Стеклянная лестница в небо» А. Раевского (А. Сазыкин)	326
Автобиография Александра Раевского	340
Книги Александра Раевского	343
Тайана (Татьяна) Васильевна Тудегешева	344
О стихах Т. Тудегешевой (Н. Переяслов)	356
Глоток свежего воздуха (А. Сазыкин)	359
Автобиография Тайаны Тудегешевой	373
Биография Т. В. Тудегешевой-Каныштаровой	384
Книги Тайаны Тудегешевой	385

Часть II.

Любовь Никитовна Арбачакова	388
Виктор Васильевич Бокин	394
Виктор Васильевич Бровиков	400
Марина Валерьевна Брюзгина.....	406
Валерий Иванович Дмитриев	412
Станислав Анисимович Долгов	418
Сергей Юрьевич Дьяков	422
Галина Михайловна Золотайна	426
Анатолий Павлович Иленко.....	432
Виктор Павлович Киселев	438
Дмитрий Петрович Клёстов	446
Валерий Петрович Козлов	452
Татьяна Владимировна Колач.....	458

Ольга Витальевна Комарова	464
Юрий Михайлович Михайлов	470
Наталья Петровна Мурзина	476
Анна Александровна Назаренко.....	482
Семен Аркадьевич Печеник.....	488
Сергей Степанович Побокин	494
Андрей Николаевич Пятак.....	500
Анастасия Евгеньевна Русских (Куприк)	506
Агата Юрьевна Рыжова.....	512
Владимир Боевич Соколов.....	518
Нина Александровна Сурова	526
Юлия Валерьевна Сычева	532
Елена Дмитриевна Трухан	538
Ирина Михайловна Тюнина.....	542
Светлана Владимировна Уланова.....	550
Дмитрий Александрович Филиппенко	556
Ирина Александровна Фролова.....	560
Ольга Сергеевна Хапилова.....	568
Людмила Ивановна Чидиян	572
Геннадий Федорович Шемелин	580
Владимир Александрович Шумилов	586

Литературно-художественное издание

КЛАССИКА ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КУЗБАССА

ТОМ III
Книга первая

Верстка: М. А. Худякова

Корректурa: Е. А. Ясинская

ISBN 978-5-6048105-7-6

Подписано в печать 15.10.2022. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 33. Тираж 500 экз. Заказ № 144363.

Отпечатано в ООО «ИНТ».
650991, г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1/6, 1-й эт.,
тел. 8 (3842) 65-78-89.